НЕВА 9

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Валерий СКОБЛО
Стихи • 3

Алексей КУРИЛКО
Без одной минуты век.
Псевдофилософская оптимистическая поэма • 7

Олег ПАВЛОВ
Стихи • 50

Сергей КОЗЛОВ
Отец Нифонт. Сапоги. Хлеб наш насущный. *Рассказы* • 56

Александр ПЕТРУШКИН
Стихи • 78

Светлана ВОЛКОВА
Джентльмены и снеговики. *Рассказ* • 82

Дмитрий МИЗГУЛИН
Стихи • 96

Михаил СПИВАКОВСКИЙ
И.С.тория одного Улисса. *Рассказ* • 101

Валерий СОСНОВСКИЙ
Стихи • 116

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Поэтический мемориал «Невы»
Вячеслав Кузнецов. Михаил Дудин. Глеб Пагирев. Павел Алдахин • 121

Документ сердца
Татьяна ЭДЕЛ. Победившие смерть. *Рассказ* • 125

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий СТОЛОВ
Гордиться или скорбеть? • 135

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Победа с нами? *Участники*: Александр Мелихов. Вера Зубарева. Сергей Шаргунов. Вячеслав Рыбаков. Калле

12+

Каспер. Роман Сенчин. Алексей Семкин. Наталья Крофтс. Евгений Степанов. Игорь Сухих. Евгений Беркович. Константин Фрумкин. Александр Большев. Елена Крюкова. Владимир Елистратов. Михаил Трофименков. Дмитрий Травин. Всеволод Непогодин. Игорь Шумейко. *Подготовка материалов «круглого стола» — Наталья Гранцева и Александр Мелихов* • 139

АСТАНА–САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Казахстан — Россия: литературные связи. *По материалам Интернета. Публикация подготовлена Ольгой Малышкиной* • 180

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Год литературы. Юлия Щербинина. Похороните автора за плинтусом (*О плагиате и смежных явлениях*). **Прошлое о настоящем.** Юрий Говоруха-Отрок. Конкуренты Никольского рынка. *Публикация Ольги Гончаровой.* **Портрет поэта.** Григорий Беневич. «Мы еще будем молоды, друзья». *О поздней лирике Виктора Ширали* • 205

ПИЛИГРИМ

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

Святой Франциск Ассизский и восточное монашество • 235

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9) Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (*зам. главного редактора*). **Игорь Сухих** (*шеф-редактор гуманитарных проектов*). **Ольга Малышкина** *(шеф-редактор молодежных проектов)*. **Елена Зиновьева** (*редактор-библиограф*). **Наталия Ламонт** (*ответственный секретарь, коммерческий директор*). **Маргарита Райцина** (*контент-редактор*)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

© Журнал «Нева», 2015

Валерий СКОБЛО

* * *

Пейзаж за окном совсем не меняется в целом,
Было кольцо трамвая — теперь автостоянка.
Бомж — не тот, что прежде, но на нем, похоже, та же ушанка.
И на дворе нет детских «классиков», нарисованных мелом.

Ларек с пивом сменило «Бистро-24».
Там можно и выпить, и поговорить бессвязно.
Бездомные собаки в скверике, где, как и раньше, грязно.
Но это гармонирует с обстановкой в нашей квартире.

В общем, жизнь, как и у всех, была в чем-то хорошей.
Не скажу в чем... память переполняют детали.
В отличие от людей, забывших обо всем, что видали.
Совершенно не представляю, как жить мне с такою ношей?

* * *

Мы тогда, помнишь, жили в поселке Вырица:
Снимали дачу, и с дочкой сидела теща.
Кто угадать мог, во что это все выльется?
Будущее — что могло показаться проще?

Неподалеку жили Останин и Колкер,
И в гости к нам приезжал Ханан на субботу.
Я в кармане сосновые трогал иголки,
Когда в понедельник ехали на работу.

Потом мне попалось письмо это пошлое,
Случайно... как и все, что случается в жизни.

Валерий Самуилович Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» и «Записки вашего современника». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Австралия, Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Израиль, Ирландия, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах и еженедельниках: «Арион», «Дальний Восток», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Иные берега», «Крещатик», «LiteraruS», «Литературная газета», «Нева», «Новая юность», «Новое русское слово», «Север», «Северная Аврора», «Семь искусств», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Таллинн», «Урал», «Юность» и многих других. Премия им. Анны Ахматовой за 2012 год. Шорт-лист международного конкурса стихотворного перевода «С севера на восток» — 2013 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Точно, как опухоль, прорастает прошлое,
Но ведет себя, право же, ее капризней.

Тогда и случилась вся эта история,
Жизнь наша начала распадаться на части...
Это письмо заучил наизусть вскоре я.
Перебирал иголки... не знал: это счастье.

* * *

Верховным Главнокомандующим?.. — Да нет... никогда!..
Я бы не согласился стать даже простым генералом.
Это ведь стоит такого мучительного труда:
Себя переламывать медленно в главном и малом.

То есть решиться на смерть посылать своих же солдат?!.
(Каждый третий будет убит, каждый второй — изувечен.)
Чертами всякими отрицательными я богат,
Но в этом, хотелось бы верить, не был еще замечен.

Негативный оттенок, подумав, пожалуй, сниму.
Вдруг существует склонность, увы, и к военному делу.
Это ведь все же не то, чтоб толпами на Колыму
Посылать, не подписывать списки безвинных к расстрелу.

Вот и тревожит меня этот странный простой вопрос:
Стал бы военным — и жизнь бы открылась совсем другая?
Так что если по этой военной бы линии рос
И мне предложили... А мне никто и не предлагает.

СТЕНЫ РУХНУТ...

Стены, конечно же, рухнут... ад отдаст своих мертвецов,
Темницы — узников, и мы воскресим отцов.

Общее дело на дух не переносит всяческих стен —
Крепостных, тюремных... и требует перемен.

Но за сохранность здания: пола, крыши и потолка,
Боюсь, никто не даст ломаного медяка.

А стены ведь дело такое... — черт с ними!.. но с потолком...
Помню, в ничто провалились горсовет, обком,

И ввели талоны на водку, мыло... иной ширпотреб.
Кто поумней, понял, почем он — насущный хлеб.

Потому, будь ты трижды коммунист, монархист, либерал,
Проповедуя ломку стен, укрепляй подвал.

* * *

Пишущий эти строки вышел в люди,
чего желает и вам.
Большие люди!.. При этом
совсем перестал доверять словам,
которые вывели пишущего
на победный... на звездный путь.
Все при помощи слов... Но веру
в них уже нипочем не вернуть.
А он за возвращение
веры в слова много бы что отдал,
чего ведь не конвертируешь
ни в успехи, ни в звонкий металл.
Вот бедолага, стучит он
по клавишам, а перед ним стена:
мера его таланта, которому,
признаемся, грош цена.

* * *

Из знакомых моих двое-четверо были сексоты,
Не работники органов... помимо своей работы.
Кой о чем догадался тогда, что-то узнал попозже...
А на вид нормальные люди, лица — совсем не рожи.
Со временем все простил, претензий к ним нету, пожалуй.
Мои чувства теперь?.. что-то типа — брезгливая жалость.
Ну, стучали по мелочи... Крупного не было, право.
Что с нас взять? Мы по трусости чтили советское право.
Но в друзьях таких не было... Это, — скажу, — слава богу!..
Ведь узнать про друзей... — типа руку отрезать... иль ногу.
И когда их встречаю, спасибо, — шепчу, — за науку:
Я ведь тоже слабак... и не в силах отдернуть я руку.

* * *

Посв. О. С.

Давай попробуем отвести беду...
Знаешь, куда ее отведу?

В те места, где гуляли с тобой вдвоем
Лет так сорок назад... в детстве твоем.

Там был еще типа такой водоем —
Бумажный кораблик пускали в нем,

Да... и оба радовались наравне...
А ты тогда еще верила мне.

Этот чахлый садик был воспет в стишках.
Та страна сгорела, остался прах

От страны, времени и тех самых «нас»...
Уместно сказать, что и Бог не спас.

Там топко сейчас... и в этом есть свой прок:
Может, беда там уходит в песок,

На котором построен и город весь,
Но особо непрочно сейчас и здесь.

...В болото и топи, подземный плывун.
Не будем трогать чувствительных струн.

Беда так любит слезы... рыданья... вой...
Да мы, видать, из породы другой.

...В те места, где не были счастливы мы
Весной, осенью, посреди зимы.

Да... еще приходили туда зимой.
Ты тогда мне верила... Боже мой!

* * *

Говорю Богу: я — атеист, Создатель!
Что ж, порази меня громом... мсти!
А Он мне в ответ: постарайся, приятель,
Хотя бы пристойно себя вести.

Я говорю: мне не нужны Ариадна
Вместе с клубком ее — ни на миг.
А Он отвечает: да ладно уж... ладно...
Не переходи ты только на крик.

Я говорю Ему: вот мои дороги,
А на Твоих — хоть расти трава...
А Он мне: твои представленья убоги...
Я подбираю помягче слова...

Я Ему говорю: запиши в потерю,
Мол, жил, таланты свои губя...
Он мне отвечает: а я в тебя верю,
Ты и жив-то, пока верю в тебя.

Алексей КУРИЛКО

БЕЗ ОДНОЙ МИНУТЫ ВЕК

Псевдофилософская оптимистическая поэма

Часть первая

1

Порой случается, что неординарный человек вынужденно проживает вполне заурядную жизнь, поскольку его, как и великое множество других людей, подхватывает и несет стремительный поток нового времени, из которого человеку невозможно выбраться. Более того, ему с трудом, прилагая массу сверхчеловеческих усилий, удается держаться на плаву, а не идти на дно вместе и вослед миллионам своих соотечественников.

Он был великим человеком. Настоящим, а не деланным героем. Я даже рискнул бы использовать по отношению к нему эпитет «легендарный», но предполагаю, что никто из вас, наверное, никогда ничего о нем не слышал. Это нисколько не удивительно. Историю его жизни основательно заслонили крупные и мелкие исполнители главных и второстепенных ролей в исторической хронике нашей державы.

Тем не менее его неординарная жизнь (короткая или длинная — смотря с какой точки зрения ее рассматривать) бесспорно повлияла на судьбы многих людей и даже, смею думать, на судьбу страны, а значит, и всего мира. А уж если верить в теорию под красивым названием «Эффект бабочки», то одно лишь его рождение имело для всего человечества столь же важное значение, каким, к примеру, являлась коронация Наполеона или убийство Кеннеди. Само только рождение. Представляете?

Ему посчастливилось появиться на свет в ночь с девятнадцатого на двадцатый век, 1 января 1900 (хотя, если верить умным людям, двадцатый век начался в 1901 году, но это уже нюансы). Его отец — врач-гинеколог Борис Александрович Себеев — впоследствии уверял, что пуповину он перерезал в тот самый момент, когда кремлевские куранты ударили в двенадцатый раз. Борис Александрович в шутку настаивал, что его сын — первый мужчина нового столетия.

Первый мужчина нового столетия родился здоровым полноценным ребенком. Во всяком случае, так искренне полагали его родители. Единственным недостатком младенца была гетерохромия. Проще выражаясь, разноглазие: левый глаз был голубым, правый же — темно-карим. Борис Александрович убедил супругу, что со

Алексей Леонидович Курилко родился в 1976 году, живет и работает в Киеве. Автор пяти книг. Рассказы выходили в международной периодике: альманах «Крещатик», журнал «Радуга», «Литературная Россия», газета «Наша Канада» и др. Лауреат Гоголевской и Русской премий.

временем это непременно пройдет, но со временем они — родители — просто привыкли к тому, что у сына глаза разного цвета.

Мальчика назвали Григорием. Он был первенцем. Через пять лет, во время кровавого подавления беспорядков в Москве, родился его младший брат Дмитрий, а спустя еще четыре года семья Себеевых пополнилась очаровательной девочкой, получившей имя Вера. Но к моему повествованию они не имеют никакого отношения, ведь лично меня интересует лишь жизнь Грихория, а не всех детей семейства Себеевых. Дети как дети...

Их родители познакомились в столице, в клинике Санкт-Петербургского университета, куда Борис Александрович явился, дабы навестить своего гимназического товарища, и где будущая супруга Бориса Себеева проходила практику.

Звали ее Натали. Наталья Родионова. Впечатлительная и беззащитно трепетная, она была юна и прекрасна. Все, кто видел ее в ту пору, подтверждали слова Себеева, говорившего, что лицом она была точной копией Сикстинской Мадонны, которую Рафаэль, как известно, писал со своей возлюбленной Форнарины. Правда, в отличие от «небесной мимоидущей девы», Наташенька Родионова была совсем худенькой. А рядом с высоким и широкоплечим Себеевым хрупкотелая Натали становилась вовсе миниатюрной.

Обычно невозмутимый и крайне сдержанный Себеев при первой встрече с ней сконфузился, покраснел, но усилием воли преодолел охватившее его волнение и, презрев робость, подошел к Натали и сказал, а вернее, выпалил:

— Я намерен увезти вас в Москву.

Натали была безмерно удивлена и взволнована, однако виду не показала.

— В каком же качестве, позвольте узнать?

— В качестве жены, разумеется.

— Вы, милостивый государь, умалишенный? — робко предположила Натали, густо покраснев и слегка улыбнувшись.

— Да, мадемуазель. С того мгновения, как увидел вас.

Удивляясь и одновременно пугаясь своей смелости, она спросила:

— И вы предлагаете мне стать женой душевнобольного, сударь?

— Тем самым вы исцелите его, сударыня.

Окончательно осмелев, Наталья Родионова кокетливо, но без жеманства пожала плечиком:

— Таков мой долг как медика.

Ее отец, командир лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка, генерал-майор Родионов Виктор Алексеевич, происходил из дворян области Войска Донского. Он мечтал о куда лучшей партии для своей дочери, но, беспредельно любя ее, не посмел оспаривать Наташин выбор. Он знал, насколько она ранима и впечатлительна, он боялся потерять ее, этот страх начал преследовать генерала после кончины его супруги.

Другое дело ее брат Алексей, молоденький вспыльчивый корнет, только-только окончивший Пажеский корпус. Себеев ему положительно не понравился буквально с первого взгляда или еще раньше. Им овладела идея-фикс во что бы то ни стало предотвратить неминуемый брак, пусть даже ценой жизни. Своей, чужой — значения не имело; он принялся подыскивать любой мало-мальский повод для ссоры, а не найдя оного, начал сам всячески давать повод для дуэли. Вел он себя с Борисом Александровичем довольно вызывающе, почти по-хамски. Генерал-майор мгновенно раскусил, в чем заключается коварный план сына. Он имел с ним конфиденциальный разговор. После этой короткой беседы к корнету с внезапно побагровевшим левым ухом неожиданно вернулись хорошие манеры. Надолго ли? Бог весть. Но до самого венчания тот вел себя прилично и сдержанно.

Венчались в Санкт-Петербурге, в Исаакиевском соборе. Все прошло, как и положено, торжественно, благопристойно и чинно до зевоты.

Правда, Наталья Викторовна очень расстроилась, услышав ненароком, как некто с лицом оперного злодея прошипел костлявой старухе с черепашьей шеей что-то вроде: «Постыдились бы... Говорят, меньше полугода знакомы, и уже — под венец. Ай-яй-яй, вот они, современные нравы. Вот она, эта молодежь». Старуха же в ответ скривилась и презрительно фыркнула: «Видать, нигилисты». И поспешно перекрестилась.

На следующий после венчания день отбыли в Первопрестольную.

Жили в Большом Трехсвятительском переулке. Борис Александрович снял шикарную квартиру в одиннадцать комнат. К ним переехала мать Бориса Александровича Полина Игнатьевна со своей кухаркой Пашей и горничной Аделаидой. Вдова инженера Себеева желала посвятить, как она выразилась, свою оставшуюся жизнь помощи детям и воспитанию будущих внуков.

Невестка Полине Игнатьевне сразу приглянулась и пришлась по душе. По ее словам, она полюбила ее как дочь, хотя свою родную дочь Марию терпеть не могла и слышать о ней не хотела, поскольку та подалась в анархистки и опозорила семью.

Жили в принципе мирно. Глава семейства целыми днями пропадал в клинике, а Наташа никоим образом не оспаривала ни авторитет Полины Игнатьевны, ни ее неофициальный статус безраздельной хозяйки дома. Ее слегка утомляли нравоучения Полины Игнатьевны, но в основном из-за чрезмерной многословности и менторского тона.

Вдова учила невестку:

— Берите пример с меня, милочка. Я никогда не слыла феминисткой, никогда. Jamais! Никогда ни о каком противоестественном равноправии между мужчиной и женщиной я и не помышляла. Мужчина главнее женщины. И это даже не обсуждается. Мужчина должен единолично принимать все решения. А женщина должна помогать ему во всем и следить за тем, чтобы он принимал *правильные* решения. Вот и все, милочка, c'est la fin. Они хотят командовать — пусть командуют. Это их святое право, данное самим Богом. Так было, так есть, и так будет. Они командуют, а мы управляем. Как голове без шеи? Вот, помню, у нас с Александром приключился презабавный спор... C'est quelque chose extraordinaire! (Это невероятно!)

Слушая ее, Наташа, машинально кивая и поддакивая, уносилась мыслями в будущее. Она мечтала о том, как у них с Борей будет огромный загородный дом и много-много детей, которые смогут наслаждаться детством в полной мере. Ей, дочери военного, при всей любви отца в детстве и отрочестве катастрофически не хватало свободы и радости, детство было ограничено строгим воспитанием и бесконечными запретами: «не шуми», «не разговаривай за столом», «не заходи в папин кабинет», «держи спину прямо», «иди в детскую, не мешай взрослым», «не читай в постели» и так далее, и тому подобное.

На даче она видела, как веселилась у озера орава деревенских детей. Они играли в какую-то замысловатую игру, а затем гуртом купались, и им никто не запрещал нырять в воду с головой, они плескались и радостно кричали от переполнявших их эмоций. А ей запрещалось даже глядеть в их сторону, ведь это были крестьянские дети.

Наташенька начала завидовать крестьянским детям, которым можно было озорничать, бегать по траве босиком и гладить бездомных собак. Им разрешалось все что угодно.

Однажды Наташенька по секрету призналась своей няне, что хотела бы быть простой крестьянкой. Няня — не старая еще женщина, лет тридцати — грустно улыбнулась и произнесла загадочную фразу:

— Благодари Господа нашего за милость, проявленную к нам, грешным, ибо Он, к великому счастью, не исполняет всех наших безрассудных желаний и прихотей.

Ее все любили, за ней неустанно следили, ухаживали и угождали, ограждая при этом от нежелательных встреч и контактов с людьми и событиями из внешнего мира, берегли ее буквально от всего на свете — начиная от малейшего намека на сквозняк и заканчивая современными книгами с плохим концом или со сценами насилия. О том, что ее мать умерла от чахотки, а не уехала лечиться в Швейцарию, Наталья узнала только в пятнадцать лет, спустя пять лет после трагедии. Лишившись жены, Наташин отец всю нежность старого вояки обрушил на дочь. Теперь он готов был исполнить любой ее каприз, осуществить все ее желания, но прошедшие годы запретов и ограждений оказали свое негативное воздействие: Наташенька выросла тихой, робкой, неуверенной в себе девушкой. Даже ее желание стать доктором было своеобразным доказательством самой себе: она вполне самостоятельная личность, но истине это ничуть не соответствовало: она не была самостоятельной. В истинном смысле этого слова.

Несколько иное детство было у Бориса Александровича и его сестры, что была младше брата всего на год. Родители ими практически не занимались. *Papa* был полностью погружен в работу по строительству очередного моста, а *maman* организовывала художественные выставки и время от времени увлекалась то каким-нибудь новым, подающим большие надежды художником, то щедрым меценатом, с которыми она ощущала родство душ на фоне любви к искусству.

Забота о детях была возложена на прислугу. Вначале ими занималась бонна, старая обрусевшая француженка, полуглухая и малообразованная. Потом ее заменил гувернер-немец. Гувернер был тихим выпивохой, науками особо не докучал, частенько читал им наизусть гётевского «Фауста» или что-нибудь из Гейне.

Не считая учебы в гимназиях, дети бóльшую часть времени были предоставлены сами себе.

В результате такого тотального невнимания со стороны взрослых Боря рос тихим, замкнутым, отчасти угрюмым ребенком. Играм со сверстниками он предпочитал уединение и чтение книг, причем книги он брал из папиной библиотеки, а в ней не было места для художественной литературы. Книги захватили его внимание полностью. Они пьянили и просветляли его. Читать, читать и читать — вот таким было основное его развлечение. Хотя читать «Трактат о небесной механике» Лапласа или главный труд Чарльза Дарвина о происхождении видов... Многим такое развлечение для двенадцатилетнего подростка могло бы показаться странным. Но ни развлечениями, ни увлечениями мальчика никто в доме особо не интересовался. Воспитан, хорошо учится, здоров, сыт, обут, одет — и слава богу.

В противоположность брату, Мария росла непоседой, сорванцом, истинной чертовкой... Если в доме и вспоминали о наказании, то наказывали исключительно ее — девочку, а не ее брата. Ее поведение всегда оставляло желать лучшего. На улице подраться с мальчиками могла только она, не Боря. Поджечь в столовой зале занавеску могла она, не Боря. И даже когда они вдвоем препарировали в детской мертвую лягушку, то наказали ее, а не Борю: Полина Игнатьевна была уверена и мужа убедила в том, что виновницей и зачинщицей этого возмутительнейшего безобразия являлась именно Маша, а не любимый Борюсенька — чудо-ребенок и умница.

2

С какого возраста помнит себя человек? Общего ответа на этот вопрос нет.

Все индивидуально. Обычно лет с трех. Кто-то раньше, кто-то позже... Некоторые помнят себя двухлетними, некоторые — полуторагодовалыми карапузами. Граф Толстой — Лев Николаевич — помнил себя совсем младенцем. Воспоминания его обрывочны, размыты, основная часть на уровне ощущений. Он, например, помнит неприятное чувство скованности во время пеленания. Графу Толстому хочется верить. Ему хочется верить, несмотря на Зигмунда Фрейда, которому в аккурат за год до рождения моего главного героя Григория Себеева пришла в голову мысль назвать феноменальную способность человеческой психики забывать свои первые годы жизни младенческой амнезией. Доктор Фрейд предполагал, что люди именно забывают свои младенческие годы, потому что в это время часто переживают стресс, а также, по его мнению, испытывают агрессивные и нередко сексуальные побуждения в отношении своих родителей.

Занимательная теория, хотя лично я довольно скептически отношусь к ней. Но кто я, собственно, такой, чтобы оспаривать сомнительную, если не сказать — глупую теорию великого Фрейда? Я всего только скромный рядовой рассказчик. Не стану спорить, не стану. И без того мне пришлось чуточку отвлечься, из-за чего мое повествование слегка отклонилось от намеченного курса.

Хотя против собственной манеры письма не пойдешь. Прав, тысячу раз был прав Жорж Луи Леклерк Бюффон, сказавший: «Стиль — это Человек». А в моей манере нет четкого и продуманного плана. Я повествую свободно, как привык, и могу порой отвлекаться, но уверяю, и эти отвлечения важны, а то и необходимы. Но пора вернуться к моему герою.

Как-то раз Григорий стал уверять отца, что прекрасно помнит день, точнее, ночь своего рождения.

Борис Александрович со свойственным ему рационализмом возражал, доказывал, что этого не может быть, приводил весомые научные доводы и аргументы. Гриша (ему тогда исполнилось уже девять лет) наклонял голову вниз и, глядя на отца исподлобья, упрямо твердил, будто он отчетливо помнит, какой мучительный холод охватил его тело и какой страх сковал его душу. Нет, не страх, а ужас. Ужас был настолько велик, что он даже плакать боялся. Помнилось, что он жмурился и кривился от непривычного яркого света и слышал, как мама с дрожью в голосе спросила:

— Девочка? Скажи, что девочка. Я знаю точно, что девочка.

А папе в ответ пришлось разочаровать ее:

— Богатырь.

— На кого похож? — поинтересовалась мать, с трудом борясь с неожиданно нахлынувшей на нее усталостью и сонливостью.

Отец попытался пошутить:

— На старенького Сократа... Смуглый, лысый, весь в морщинах...

Все это зафиксировалось в памяти Григория, и он поделился с отцом своими воспоминаниями.

Борис Александрович, крайне удивившись, признал, что подобный диалог имел место той ночью. Но ему, доктору и убежденному материалисту, было сложно представить, что его сынок, от силы в минуту от роду, услышал и запомнил тот разговор. Чудно́, ей-богу! Разве такое возможно? Нет, такого быть не может!

Скорее всего, заключил он, Гриша когда-то давно, в трех- или четырехлетнем возрасте, слышал, как об этом кому-то рассказывала Наталья Викторовна, и со временем память сына взяла да и попросту присвоила себе чужие воспоминания.

«Украденные воспоминания» — такие случаи не столь уж редки. Наш мозг — наисложнейший механизм, практически не изученный нами, потому порой наш разум попадает в сети, им же самим и расставленные.

— Одним словом, — подытожил Борис Александрович, — твое сознание, Григорий, сыграло с твоей памятью злую шутку. Не удивляйся, мой мальчик, такое иногда случается. Ничего страшного.

Звучало это вполне убедительно, да и привык Гриша доверять мнению отца, чья мудрость никогда до той поры не подвергалась сомнению со стороны сына. Почти никогда.

Тем не менее сам Гриша знал то, что знал. И продолжал искренне верить в то, что он единственный человек, хорошо помнящий свое рождение. Он нисколько этой своей исключительностью не гордился, тем паче не кичился. Он знал, и только-то.

Он помнил ту ночь не хуже, чем сегодняшнее утро. Именно эта фраза вертелась у него на языке, но он ее так и не произнес. Сверх того, он вновь остро пожалел о своем откровении с близкими людьми, и тут же ему, кстати, припомнилась цитата из Библии, приписываемая хитрым Матфеем Иисусу: «И враги человеку — домашние его». Врагами его родные не были, но и друзьями его они не сумели стать.

Гриша знал то, что знал. Но отстаивать истину в данном вопросе не собирался. Ни в коей мере!

Во-первых, это не имело никакого смысла, оттого что не имело ни малейших шансов на успех. Сплошное неимение, то бишь полное отсутствие смысла и цели. Бесполезно. Ему уже довелось убедиться в том, что ни один здравомыслящий индивид не способен допустить хотя бы вероятность чего-то невероятного без веских доказательств. И это при том, что сами люди — считал он, исходя из личных наблюдений за ними, — сами люди частенько слепо верили в невероятное и в упор не замечали очевидного. Вот в чем самый парадокс!

Во-вторых, даже если бы ему удалось доказать свою правоту, скорее всего, это вызвало бы негативные последствия: отец погрузился бы в глубокие и мрачные раздумья, наверняка заперся бы у себя в кабинете, курил бы одну папиросу за другой и к ужину вряд ли бы вышел; мамочка послала бы Аделаиду за нюхательной солью, волновалась бы, причитала, плакала и, вероятно, вновь подняла бы вопрос о врачебном консилиуме...

И только бабушка Полина Игнатьевна веселилась бы от всей души:

— О! — воскликнула бы она, — наш маленький Калиостро опять что-то вычудил? Je suis entousiastique! (Я в восторге!)

Уникальность старшего сына начала проявляться довольно рано, и всякий раз очередное проявление этой самой уникальности не столько удивляло и радовало, что было бы вполне объяснимо, сколько огорчало и ставило в тупик. Свыкнуться со странностями родимого отпрыска, привыкнуть так же, как они привыкли к его глазам разного цвета, не получалось, потому что эти проявления странностей всегда случались неожиданно и заставали родителей врасплох.

К примеру, его первые в жизни слова. Кому расскажешь — не поверят, поднимут на смех. Но его родным тогда было не до смеха. Особенно сильно испугалась Наталья Викторовна.

Дело было в апреле. Под вечер. Уже смеркалось. На улице витийствовала и правила миром рано пришедшая теплая весна. Слышались песни и смех. Коты имитировали плач младенцев. Легкий ветерок носился по саду и, периодически залетая через открытое окно в детскую, приносил с собой свежие пьянящие запахи ольхи и сирени. Все это — и запахи, и звуки — повышало настроение. Во всяком случае, у Гриши, сидящего на горшке, точнее, гордо восседающего на нем, подобно

законному монарху на престоле, настроение было преотличнейшее. Его переполнял необъяснимый восторг, он был здоров, сыт и счастлив, как могут быть счастливы без особой причины только пьяные, сумасшедшие и дети. В комнату вошла мама, и, увидя ее, Гриша, которому на тот момент был один годик и два месяца, четко так, разборчиво и громко провозгласил:

— Мадонна Викторовна! С добрым утром, голубушка!

Именно эту фразу произносил Борис Александрович всякий раз, выходя к завтраку. Маленькому Себееву, еще вчера лепетавшему нечто бессвязное и невнятное, удалось точно повторить интонацию Себеева-старшего.

Казалось бы, любая мать обрадуется, услышав первые слова своего ребенка. Возможно, Наталья Викторовна тоже обрадовалась бы, если бы тут же не лишилась сознания. Рухнула, как подкошенная...

Словно обезумев, завизжала Аделаида. Карапуз на горшке замолк и глядел недоуменно, с испугом...

Узнав о случившемся, Борис Александрович помрачнел, но попытался успокоить супругу, найдя более-менее рациональное объяснение внезапно и преждевременно обретенному дару речи сына.

— Да, — соглашался он, — обычно дети начинают говорить гораздо позже, тем паче мальчики, но бывают приятные исключения.

— Боренька, — испуганно шептала жена, — это было так неестественно.

— Ты, Наталья Викторовна, излишне драматизируешь. Полагаю, он произнес эту фразу, даже не осознавая ее истинного смысла. Суди сама: вечером — с добрым утром. Как скворец или попугай...

— Он так мал...

— Раннее развитие речи обусловлено...

— Может, показать его доктору?

Но Борис Александрович, к которому уже вернулось самообладание, был категорически против вмешательства посторонних людей.

— Мы сами медики, голубушка. И я...

— Есть специалисты...

— ...И я совсем не вижу причин для беспокойства. Всему виной твоя эмоциональность и чрезмерная впечатлительность. Детям свойственно повторять разные звуки. Они мычат, как коровы, лают, как собаки, гудят, как пароходы, а Гришенька всего лишь повторил за папой. Ничего удивительного и страшного.

Спустя неделю Гришенька уже болтал без умолку. К этому быстро привыкли и не видели в том ничего сверхъестественного.

А через два года Наталья Викторовна слегла с нервным срывом после того, как сын поведал ей, что в будущем всю царскую семью расстреляют в подвале какие-то плохие пьяные дяди.

И от самого предсказания, и от кровавых подробностей, красочно описываемых сыном, бедной матушке сделалось дурно.

Отец сурово отчитал сына за его буйную фантазию, доведшую мать до болезни. Борис Александрович не слушал Гришиных оправданий. Таким злым его никто никогда не видел. Он отчитывал сына четверть часа. Беседа велась на повышенных тонах. Затем «фантазер» был поставлен в угол. До самого ужина. А еще он был на неделю лишен десерта. В довершение ко всем бедам в наказание отменялись воскресные походы в театр. На целый месяц. Это уже был явный перебор. Скоро Себеев пожалел о том, что погорячился, однако наказание из воспитательных соображений отменять не стал.

Гнетущая атмосфера в доме продержалась довольно долго, пока мама не поправилась окончательно.

О произошедшем старались не вспоминать, эта тема негласно вошла в разряд табуированных.

Девятилетний Гриша не желал повторений последствий того инцидента. Потому в беседе с отцом о первых воспоминаниях о собственном рождении он решил оставить свою правоту при себе. Зачем лишний раз нервировать родных ему людей, от которых он постепенно уже отдалялся?

Если папа, думал Григорий, едва ли не в штыки воспринимает его воспоминания о начале этой жизни, то можно себе представить, что случится с ним и с мамой, если он им расскажет **о конце своей предыдущей** жизни.

Нет, о своей гибели он никогда никому не расскажет. Ни-ко-гда. Он вообще отныне покончит со всякой откровенностью. Его откровения и его правда никому не нужны.

Он видит, что причиняет родным неудобства и душевную боль. Его начинает мучить чувство вины. Это неприятно...

Он не жестокий мальчик. Так ему кажется. Вот только знает ли он себя? Или же он, подобно всем остальным людям, только обманывается на свой счет?

3

Погиб он совсем молоденьким юношей. За мгновение до смерти он ощутил острую жгучую боль от мучительнейшего сожаления, полностью затмившего собою боль физическую. Стало ясно — ничего изменить нельзя.

«Как? — промелькнуло в голове. — Как же так? И это все?! Все?! Жизнь? Жизнь! Я убит? Меня нет? И никогда больше?!!»

За какую-то одну сотую долю секунды он успел удивиться и пожалеть. Удивиться тому, что он — он! — такой молодой, красивый, умный, жизнерадостный, ничего, по сути, не видевший, не успевший даже понять, зачем пришел, уже уходит н-а-в-с-е-г-д-а! — и пожалеть о том, что умирает, уходит, исчезает... Погибает по собственной глупости, ибо все, что привело его к гибели, теперь показалось таким мелким, таким пустым, ничегонезначащим, ничегошенькивсебенипосебенесодержащим. Была жалость к себе и жгучая обида. Обида за себя была такой большой, если не сказать огромной, что не могла уместиться в нем и уже готова была вырваться из него отчаянным криком, но силы покинули его моментально, он лишь издал хриплый стон и затих. И кромешная тьма поглотила его сознание целиком и полностью. Он умер. Исчез, оставив после себя лишь мертвое, никому не нужное тело.

Эти год назад всплывшие из ниоткуда воспоминания немного пугали мальчика и порождали уйму неожиданных и сложных вопросов, разрешить которые Гриша без посторонней помощи не мог, а поговорить без обиняков ему было не с кем. Он начал осознавать свое истинное тотальное одиночество. Оно угнетало и порождало мрачные мысли. Он постепенно разучился улыбаться и все чаще мысленно противопоставлял себя этому миру.

Не испытывая в детстве никаких материальных лишений, он претерпевал муки, вызванные духовной недостаточностью. Наверное, Григорий мог бы найти отдушину в религии, но мешал его врожденный скептицизм и аналитический склад ума.

В гимназии по Закону Божьему он всегда получал самый высокий балл, но острый ум и понимание законов физики не позволяли развиться религиозному чувству.

Когда ему исполнилось десять лет, Григорий заявил, что он православный атеист. Это заявление шокировало маму и беспредельно развеселило Полину Игнать-

евну. Шутя, она утверждала, что они растят маленького антихриста. Отец воздержался от комментариев.

Гришино заявление об атеизме было громким, но преувеличенно раздутым, ощущалось явное влияние французских и немецких мыслителей.

Мальчик рос. Учился. Читал. Читал он так же много, как и его отец в детстве, но в отличие от него Гриша читал все подряд, без разбора, был литературно всеяден и не пьянел от книг, оставался холодным и безучастным.

Стивенсон и Свифт вызывали у него точно такой же интерес, как Шопенгауэр и Гегель, но интерес был холодным, ленивым и бесстрастным, он просто впитывал информацию, заключенную в книгах. Примерно так же какой-нибудь праздный мещанин после сытного обеда без особых эмоций читает в газете светские новости.

С одинаковой бесстрастностью он проглатывал «Первобытную культуру» Липперта и жизнеописания римских императоров в изложении Светония. Книги не затрагивали его души.

Гриша любил общество взрослых, но только покуда оставался незамеченным. Едва на него обращали внимание, он спешил ретироваться.

Он не находил общего языка ни со взрослыми, ни с детьми. Это еще сильнее усугубляло его одиночество. Но сам он более не стремился к сближению с кем бы то ни было. В первых классах гимназии он пробовал подружиться с ребятами, ничего из этого не вышло. Одни, вслед за преподавателями, прозвали его «блаженным», другие почему-то «прокаженным». Дважды его избили, второй раз особенно сильно, и оба раза он наотрез отказывался назвать имена тех, кто это совершил. Сверх того, он упрямо настаивал на совершенно утопической версии о неосторожном падении с какого-то холма. После этого некоторые из сверстников зауважали его, но в симпатию уважение не переросло. Он был чужим всем.

Что могло ждать его впереди? Трудно сказать. Кто в юном возрасте был вынужден пребывать в одиночестве и учиться обходиться без людей, тот в зрелом возрасте, скорее всего, будет тяготиться общением с ними. Собственно, к тому все шло. Но случилась встреча, однозначно повлиявшая на его дальнейшую жизнь, встреча с человеком, взбудоражившим его притаившуюся сонную душу. До встречи с ним Григорий не находил, а потом и не искал контактов с другими людьми. Он целиком отгородился от всех, втянулся черепахой внутрь своего панциря. И даже это он сделал не демонстративно, а осторожно, постепенно, незаметно для окружающих, чтобы не вызывать лишних вопросов у близких, чтобы их не волновать. Ведь он по-своему очень любит мать. Или нет? Он не желает им ничего худого. Точно нет. Стало быть, необходимо: либо попробовать стать искусным лжецом, так как всем известно: чтобы всегда говорить правду, надо быть жестоким; либо уйти в тень, освободить от себя, от своей персоны круг их внимания, забот, интересов... Иных вариантов он не рассматривал.

Человек, ставший старшим и, по сути, единственным товарищем Григория в детстве, появился в их доме накануне войны.

Вначале в семье Себеевых случился скандал. В Москву после пятнадцати лет скитаний по тюрьмам, ссылкам и заграницам вернулась Мария Себеева, «позор семьи» и живой кошмар ее матери. Борис Александрович пригласил сестру погостить у них какое-то время. Узнав об этом, Полина Игнатьевна пришла в бешенство: было видно, как задергались желваки на ее косых скулах, что красноречиво сигнализировало о высшей степени негодования. Елейным голосом она произнесла:

— Я сомневаюсь, что она захочет остановиться у нас.

— Она уже приняла приглашение, — возразил матери сын.

— Pardon, mon fils, mais tu fais une faute. (Извини, сынок, но ты совершаешь ошибку.)

— Я так не думаю.

— Пойми, дорогой, на нас начнут косо смотреть в обществе.

— Меня это мало беспокоит.

— И абсолютно напрасно. Кто из приличных людей согласится быть пациентом у доктора, в доме которого скрывается преступница?

— Она не скрывается. Это во-первых. Она не преступница. Это во-вторых.

— Проклятая каторжанка.

— Она моя сестра.

— В первую очередь она моя дочь. Но я не позволяю чувствам взять верх над здравым смыслом.

— С уважением отношусь к вашим чувствам, — иронично заметил Борис Александрович, — но решение принято.

Полина Игнатьевна поджала губы и перешла на французский.

— Уверяю тебя, ей не место в нашем доме, — сказала она.

Борис Александрович выдержал паузу и ответил Полине Игнатьевне так же по-французски:

— Простите, маман, но это мой дом. Вам придется считаться с моим мнением.

Он сдержанно отвесил матери легкий полупоклон и удалился к себе в кабинет.

Впервые в жизни Полина Игнатьевна почувствовала себя бессильной и бесконечно одинокой женщиной. Но отступать было не в ее характере. Она попробовала найти союзницу в лице невестки.

— Вы бы, милочка, побеседовали с Борей. Мария — особа экстравагантная. A propos,entre nous les filles (между нами, девочками), ее влияние на брата может иметь нежелательные последствия.

Наталья Викторовна пообещала переговорить с мужем. Но в результате осмелилась лишь спросить Бориса Александровича:

— Мария — хороший человек?

Тот, выражая явное недовольство (прежде всего, наверное, самой постановкой вопроса), нахмурился, но тем не менее ответил:

— Моя сестра — человек непростой. Я ни в коей мере не разделяю ее политических взглядов, тем паче мне не нравятся методы, с помощью которых обычно подобные взгляды выражаются, но я не вижу никаких причин отказывать ей в элементарном гостеприимстве, а равно не вижу причин отрекаться от нее и порывать с ней всяческие отношения. Каждый человек имеет право на собственную точку зрения. Пора бы уже научиться уважать сие право каждого индивидуума.

— Но анархисты... я не очень хорошо в этом разбираюсь... но анархисты против порядка...

— Ну, они скорее за иной порядок ратуют, скажем так.

На этом разговор был окончен.

Спустя несколько дней в доме Себеевых появилась Мария. Но не одна, а с мужем.

Муж Марии — высокий блондин лет сорока, с нервным тиком век — избегал говорить с обитателями дома, во всяком случае, первым не заговаривал, а на вопросы отвечал коротко и односложно. Никто не знал его имени. При знакомстве он представлялся коротко и четко, почти по-военному: «Потоцкий».

Даже Мария обращалась к нему исключительно по фамилии.

Он вызывал интерес. Ничего для этого не делая, он привлекал внимание, но никто не признавал своего интереса, каждый скрывал свою заинтересованность...

Подобное внимание со стороны людей обыкновенно вызывают хищные звери в зоосаде, но там можно открыто наблюдать за ними, не боясь встретиться с хищником взглядами, а вдоволь насмотревшись, потерять всякий интерес к объекту всеобщего внимания, словно одного только визуального наблюдения вполне достаточно, чтобы составить свое мнение и удовлетворить интерес и любопытство. Потоцкий с виду был человеком совершенно цивилизованным, но чувствовалась в нем некая звериная сила, спрятанная где-то глубоко и дремлющая до поры до времени. Его побаивались и не могли объяснить причину своего страха.

Только Аделаида признавалась вслух:

— Жуткий он, право слово, такому удавить кого-нибудь что попу прокашляться!

Не был исключением и Гриша. Потоцкий притягивал и его пристальное внимание. Сидя на маленьком пуфике у окна гостиной, около кадки с массивным рододендроном, где он обычно устраивался с книгой в руках, мальчик отрывался от чтения только тогда, когда в гостиную входил Потоцкий.

Странное дело. Во внешнем облике Потоцкого не было ничего безобразного или устрашающего, но тем не менее вскорости почти все обитатели дома, включая жильцов соседних квартир, стали за глаза называть его Чудовищем.

Вот с Чудовищем Григорий и сблизился, причем легко и непринужденно. Потоцкий просто однажды вошел в комнату Григория и, усевшись напротив него, спросил:

— А что, парень, нравится тебе жить?

Григорий отложил в сторону книгу и, нисколько не удивившись, после минутного раздумья ответил:

— Не скажу, будто я в восторге, но скорее да, чем нет.

— Помню, в твоем возрасте мне страсть как хотелось жить.

— А сейчас, стало быть, нет?

Потоцкий покрутил правой рукой, изобразив что-то похожее на легкое колебание морской волны.

— Комси-комса... В детстве я принимал жизнь такой, как она есть. Во всем ее великолепии. Меня восхищало абсолютно все. Природа, литература, архитектура, музыка... Меня увлекало общение! Я мечтал о путешествиях по миру. Меня радовало настоящее, а будущее манило и рисовалось в радужных красках... Я видел себя героем, чья жизнь полна всевозможных приключений. — Потоцкий коротко и горько усмехнулся. — К сожалению, с возрастом пришло прозрение. Я стал подмечать неидеальность мира. Кругом было неравенство, а отсутствие справедливости оказалось нормой. Но я был юн и верил в то, что мир при желании можно изменить и сделать лучше.

Он замолчал, задумчиво глядя куда-то поверх головы Григория, словно всматривался во все пережитое им.

— Что же было дальше?

— Много чего, — ответил Потоцкий. — Были и путешествия, и приключения... Детские мечты исполнились и окончательно разочаровали меня, вплоть до отвращения ко всему на свете и в первую очередь к самой жизни. Юношеский идеализм сменился патологическим скептицизмом. Я более не верил в Бога, не доверял людям, сомневался в каких-либо идеалах... К тому же мне трудно дается общение с человеческими особями...

— Но вы же и сам человек...

Почему-то эту фразу Григорий произнес недостаточно уверенно, словно сомневался в том, что так оно и есть.

— Я всего лишь животное, — просто заметил Потоцкий. — Разумное в силу сло-

жившихся обстоятельств, но животное... В отличие от большинства людей, я это честно признаю... Претендовать, а тем паче выдавать себя за нечто большее я не склонен... Не понимаю отчего, но мне вдруг начало казаться, что я встретил родственную душу...

— Вы имеете в виду Марию?

— Я говорил о душе, а не о теле, — вновь горько усмехнулся Потоцкий.

— Стало быть... — медленно проговорил Григорий, но Потоцкий прервал его, закончив фразу вместо него:

— Я говорю о тебе, приятель. Могу, конечно, ошибаться, но после внимательного наблюдения за тобой и прочтения твоего дневника я пришел к выводу, что мы могли бы подружиться. Это вполне осуществимо. Ты не согласен?

Мальчик тем временем уже встал, приблизился к сидящему Потоцкому и, оказавшись вровень с ним, спросил, едва сдерживая гнев от полученного оскорбления:

— Как вам не совестно?

Потоцкий сидел с невозмутимым видом.

— Надеюсь, ты осознаешь, что никакой совести на самом деле не существует?

— Вы прочли мой дневник!

Потоцкий кивнул.

— Да, я так и сказал.

Григорий был растерян.

— Вы так легко признаетесь в совершенной мерзости?

— Позволь узнать, приятель, в чем углядел ты мерзость?

Григорий не мог взять в толк: этот человек издевается над ним или действительно не понимает всей безнравственности своего поступка?

— Читать чужие письма и дневники, как минимум, непорядочно.

— Глупые условности.

— Я вызову вас на дуэль.

— Это будет весьма забавно.

Не зная, что предпринять, Гриша потоптался на месте и, ощущая свое бессилие против явного цинизма этого человека, устало произнес:

— Вы и вправду чудовище.

— Да, Маша сказала, что меня так называют все, кроме тебя.

— Ничего чудовищного я в вас не вижу.

— Что же ты думаешь обо мне? Честно.

Григорий пожал плечами.

— Судя по тому, что вы рассказали о себе, вы скорее мизантроп, чем...

Тут он замялся, не решая продолжить.

— Анархист, — подсказал Потоцкий.

— Абсолютно верно.

— Знаешь, приятель, если вдуматься, одно другому совершенно не противоречит.

Потоцкий поднялся с кресла и направился к выходу. У двери он обернулся и спросил:

— Не желаешь ли послезавтра совершить поездку за город? Постреляем!

— Что?

— Постреляем по бутылочкам. Из револьвера. Ведь чтобы застрелить человека на той же дуэли, необходимо в первую очередь уметь хорошо стрелять. Ты не согласен?

Приглашение Потоцкого Григорий принял.

4

После стрельбы уселись вдвоем на поваленное дерево у реки.

Потоцкий достал из кармана заблестевший на солнце серебряный портсигар. Закурил папиросу. Жадно и глубоко затянулся, выдохнул дым через нос и спросил:

— Азарт почувствовал?

Григорий пожал плечами, кивнул, снова пожал плечами...

— Затрудняюсь ответить точно...

Потоцкий хмыкнул.

— Странно.

— Что же тут странного?

— Видишь ли... Человеческая порода устроена особым образом: мужчины и женщины разительно отличаются друг от друга, словно они представители разных видов. Мужчины, например, жаждут борьбы. Противостояния. А женщины — мира, спокойствия и стабильности... Если в мужчинах заложена тяга к продолжению рода, своеобразный инстинкт, то женщина обеспокоена не только продолжением, но и сохранением рода. Какие слабости у женщин есть, были и будут? Мужчины, дети и наряды с украшениями. А вот мужчину не способны оставить равнодушным две вещи — риск и оружие.

— А женщины?

— Верно, и женщины. Впрочем, как заметил один немецкий мыслитель, если мужчину всегда привлекали к себе опасность и оружие, то по той же причине его влечет и к женщине — как к одной из самых опасных игрушек в мире.

Утро было солнечным и почти безветренным. Вдали, над зыбкой линией горизонта, белел снежный каракуль облаков. А прямо над головой щедро раскинулось светло-голубое небо. В затылок вовсю жарило восходящее солнце. День обещал быть чрезвычайно жарким. Хилый утренний ветерок был не в силах пригнать сюда пышные облака и оставить здесь, над ними, между землей и солнцем.

Впервые в жизни Григорий в присутствии другого человека, да к тому же малознакомого, чувствовал себя абсолютно комфортно, не задумываясь над тем, как себя вести, что говорить, а главное, чего не говорить. И обоюдное молчание, когда оно возникало, тоже ничуть его не тяготило, более того, хотелось это молчание нарушить, но не от того, что оно было неловким, гнетущим, напряженным, а лишь потому исключительно, что с Потоцким хотелось поговорить. Григорию было интересно беседовать ним.

— А как вас зовут? — спросил он Потоцкого.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — радостно удивился тот. — Потоцкий!

— А по имени-отчеству, позвольте узнать?!

— На что тебе мое имя с отчеством? А впрочем, пусть, не жалко. Николай Валентинович я по документам. Будем знакомы, как говорится.

Он протянул Григорию руку, тот пожал ее. Рука у Потоцкого была твердой. Рукопожатие получилось крепким, для Григория даже слегка болезненным.

Заметив на его лице промелькнувшую на мгновение гримасу боли, Потоцкий сказал:

— Тебе, приятель, надо бы спортом заняться. Мужчина должен быть сильным и выносливым, какое бы место в обществе он ни занимал. Потому как неизвестно, куда может забросить его судьба и когда и где ему может понадобиться его сила и выносливость. В жизни всякое бывает, даже то, чего и быть никогда не могло. Умственные занятия — это, безусловно, хорошо, но и о физических упражнениях забывать не стоит. Драться умеешь?

— В общем-то, нет... И не люблю я...

— Любить драться тебя никто не заставляет, но уметь за себя постоять необходимо. Предлагаю каждое утро, пока в доме все спят, заниматься гимнастическими упражнениями и боксом. Лады?

Кивнув, Григорий повторил вслед за Потоцким незнакомое ему слово «лады».

— Вот и славно, — одобрил Потоцкий. — А то на тебя — не обижайся — глядеть больно. Такого, как ты, не то что кулаком, воробьиным пометом прибить можно. А это, брат, никуда не годится.

— А скажите, Николай Валентинович, вы в человека стреляли?

— Приходилось.

— В бою или...

— В том-то все и дело, что «или». Хотя вся наша жизнь — это сплошные бои, когда или ты, или тебя...

— А разве нельзя устроить жизнь таким образом, чтобы люди могли обходиться без насилия?

— Чтобы устроить такую жизнь, должно пролиться очень много человеческой крови... Пойдем-ка, пора. А то тебя, чего доброго, домашние хватятся... Как-нибудь на днях выберемся еще пострелять. Тут, кстати, заодно и рыбу поудить можно. Ты как на это смотришь?

5

Их дружба, так неожиданно и просто зародившаяся, длилась около года. До самого ареста Потоцкого.

Потоцкий, словно найдя в Григории сына, которого уже не чаял обрести, поскольку Мария иметь детей не могла (она перенесла в ссылке неудачную операцию по прерыванию нежелательной беременности), обучал его всему, что знал и умел сам. Профессиональный подпольщик и революционер, он научил мальчишку драться, стрелять, скакать на лошадях без седла, обнаруживать слежку и уходить от нее, менять внешность, подделывать документы, метать ножи и топор, симулировать туберкулез, играть, а главное — выигрывать в «сто», «покер» и «девятку», шифровать и расшифровывать тексты, подавать и распознавать условные знаки, плавать, ходить на руках; обучил его азбуке Морзе, воровскому сленгу и многому другому, вплоть до производства метательных бомб и ведения допросов с пристрастием. Именно от него Грише стало известно, что такой, казалось бы, безобидный фразеологизм «узнать всю подноготную» произошел от мучительной и ужасной пытки — когда преступнику загоняли под ногти пальцев рук и ног иголки.

О дружбе Потоцкого и Гриши, которую друзья тщательно и вполне умело скрывали, все-таки постепенно узнали все обитатели дома. Родители вначале не одобрили сего странного необъяснимого товарищества, хотя вслух своего обоюдного недовольства не озвучили, но затем, после откровенного разговора с Потоцким, Себеев изменил мнение и вроде как дал согласие на утренние занятия по физическому воспитанию сына. Более того! Он предложил Николаю Валентиновичу скромную плату за предоставленные услуги. Потоцкий от денег не отказался.

Григорию он потом свой поступок объяснил ироничным тоном:

— Это ли не счастье, парень, когда тебе платят за то, что ты и так делал бы с удовольствием.

Единственным человеком, который выступал категорически против этой дружбы, была Полина Игнатьевна. Однако же своих претензий она в последнее время сыну не высказывала просто потому, что с некоторых пор — со дня приезда Марии с мужем — прекратила с сыном разговаривать вовсе.

Свое недовольство ей теперь приходилось выплескивать на терпеливо слушающую ее кроткую невестку.

— Oh mon Dieu, ma fille. (О Боже, дочь моя.) Куда смотрит ваш муж? Юноша проводит с этим чудовищем больше времени, чем с родным отцом! Гришенька — совсем еще дитя неразумное. В таком юном возрасте любой отрок впитывает без разбору и хорошее, и дурное. А чего хорошего можно ждать от бунтовщика? Одумайтесь, ради Христа! Придет время, вспомните мои слова, да поздно будет, когда его пагубное влияние принесет свои страшные плоды.

— Боря говорит, — оправдывалась невестка, — что нельзя судить человека за его политические взгляды.

— Вы с Борей наивные люди. Его не то что судить, его повесить мало. Вы ему в глаза посмотрите — это глаза безжалостного убийцы.

— Ведет он себя достойно и прилично...

— А чего бы вы хотели, милочка? Чтобы он каждый вечер приносил в дом по паре отрезанных голов? Только тогда вы прислушаетесь к голосу разума?

— Не мучьте меня, Полина Игнатьевна! Я-то что могу предпринять? Поговорите с Борей.

— Напрасный труд, — отмахивалась Полина Игнатьевна. — Из его упрямства можно было бы выстроить вторую китайскую стену!

— Я все же полагаю, вы напрасно волнуетесь.

— Похоже, в этой семье меня одну беспокоит будущее вашего сына.

Она бы начала беспокоиться еще сильнее, если бы знала, что за неделю до этого разговора Потоцкий отвел Григория в дом терпимости, где самая дорогая пятирублевая проститутка по имени Надежда — всего четырнадцати лет от роду — лишила его невинности, показав ему основные нехитрые премудрости плотской любви.

У мальчика случился шок. Когда они с Потоцким покидали публичный дом, Григорий был мрачен и молчалив. Он уходил, потупив взор, боясь встретиться с кем-нибудь взглядом. Получив там, в полутемной комнатушке, физическое наслаждение, он теперь стыдился самих воспоминаний о тех минутах. Ему было противно до тошноты.

Одно слово пульсировало в его воспаленном мозгу: «Мерзость! Мерзость... какая мерзость...»

Ему было неприятно и то, что он стыдился. Было стыдно за сам процесс и за то, что после процесса ощутил брезгливость по отношению к той, которую несколько минут назад жадно и неловко обцеловывал в разные места. Когда она перед его уходом потянулась к нему, чтобы чмокнуть его на прощание, он, не сумев скрыть брезгливости, отстранился. Это было гадко с его стороны. Гадко и непорядочно. За это тоже было стыдно. Ведь она ни в чем не виновата. Она была с ним ласкова, нежна и предупредительна. И не смеялась над его неопытностью, а, наоборот, успокаивала и подбадривала.

Оставшись с ней наедине, он попросил:

— Давайте просто посидим, побеседуем, а потом скажем моему другу, что у нас все было.

— Ты боишься, что сделаешь что-то не так? — участливо спросила шепотом Надежда. — Я в первый раз тоже этого боялась. А еще боялась боли. Но тебе больно не будет.

— Я не боюсь, — солгал Гриша. — Не хочу просто.

Надя понимающе улыбнулась и принялась медленно раздеваться.

— Тогда можешь ничего не делать, а только смотреть.

Она раздевалась неторопливо и не глядя на него, так, словно находилась в ком-

нате одна и готовилась лечь спать. Это успокоило его трепыхавшее раненой птицей сердце.

— Говорить, что все было, рискованно, — продолжала она, — ведь он может поинтересоваться подробностями, а у тебя нет никакого опыта, чтобы убедительно солгать. Ты гимназист? — Он молча кивнул, но она все равно на него не смотрела. — А я доучиться не смогла, нам пришлось переехать в Москву, а тут отца арестовали, а мать умерла от «испанки».

Она продолжала говорить, но ее слова становились все глуше, словно его голову постепенно обкладывали медицинской ватой. Он перестал воспринимать информацию, когда его взору открылась красота ее щедрого юного тела.

— Все еще не хочешь? — еле слышно донеслось откуда-то издалека, хотя она стояла перед ним, обнаженная, в каких-то двух шагах.

— Не хочу... — пробормотал он пересохшими губами.

— А мне и отсюда видно, что хочешь.

И она указала рукой на то место, откуда теперь шла пульсация по всему телу.

Он почувствовал, как от стыда вспыхнуло жаром лицо. Стало так душно, что он испугался, что сейчас прямо здесь лишится чувств.

Она сделала шаг к нему навстречу, а он опустился на колени и уткнулся головой в ее мягкий живот. От нее приятно пахло малиновым вареньем. Может быть, поэтому он, обняв Надю за бедра, не поцеловал ее, а лизнул. Она, откинув голову назад, звонко засмеялась, и его этот девичий смех не оскорбил и не унизил, а подбодрил, и он, стоя на коленях, принялся ловить жадным ртом острые соски ее дрожащих от смеха грудей. Он страстно ее целовал, не в силах оторваться от ее тела, а она помогала ему избавляться от неожиданно ставшей тесной одежды.

Райское блаженство на какое-то время вытеснило собой все: тревогу, беспокойство, смущение, стыд, одиночество... Эти чувства вернулись через несколько минут все вместе, ведя за собой еще и другие чувства: растерянность, смятение, брезгливость, отвращение, печаль, обиду, разочарование, презрение и жалость к себе...

6

Несколько месяцев спустя, в очередной раз придя в публичный дом с Потоцким, Гриша увидел, как от Наденьки выходит неопрятного вида толстый коротышка с некрасивым и добродушным лицом палача и садиста.

— Кто этот отвратительный боров? — спросил у Потоцкого Григорий, ничуть не скрывая своего неприязненного отношения к незнакомцу.

— С чего ты взял, что я могу знать его? — удивился Потоцкий.

— Он вам кивнул.

— Ты уверен?

— Едва заметно, но кивнул, — стоял на своем Григорий.

— Если и так, то сие говорит лишь о том, что это он знает меня.

— Не хотите, — обиделся Гриша, — не говорите.

— Да ты, братец, как я погляжу, ревнуешь. Я надеюсь, ты не допустишь такой глупости, как влюбиться в Надежду Петровну?

Григорий изобразил на лице возмущение по поводу подобного предположения. И, подкрепляя мимику устно, добавил:

— Смешно, ей-богу. Просто хотел узнать, что за боров.

— Какое неуважение к благородному гражданину, — рассмеялся Потоцкий. — Отчего же сразу «боров»? И столько враждебности и презрения в самом тоне...

— Сомневаюсь я в его благородстве...

— Напрасно, мой юный друг. Внешность у него, бесспорно, отталкивающая, но никто из умных людей никогда не станет судить о книге по одной лишь обложке. Этот человек — личность неординарная. Фигура весьма выдающаяся и в определенных кругах пользующаяся совершенным уважением и доверием. Ты не поверишь, но этим человеком восхищается пол-Европы, а его соратники прямо-таки молятся на него.

— И кто же он, интересно?

— А ты что же, сам не можешь узнать?

— Каким образом?

— Ты же рассказывал мне о своих уникальных способностях... Что тебе порой открывается то, чего другие люди не ведают...

— В том-то все и дело, что порой. Я пока не научился сие контролировать. И управлять этим не в моих силах.

— Жаль, жаль, жаль... Могло бы пригодиться...

Они помолчали, и Григорию пришлось вновь задать интересующий его вопрос.

— Так кто же этот господин?

Потоцкий помешкал, раздумывая, быстро поглядел по сторонам и, перейдя на шепот, коротко сообщил:

— Глава террористической группы эсеров.

Григорий недоверчиво усмехнулся:

— Шутить изволите? По-вашему, я настолько наивен, что поверю в это?

Потоцкий явно растерялся и как-то даже обиделся, во всяком случае, весь вид его говорил об этом.

— Ну, братец, это уже слишком. Я доверяю тебе огромную тайну, тем самым демонстрируя тебе мое полнейшее расположение, а ты поднимаешь меня на смех. Это, знаешь ли, довольно... не то чтобы оскорбительно... но неприятно, одним словом.

— Простите меня, господин Потоцкий. Я ни в коем разе не имел желания вас обидеть. Но судите сами, разве возможно поверить в то, будто этот желейный увалень — террорист?

— Он глава боевой организации, даю слово! Боевики не все Ильи Муромцы или Добрыни Никитичи. Среди них есть и тщедушные Алеши Поповичи, и даже чахлые Кощеи Бессмертные.

— Ну, наш-то скорее — разжиревший Конек-горбунок.

— Повторяю, он не исполнитель, он — организатор! Мозг, а не мышцы.

— Он не производит впечатления умного человека.

— Внешность обманчива, — пожал плечами Потоцкий. — При нем боевая организация эсеров развила бурную деятельность и достигла небывалых успехов. Убийство великого князя Сергея Александровича, убийство премьер-министра Плеве ... Все это его рук дело. Не буквально его, а... ты понимаешь меня.

Гриша кивнул: понимаю, мол.

— Ладно, иди уже к своей пассии. Небось уж извелась, ждет-с Гришеньку своего ненаглядного.

Тот послушно направился к Наде в комнату.

Там он неожиданно осознал, что сегодня не имеет никакого желания развлекаться с Наденькой, хотя все утро предвкушал встречу с ней. Он только теперь окончательно понял, что она проститутка. Глядя на нее, он с брезгливостью представлял себе, как несколько минут назад она была в объятиях того мерзкого чудовища. Она давала себя целовать, сама его целовала... Бр-р-р... А до него сегодня, по всей видимости, были еще мужчины... Его мутило от таких мыслей, словно он

раньше не догадывался о том, что она продает свое тело не только ему одному... Он почувствовал ненависть к ней. И презрение к самому себе.

Он увернулся от ее поцелуя и почти отпихнул ее от себя.

Она опешила:

— Что с тобой, ястребок мой?

Он скривился:

— Не называй меня так!

Она удивленно, слегка наигранно, похлопала глазками:

— Как же тебя называть?

— У меня есть имя, — буркнул он.

— Хорошо, — улыбнулась она, — Григорий Борисович! Как прикажете! Я ваша покорная раба.

— Прекрати говорить пошлости! — прикрикнул он и по-мальчишески топнул ногой. И тут же устыдился этого поступка. Покраснел. Почувствовал, что краснеет, и еще более разозлился. — Кто этот господин, что вышел только что от тебя?

Надежда сразу успокоилась, решив, что поняла наконец истинную причину такой перемены в поведении своего самого молодого клиента.

— Мамочки! — рассмеялась она. — Да вы, как я погляжу, страшный ревнивец!

— Отвечай! Не то...

— Не то что? — пуще прежнего развеселилась она.

Он успокоился так же внезапно, как и разозлился.

— Не то я уйду.

Она хотела было выкрикнуть ему в лицо: «Ну и уходи, никто не держит», но знала, что мадам Альмира будет весьма этим недовольна. Она взяла себя в руки и столь же спокойно сказала:

— Такой же клиент, как и ты.

— Как его зовут?

— Тебе на что, Григорий Борисович?

— Как его имя? Фамилия? Чем он занимается? Я желаю знать!

— Я их документов не проверяю! И чем они занимаются, не интересуюсь!

— Как же ты к нему обращаешься? Ведь он не мог не представиться.

— Да не помню я, — честно призналась она. — Я его называю папочкой. Ему так нравится.

— Извращенец!

— Как и все мужчины, — парировала она.

— Я не такой...

— Ну, ты еще и не совсем мужчина.

Он ударил ее. Пощечина обожгла ее щеку и его душу... Он едва сдержался, чтобы тут же не броситься к ней с извинениями. Она же не от боли, а от обиды упала на колени и разрыдалась. Ей было так больно... Нет, не физически. Подумаешь, пощечина!.. Он — тот, кто по-настоящему нравился ей, с кем она занималась этим с удовольствием, тот, кто, как ей казалось, искренне любит... Он ударил ее!..

Григорий подошел к столику, на котором в пепельнице продолжал дымиться не до конца потушенный окурок толстой сигары...

— Это его сигара?

Она продолжала плакать, закрыв лицо ладошками...

Да, это он тут курил, после того как получил свою порцию удовольствия от этого почти ребенка... Он!

Григорий взял окурок в руку, сжал его в ладони, не чувствуя боли... Он лишь прикрыл глаза, так как испытал прилив мощной волны откровения, неведомого

знания о человеке, курившем эту сигару! Теперь он узнал о том господине столько всего, что мозг не справлялся с таким обилием вдруг предоставленной информации. Закружилась голова. Он открыл глаза и увидел, что стена поплыла вниз, а потолок спешит на место стены... Он упал и, больно ударившись головой, потерял сознание.

Тьма тишайшая!

После того как мальчика привели в себя, Потоцкий поспешил увести его поскорее на воздух, прочь из этого дома. Кто-то из обитателей борделя мог сообщить полиции об этом инциденте. Все слишком переполошились и страшно заинтересовались тем, кто он такой и что случилось.

Потоцкому и самому было интересно, что это произошло с его юным другом там, в комнате Надежды.

— Что это ты, братец, устроил за представление?

— Того толстого мерзавца, — сипловатым голосом сказал Григорий, — зовут Ефно Азеф. И к вашему сведению, он вовсе не герой, как многие считают. Он провокатор!

— Вот те раз! — удивился Потоцкий. — Это тебе Наденька такую чепуху наплела?

— Уверяю вас! Этот мерзавец ведет двойную игру. Весьма сложную, запутанную, сводящую его с ума, но будоражащую его черную душу двойную игру!

Потоцкий продолжал скептически улыбаться.

— Так-таки двойную?

— Вы напрасно иронизируете! Азеф — страшный человек. По его вине погиб не один десяток людей. Как давно вы его знаете? Лет семь? Так знайте же, он уже более пятнадцати лет водит за нос и революционеров, и полицию. Однажды, еще совсем молодым человеком, испытывая финансовые затруднения, Азеф, тогда уже революционер, написал письмо в Департамент полиции и предложил свои услуги в качестве осведомителя. От его услуг не отказались, хотя и были удивлены его добровольным желанием стать секретным агентом. Ему было положено жалованье — пятьдесят рублей в месяц. Именно столько запросил он сам. А теперь ему платят семьсот рублей в месяц, не считая расходов. Он получает в три раза больше, чем начальник Главного департамента полиции, настолько высоко ценят его. Но ведь в начале своей карьеры Азеф был всего лишь осведомителем, а не провокатором. Разница существенная. Он тогда лишь поставлял информацию, он тогда еще не подбивал своих товарищей на противозаконные действия и уж тем паче не организовывал их лично, дабы затем сдавать всех участников! Карьера Азефа очень быстро шла вверх. Вернее, карьеры. Ибо он параллельно рос и как революционер, и как сексот! В 1903 году по его наводке арестовали некоего Гершуни, Азеф занял его место и стал единоличным главой боевой организации. Кстати, департаменту он сообщить об этом не соизволил. Он начал опасную игру. Его послужной список как главы боевиков растет с каждым годом: двадцать пять убийств и покушений, включая убийство Плеве, убийство генерала Богдановича, убийство великого князя, а также убийство провокаторов Татаровича и Гапона... С другой стороны, тот же Азеф способствовал предотвращению покушений на графа Куйтасова, бакинского губернатора Накашидзе, барона Утенберга, предотвратил покушение на великого князя Николая Николаевича, предупредил о готовящемся покушении на Столыпина.... Он помог ликвидировать боевой отряд Трауберга, выдал группу Зильберберга... Кто же он? Революционер, сдающий время от времени своих товарищей, или же преданный агент полиции, который ради своей безопасности вынужден изредка допускать удачные террористические акты? Кто? — Потоцкий, будучи совершенно ошеломленным, молчал. — Ни то, ни другое! Он беспринципный провокатор, имеющий благодаря своей грязной деятельности деньги и безграничную власть над людьми!

— Откуда ты узнал обо всем этом? А эти люди... чьи имена ты называл...

— Я никого из них не знаю. И самого Азефа я видел сегодня впервые.

Потоцкий был ошарашен. Он не знал, что сказать. Да что там сказать. Он не знал, что и подумать.

— Я... Я, признаться, в полнейшем замешательстве... Этот твой дар... Это он тебя... э... просветил?..

Григорий утвердительно кивнул.

— Но... Азеф не может быть предателем... Это уму непостижимо...

— И тем не менее это так.

— Мои товарищи потребуют доказательств... А что я им скажу? Что тринадцатилетний мальчишка имеет дар?..

— Доказательств у меня, естественно, нет, — печально констатировал Гриша.

— На Азефа молятся все революционеры, независимо от принадлежности к партиям... Он почти что Господь Бог, живущий на земле...

— Кому-то придется стать Понтием Пилатом...

— Мне не поверят, — медленно проговорил Потоцкий. — Более того!.. Я и сам не верю в то, что услышал...

— Это ваше право, — по-мальчишески обиделся Гриша.

Впрочем, он, собственно, и был всего лишь мальчишкой тринадцати лет...

7

В тот же вечер Потоцкий ушел из дома и пропал. Проходили дни, недели, а его не было. Исчез. Все недоумевали: куда это он пропал, надолго ли исчез, а может, навсегда? Приставали с расспросами к Марии. Та отшучивалась. Мол, она вообще не уверена, что такой человек был в ее жизни на самом деле, вполне возможно, что он им всем привиделся, всем сразу, мол, это такой уникальный случай массового психоза.

Откровенно говоря, она и сама не понимала, что произошло и куда и почему уехал ее любимый.

Она никому этого не рассказывала, но прежде чем уйти, Потоцкий оставил ей короткую записку: «Мария! Неотложное дело! Не волнуйся! Скоро вернусь. Потоцкий».

Скоро вернусь, — написал он. Однако прошла неделя, другая, третья... Потоцкий не появлялся и не подавал о себе никаких весточек.

Мария, ненавидевшая жандармов, все же начала задумываться: а не подать ли ей заявление в полицию о пропаже человека? Но не решалась. Это могло навредить и ей самой, и Потоцкому. Ведь неизвестно, отчего он так резко исчез, не попрощавшись... На то, конечно же, были свои причины, раз именно так он и поступил. Нет, с полицией она связываться не собирается. Может, он по каким-то причинам был вынужден уйти в подполье, перейти на нелегальное положение...

Не задавая лишних вопросов, никак не высказывая своего интереса, Григорий тем не менее был обеспокоен неожиданным исчезновением Потоцкого не меньше, а то и больше всех остальных, включая Марию. Ему Потоцкий тоже оставил записочку. «Надеюсь, твоя информация — не плод твоей фантазии. На карту поставлена моя репутация и жизни многих хороших людей. Что бы ни случилось — о наших разговорах никому не говори! Потоцкий». Это, собственно, были те же слова, которые он сказал Григорию накануне своего исчезновения.

Прошло полтора месяца. Потоцкий объявился так же неожиданно, как и про-

пал. На семейном ужине, прямо за столом, он публично принес Марии извинения за свой внезапный отъезд, мол, он не мог поступить иначе. Оказывается, он получил известие о смертельной болезни своего родного брата, единственного оставшегося в живых родственника. Пришлось ему срочно отправиться в Швейцарию, где находится клиника, в которой бедный брат проходил лечение, из последних сил цепляясь за жизнь.

— И как он? — спросила Наталья.

Потоцкий с беспристрастным видом ответил холодно и кратко:

— Он умер. Спустя три недели после моего приезда.

— От чего он умер? — проявил чисто профессиональный интерес Себеев-старший.

— От жизни такой, — ответил Потоцкий.

Борис Себеев поиграл желваками.

— А в результате какого недуга он ушел из жизни, если не секрет?

— Чахотка-с.

Все замолчали, изображая соболезнование по поводу рано ушедшего из жизни брата Потоцкого.

Впрочем, большая часть сидящих за столом не поверила в историю Потоцкого о смерти брата.

Полина Игнатьевна, например, была убеждена, что Потоцкий увлекся какой-нибудь девицей и ездил с ней отдыхать на какой-то курорт. Не исключено, что и в Швейцарию.

Под утро Потоцкий пробрался в комнату Григория.

— Ну, братец, и кашу ты заварил, доложу я тебе!

— Я? — сон Григория как рукой сняло.

— А то кто же?! — восхищенно прошептал Потоцкий. — Если бы не ты, Азеф еще долго бы водил за нос весь мир. Хотя, надо отметить, в последнее время он ходил по лезвию бритвы, умело балансируя на грани провала. Оказывается, уже находились люди, высказывающие подозрения по отношению к Азефу. К примеру, Владимир Бурцев. Его называют Холмсом революционеров, он вывел на чистую воду не одного секретного сотрудника полиции. Но против Азефа у него не было ни одной улики, как и у меня. У него очень сильная интуиция. Он мне рассказывал, как однажды в Петербурге он, чувствуя за собой слежку, увидел, как Азеф в разгар полицейской активности, после очередного теракта преспокойно при свете дня, никак не изменяя своей внешности, без конспирации разъезжает по городу на извозчике! Представляешь? Глава боевой организации, террорист номер один, не скрываясь, ездит днем на извозчике! Тогда Бурцев только восхитился наглостью и выдержкой Азефа, но затем подумал: «А что, если...» Это было дикое, немыслимое предположение!.. Он тут же отогнал эту мысль... Но однажды мелькнув, эта мысль уже не давала покоя... и точила его, точила изнутри, как прожорливый яблочный червь!

Потоцкий замолчал, Григорий не выдержал испытание паузой:

— И что же?

— А ничего! Чутье Бурцева — всего лишь чутье! Изредка встречаясь с Азефом, он стал приглядываться к нему, вслушиваться в каждое его слово, всматриваться в каждый жест, следить за малейшими оттенками мимики...

— И что?

— Иногда ему казалось, что перед ним истинный и пламенный, хоть и скромный революционер, а иногда — что абсолютно лживый и хитрый провокатор... Затем ему в руки попало анонимное письмо, в котором один человек, уверяющий, что он служит в департаменте полиции, доводил до сведения революционеров, что

в их стане действуют два секретных агента. Испытывая симпатию к нашему движению, он безвозмездно сообщал, что двое предателей — это некий хромой коммерсант Т. и какой-то инженер Азиев. К сожалению, с ними работает лично начальник департамента, сообщить что-то большее об этих людях корреспондент, написавший письмо, не имеет возможности. Это письмо Бурцев, якобы чтобы посоветоваться, показал Азефу. Тот, не моргнув глазом, совершенно спокойно сказал: «Я знаю, о ком идет речь. Коммерсант Т. — это наверняка Татарович, а инженер Азиев — это я, Азеф. Я ведь учился в Политехническом, по образованию инженер». Каково?! Предательство Татаровича очень скоро подтвердилось. Ликвидировать Татаровича поручили Азефу и его группе! И он его казнил, чем, кстати, косвенно подтвердил свою полную невиновность. Ведь ни один сексот никогда бы не позволил свершиться казни над другим секретным агентом! Все решили, что полиция провела провокацию — сдала имя истинного, уже малоинтересного сотрудника, чтобы войти в доверие и руками самих же революционеров уничтожить одного из самых ценных кадров партии. Такие случаи бывали в практике Третьего отделения. А после того как он организовал и с успехом осуществил покушение на всесильного министра Плеве, второго после царя человека в государстве, у соратников Азефа не осталось ни малейших подозрений. Поэтому, мой юный друг, решившись рассказать кое-кому о том, что ты узнал с помощью своего дара, я понимал, что рискую не столько репутацией, сколько собственной жизнью. Честное слово! Меня попросту судили бы за клевету, а приговор был бы один — смертная казнь. Товарищ, которому я поведал о своих подозрениях, сказал, что я безумец, а ты, юноша, шарлатан. Но товарищ всегда относился ко мне как к брату, поэтому направил меня с моими бреднями к Бурцеву. Тот вначале тоже отнесся к моей истории с определенной долей скептицизма. Но зато он обрел во мне верного соратника! Я готов, сказал он, публично обвинить Азефа в предательстве и в двойной игре. Будет назначен суд чести. Но если я не смогу доказать вину Азефа, мне придется застрелиться. Я готов рискнуть жизнью ради истины. Но, дорогой товарищ, наша с вами позиция проигрышна изначально. У меня есть с десяток улик против Азефа, но все они косвенные. Скорее всего, мне и застрелиться не дадут. Правая рука Азефа, небезызвестный вам Борис Савинков, пристрелит меня собственной рукой, как взбесившегося пса. И вы знаете, сказал он мне, у Савинкова рука не дрогнет! Я это знал. «Что же нам делать?» — спросил я. Савинков эсер, я анархист, вы сочувствующий социал-демократам, но все мы служим одному делу, которое Азеф подло предает, хуже того, продает за огромные грязные деньги! Что делать? Каким образом восстановить справедливость?

И вновь возникшее молчание чуть не свело Григория с ума.

— Рассказывайте же, бога ради, рассказывайте!

— Тише! Весь дом переполошишь! Бурцев сказал, что у него есть безумная идея. Он знает, что бывший начальник департамента, граф Лопухин, ныне находится за границей. А что если нам встретиться с ним и прямо спросить его: является ли Азеф тайным агентом или нет?

Григорий нахмурился и хмыкнул:

— С чего бы ему с вами откровенничать и раскрывать врагам Отечества государственную тайну?

— Не столь патетично, но я задал точно такой же вопрос!

— И что же?

— Бурцев сказал, что я упускаю одну важную деталь. Лопухин уверен, что Азеф верно служит государственному аппарату против врагов царизма. И служит преданно! Но он ведь не подозревает, что Азеф обманывал Лопухина так же нагло, как и

революционеров. Азеф долгие годы ведет двойную игру! Лопухин — благородный человек, он не позволит остаться безнаказанным такому мерзавцу! К тому же он самолюбив. Он взбесится, узнав, что Азеф подчас использовал его в своей игре, как пешку. Ведь Лопухина уволили с должности именно за то, что он прозевал убийство Плеве. Из-за этого он попал в опалу перед самим царем. Этого бывший главный жандарм империи Азефу не простит!

— В общем-то, неглупо, — промолвил Григорий. — Но сомнительно, чтобы он стал изначально вас слушать.

— Мы и это учли, — сказал Потоцкий. — Мы организовали так, что Бурцев и Лопухин оказались попутчиками в поезде.

— Ловко!

— Это как раз было несложно! Бурцев вошел в купе Лопухина, лишь только поезд тронулся. До Парижа, куда ехал поезд, у него было шесть часов. И всю дорогу Бурцев, собравший немало информации, делился ею с Лопухиным и просил лишь одного — сказать только «да» или «нет», был ли Азеф тайным агентом департамента, служившим под секретным именем Раскин. Это имя в свое время предложил сам Азеф, так он подписывал свои письменные донесения. Бурцеву удалось даже выкупить в архиве два таких письма. Почерк явно принадлежал Азефу. То есть, конечно, кто-то мог подделать почерк Азефа, но зачем секретному сотруднику полиции Раскину на протяжении многих лет подделывать почерк именно Азефа?

— Зачем Лопухин ехал в Париж?

Потоцкий хитро усмехнулся.

— У него заболела младшая сестра, проживающая в Париже.

— Это вы подстроили?

— Само собой! Сестра была абсолютно здорова.

— Ясно. Итак, граф Лопухин ехал в поезде, к нему вошел Бурцев...

— С одной-единственной целью — добиться ответа.

— Он был один?

— Бурцев? Нет. С ним был еще один человек.

Григорий понимающе кивнул.

— Тот второй человек был вооружен?

— Ты самый умный мальчишка из всех, кого я встречал в своей жизни. На полпути Бурцев, столкнувшись с принципиальностью Лопухина, был вынужден сообщить, что в случае отказа дать ответ он не выйдет из купе. Бурцев не ждал подтверждения своим подозрениям. Он просил сказать только «да» или «нет». Лопухин мог сказать и «нет», и мы бы хоть и с сожалением, но приняли бы такой ответ. Мы знали, что он не станет лгать. Он либо скажет правду, либо откажется отвечать. Лопухин выбрал второй путь. Он отказывался отвечать.

— Угроза убийства не возымела на него действия?

— Он оказался достойным противником. Граф заявил, что готов умереть. Смерти он не боялся.

— Однако! Крепкий орешек оказался.

— Не то слово! Но Бурцев мне потом рассказывал, что, слушая его историю о коварстве Азефа, граф с каждым часом становился все угрюмей. Он явно был ошарашен откровением об этом подонке.

Григорий удивился:

— Что значит — «Бурцев потом рассказывал»? Разве тот второй — с оружием — были не вы?

— С чего бы вдруг?

— Я так подумал...

— Ошибся, стало быть, — широко улыбнулся довольный собой Потоцкий.

— Где же были вы?

— У меня с помощником было другое задание. Я был эдаким козырным тузом в рукаве...

— Что это значит?

— Граф так и не дал никакого ответа. Поезд уже подходил к станции. Приближалась минута неминуемой развязки. «Ну что ж, господа, — сказал Лопухин, — либо покиньте мое купе, либо стреляйте». — «Мы не убийцы», — сказал ему Бурцев. «Тогда прошу на выход». — «Секундочку, — попросил Бурцев, — тут нам товарищ должен принести весточку. Жаль, что до этого дошло, но вы сами не оставили нам иного выхода». — «К чему вы клоните?»

Григорий во все глаза глядел на Потоцкого, его тоже заинтриговал неожиданный поворот в истории. И вправду, к чему клонил Бурцев? Он, впившись глазами в лицо Потоцкого, ждал продолжения. Буквально затаив дыхание, пытался по мимике прочесть, что там будет дальше, в чем заключается интрига.

Обычно невозмутимый Потоцкий на этот раз не мог скрыть эмоций. Ему льстило то, с каким вниманием его слушает парнишка. Потоцкий также упивался своей ролью в случившейся почти детективной истории, он словно заново переживал те ощущения: нетерпение, азарт, волнение и, как ни странно, стыд за то, что пришлось опуститься до подобных методов. Если бы он руководил операцией, то действовал бы грубее, но эффективнее: он бы выкрал Лопухина, к которому испытывал, помимо уважения как к противнику, примитивную ненависть идейного борца к классовому врагу. Хотя, наверное, если вовсе исключить политическую подоплеку, то Потоцкий на животном уровне испытывал агрессию ко всем этим заплесневелым самовлюбленным аристократам. Он сам был внебрачным сыном такого аристократа, но тот пренебрег им, не признал родства. Вот где, должно быть, крылась истинная причина нелюбви к носителям так называемой голубой крови.

— Они вышли из вагона втроем, — продолжил свой рассказ Потоцкий. — Бурцев дал понять мне взглядом, что граф не дал точного ответа, не подтвердил и не опроверг наших подозрений. Тогда я направился прямехонько к ним, вручил Лопухину письмо и отошел в сторону. Видел, как тот распечатал письмо и, прочитав первые строки, побледнел... Я, конечно же, знал, что было в письме. Ведь его сестра писала его при мне. Под дулом револьвера.

— О нет! — невольно вырвалось у мальчишки.

— Да, парень! Мы взяли ее в заложники! Может, он и не дорожил своей жизнью, но рисковать жизнью сестры и маленькой племянницы ради того, чтобы спасти шкуру Азефа, которого он уже и без того ненавидел, Лопухин бы не стал. «Не волнуйтесь, граф, — сказал Бурцев, — ваших родных отпустят, только дайте нам короткий ответ — да или нет». Лопухин сказал: «Вы такие же мерзавцы, как и Азеф. Даже хуже». — «Вы нас неправильно поняли, — возразил Бурцев. — Мы отпустим их в любом случае, ответите вы или нет. Но знайте! Отныне все смерти, которые произойдут по вине Азефа, будут на вашей совести! Вспомните теракт на Дворцовой площади, там погибли невинные люди, среди них дети. Теперь вы понимаете, что чувствовали их родные». Кивнув нам, Бурцев развернулся и зашагал прочь от совершенно потерянного Лопухина. «Погодите, — крикнул нам он. — Я хочу вам кое-что сказать!» Мы остановились. Он шагнул к нам и сообщил: «Вы абсолютно правы... Да, Раскин — это Азеф» — и, слегка приподняв шляпу, пошел по перрону. С этой секунды судьба Азефа была решена!

— Вы... казните его?

— Вне всякого сомнения! Когда найдем. Лишь только его вызвали на суд чести

и он понял, что доказательств его преступной деятельности предостаточно, — он сбежал, чем окончательно доказал свою вину.

— Эх, вы! Упустили! Ищи его теперь свищи!

— Ты ошибаешься. Уже спустя неделю после побега мы вышли на него. Мы выследили его. Бурцев предложил ему встретиться, гарантировав полнейшую безопасность. И ты не поверишь, Азеф явился на встречу.

— А он не так труслив, как могло показаться, — удивился Григорий.

— Смелость тут ни при чем! — возразил Потоцкий. — Он знал, что Бурцев благороден и сдержит данное слово. Я присутствовал на той встрече. Знаешь, что меня поразило больше всего? Он сказал нам: «Что вы наделали? Если бы не ваше расследование, приведшее к разоблачению моей персоны, я бы рано или поздно убил царя!» Эта гнида до последнего играла свою роль революционера и боевика. Ох, если бы не Бурцев, я бы придушил его своими собственными руками прямо в том бистро!

Восхищенный взгляд Григория красноречиво говорил о том, что парнишка верит ему и полностью одобряет его точку зрения.

8

Под самый занавес лета, в последнюю ночь неврастеничного — то жаркого, то холодного — августа Потоцкий явился к своему юному другу и сказал:

— Когда-то ты просил задействовать тебя в нашей работе...

Гришка аж заерзал на месте от нетерпения. Неужели?! Неужели анархисты возьмут его на дело?! За это прошедшее лето он ознакомился с анархистской литературой, которой его снабжал Потоцкий: Бакунин, Кропоткин, Штирнер, Батье... Он пропитался их мыслями насквозь. Овладел теорией полностью. Кое-что переосмыслил сам. Исписал целую тетрадь своими размышлениями, озаглавив эти спонтанные записки так: «Свободные мысли и деяния молодого и современного анархиста». Теория анархизма, как он его понимал, — это замечательно, но он жаждал и на практике продемонстрировать, на что способен.

К тому же за последнее время благодаря Потоцкому он окреп физически. В случае чего он не подведет.

— Вы снова устроите экс? — спросил он.

Весной об ограблении инкассаторской кареты в течение недели писали все газеты города.

— Это будет не экс, — возразил Потоцкий. — Завтра утром я собираюсь убить генерала Изотова.

— Изотова? — испугался Григорий. — Но это чистое самоубийство! На него было совершено уже три покушения. Ныне его охраняют похлеще, чем членов царской семьи. Легче убить московского князя-губернатора.

— Не преувеличивай. Его личная охрана состоит из полдюжины человек. Мы все детально просчитали. Завтра этот кровавый палач и душитель свободы будет ликвидирован.

Сердце подростка забилось радостно и тревожно.

— Вы возьмете меня на покушение на Изотова?

— Нет, — ответил категорическим отказом Потоцкий. — В покушении ты участвовать не будешь. Ты не какой-то рядовой исполнитель чужой воли. Ты личность незаурядная, у тебя, смею предположить, свой особый большой путь. Ты не должен делать грязную работу.

— Но моя мечта...

Потоцкий не дал ему договорить:

— Оставь этот романтический образ для мещанских детей, отрицающих свою подлинную сущность и восставших прежде всего против самих себя и своих родителей! Ты умный и талантливый молодой человек с уникальными способностями. Я никогда не позволю тебе участвовать в таких делах!

— Весьма лестно... — тихо произнес Григорий, хотя в его тоне преобладали печальные нотки разочарования.

— Что ж ты приуныл-то, мил человек? Выше нос! — он приобнял Григория, похлопал по плечу. — Держи нос по ветру, а хвостик пистолетом!

— Вы, однако, начали разговор с предложения каким-то образом задействовать меня в деле...

Хмурая тень легла на лицо Потоцкого.

— Просто хотел поинтересоваться... Может, ты увидишь... Дело выгорит или... Ты как-то говорил, что тебе иногда удается заглянуть в грядущее... — Потоцкий грустно усмехнулся. — Глупо, наверное... Но... почему бы нет?

Григорий тоже улыбнулся:

— Я ведь не вещун...

— Да я понимаю... И раньше мне такое и в голову бы не пришло... Я даже цыганкам не верю...

— Вы боитесь?

Потоцкий глубоко и резко вздохнул, вернее, выдохнул, покачал головой, отвечая каким-то своим тревожным, неясным, смутным мыслям. Его мужественное некрасивое лицо выражало полную растерянность.

— Нет, я не трушу, — ответил он. — Я полон решимости; и все досконально и всесторонне обдумано, все должно пройти гладко. Покушение будет успешным, в этом нет никаких сомнений!.. — Он подумал и добавил: — В худшем случае мне не удастся уйти... А может, удастся... Но Изотов — убежден! — Изотов будет убит! Вот это меня и беспокоит: все продумано до мелочей, товарищи подобраны идеально, все, как и я, уверены в себе и в завтрашнем плане... В общем — беспокоиться нет причин, а я, может, именно поэтому все равно... как-то... волнуюсь... Что-то тревожит, не могу понять что! — Потоцкий искоса глянул на подростка, но тот, храня молчание, сосредоточенно слушал его, не отводя взгляда и даже не мигая. — Вот я, значит, и подумал: может, ты сумеешь увидеть завтра, а я твоими глазами проверю, все ли мы учли, так ли пойдет, как мы планировали... Это все, наверное, звучит наивно и смешно?

Но Гриша как раз отнесся к его просьбе абсолютно серьезно.

— Боюсь, будущее изменить так же сложно, как и прошлое.

— Ну это, братец, весьма и весьма спорно.

Григорий пожал плечами, а Потоцкий опять глубоко вздохнул. Затем оба, не сговариваясь, помолчали, каждый о своем. Было слышно, как тикают часы.

— Я могу попробовать, — неуверенно заявил Григорий.

Потоцкий кивнул. Расправил плечи.

— Что надо делать?

— Ничего. Закройте глаза и спокойно думайте о завтрашнем покушении.

После того как Потоцкий послушно прикрыл веки, Григорий потер руками свои виски, потом такими же движениями потер виски Потоцкому и сам, как и он, закрыл глаза, не отрывая своих горячих рук от головы Потоцкого.

Прошла минута. С каждой секундой тиканье настенных часов становилось все громче и громче. Потоцкий уже ни о чем не думал. Тиканье часов заполнило его голову. Потом к этому громкому звуку прибавился сердечный ритм. Биение его

сердца. А вот и удары чужого сердца! Чужое сердце билось глуше, но быстрее. И это биение еще убыстрялось, и еще, и еще... Вот оно уже пустилось в галоп!..

Вдруг — звук упавшего на пол тела! Потоцкий открыл глаза. Григорий лежал на полу и бился в конвульсиях... Глаза были полуоткрыты, но зрачки закатились кверху, за веки, Потоцкого ужаснули краснеющие белки...

Потоцкий бросился к мальчишке, приподнял его голову, чтобы она не ударялась о паркет... Вот дергающееся тело мальчика напряглось в его руках, сильно выгнулось и замерло... После чего медленно обмякло. Григорий пришел в себя. Его налитые кровью глаза с болезненным температурным блеском, словно после бессонной ночи, устало смотрели в испуганные глаза Потоцкого.

— Я что, упал? — слабым голосом спросил он.

— Да вот... Свалился, как подкошенный, и забился в припадке...

Григорий с помощью Потоцкого поднялся на ноги. Тот заботливо усадил его в кресло.

— Что случилось? — спросил Потоцкий.

— Ничего не случилось, — ответил Григорий. — Завтра случится...

Потоцкий вновь ощутил биение своего сердца.

— Что случится?

— Вы точно хотите знать?

Потоцкий напустил на себя, как умел, небрежный вид...

— Не пугай меня, парень... Я и так за тебя переволновался.

— Вас убьют, Потоцкий...

Тот замер. Подумал. Набрал в легкие побольше воздуха, медленно выдохнул, покивал головой, давая понять, что услышал Григория...

— Ты уверен?

— Я это видел. Вы и юноша с родинкой на щеке.

— А Изотов? Я убил его?

— Я видел его лежащим на мостовой...

— Мертвым?

— Он был весь в крови... Но еще был жив... Он стонал и шевелился...

— Живучий, гад! — ругнулся Потоцкий. — Но раны смертельные? Он не выживет?

— Не знаю. Но вы не о том думаете. Вас убьют...

— Смерть Изотова того стоит.

— Чушь! Вы же неглупый человек, Потоцкий. Смерть этого генерала ничего не изменит. А вас повесят...

— Стоп! То есть меня убьют не завтра? Я думал, я погибну во время покушения...

— Нет. Завтра вас арестуют. А через неделю повесят. Вас и юношу с родинкой.

Потоцкий, довольный, рассмеялся.

— Стало быть, Изотов все-таки сдохнет! Ежели б выкарабкался — вешать бы не стали. Тем паче Гольдмана — он же почти ребенок еще. Его бы точно помиловали. Все! Теперь я спокоен.

Григорий нахмурился.

— Гольдмана вы, значит, берете на дело, а меня — нет?

— Гольдмана мне не жалко. Гольдманов полно на земле и будет еще больше, а ты такой один.

Потоцкий встал и направился к дверям.

— Куда вы?

— Как куда? — удивился Потоцкий. — Спать. Завтра тяжелый день. Нужны силы.

— Вы понимаете, что вам осталось жить всего семь дней?

Потоцкий широко и обаятельно улыбнулся.

— Это не повод не высыпаться, мой юный друг.

— Вас повесят...

— Не факт. Вдруг я успею завтра застрелиться?

— Но я же вам объяснил...

— Да, ты сказал, что будущего не изменить... Но попробовать можно. Так что, — он вернулся и протянул Григорию руку для рукопожатия, — давай, парень. Был рад нашей дружбе. Прощай. Подарить тебе мой браунинг? На память? Или тебе больше нравится мой револьвер?

Часть вторая

1

Арест и смерть его единственного друга и «духовного» наставника — Потоцкого — огорчили Григория еще сильнее, чем Марию, хотя о смерти его он узнал, как вы помните, дорогие мои читатели, еще при жизни Потоцкого, за день до его ареста.

Застрелиться Потоцкому не дали. Он намеревался, но не смог изменить того, что предсказал ему Григорий. Потоцкого арестовали вместе с соучастником и обоих спустя семь дней приговорили к смертной казни через повешение.

Григорий представлял себе, как убивается в тюрьме его друг, которому на следствии объявили, что главная жертва покушения — генерал Изотов — жив и, по мнению врачей, жить будет. Единственное, что радовало Потоцкого, — генерал запомнит его на всю оставшуюся жизнь: в результате покушения и последующей операции Изотов лишился глаза.

Слышал Григорий от Марии, что ее супруг писал прошение на имя самого царя, чтобы ему сменили меру пресечения с повешения на расстрел, поскольку он дворянин и бывший офицер и имеет право требовать для себя достойной смерти, но просьба удовлетворена не была, равно как и просьба даровать жизнь второму арестованному — несовершеннолетнему Гольдману.

Во время покушения пострадали помимо генерала пять человек, двое из них — жандарм и адъютант генерала — погибли, остальные были ранены. Потоцкий, убегая с места покушения, отстреливался до предпоследнего патрона; последнюю пулю он оставил для себя. Остановившись и повернувшись лицом к преследователям, он широко улыбнулся, подмигнул приближающемуся полицейскому и, приставив дуло пистолета к своему виску, нажал на спусковой крючок. В следующее мгновение он был сбит с ног полицейским: револьвер дал осечку. Потоцкий изумленно уставился на оружие и не оказал никакого дальнейшего сопротивления.

Узнав обо всем этом, Гриша даже в глубине души не испытывал злорадства из разряда тех, что тешат самолюбие людей, когда оказывается, что их слова были пророческими, а никто им не верил. Имей он даже такую возможность, он ни за что на свете не сказал бы другу: «Вот видите, Потоцкий, а ведь я вам говорил, но вы меня не послушали...»

Смерть друга огорчила его. Надолго погрузила в настоящий, а не видимый традиционный траур. Родные только диву давались: отчего это мальчишка со дня ареста Потоцкого так сильно горюет по, как им казалось, чужому и малознакомому человеку. Да, тот какое-то время уделял внимание его физическому воспитанию и

однозначно преуспел в этих занятиях: Гриша внешне заметно окреп, более не сутулился, спину держал прямо, расправил плечи, и поступь его стала тверже и уверенней, без шарканья ногами, от чего раньше каблуки его ботинок стесывались за пару месяцев. Но чтобы так убиваться...

Мать его решила, что Гришенька, при кажущейся черствости сердца и при всей своей замкнутости, на самом деле имеет ранимую душу — смерть малознакомца хлестнула по нервной системе ее сына, причинила ему боль...

Отец хмурился, но жене не возражал, а лишь угрюмо отмалчивался. Сам же он с недовольством отметил про себя, что ревнует Гришу к умершему!.. Себеев не был уверен, что его собственная смерть вызвала бы в сыне подобные переживания. Ему, родному отцу мальчишки, стало чудиться, что сын не испытывает к нему ничего, кроме банального почтения младшего к старшему, сына к отцу. Почувствовать такое было неприятно.

Полина же Игнатьевна, заметив удрученность старшего внука, цинично бросила по-французски:

— Нашего дьяволенка давно надо было показать специальному доктору. Налицо все признаки явного безумия.

— Что вы такое говорите? — возмутилась невестка, а сама испугалась, потому что свекровь озвучила ее собственные опасения.

Она давно уже мучила и изводила себя. Ее материнские инстинкты дали серьезный сбой по отношению к первенцу. Наташу терзало чувство вины за то, что она не ощущала к нему той любви, которую испытывала к другим своим детям. Гришу она не любила. Хотела любить, пыталась изо всех сил и поэтому старалась иногда уделять ему больше внимания, чем требовалось, но всякий раз замечала, что Гришенька только тяготится ее заботой о нем, избегает ее, и тогда невольно начинала сердиться на него, но не показывала виду, потому что стыдилась этого, как стыдилась и своей к нему нелюбви. Но что ей было делать? Она не любила сына. Хуже того! Она его побаивалась. А это вообще никак не укладывалось в ее систему ценностей. Это было как-то дико! И в самом деле, что же это такое!? Как вообще такое может быть — мать боится своего сына-подростка?! Это не его, думала она, а меня надобно показать доктору, специализирующемуся на душевных расстройствах. Не он, а я больна...

Всего этого Григорий не знал, ни о чем не подозревал, даже вроде как и не замечал, что его поведение вызывает в родных и близких такие эмоциональные волнения. Он, как и все эгоцентристы, был сосредоточен на себе самом; он был полностью погружен в свое горе после гибели друга. Только теперь он понял, насколько близок и дорог был ему Потоцкий, единственный человек в доме — а в принципе и во всем мире, — с которым он мог говорить открыто, без обиняков о чем угодно... Говорить открыто, свободно и легко.

И вот его не стало. Григорий заранее знал, что ожидает его друга, но ничего для его спасения сделать не смог. Он корил себя, но и теперь, задним числом, ему не удавалось придумать, каким образом он мог бы уберечь Потоцкого от того, что тому было уготовано судьбой.

Тут мне, признаюсь, хотелось бы поразглагольствовать о том, вольны ли мы вообще желать исправить что-то, хотя бы пустяк, в нашем будущем, что изложено на страницах Книги Судеб. Но я скромно оставлю свои примитивные рассуждения при себе, так как понимаю, подобно великому мыслителю, что я-то как раз ничего толком об этом не знаю. Чего же понапрасну пыжиться и, как говорится, толочь воду в ступе. Я вновь ухожу в тень моего повествования, укоряя себя в том, что в очередной раз зря только перетягивал одеяло внимания на себя, отвлекая вас от

моего героя. Простите меня великодушно. Порой такое мое поведение плохо поддается самоконтролю, всему виной мое больное себялюбие. Бывает, и сказать-то нового и стоящего по большому счету нечего, но желание поумничать и привлечь к себе внимание толкает меня влезть на трибуну или подойти к микрофону, другими словами — найти подход к свободным ушам и говорить, говорить, говорить... Упиваясь своим сомнительным красноречием, наслаждаясь звуками своего голоса... С каждым такое случается, не правда ли? Итак, тубо! Назад к моему герою!..

Прошло полгода. Григорию исполнилось четырнадцать. Приближающееся начало войны, о котором никто пока даже не подозревал, его никак не трогало. Он просто знал: победителей в этой войне, как и во всякой другой войне, не будет, а проигравших сторон будет столько же, сколько участвующих в ней стран.

Его беспокоило другое. Последние три дня Григорий только и делал, что подробно изучал свою будущую жизнь. И чем дольше и чем детальнее он ее изучал, тем меньше она ему нравилась.

Он проживет очень долгую и крайне насыщенную событиями жизнь. Умрет в день, когда страна будет праздновать неофициальный, но любимый народом Старый Новый год, не дожив до своего столетия ровно одну минуту. Он будет одинок в последние годы жизни. Одинок, немощен и жалок. Он будет ждать смерти, а она торопиться не станет, изматывая безрадостным пустым ожиданием.

Григорий не оправдает чаяний Потоцкого — своего единственного друга. Великим он не станет. Хотя его услугами — как провидца, мага и гипнотизера — будут неоднократно пользоваться сильные мира сего, в частности Иосиф Сталин, а после смерти генералиссимуса — осторожный и удачливый Анастас Микоян. Благодаря Григорию Себееву Микоян до конца жизни будет находиться рядом с победителями, о нем в конце семидесятых народные остроумцы сложат короткое, но меткое двустишие: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Имеется в виду — от Ленина до Брежнева.

Сам Себеев никем не станет и ничего выдающегося не совершит. Великий человек будет лишь игрушкой в руках маленьких, но хищных и жадных до власти людишек.

А ведь он мог бы убить вождя пролетариата, когда тот еще только задумывал разжечь в стране пожар «красного террора»; он мог бы отравить параноидального товарища Сталина и тем самым остановить очередную волну репрессий, в которой погибли десятки, если не сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Он мог бы... Но он не решится вмешиваться в естественный ход истории, полагая, что смерть диктатора ничего не изменит, а на место одного тирана придет другой...

Он будет пытаться помогать людям. Но всякий раз его помощь будет приносить еще бóльшие беды. Все бесполезно. Он даже себе самому не сможет помочь. Ему не повезет. Его станут преследовать неудачи и всяческие несчастья. Мать его умрет от голода в восемнадцатом году, отдавая детям все, что сумеет найти съестного, пока старший сын и муж будут служить разных армиях: муж — в Белой военным доктором, а сын — в Красной санитаром. Отца в девятнадцатом расстреляют в Киеве петлюровцы. Сестра в двадцать первом году будет арестована и сгинет бесследно в застенках ЧК, несмотря на то, что ее и Григория брат станет чекистом и разведчиком и послужит Юлиану Семенову прототипом для целой серии романов о лучшем агенте советской разведки Максиме Максимовиче Исаеве.

Когда Григорию исполнится тридцать девять лет, он встретит наконец-то женщину, которую полюбит всем сердцем, будет счастлив с ней, но в сорок первом она погибнет во время бомбежки вместе с годовалым сыном...

Три дня — а точнее, трое суток — четырнадцатилетний подросток внимательнейшим образом изучал свою будущую жизнь и, кроме нескольких по-настоящему счастливых дней, не увидел ничего такого, ради чего стоило бы испытывать себя на прочность в течение ста лет без одной минуты. Может, все оттого, что у Григория не было цели? Каждый человек ставит перед собой цель, двигаясь к которой он готов преодолевать всевозможные препятствия, и чем значительнее цель, тем больше препятствий преодолевает человек, если, конечно, он смел и силен духом. А почему он не ставил перед собой никакой цели? Наверное, из-за того, что был чересчур умен. Переизбыток ума ничем не лучше глупости. Чрезмерно умный человек не видит смысла в достижении какой бы то ни было цели, ибо цель действительно не имеет смысла сама по себе, смысл имеет движение к цели — и, возможно, в этом и заключается истинное счастье. Я могу и ошибаться. Что я в этом понимаю? Ведь я, слава богу, не столь умен, как Григорий Себеев.

Григорию не понравилась его будущая жизнь. Хуже того — он заранее, наперед возненавидел ее и себя в ней.

Мальчик даже подумывал, а не совершить ли ему то, чего не смог сделать его старший товарищ и единственный друг: прервать свою жизнь с помощью дружеского подарка: застрелиться из револьвера Потоцкого? Благо ему хватило ума и силы воли не делать глупостей. Хотя лично я в общем, в принципе нисколько не против суицида. Одним движением пальца в одно мгновение перечеркнуть свой неудавшийся век, поставить жирную точку маленькой пулей, разом решить все проблемы... Самому выбрать день, место и способ окончательного ухода. Соблазнительно, черт бы меня побрал! В этом что-то есть. Не правда ли? Знаю-знаю, большинство из вас со мной не согласятся! То есть и в этом вопросе я в абсолютном меньшинстве. Может, и совсем один. Но раз я один, значит, я прав! Верный признак.

Итак! Будущее Григория не вдохновляло, а как раз даже наоборот. Но все-таки было кое-что, ради чего он решил испытать вживую то, что предвидел заранее. И самое удивительное, что это никак не было связанно с любовью, удовольствием, счастьем, удовлетворением амбиций, в общем, со всем тем, ради достижения чего люди обычно живут, преодолевая беды, невзгоды или терпя откровенно пустое, скучное существование.

Это должно было случиться, да, собственно, и случилось, на закате его жизни, в 1999 году, осенью. За несколько месяцев до смерти.

2

Он хорошо сохранился. На вид ему никто бы не дал больше шестидесяти лет. Был поразительно похож на старика Хэма со знаменитого фото — седоватый и седобородый, но такой же крепкий и сбитый мужчина, каким был сам Хемингуэй, когда ему едва перевалило за пятьдесят. Словом, выглядел Григорий Борисович вполне здоровым и намного моложе своих тяжело, но правильно и стойко прожитых девяноста девяти лет. Он и чувствовал себя куда лучше, чем его одногодки; те из них, которые дожили до его возраста. Его даже изредка хватало на женщин, вернее, на одну женщину, которая приходила к нему раз в месяц. Ей было сорок семь, но, будучи балериной, она уже давно вышла на пенсию и как пенсионерка могла себе позволить, по ее словам, «чуть-чуть расслабиться и пошалить». Шалости с сорокасемилетней молодушкой давались ему порой нелегко, но зато эти несколько часов в месяц дарили им обоим иллюзию побега из действительности. Ведь она — ее, к слову сказать, звали Верой — чувствовала себя с ним не просто

моложе, она ощущала себя девчонкой, поскольку, исходя из паспортных данных, он годился ей в отцы, а то и в дедушки. И при всем при этом он вполне удовлетворял ее как мужчина, во всяком случае, ее молодой муж был далеко не таким активным. Как такое могло быть? Экология, наверное... Последствия чернобыльской радиации... Плюс бешеный ритм жизни и нервная работа. И она, и ее подруги давно уже заметили, что импотентов ныне больше среди тридцатилетних, чем среди мужчин более старого поколения. Это удивительно!

А Григорий благодаря Вере отдыхал и телом, и душой от тотального одиночества, к которому, в силу человеческого свойства подстраиваться под любые условия жизни, привык и даже некоторым образом сроднился с ним.

Я не стану в сотый раз повторять и без меня избитую истину о том, что человек ко всему привыкает. Хотя банальность и заезженность верной мысли нисколько не умаляют ее точности и значения, согласитесь.

Коротко говоря, как бы цинично это ни звучало, он использовал ее в прямом и в переносном смысле для того, чтобы какое-то непродолжительное время не чувствовать себя одиноким. (Правильно! У каждого Робинзона должна быть своя Пятница.) Он разбавлял ею, как разбавляют водой чистый спирт, однообразие давно установившегося уклада одинокого холостяцкого быта.

В чем, кстати, заключался этот быт? Попробую коротко описать жизнь моего стареющего, но отнюдь не дряхлеющего героя.

Так как он никогда нигде официально не числился, то пенсию получал до смешного маленькую, ее едва хватало на оплату двухкомнатной квартиры на левом берегу Киева, куда он переехал в середине восьмидесятых по приглашению самого Щербицкого, который надеялся с помощью гипноза избавиться от мужского бессилия: кто-то из соратников шепнул ему, что тайный советник Микояна Григорий Себеев на самом деле именно такого рода услуги оказывал покойному Анастасу.

От мужского бессилия влиятельного Щербицкого Себеев не излечил, секс-гигантом его не сделал, зато с помощью гипноза Григорий Борисович убедил Владимира Васильевича в том, что тот всегда будет нуждаться в нем как в друге и советчике. Они и вправду подружились, и на правах друга Себеев частенько давал Щербицкому весьма дельные и своевременные советы. Между прочим, абсолютно бесплатно. Деньги его не интересовали. Хотя от дорогих подарков или помощи он никогда не отказывался. Ему, например, без всякой очереди провели телефон. А на восьмидесятипятилетие друг подарил ему автомобиль марки «фиат».

Размер пенсии мало трогал Григория Борисовича, у него были сбережения. Он, конечно, не был подпольным миллионером наподобие Корейко, но деньгами был обеспечен надолго.

Жил он один. Не считая Чехонте и Бабеля. Чехонте он привез с собой из Москвы молоденьким, совсем еще дитем, а вот с Бабелем они обрели друг друга уже в Киеве, в год развала Советского Союза. Для многих это был год страшных потрясений и перемен. Еще бы! Советская империя, просуществовавшая более семидесяти лет, казавшаяся непобедимой и готовой просуществовать, как минимум, еще столько же, рухнула в одночасье, почти бескровно, стихийно и спонтанно, без какой-либо (во всяком случае, видимой) помощи извне. Непостижимо! В один день практически. То есть, безусловно, в последнее время страну заметно трусило, лихорадило, бросало то в холод, то в жар, она уже не скрывала своих внутренних ран — где-то гнойных, а кое-где и кровавых... Она билась в конвульсиях, но предполагалось, что недомогание временное и через непродолжительную болезнь организм придет к очищению и полному выздоровлению... А она вдруг возьми да и сдохни.

Главное, тихо так, без всяких болезненных криков и мук. Раз — и приказала долго жить. Рухнула! И тут же стала разлагаться, на глазах распадаясь на куски.

Никто еще ничего не понял, народ только пытался уяснить создавшуюся ситуацию, а страны — могущественной и параллельно с этим жалкой, огромной, но недалекой, прекрасной и страшной одновременно, всегда стремящейся к миру во всем мире с оружием в руках, самой гуманной и самой бесчеловечной, в общем и целом самой что ни на есть противоречивой во всех отношениях, великой, советской, на словах — социалистической страны не стало. Множество людей, никуда не выезжая, вдруг оказались эмигрантами, выходцами из другой, уже не существующей страны, а некоторые — чужаками и даже оккупантами, и скоро им будут предлагать покинуть то место, в котором они родились и прожили всю жизнь... Советского Союза не стало, а советский народ остался, и большая часть этого народа не собиралась или не могла просто стать частью другого свободного народа. Свободным людям еще предстояло родиться. А переродиться — это удается лишь единицам.

Даже теперь, по прошествии более двадцати лет (сейчас 2015 год), советских людей куда больше числом, чем русских, украинцев, белорусов... С развалом СССР пришла иная жизнь, иные правила... Хотя, если честно, и жизнь, и правила начали меняться намного раньше окончательного развала страны, где-то с восемьдесят седьмого — восемьдесят восьмого. Мало кто понимал эту новую жизнь. Все те же единицы использовали в корыстных целях идущие семимильными шагами перемены, а простой люд беднел с каждым годом все быстрее и быстрее, и чем быстрее он беднел, тем скорее богатели счастливые единицы. А мы ведь знаем: чтобы единица имела вес, ей нужно побольше нулей — чистая арифметика куда мощнее и выше высшей математики!

Себеев знал, чем закончатся реформы Горбачева. Этот генсек, единственный из всех знакомых Себееву генсеков, импонировал ему как человек. Ему не просто нравился этот непутевый реформатор, он его по-человечески жалел, зная, какую непосильную для себя ношу взвалил тот на свои плечи. Себеев написал ему — одно за другим — три длинных письма, предупреждая о будущих последствиях его политики «с человеческим лицом», но то ли письма не доходили до адресата, то ли адресат не придавал им никакого значения, хотя ему наверняка должны были сообщить о репутации автора писем...

Сам Себеев по поводу развала СССР не огорчился нисколечко. Он вообще с молодых лет советскую власть недолюбливал, хоть власть имущие еще с двадцать третьего года, начиная лично с товарища Сталина, ценили его и осыпали всяческими дарами и привилегиями. Подчас это было даже несколько навязчиво. В сорок первом, например, он ушел добровольцем на фронт. Потому что хотел воевать. Не за советскую власть, а просто воевать, разделяя с простым народом все тяготы и опасности военного времени. Его нашли и предложили вернуться в Москву. Он наотрез отказал чересчур настойчивым благодетелям, и на следующей неделе его арестовали. В Москву его привезли в «воронке» чуть ли не закованным в кандалы, посадили под домашний арест в отдельном доме, некогда принадлежавшем недавно расстрелянному генералу Полипову. Через пару дней к нему приехал товарищ Сталин вместе с Ворошиловым и Калининым. Последние были пьяны, а у Сталина от вина только глаза блестели кошачьим блеском. Он сказал медленно и лениво:

— Прости, дорогой товарищ Себеев, что мы без приглашения... Скажи, зачэм это бездумное геройство? Ты хочешь помочь Родине? Или мы так тебе сильно надоели?

— И то и другое, Иосиф Виссарионович.

— Если ты хочешь помочь Родине, то помоги нам.

— Вы не Родина, — возразил Себеев, нисколько не боясь прогневать вождя, зная, что тот дорожит им, ведь он уже не раз спасал его шкуру.

— Видишь, Клим, — сказал Сталин Ворошилову, не глядя на того. — Он не боится меня, он говорит то, что думает, и я его за это уважаю.

— Я тоже... — ик! — говорю, что думаю.

— Если бы ты гаварил только то, что думаешь, то ты бы молчал всегда.

Одутловатое лицо Ворошилова расплылось в идиотской улыбке: он не уловил оскорбительной иронии Иосифа, он был глупее, чем думал о себе. Так что шутка Сталина содержала в себе ошибку — что-то Ворошилов все-таки думал, но думал неправильно.

— И я всегда говорю тебе все, что думаю, Коба, — нагло соврал дедушка Калинин.

— Что же ты обо мне думаешь? — хитро, по-кошачьи прищурился Сталин.

— Я думаю, ты великий человек, Коба.

— Поддерживаю предыдущего оратора.

— Заткнитесь оба, — негромко прикрикнул Сталин. — Наполеон, кажется... Кажется, Наполеон... мог сказать: государство — это я. А вот товарищ Сталин так сказать не может. Ему в этом праве отказал товарищ Себеев.

— Тогда... — ик! — вновь взял слово икающий Ворошилов. — Тогда мы товарища... — ик! — Себеева пристрелим, как... — ик! — бешеного... бешеного товарища. Извиняюсь! Икаю!

— Пристрелим? — пуще прежнего замурлыкал Иосиф Виссарионович. — Нет, Клим, даже не заикайся об этом. Товарищ Себеев нам нужен. Чего зря темнить? Нужен! Он нам скажет, что нам необходимо сделать, чтобы переломить ход войны, потому что пока все против нас. Все плохо. Немец прет — не остановить. Под Москвой уже. Не сегодня-завтра...

Это именно он, Себеев, предложил по полной использовать таланты Рокоссовского и Жукова. Ни Жуков, ни Рокоссовский не были гениями тактики и стратегии, но они оба были решительными полководцами, а тогда только в таких военачальниках и имелась острая необходимость. Именно Себеев предложил также провести седьмого ноября парад на Красной площади, чтобы поднять боевой дух защитников столицы. И наконец, именно он внушил Сталину мысль, что следует вернуть из заключения оставшихся в живых после страшной чистки в армии военспецов и опытных боевых офицеров, чьи знания и доблесть могли здорово пригодиться советской армии, несущей колоссальные потери.

Но вернемся к Бабелю. Их знакомство произошло, естественно, случайно. Григорий Борисович съездил на Бессарабский рынок, там он у одного знакомого всегда покупал молоко и сметану — для себя и Чехонте: магазинные молоко и сметану он, как и Чехонте, презирал принципиально. И вот, скупившись, Григорий Борисович прошелся по аллее проспекта — от каменного Ленина, «голосующего» в начале аллеи, и почти до самого Щорса, мимо Ботанического сада и обратно, а потом присел на одну из скамеек передохнуть и разнообразить вдыхание кислорода выкуриванием сигареты марки «Мальборо» (вдова Щербицкого — Рада Гавриловна — презентовала ему две дюжины блоков «Мальборо», оставшихся от мужа. Он хотел заплатить, но Рада Гавриловна отказалась наотрез, даже обиделась). Сидит он, значит, любуется роскошным щедрым цветением бесподобного весеннего Киева, рассматривая редких прохожих... И вдруг к нему откуда ни возьмись, косолапо шлепая лапками, подбегает черной масти щенок неуловимой породы с белыми пятнышками вокруг глаз. Эти пятнышки, похожие на очки, а еще пухленькая мордашка и необыкновенно умные с легкой грустинкой глазки и делали его поразительно

похожим на старого знакомого Себеева — Исаака Бабеля, автора знаменитой «Конармии» и бессмертных «Одесских рассказов». Наверное, поэтому Григорий Борисович и поприветствовал радостно вилявшего хвостом щенка словами: «А это еще что за Бабель такой тут выискался?»

Щенок почему-то пришел в полнейший восторг от этой фразы и завилял хвостом еще сильней, от чего его даже стало заносить то вправо, то влево, но он продолжал вдохновенно радоваться и, осмелев окончательно, встал на задние лапки, а передними уперся в ногу Григория Борисовича и, запрокинув голову, самозабвенно и преданно глядя в глаза человеку, которому уже полностью доверял, пару раз тявкнул, что очень и очень отдаленно напоминало лай.

— Ты чей, подкидыш?

Григорий Борисович внимательно осмотрелся. Кругом не было никого, кто проявлял бы к щенку собственнический интерес.

— Ничей? — спросил Григорий Борисович.

Щенок снова тявкнул. Это тявканье явно содержало в себе утвердительную интонацию. Так ему послышалось. Мы ведь все всегда слышим то, что хотим услышать. Особенно когда дело касается наших желаний. А Григорий Борисович, несмотря на свою уникальность и несмотря на свой почти уникальный возраст, был во многом таким же наивцем, как мы. Вот появилось это маленькое пухлое чудо, подбежало к нему, выразило в прямом и переносном смысле истинно щенячий восторг и радость по поводу их неожиданной встречи — и старик, словно семилетний мальчишка, загорелся желанием непременно взять щенка домой. Он не планировал заводить собаку. Более того, он по натуре был скорее кошатником, чем собачником, а тут — здрасьте пожалуйста! — «хочу щенка». И в том-то и дело, что именно этого! Он мог бы купить себе дорогого, породистого, с превосходной родословной, с пакетом документов, проглистованного, с прививками... Но нет! Он захотел именно этого щенка! Беспородного, бездомного и явно блохастого...

Одним словом, судьбоносная встреча. Любовь с первого взгляда. Причем любовь взаимная. Блохастик не скрывал, что он прямо-таки души не чает в этом человеке!

Григорий Борисович нагнулся, взял щенка на руки, чтобы получше рассмотреть его вблизи. Щенок в неописуемом припадке еще большего восторга, от которого мог и лапки склеить — настолько сильно забилось его маленькое сердечко, — попытался лизнуть человека в нос. Отчасти ему это удалось. Человек брезгливо отпрянул, хотя сам порыв щенка был приятен и умилил его. Он утерся тыльной стороной ладони и рассмеялся.

— Ну, ты это брось! Отныне никаких лобзаний! Мы с тобой мужчины серьезные, воспитанные... Хотя с последним я, конечно, поторопился... Воспитание у тебя уличное. Ты, братец мой, беспризорник... Но мы это исправим. Я дам тебе приют и займусь твоим воспитанием. В общем, хочешь ты этого или нет, но я сделаю из тебя... — Он чуть было не сказал «человека», но вовремя спохватился и исправился: — Я сделаю из тебя личность! Ты как — согласен?

Всем своим видом Бабель демонстрировал жгучее желание стать личностью...

...Зажили втроем. Вполне счастливо, насколько могут жить счастливо человек, собака и кот. Вот только Чехонте был, мягко выражаясь, далеко не в восторге от нового сожителя. И не умел своего недовольства скрыть.

Чехонте был обыкновенным уличным котом. Но сколько в нем было апломба, высокомерия, снобизма и гордого, неведомого собакам заоблачного, болезненного, сугубо кошачьего самолюбия! Кажется, он искренне полагал, что является незаконнорожденным сыном персидского кота самой королевы Великобритании! Я не

шучу! Остается неразрешимой загадкой и тайной: каким таким макаром его предполагаемый папашка оприходовал, цинично соблазнив, простодушную облезлую мамашку Чехонте, коренную обитательницу московских трущоб? Но каких только чудес не бывает в нашем мире на заре двадцать первого века!

В том-то все и дело, что, несмотря на свое низкое происхождение, Чехонте производил впечатление поистине неземное: в каждом его движении было что-то царское. Носитель белой кости и голубой крови, он все делал гордо, неспешно и элегантно до зависти. С него впору было бы брать пример нашим первым лицам страны, пример поведения. Как благородно, с чувством собственного достоинства он ходил, садился, ложился, ел... Даже большую и маленькую нужду он справлял на песочек так, словно садился не покакать, а на трон, дабы выслушать доклад министра иностранных дел.

С Григорием Борисовичем Чехонте вел себя более-менее на равных, хотя было понятно, что кот лишь играет в демократию, а на самом деле считает, что хозяин обязан его кормить и всячески обслуживать, а он в свою очередь согласен иногда разрешать тому себя гладить и чесать животик.

Чехонте не одобрил появления в доме Бабеля. Вначале он его упорно игнорировал, надеясь, что приют тому предоставлен временно. А потом, когда Бабель игриво на него тявкнул и прыгнул слишком близко, Чехонте выгнул спину, зашипел и полоснул щенка когтями по мордочке. Бабель запищал не столько от боли, сколько от ужаса перед такой агрессией и забился под диван, скуля и дрожа.

— А ну прекратить! — прикрикнул на кота Григорий Борисович. — Это еще что такое, Антон Палыч?! Я такого поведения не потерплю!

На Чехонте Григорий Борисович до тех пор никогда голоса не повышал. Кот удивился, но виду не показал, что окрик человека каким-то образом на него повлиял. Себеева это задело, он нагнулся к коту и легонько шлепнул того по спине. Чехонте отскочил, не теряя при этом достоинства, и... обиделся.

К ужину Чехонте не притронулся. Не исключено, что из чистого принципа.

Голодовка длилась без малого три дня. На три дня хватило упрямства, а затем инстинкты взяли свое: кот поступился принципами, обида притупилась или вовсе прошла... А может, и не было никакой обиды, имело место лишь банальное совпадение: коту просто-напросто нездоровилось, что-то с желудком... Бывает...

Со временем, во всяком случае, все образумилось, устоялось, улеглось, устаканилось. Все что могло, то и должно было устаканиться, как говорит народ. А народ порой умеет подметить в точку.

Отношения между Бабелем и Чехонте остались холодными и натянутыми, но теперь они более не конфликтовали — ни тайно, ни открыто. Бабель, правда, иногда подъедал из миски кота, когда тот не видел, а Чехонте, как бы случайно, пару раз засыпал на собачьем коврике, развалившись так, что бедному щенку приходилось сворачиваться клубком на самом-самом краешке.

4

Однажды соседка по лестничной площадке попросила Григория Борисовича присмотреть за ее восьмилетним сыном. В школе были зимние каникулы, а ей нужно было присутствовать в этот день в суде: они с мужем оформляли официально развод, и она не хотела, чтобы мальчик услышал то, что можно услышать на бракоразводном процессе. Григорий Борисович с юных лет не любил детей и с возрастом утвердился в своей к ним нелюбви, но из-за своей интеллигентности он так и не освоил естественную науку честно отказывать людям, которые были ему симпатичны, а потому согласился присмотреть за мальчиком до вечера.

— Он вас нисколечки не обременит, — сказала соседка. — Он у меня тихий и спокойный ребенок.

Себеев ни на толику не поверил ей, но улыбнулся и поспешил лживо заверить соседку в том, что возьмет эту пустячную обязанность на себя с превеликим удовольствием, так как ему, старику, делать сегодня абсолютно нечего.

Одна ложь, как это обычно случается, тянула за собой другую, рождая тем самым длинную цепочку из лжи, обманов, выкручиваний, оправданий... Как раз сегодня Себеев собирался не просто погулять с Бабелем, а во время повседневной прогулки дойти до памятника Гоголю, под которым каждый день собирались пенсионеры-шахматисты. Давно не играл уже...

— И как же вас величают, милостивый государь? — спросил Себеев у мальчика, когда они остались одни.

— Пашка, — угрюмо буркнул тот.

— Чудесное имя, Павел. А меня можешь звать Григорием Борисовичем.

— Ладно, — все так же угрюмо проговорил Павел.

Он был недоволен тем, что мать привела его к этому старику, а не оставила дома одного. Дома он хоть бы мультики посмотрел, а тут, кажись, и телевизора-то нет.

— А у вас что — телика нет?

— Телевизора? — Себеев развел руками. — Нет. А он мне ни к чему!

— Как же вы... без него? — спросил Пашка.

— А зачем он нужен, позвольте узнать?

— Ну, там... кино посмотреть... Новости всякие, прогноз погоды...

Себеев сдержанно рассмеялся.

— Кино... Выдуманная история в картинках... Мне это не интересно. К тому же все основные сюжеты уже давно изложены в мифах Древней Греции. Ничего принципиально нового мне эти выдумщики не расскажут. Зачем же тратить на них время? Что касается новостей — в них не меньше выдумки, чем в кино, а кино, как мы уже только что выяснили, я не приемлю. Что осталось? Погода? Мне прогнозы не нужны. А какая сегодня погода — видно из окна. Какой же напрашивается, исходя из всего вышесказанного, ответ в виде вопроса?

Павел обалдело глядел на Себеева, простодушно и растерянно хлопая глазами.

— Какой?

— Зачем мне он нужен?

— Кто?

— Телевизор.

— А-а...

Пашка был поражен, ошарашен, напуган, заинтригован и увлечен: вот сколько чувств испытывал он одновременно. Во-первых, он не ожидал такого детального ответа на свой простой вопрос, во-вторых, с ним еще никто никогда не говорил как со взрослым. Это подкупало. Это ему нравилось и очень хотелось соответствовать такому тону и такой манере общения. К тому же старик говорил увлекательно, умно, и Пашка его понимал. Ему хотелось и дальше продолжать беседу в таком же духе, только чтобы и он при этом мог сказать что-нибудь умное... Или хотя бы умудриться не ляпнуть какую-нибудь детскую глупость.

— Что же вы, — спросил он, кивнув на полки с книгами, — только читаете?

— Видишь ли, Павел, — с готовностью начал отвечать Григорий Борисович, которому тоже, неожиданно для него самого, беседовать с мальчиком оказалось совсем даже не скучно. — Я уже в том преклонном возрасте, когда читать не рискуешь, боясь нарваться на какую-то пустышку или некачественную литературу и понапрасну потерять время. Я предпочитаю перечитывать. Заведомо получишь удовольствие от чтения, а то и подметишь новые детали, нюансы... А бывает, что и

вовсе пересмотришь заново всю идею книги... Начнешь разбирать и увидишь то, о чем и сам автор не подозревал, когда писал свое произведение...

— Как это?

— Хорошая литература делается человеком всегда в соавторстве с Богом. Или с Дьяволом, что в принципе одно и то же. Писатель или, там, поэт — всегда только мать шедевра: он выносил и произвел на свет. А кто зачал? А кто принимал роды? Ты, надеюсь, понимаешь, о чем я толкую?

Павел поспешно солгал, утвердительно кивнув.

Себеев продолжал:

— Я начисто лишен литературного дара, но я профессиональный читатель и в последнее время серьезно увлекаюсь герменевтикой.

— Что это?

— Тебе и вправду интересно?

На этот раз кивок мальчика был абсолютно искренним. Ему было страсть до чего интересно!

— Ну, грубо выражаясь, герменевтика — это искусство толкования. А для меня это своеобразное детективное расследование. Ведь каждое литературное произведение содержит в себе целую уйму загадочных тайн.

— Каждое?

— Абсолютно каждое. Даже детские сказки. Вот возьмем для смеха ну, скажем, «Красная Шапочка и Волк»... Знаешь?

— Ясное дело, — тоном профессионала самоуверенно заявил Пашка. — Легкотня! Еще в детстве сто пятьсот раз слышал, и читал, и смотрел!..

— Превосходно! Стало быть, материал ты знаешь досконально. Для герменевтики это перво-наперво — знать материал. Можем приступать?

— А чего ж там разгадывать? Обычная детская сказка... Послала мама Красную Шапочку к бабушке...

— Вот! — воскликнул Себеев в некотором даже волнении. — Вот всего лишь самое начало, одно предложение, а сколько сразу неразгаданных вопросов и тайн!

Мальчик нахмурился:

— Какие ж тайны?

— Масса! Почему мать сама не могла навестить бабушку? Далее! Отчего у девочки нет имени? Все ее, и даже родная мать, называют Красной Шапочкой!

— Ну, так это не тайна, — улыбнулся Пашка. — Она была в красной шапочке!

— А вы, милостивый государь, в черном свитере, но никто вас Черным Свитером не кличет!

— Так она ж всегда в ней ходила...

— Правильно! — воскликнул Себеев. — Правильно!

Он увлекся, я бы даже сказал, завелся. Бросился к книжной полке, отыскал нужную книгу, стал лихорадочно листать... Дальше он говорил так, словно размышлял вслух, совершенно или, во всяком случае, частично позабыв о Паше.

— Берем самую классическую версию сказки, записанную братьями Гримм. Из нее узнаем, что бабушка однажды подарила ей красную шапочку. Никакой другой она носить не желала. Поэтому ее и прозвали Красной Шапочкой. В оригинале, кстати, Красный Капюшончик. Но родная-то мать могла называть дочь по имени. Но нет! А стало быть, красная шапочка — это какой-то важный символ! Ну, это только присказка, как говорится. Читаю: «Вот однажды мать ей говорит: „Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай, отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляетс”». Что ж это за болезнь, от которой помогают кусок пирога и вино? — Паша неуверенно улыбнулся, а Григорий Борисович и вовсе рассмеялся, увидя, что его ирония достигла цели, если уж ребенок и тот понимаю-

ще улыбается. — «Выходи из дому раньше, да смотри, иди скромно, как полагается». Страшная фраза, не правда ли? Или вот забавная деталь: «Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей Волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злющий зверь, и вовсе его не испугалась». Девочка, живущая у самого леса, не знала, оказывается, какой страшный зверь волк. А вот ответь мне еще, Павел, чего вообще хотел волк?

— Кушать, — неуверенно предположил Павел.

— Правильно! Тогда почему он не отнял у девочки корзину с пирогом и вином?

— Ну, так он же хотел съесть Красную Шапочку.

— В таком случае зачем он выспрашивал, где живет старуха, потом обогнал девочку, съел сначала бабушку и только потом, облачившись в бабушкины одеяния, съел внучку? Какие-то сплошные несостыковки. У Шарля Перро почти та же история. Но там еще больше страдает логика. А все оттого, что детская сказка — это всего лишь переделанный для детей миф, в котором сюжет был... как сказать... более страшным и не совсем приличным.

— Как так?

— А вот так. Волк там не только убивает бабушку, но и готовит из ее мяса кушанье, а из ее крови — напиток. Переодевшись в старухины лохмотья, волк угощает девочку этим страшным кушаньем из бабушки, о чем девочка, конечно, не подозревает. Это еще не все. Потом он предлагает девочке раздеться и лечь рядом с ним, и только тогда девочка замечает, что в постели не ее бабушка, а страшный волк. И он ее съедает. — Григорий Борисович закрыл книгу. — Ты еще слишком юн и не понимаешь, что этот миф, как и сказка, полон символов и намеков сексуального характера. К примеру, Фромм уверен, что на самом деле речь идет об извечном конфликте между мужчинами и женщинами, а данная сказка повествует конкретно о том, что любая женщина мужчину и хочет и боится, и любит и ненавидит, готова бежать за ним на край света, чтобы убить его; в ней всегда борются верность и предательство, и сама она, как Красная Шапочка, — не то жертва, не то кровавая мстительница. И неудивительно поэтому, Павел, что, по одной версии, волк ее съедает, а по другой — ему лесорубы вспарывают живот. Все это, конечно, слишком поверхностно, примитивно... Да и пример не совсем удачный, допустим... Но первое, что необходимо уяснить, — Истина (та, что с большой буквы) никогда так просто не дается. Она постоянно прячется от людей.

— Почему? — спросил Пашка, окончательно завоеванный интеллектом старика.

— Потому что ею должны были владеть только боги, — он состроил иронично-печальную мину и добавил: — Но вкусила Ева с Древа Познания Добра и Зла... И нарушила древний закон, предписанный богами...

— А я в Бога не верю, — почти по-взрослому сказал мальчик.

— Да я, в общем-то, тоже... Вернее... Не верил, но знаю, что они были... А может, и теперь еще есть... Бесы точно есть... Одного я даже встречал... Давно только...

Удивление и страх Пашки были настолько сильны, что вместо того, чтобы задать вертевшийся на языке вопрос о бесах, он спросил:

— А вы сейчас какую книгу разгадываете?

— В последние двенадцать лет я изучаю величайшую книгу Мильтона «Потерянный рай». А до нее тридцать лет изучал «Пир во время чумы» Пушкина.

— Тридцать лет?

Для Пашки это была целая жизнь.

— Дадите почитать?

— Само собой. Но для начала лучше тебе прочитать книги Джека Лондона и Герберта Уэллса. Такая литература для тебя сейчас в самый раз.

— Не такой уж я маленький, — обиделся Паша.

— А я этого и не говорил.

— Не такой уж я ребенок.

— Неважно — ребенок ты или не ребенок, — сказал Себеев. — Главное, что ты человек.

Пашке и это тоже очень понравилось. Может быть, впервые в своей совсем еще короткой жизни он осознал в разговоре со взрослым, что он — человек.

Так они и подружились. Два человека. Большой и маленький. Старый и молодой.

5

История сделала как бы некий заколдованный круг: в детстве Себееву довелось завести дружбу с умным и крайне интересным человеком, многому его научившим, старше его намного, а ныне он подружился с мальчишкой, которому ему нравится передавать свой жизненный опыт и который заменил ему сына. Да, хоть Себеев и старался вести себя с Пашкой на равных, проявляя к мальчишке подлинное уважение, несмотря на разницу в возрасте, видя в нем развивающуюся личность, все равно это была скорее дружба отца и сына.

Пашка сам теперь заходил в гости к старику. Делился с ним тем, что происходило в школе, дома и на улице, просил советов по всяким житейским вопросам... Иногда, если Григорий Борисович неважно себя чувствовал, выходил выгуливать повзрослевшего Бабеля, который с годами стал походить на лабрадора. А Себеев в свою очередь с интересом помогал Пашке делать домашние задания. Благодаря этому третий и четвертый классы Паша закончил без троек, а в пятом классе ему удалось стать отличником. При этом он отнюдь не превратился в заучку, в «ботана», как потом начали называть тех, кто учился на отлично. Он умел и не боялся за себя постоять. Себеев настоял на том, чтобы его друг записался в какую-нибудь спортивную секцию. Сам-то он советовал Пашке бокс, но тот выбрал карате. Сказывалось новое веяние времени: кинотеатры заполнили фильмы-боевики, где свое умение красиво драться филигранно демонстрировали новые звезды этого жанра: Джеки Чан, Чак Норрис, Жан Клод Ван Дамм...

У Себеева была огромная библиотека, собранная им лично, на свой вкус. Григорий Борисович тщательнейшим образом подходил к выбору книг, даваемых Пашке для прочтения. Каждую прочитанную мальчиком книгу они затем всегда обсуждали. Для Паши это было одним из самых интересных занятий. Он радовался, когда его мнение по поводу прочитанного хотя бы частично совпадало с мнением по этой книге Григория Борисовича. А когда не совпадало, Пашка пробовал дискутировать с мудрым стариком, спорить, отстаивать свою точку зрения. Этому его тоже научил Григорий Борисович.

— Запомни, Павел, — говорил он ему. — В спорах истина не рождается, это всего только красивая фраза, но это ложное убеждение. Нет, в спорах истина не рождается, но в спорах, если ты, конечно, отстаиваешь сугубо свою точку зрения, а не ради спортивного интереса отрицаешь все подряд, твоя истина проходит испытание на подлинность и прочность. Ты также учишься ее защищать, находя в живом диалоге с умным человеком конкретные доводы, аргументы и доказательства своей правоты. Я не случайно сказал «в диалоге с умным человеком». Надеюсь, ты понимаешь, что с дураком спорить бесполезно и глупо. Тот, кто спорит с дураком, и сам не шибко-то умен. Я сильно сомневаюсь в том, что Чацкий из «Горе от ума» умен, когда вижу, как часто и много он спорит с Фамусовым, Скалозубом и прочими не очень умными людьми. Он пытается доказать свою правоту даже Софье, той, ко-

торую любит, хотя и она не умнее своего хитромудрого папашки. Она столь же глупа, как и многие другие там, но на свой лад. И эта дура выбрана им в качестве любимой женщины? Так ли он умен, если любит такую женщину? Впрочем, «ум и сердце не в ладу». Предположим, народные глупости иногда имеют некоторую толику смысла, например, в утверждении, что сердцу не прикажешь. Но ведь он даже не замечает недалекости возлюбленной, вот в чем беда! Он удивляется ее словам, ее поступкам, но не отказывает ей в уме! Умен ли Чацкий, когда пытается что-то объяснить толпе глупцов, изначально настроенных против него? Нет, сынок, Чацкий не умнее Дон Кихота, который бросался на ветряную мельницу в полнейшей убежденности в том, что мельница — не что иное, как дракон! Но Дон Кихот — наивный и слабоумный романтик! Тем не менее Грибоедов дает пьесе название «Горе от ума», хотя справедливее и правильнее было бы назвать произошедшее с Чацким «горе без ума». Так что же? Александр Сергеевич ошибся? Не верю! Грибоедов, в отличие от своего героя, по-настоящему умен. Стало быть, название пьесы имеет какой-то другой, спрятанный смысл. Да и какое горе имело место быть во всем произошедшем? Чацкий потерял любимую, ах, какое горе! Только горя-то нет. Любимая не умерла, она жива-здорова и даже счастлива была, пока Чацкий все не испортил. И не терял он никакой любимой! Хотя бы потому, что никогда не владел ею. У них, между ними, кроме невинной детской влюбленности, никогда ничего не было. Но Чацкий мчится, как-то даже «вдруг», в Москву, решив с чего-то, что у него в Москве есть «любимая». Столько лет шлялся по заграницам, я так понимаю, даже не переписывался с ней активно, и вдруг — решительно настаиваю на слове «вдруг» — мчится, прямо рвется со всех ног, загоняя лошадей (!), на встречу с любимой! Не страдает ли тут элементарная логика, сынок?

За прошедшие годы Паша привык к такому обращению. А ведь когда-то, когда Григорий Борисович впервые назвал его «сын мой», Пашка разволновался так сильно, что побледнел. Себеев это заметил и постарался более не использовать таких слов в обращении к мальчику, однако же спустя какое-то время вновь называл Пашу сыном, и никого — ни Пашу, ни Григория Борисовича — это не задевало.

Пашке, хотя, возможно, он и не осознавал этого, не хватало отцовской заботы, отцовского внимания, и в лице Себеева он обрел лучшего в мире отца.

6

Когда Паше исполнилось шестнадцать, Себеев отдал ему ключи от машины.

— Сдай на права. Автомобиль старенький, но первая машина такой и должна быть. Пока нет опыта, ты, как бы внимательно ни ездил, все равно так или иначе угробишь ее. Так пусть это будет машина, которую не жалко. У тебя еще есть два года, но документы я уже переоформил. Катайся на здоровье.

Мать Пашки хотела было отказаться от такого дорогого подарка, но видя, как счастлив сын, не решилась испортить ему праздник.

А Пашка действительно был счастлив. И Григорию Борисовичу приносило удовольствие видеть сына счастливым.

Счастье всегда коротко. Обычно к нему просто привыкают, и тогда для счастья требуется что-то большее. Но на этот раз счастье было коротко, потому что было резко оборвано несчастьем.

У Себеева случился инсульт. За пару месяцев до его столетия.

Григорий Борисович знал, что это случится, он был готов к приступу и последующему недомоганию.

После больницы Себеев был прикован к постели. Его тело более не слушалось своего хозяина. Он, как и главный герой романа «Морской волк», Волк Ларсен,

был наполовину парализован. Правая сторона уже находилась в расположении самой Смерти. Он не мог пошевелить правой рукой, правой ногой. Даже правая сторона лица застыла навсегда в омертвелой обездвиженности. Когда он говорил, шевелилась только левая сторона его лица. Зрелище было не для слабонервных. Но Паша с матерью ухаживали за ним. Они добровольно взвалили на себя нелегкий крест заботиться о прикованном к постели больном, полуживом, как он сам заявлял, полутрупе.

Пашку не напрягал уход за стариком. Он был не в восторге от малоэстетических обязанностей, но исполнял их дисциплинированно и старательно.

Более Пашки и его матери страдал морально Себеев. Ему было неловко, стыдно. Он не привык чувствовать себя бессильным. И не мог с этим смириться, хотя и понимал, что нельзя ничего сделать; он это знал с четырнадцатилетнего возраста. Он рассказал однажды Пашке о своем давнишнем предвидении. Он еще сказал в Старый Новый год:

— Знаешь, что меня все эти долгие годы держало в списке живых? Во-первых, я знал, что в конце жизни обрету настоящих друзей — Чехонте, Бабеля и тебя. — Он улыбнулся половиной рта. — Ничего, что я ставлю тебя в один ряд с животными?

— Люди тоже животные, — улыбнулся Пашка в ответ, — только не такие разумные.

— Я знал, что обрету друзей, а еще меня все эти годы удерживало от самопогибели то, что когда-то побудило Еву совершить преступление и потом привело к губительным последствиям для всего человечества, — любопытство, доставшееся людям от нашей праматери.

— Еву толкнуло на преступление не любопытство, а любознательность, — возразил Павел.

— В моем случае это одно и то же. Я знал, что перед смертью буду прикован к кровати, знал и день своей смерти... Но я не знал, как именно уйду из жизни. Последний миг всегда ускользал от моего взора в этих видениях... Но теперь я знаю, как я уйду... Я надеюсь, что знаю...

— Ты увидел свою смерть? — спросил Павел.

— Нет.

— Откуда же ты знаешь, как именно ты умрешь?

— Просто я знаю тебя. И, смею надеяться, знаю себя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Паша... Сегодня день моей смерти... Последние две недели я с нетерпением ждал, когда этот день наступит. Я устал. Я хочу умереть. И ты должен мне помочь.

Павел не сумел справиться со своими эмоциями, и весь ужас отобразился на его лице.

— Ты предлагаешь мне...

— Ну-ну, смелее!

— Ты предлагаешь мне убить тебя?

— Нет! Что ты!

— Слава богу! А то я уже такое подумал...

— Не убить, а избавить меня от жизни.

— Сейчас? В Старый Новый Год?

— Такой себе праздник...

— Прекрати!

— Да что тебя смущает? Суди сам, разве это жизнь? Скажи честно, ты хотел бы очутиться в моем положении? Только честно!

— Нет, конечно.

— Почему же ты обрекаешь меня на то, на что сам бы не согласился, если бы у тебя был выбор?

— Дело не в этом...

— Сколько раз мы с тобой обсуждали эвтаназию. Ты всегда соглашался со мной, что бесчеловечно отказывать человеку в смерти, когда он не видит смысла жить дальше. Поторопись! Осталось восемь минут.

— Что?!

Павел отскочил от Себеева, словно испугался, что само его присутствие и близость могли убить старика.

— Что? — повторил он после звенящей пустотой паузы.

— Спустя несколько минут ты должен оказать мне услугу.

— Стойте! Вы же сказали, — Пашка почему-то перешел на «вы», — что умрете сегодня! Зачем же мне брать грех на душу, если вы, скорее всего, умрете и так?!

— В том-то и дело — я хочу уйти добровольно. С твоей помощью. Просто сам я не справлюсь. Надо взять десятикубовый шприц и, наполнив его воздухом, ввести мне в кровь саму смерть. Как это красиво, — вновь полуулыбка на лице, — умереть от чистого воздуха.

— Я не могу тебя убить, — честно признался Павел.

— Не верю.

— Не веришь? — он был растерян.

— Любящий сын не может отказать отцу в милосердном акте.

Тишина.

— Отец...

На глазах сына выступили слезы.

— Прости, сынок, но мне это нужно... Помоги мне... Я никогда ни о чем тебя не просил...

— Отец...

— Не заставляй меня умолять тебя... Осталась минута. Возьми шприц. Подари мне смерть... Пожалуйста...

И тут Павел сказал:

— Нет!

— Нет?

— Нет! — повторил он. — Я не стану этого делать. Во-первых, потому что человек, вы сами меня этому учили, должен быть последовательным. В наших разговорах об эвтаназии я всегда занимал иную, чем вы, позицию. Человек должен стойко проживать отпущенный ему Богом век. Так я думаю. К тому же помогать человеку — не значит делать что-то вместо него. Вы решили уйти добровольно? Это ваш выбор! Я могу вам даже помочь? Что — подать шприц? Пожалуйста! Но я против! Я лучше помогу вам не отступать от когда-то принятого решения — жить, несмотря на трудности и боли. Будьте сильными до конца! А я буду рядом! Вы можете проклясть меня, но я буду действовать, как я считаю правильным. Разве не этому тоже вы учили меня? Думать самому и делать то, что кажется правильным мне, а не кому-то!

Себеев, сквозь слезы, улыбнулся:

— Мой мальчик... Сынок...

Слезы были, не хочу скрывать или как-то приукрашивать действительность...

Считается, что мужчины не должны плакать. Но... Слезы были.

Плакали двое сильных мужчин... Большой и маленький. Старый и молодой. Только начинающий жить и уходящий из жизни. Но грусти не было... Ибо слезы счастья очищают от всего печального, они словно омывают душу, а с чистой душой легко жить и легко умирать.

Олег ПАВЛОВ

* * *

Отворились хрустальные двери,
Развязалась коробка с дождем,
Новогодние синие звери
С death-морозом — индейским вождем.

Ледяная избушка не тает,
Снег лежит в предвесеннем тепле,
И снежок заоконно витает,
Растворяясь в февральском стекле.

Скоро встанут зеленые травы,
И заставит веселая блажь
Говорить: «Вы, Сережа, не правы,
И пора вам менять экипаж,

Ах, Андрюша, вы тоже простите,
Валентин, отойдите от дам,
Только я этих женщин прельститель,
Никому никого не отдам».

И не надо размахивать птицей,
И не надо распахивать дно,
Умереть никому не простится,
Хоть от смерти и не суждено.

Мы стремимся, смешные младенцы,
Нанести свой последний укол,
Словно пулей серебряной в сердце
Заострен наш осиновый кол.

Загоняя поглубже неправду
И умея продлить эту боль,
Цедим по-трансильвански: «Неправ ты,
Не рифмуется кровь и любовь...»

А потом заморочила вьюга,
А потом ледяная метель,

Олег Анатольевич Павлов родился в городе Грозном в 1968 году, служил в пограничных войсках, окончил мединститут (пять лет работал психиатром-наркологом) и Литературный институт им. А. М. Горького. Далее журналистом и редактором работал на Крайнем Севере. Публиковался в газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета», журнале «Зинзивер» (под именем Олег Анатольев) и др. В 2013-м вышла книга стихов «Космоязычество». Член СП России.

Устояла б какая подруга
От напора таких новостей.

Соль заставит испытывать жажду,
Боль заставит испытывать страх,
Но каким бы ты ни был сермяжным,
Ни верлибрил нимфетку впотьмах,

Все равно тебя выведет к свету
Круговое вращенье ночи.
Отворятся хрустальные склепы,
Прилетят золотые грачи...

THE REVOLUTION of ADVANTAGES

Быть счастливым и гордым
Взять за разницу время
Между счастьем и горем
Между сном и горением

Что там совесть — пустое
Что там маски — отстанут
Revolution достоинств
Потрясает местами

Но каким бы немирным
Нам казался сей атом
Все слагается в смирну
Молодым азиатам

И оттуда как память
кафолическим ладом
молодыми стопами
станет золото златом

где же с луком корзинка
померещится адом
там любая слезинка
превращается в ладан

потому что убитым
воскрешение нужно
говоришь про либидо?
заряжаются ружья

и стреляется в небо
если не в человека
этот выбор от хлеба
окровавленным веком

и опять про пустое
нарастает усталость
где нам взять сто достоинств
чтоб хоть что-то осталось?

Если памятью режет
Будь хотя бы статистом
Если труп еще свежий
Совесть кажется чистой

Я прощу, я ненужный
Раскрываюсь от боли,
Убиваюсь от дружбы
Вместе с этим тобою

ПРО БАНЮ

Мы от бани — как от бабы — не откажемся.
Паром нас крестить пора бы — да размажемся.
Слышишь? Каменкой сипешной выцедив весь пар,
разговор течет неспешный, слюдяной базар.

Тяпнешь двести или триста, нос за котелком,
за народного артиста, что поет с полком,
за родителей, за детство...«Понемногу смог...»
И опять пойдет кокетство, кто нам русский Бог.

Где-то лень, а где-то вера заставляла жить.
Смерть — постыдная химера, чертовы ножи,
сообщаются лишь колбы — радость и тоска,
друг плеснет: «А ты отвел бы дуло от виска?»

Много выльешь без сноровки, пережжешь народ
«...от Сереги и от Вовки в первый очеред...»
«Что ты чешешь о высоких, я дорогой терт,
что мне толку от далеких? Что далек, что мертв.

Новизна для наркомана, для бродяги — суть
красота не для кармана, а для всех-нибудь...»
И парует, не кончаясь, мысль до потолка,
закопченным черным чаем булькает в висках,

вроде слышал и не раз ты всякий оборот,
но иной распарен, красный, распакует рот,
и как радостною донка засверкает влет:
«Бог не в нынешних иконках, в Будущем живет...»

Шайка, жар и многоразов моцион костей,
и пока мне чужд маразм, буду ждать гостей,
растоплю чугунку ярко, ледяной воды,
и опять пойдет прожарка счастья и беды,

чтобы выйти в мир холодный, не заметив зла,
чтоб любовь была не модной — просто чтоб была.

* * *

Что ты чешешь где-то между
Поливая огурцы
Кто берет с собой надежду
Забывает про концы

Кто берет с собой вагоны
Забывает про жилье
Что ты знаешь о погоде
То ты знаешь про нее

У нее такие пальцы
Что цветет любой привой
Горожане и скитальцы
С нею счастлив бы любой

Там сады и огороды
Авиация, батут
И текут дары природы
В золотую пустоту

«К авиации не годен»
Хочешь, бабочку слови
Что ты знаешь о погоде
То ты знаешь о любви.

ПОСЛЕЛЮДИЕ

Всякий зверь после совокупления печален
(Вот откуда в зрачках зияние)
«Не хватает мне на севере пальм,
а на юге — северного сияния...»

В воздухе разлит осенний запах —
Можно поставить точку, но стоит ли ставить точку,
Если жизнь продолжается, Восток, Запад
Сплетаются между собой, не умея жить в одиночку,
Щепка прыгает на щепку, пчелка на пчелку,
Страсть засыпает поля раскаленным пеплом
(На какие бы поэмы ни вдохновляли италийские челки —
в плачущие пустоты превратит Везувий цветы Помпеи),
ведь страсть — крашеная девка, гламурная зая,
живущая под чьим-то голубым от вен сердцем,
пределом моих мечтаний считает артиста эстрадного рая,
отдающего чистоту за частоту килогерца...
а потом ум, от которого уже больно,

попытка смастерить корову, для которой трава — это души,
как выйти из круга, как прервать этот ноль,
выскочить с поля, ни единого ростка не нарушив?

...Пустыня жаждет, небо, как всегда, свысока,
Ни у кого нет ответов на твои вопросы.
Справедливость любви — что мясо для рыбака,
что честность для лавочника, продающего в голод просо.

* * *

Два счастья

Я возьму с собой в дорогу
не свободу, а любовь
до означенного срока
пережив немую боль
Эта дама на прощанье
не закрыла даже дверь
вот вернуться обещала
только мне сказал: «не верь»
удивительный прохожий
непохожий на нее
боль и бог одно и то же —
заблуждение твое
а возникло оно, парень,
от желаний кутерьмы
ты, наверное, в ударе
был, когда просил взаймы
у хозяина таверны
и, похоже, не просек,
что платить придется... верно,
разумеется, за все
на ошибках научиться
все равно что дуть на воду
ты оставь крикливым птицам
оголтелую свободу
так сказав, исчез прохожий
растворился в лебедях
облака, они похожи,
я ж пошел куда глядят
те глаза, что мне дарила
и свобода, и любовь
и судьба мне говорила:
им, двоим, не прекословь
третьим будешь — не забудешь
в Богом отданной крови
разве болью ты разбудишь
мир свободы и любви?

Всюду вместе, хоть не схожи
И хохочет жизни новь
Бог и боль одно и то же...
Нет. Свобода и любовь.

* * *

Точка есть прикосновенье,
Слово — нежное касанье.
Видишь, сны воруют звенья
Из казны ненаписанья?

И несутся вслед за ними
Орды, жаждущие знанья,
Сквозь холмы твои, равнины
К тайной родине изгнанья,

В глубь долин, ручьев, оврагов,
В глубь озер твоих счастливых,
И несет за нежной влагой
челны слов неприхотливых...

Вспомни миг проникновения
К тайне нежного касания,
Пусть струит река-мгновенье
Из казны ненаписанья

К дикой мяте, в чащу леса,
От цветка к плоду лесному,
В земляничные завесы,
Где земное — неземное.

* * *

Из неба сочится сквозь дырочки звезд
Льняная лисица в венке из стрекоз
Лиловые тени в отливе реки
В хитоновом теле мальки-светляки...

То очень давно мы смотрели кино
И рыжие гномы варили вино
Ночное каноэ качало волной
И девочка Флоэ и я, но иной...
В ночи золотые орали коты
И мы на латыни писали «цветы»
У маковой халы журчал ручеек
И бабочка Хаа хлебала чаек...
Как будто тем летом утекшим в лиман
Неспешная Лето текла сквозь туман.

Сергей КОЗЛОВ

РАССКАЗЫ

ОТЕЦ НИФОНТ *

Сентябрь 1919 года

По городу ползли тревожные сумерки. В арке проходного двора, привалившись спиной к облупившейся грязной стене, спал священник в полном облачении. Будто притомился после службы, присел отдохнуть и уснул. Он так сливался со стеной, что был почти незаметен с улицы. Где-то во дворах раздавались сухие хлопки выстрелов, крики, звон разбитых стекол. С соседней улицы появился санитарный «фиат» и остановился как раз напротив арки, где спал батюшка. Из кузова выпрыгнули солдаты отряда особого назначения, а из кабины, размахивая на ходу внушительным маузером, неспешно спустился командир. Поправив ремень, на котором висела деревянная кобура, он стал всматриваться в глубь проходного.

— Стефанцов, по последнему адресу, Волокитин, черный ход перекрой! — скомандовал он с легким акцентом, и солдаты послушно ринулись в арку.

Там один из них запнулся за ноги батюшки.

— Тудыть твою!.. — крикнул, падая, красноармеец. — Тут кто-то есть! Товарищ Лепсе!

— Кто еще?

— О! Вроде поп! — ответил другой боец. — Мертвый, что ли?

— Какой еще поп? — товарищ Лепсе сделал шаг в арку, покачивая в руке маузером, но войти не решился.

— Не мертвый, а пьяный вусмерть! — разобрался тот, который упал. — Сивухой несет!

— Поп? — переспросил товарищ Лепсе. — Пьяный? Комендантский час, а он... Может, он с ними, тормоши-ка его, — и нетерпеливо: — Да как следует!

— Мычит!

— Живой, стало быть...

---

* В основе рассказа реальные события.

Сергей Сергеевич Козлов родился в 1966 году в городе Тюмени. Окончил Тюменский государственный университет. Работал учителем истории в школе, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. С 1998 года был директором средней школы. С 2008-го по 2010 год — главный редактор окружной общественно-политической газеты «Новости Югры». С 2011 года — главный редактор журнала «Югра». Обозреватель телеканала «Югра». Почетный работник общего образования РФ. По повести «Мальчик без шпаги» снят художественный фильм «Наследники» (2008), по мотивам романа «Вид из окна» снят художественный телефильм «Жених по объявлению» (2011), сценарий написан совместно с Дмитрием Мизгулиным и московскими драматургами. Проза переводилась на азербайджанский, сербский, греческий и болгарский языки. Депутат Тюменской областной Думы 5-го созыва. Председатель общества русской культуры Тюменской области. Лауреат многочисленных литературных премий. С 1999 года — член Союза писателей России. Член Союза журналистов России.

— А ну дай-ка я его...

Священник пытался рассмотреть восставшие из мрака фигуры. По всей видимости, это ему никак не удавалось. Но вот он попробовал подняться и, осеняя пространство наперсным крестом, неожиданно громким баритоном воскликнул:

— Изыдите, дети сатанинские! Да воскреснет Бог и расточатся враги его!..

— О! Ты смотри, как он нас.

— Мартын, окрести его прикладом, чтоб хайло свое закрыл...

Коротким и точным ударом приклада священника снова сбили с ног, тут уже подоспел товарищ Лепсе.

— Ну, чего тут?

— Да... Поп пьяный... Ругается еще...

— Анафемствует...

— А может, придуряется? Тут как раз конспиративная квартира Национального центра. Может, он панам офицерам прислуживает? Или контрреволюцию их благословлял? — товарищ Лепсе наклонился пониже, пытаясь рассмотреть лицо священника. — О! Воняет как! Пьяный-то точно, но что он тут делал?

— Да я, товарищ Лепсе, на Пресне его сколько раз видел. Он к рабочим ходит, требы совершает. А пьян всегда. Точно-точно — всегда.

— К рабочим, говоришь, ходит? Может, агитирует? Деникин идет на Москву, а он, значит, на Пресню ходит. А ну, в машину его, к остальным. Да свяжите!..

— Зачем вязать-то, товарищ Лепсе? Он и так — ни рукой, ни ногой...

— Что т-ты рассуждать вздумал, Стефанцов, вяжи, я говорю...

— Да поп он обычный. Пьяный только.

— Да, он обычный поп, а значит — обычный контрреволюционер. Черносотенец еще. Ну? Может, кому-тто, — он так и отчеканил это двойное «тэ», — из вас тоже не нравится красный т-террор?

Солдаты, далее уже не рассуждая, связали бесчувственные руки священника, которого в округе знали под именем отца Нифонта. Когда его волокли к «фиату», он начал приходить в себя и снова застонал:

— О-о... За грехи мои тяжкие... Бесы! Куда меня?!

— В машину, там разберемся, — то ли священнику, то ли самому себе сказал Лепсе.

20 декабря 1908 года

Десять лет вымаливали отец Нифонт и матушка Ольга ребеночка. Нет бы — смириться, жить, как Господь дает, но каждый день молили Христа и Богородицу.

Матушка была отцу Нифонту первой помощницей. А уж красавица была и умница... Вроде как и женились-то по расчету. Он из семьи священника, она из семьи священника, родители встретились, познакомили. А как увидел Нифонт Оленьку, так и сердце екнуло. Еще на мысли себя поймал: «Страсть, грех...», но матушка потом ему своей чистотой и скромностью с этой страстью бороться помогала. Жили душа в душу, как одно целое. Нифонт все шутил: «Верно ты, Оленька, мое ребро, только вросла в самое сердце». Только вот детей не было. Не давал Господь — значит, полагать надо было и понимать, что Он знает, почему не дает. Матушка все с чужими чадами возилась, по приютам много ходила, уже подумывали сирот себе взять.

Вымолили...

Ушла матушка к Христу, которого до слез любила. Бывало, читает Евангелие и плачет, плачет. Тихо так, да жалуется Нифонту, что слезы читать мешают. А батюш-

ка даже заплакать не смог, просто сердце оборвалось, когда еще не наступившим утром ему сказали, что ушла матушка... И Варенька — дочка, едва мир успела увидеть — улетела некрещеная. Что-то там лопотали доктора, что-то объясняли, а сердце как упало, так и осталось ниже земли. Нет, не роптал Нифонт, просто не нашел в себе сил пережить, перемолить горе. Уже днем вышел из храма, упал на снег, а слезы стоят в горле, не идут наружу, только лицо горит и в груди ломит. Староста его поднял, в каморку свою завел, рюмку налил: не простудился бы, батюшка. И уж потом только рассказал, что из Петербурга пришло другое печальное известие: почил в Бозе всероссийский батюшка отец Иоанн.

— Может, — говорит, — он за руки матушку Ольгу и доченьку вашу через все мытарства проведет. Великий молитвенник ведь. Мы тут все думали, что это он Россию от беспорядков и революции вымолил... Выпей еще, батюшка, легче хоть мало-мало будет.

И батюшка выпил...

1909 год

Эх, так и запил батюшка с горя. Запил и сам не заметил как. Где крестины, где отпевать — везде нальют. Сначала вроде на ногах держался, а потом и падать начал где ни попадя. Уж и сам владыка его корил, и наказывали, но от лона Церкви не отсекали, от служения не отрешали, ибо, как это ни удивительно, паства отца Нифонта любила, алтарники с ним на службах плакали, даже заступались за него перед церковным начальством. Да и литургию отец Нифонт служил всегда трезвым, из последних сил, обливаясь потом и слезами, но трезвый. А вот к вечеру...

Жалованье батюшка раздавал без жалости. А за бутылкой шел подчас просить в долг в магазин или в лавку. В иной давали в долг, в иной давали, махнув рукой: хочешь пить — пей; в иной — стыдили и отправляли восвояси. Но как бы там ни было, а водка всегда находилась или всегда находился тот, кто ее приносил. Самое обидное было, когда едва бредущего в сумерках домой отца Нифонта окружали дети и галдели наперебой:

— Старый, лысый, пьяный поп, водки выпил целый гроб!

— Да, ребятушки, — соглашался со слезами на глазах Нифонт, — нет вот матушки Ольги, она бы вас леденцами угостила, — вспоминал он.

— Поп по улице идет, черт ему еще нальет! — отвечала детвора.

— Да, ребятушки, — всхлипывал Нифонт и торопился уйти восвояси, а вслед ему летело: «Старый, лысый, пьяный поп», хотя по отношению к отцу Нифонту верным было только последнее. Ни старым, ни лысым он не был, хоть и осунулся, хоть и мешки под глазами.

Посреди ночи он иногда вставал, томимый похмельем, тянулся сначала к воде, потом к бутылке с вином, но неизменно падал на колени перед образом Спасителя и, не смея поднять глаз, шептал:

— Господи, милостив буди мне, грешному... Прости меня, окаянного... Скажи Олюшке, что сам я не ожидал... Помоги мне, Господи, грешному... Крест, что ли, мне великоват... Олюшку, Симона моего Киренияниа ты призвал... Прости меня, грешного... Поломалось что-то внутри... Прости... Прости...

И так день ото дня, ночь от ночи. Иногда ему казалось, что уже не сможет он утром выйти в храм, вот уже и руки стало потрясывать мелким бесом, но Господь каждое утро подавал ему сил — ровно столько, чтобы отслужить, и совершал он даже требы, но к вечеру всегда был пьян. Просветления наступали у него на Великий и Филиппов пост, когда он прокусывал себе губы до крови, бился по ночам в

горячке, обливаясь потом, и ему казалось, что тело его сейчас же разорвут ненасытные бесы на части и вытечет пугливая душа гнилым ручейком, и стыд заполнял все окружающее пространство. И тогда звал он Оленьку, звал, будучи абсолютно уверенным, что она слышит его, и порой мнилось ему, что она стоит где-то рядом, вот-вот вытрет липкий пот с его тела, поправит слежавшуюся вонючую подушку, положит ладони на лоб, и он сам же гнал от себя это чувство, даже в таком состоянии опасаясь быть прельщенным.

Могло пройти полгода или больше, прежде чем Нифонт по той или иной причине снова выпивал спиртное. И уже буквально через неделю неслось за ним по улице:

— Старый, лысый, пьяный поп, водки выпил целый гроб!

Или приказчик какой, попыхивая папиросой у лавки:

— Хорош батюшка! Никак четвертиной причастился...

Или какая-нибудь дама, искажая лицо гримасой презрения:

— Фи, какая мерзость, а еще святоши!

— Оленька моя так бы никогда не сказала, — шептал самому себе отец Нифонт.

Наконец послал Бог спасительную мысль: в монастырь надо уходить. Сразу надо было. Но тут в стране стало происходить что-то невообразимое. Не то ли, о чем предупреждал батюшка Иоанн Кронштадтский?

Сентябрь 1919 года

— Господа, смотрите, кого к нам бросили! Священник!

— Батюшка, вы живы?

— Он жив?

— Неужели избили до такой степени ироды?!

— Били-то били, но, по-моему, он пьян.

— Надо его уложить, господа.

— Здесь сидеть негде...

— Поручик, прекратите курить, мы тут все задохнемся!

— Для чего беречь здоровье, господин полковник? Впрочем, простите, полагаю, папиросы у меня скоро кончатся — и я не буду никому докучать. Но уж позвольте мне докурить.

— Да курите, поручик, это нервы...

— Попа-то за что сюда?

— Господа, не тот ли это, коего на Пресне частенько пьяным можно увидеть?

— Видать, пролетариат исповедоваться будет Карлу Марксу.

— Оставьте, господа, он такой же узник, как и мы. И, скорее всего, невинный. Лучше подумайте о том, что сегодняшнюю ночь многие из нас не переживут.

В камере зависло молчание. И сквозь это молчание отец Нифонт возвращался в сознание. Открыв глаза, он сразу понял, где он. Люди в военных кителях, хоть и без погон, или одетые в гражданское — все равно в них угадывались офицеры.

— Господи, — прохрипел он, вставая на колени, — Господи! Благодарю Тебя, что призрел ты на меня, грешного, и не оставил погибать, что послал мне страдания во очищение...

Арестованные изумленно молчали. Отец же Нифонт, обретая вдруг силу и голос, продолжил записанной когда-то молитвой батюшки Иоанна Кронштадтского:

— Слава Тебе, Вседержащий Царю, что Ты не оставляешь меня во тьме диавольской, но присно посылаешь свет Твой во тьму мою. Ты Светильник мой, Господи, и просветиши тьму мою. Владыко мой, Господи Иисусе Христе! Мой скорый,

пребыстрый, непостыждающий Заступниче! Благодарю Тебя от всего сердца моего, что Ты внял мне милостиво: когда я в омрачении, тесноте и пламени вражием воззвал к Тебе — пребыстро, державно, благостно избавил меня от врагов моих и даровал сердцу моему пространство, легкость, свет! О, Владыко, как я бедствовал от козней врага, как благовременно явил Ты мне помощь и как явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благость Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянных; славлю Тебя, что Ты не посрамил лица моего вконец, но милостиво от омрачения и бесчестия адского избавил меня. Как же после этого я могу когда-либо отчаиваться в Твоем услышании и помиловании меня, окаянного? Буду, буду всегда призывать сладчайшее имя Твое, Спасителю мой; Ты же, о пренеисчетная Благостыня, якоже всегда, сице и во предняя спасай меня по безмерному благоутробию Твоему, яко имя Тебе — Человеколюбец и Спас!

И, широко осенив себя крестом, пал ниц.

Никто из офицеров не спросил, за что священник благодарит Бога. Все и так понимали. Наверное, каждый из них во время молитвы отца Нифонта подумал о том, что появление священника в камере смертников не случайно. Пусть и пьяница, но перед лицом смерти, проявляя неожиданное смирение и силу духа, он позволил им почувствовать сопричастность к Божиему Промышлению о них. Не нарушая злой воли заточивших их и обрекших на смерть, Господь явлением священника среди них давал им надежду и ободрение. И думали об этом даже те, кто еще недавно на фронте забывал или считал ненужным осенять себя крестным знамением.

— Нет ли воды, братья, — поднялся священник. — Я — грешный раб Божий, отец Нифонт.

— Вода здесь роскошь, батюшка, — ответил полковник, который был в камере за старшего, — скорее всего, напоят нас собственной кровью. Говорят, за ночь в Петровском парке до двадцати человек расстреливают. Наша вина лишь в том, что мы кадровые офицеры...

— Господь разберется, в чем наша вина, — тихо сказал отец Нифонт.

Он еще прислушивался к себе, и, к удивлению своему и к радости, не обнаруживал похмелья, как не обнаруживал и слабости, и плакал в сердце, благодаря Бога за ниспосланные чудесные силы и небывалую бодрость духа.

— Господь разберется, — повторил священник, вспомнив вдруг другого офицера...

Октябрь 1917 года

— Батюшка, там за вами пришли, говорят, генерал на исповедь зовет, умирает... — алтарник Ришат, в крещении Александр, выглядел озадаченным.

Не менее удивился и отец Нифонт:

— Меня? Пьяницу? Генерал? Я ж в основном с рабочими... Ну, с мещанами... А генерал... Меня почему?

— Извозчика прислали. — Алтарник потупился и признался: — Я тоже, батюшка, спросил — почему вас. А они говорят, нужен священник, который... — Он снова замялся. — Тот, что сам оступался, чтобы, значит, мог генерала понять. Другой, мол, не поймет. Так поедете?

— Как же я могу умирающему отказать, — задумчиво ответил Нифонт. — Собери все, что нужно.

— Ну и хорошо, батюшка, особенно хорошо, что вы в лавку еще не успели сходить.

— Да, хорошо, — не обиделся священник.

Через полчаса отец Нифонт был на другом конце города, в старом, еще прошлого века постройки, особняке. В доме было тихо и прохладно. Челядь и близкие

смотрели на отца Нифонта с нескрываемым интересом, но молчали. Говорила только жена генерала, встретившая его в гостиной. Статная, уверенная в себе женщина, она почти нагло, внимательно и неторопливо изучила внешность священника. Отец Нифонт терпеливо ждал, на всякий случай сказал:

— Ежели считаете недостойным, тут недалеко — отец Владимир. Очень достойный человек.

— Отец Владимир вас и рекомендовал. Так вы сегодня трезвый, — словно сама себя убеждала в чем-то.

— Я, с вашего позволения, не каждый день пьяный. И с утра вообще не пью.

— Хорошо-хорошо, — немного смутилась хозяйка. — Простите меня, я не знаю, почему он просил привести именно вас. Пойдемте.

В спальне на кровати лежал седой и бледный мужчина с закрытыми глазами. Только сбивчивое дыхание выдавало в нем присутствие жизни. Укрыт он был военной шинелью. Именно она почему-то более всего удивила и привлекла внимание отца Нифонта. Он даже не заметил, как генерал открыл глаза.

— Император Николай Первый умирал под шинелью, — негромко сказал генерал, — как солдат.

— Что-нибудь нужно, Миша? — спросила жена.

— Всем выйти, оставьте нас с батюшкой, и двери запри. Запри, милая...

— Доктор должен вот-вот быть, — несмело напомнила жена.

— Ничего, подождет. Может, успеет. Что толку тело латать, когда душа на выданье.

Жена послушно ушла, заперев за собой дверь. Генерал показал глазами отцу Нифонту на стул рядом с кроватью.

— Простите, батюшка, встать не в силах.

— Ничего.

— Сначала я у вас спрошу, только не обижайтесь...

— Да, я именно тот священник, который... одержим пиянством, — упредил отец Нифонт.

— У вас было горе?

— Да, но это повод для молитвы, а не для, сами понимаете.

— Скажите, когда вы пьете, вы предаете Христа?

— Да, — твердо ответил отец Нифонт.

— И все равно рассчитываете на прощение?

— Если бы не рассчитывал, не смог бы возвращаться в жизнь. Полагаюсь на милосердие Божие.

— Теперь я готов исповедоваться... Мой грех против Бога — это грех против Его Помазанника. Я предал Одного, значит — предал Другого. Я, как и многие генералы по призыву начальника штаба, подписался под общим подлым, трусливым, гадким требованием отречения государя императора... И вот — наказан уже при жизни. Я предал Государя, предал Бога, солдаты предали меня...

Генерал говорил долго, Нифонт ловил себя на мысли, что боится — кающемуся не хватит сил, видно было, что тот собирает последнюю волю. Казалось, он вспомнил каждого своего подчиненного до последнего рядового, которому сказал худое слово. И когда он, обливаясь потом, в полном бессилии завершил исповедь молитвою, отец Нифонт сидел молча пораженный, перед ним будто бы прошла история России за последние полвека.

— Простите, батюшка, — прошептал генерал, напоминая о себе, — заплакать — не могу себе позволить. Я — воин.

Нифонт накрыл его голову епитрахилью и произнес разрешительную:

— Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Михаил, вся согрешения твоя: и аз, недостойный иерей, властию Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

На слове «недостойный» Нифонт запнулся...

Сентябрь 1919 года

И теперь, глядя в лица цвета русской армии, Нифонт содрогнулся сердцем. Вот они — подчиненные генерала. Теперь — их очередь. Мученический венец — возможность искупления.

— Все ли из вас готовы к смерти? — неожиданно громким голосом спросил священник. Так, что все встрепенулись.

— Умирать — это наш долг, — сказал совсем юный юнкер.

Говорить после этого юнца еще что-то было нелепо, возражать ему — подло. Нифонт еще раз прошелся взглядом по изнуренным лицам и почти приказал:

— Мне нужен свободный угол и немного пространства. Я буду принимать исповедь. Подзывать к себе буду сам, кого посчитаю нужным. Кто не пожелает, его воля.

Офицеры послушно освободили дальний от двери угол камеры. Нифонт, прежде чем направиться туда через общую толчею, вдруг почувствовал — словно укол в сердце. Причем укол этот он ощутил, когда еще раз шел взглядом по лицам, когда встретился глазами с тем, кого все называли полковником. Пройдя на освобожденный пятачок, первым позвал полковника. Тот вдруг угадал предвидение священника и, подымаясь, сказал:

— Господа, никому из тех, кого зовет батюшка, не советую отказываться. Впрочем, воля ваша.

Успел только отец Нифонт произнести над полковником разрешительную молитву, дверь в камеру со скрипом открылась, и бравый красноармеец нагло крикнул:

— Полковник Козин, ходь сюда!

Уже на выходе полковник повернулся лицом к узникам, склонил голову и попросил:

— Благословите, батюшка, — а потом ко всем: — Честь имею, господа.

— Шагай, благородие, твою мать! — выругался красноармеец.

Дверь закрылась. Минуту в камере висела тишина. Нарушил ее седой мужчина в гражданской одежде.

— Ну, если по званиям, значит — моя очередь. Подполковник Аксенов, — представился он тем, кто его не знал.

— Нет, — уверенно остановил его отец Нифонт, — сейчас вы, если желаете, — позвал он поручика, который еще недавно курил.

Вот и сейчас он достал последнюю папиросу, но прикурить ее не успел.

— Я? А я вот покурить хотел. Чудом ведь не отобрали.

— Решайте сами, — не настаивал Нифонт.

— Покурите у стены, — горько рассудил подполковник, — а священника там точно не будет. Так что действительно решайте, поручик.

Поручик сунул сначала папиросу за ухо, потом переложил в карман кителя, застегнулся на все пуговицы, будто собирался на военный доклад, а не на исповедь.

— Иду, батюшка...

Поручика позвали следующим. Полковник не вернулся. И далее отец Нифонт безошибочно определял, кто будет следующим, и дверь камеры отворялась, как за-

говоренная, когда исповедь очередного узника была уже кончена. В конце концов в камере остались только молодой юнкер и отец Нифонт.

— Я следующий, — приготовился юнкер.

— Нет, — так же уверенно, как и всем остальным, сказал Нифонт, — как вас зовут?

— Алексей.

— Алексий. Был такой человек Божий Алексий... Знаете?

— Да, помню что-то в детстве... Читали мне... А еще митрополит московский Алексий. Дмитрия Донского пестовал. А когда моя очередь, батюшка? Вы не думайте, я не боюсь.

— Я не думаю, я знаю, что не сегодня.

— Когда же? Ночь еще длинная.

— Не в эту ночь. Поживете еще, Алексий. И, — отец Нифонт печально вздохнул, — не забывайте молиться о тех, кто вышел сегодня за эти двери. Я по именам каждого запомнил, но мне — не судьба. Заучить сможете?

Пораженный юнкер со слезами на глазах смотрел на священника.

— Смогу.

Пока они повторяли друг другу имена, в камеру втолкнули новую группу офицеров и гражданских. Восемь человек.

— Что-то мало, — удивился Алексей.

— Еще будут, — ответил Нифонт.

Несколько развязный человек в окровавленной белой сорочке, с разбитым лицом, войдя в камеру первым, браво представился:

— Капитан Лисовский!

Завидев священника, криво ухмыльнулся и, ерничая, огласил:

— Господа, большевики нам попа послали!

— Не большевики, а Господь Бог! — с негодованием поднялся юнкер.

— Полно вам, юноша! — осклабился капитан. — Полно! Я сюда не душу спасать прибыл. Я только об одном жалею, что мало этих красных тварей передавил. Ясно вам! А тут еще поп! С ума сойти!

— Прекратите, господин капитан, этот батюшка только что проводил в небо целую роту, а вы!..

— Не надо, Алеша, — остановил распаленного юнкера Нифонт, — не надо, лучше имена повторяй. И этих всех запомни. Господа офицеры! Братья! — обратился он к новой группе арестованных. — Я, к сожалению, уже не успею исповедовать всех частно, но если кто бывал на общей исповеди у отца Иоанна, может вместе со мной покаяться. Время дорого, братья. На общую исповедь нужна общая решимость.

Лица офицеров мгновенно поменялись. Бравый капитан немного растерялся, но быстро пришел в себя:

— Простите, батюшка, только что имел честь беседовать с комиссарами. Лацис — слышали о таком мерзком чухонце?..

— Я попрошу вас оставить свой гнев, господин капитан, — смиренно попросил отец Нифонт, — как вас зовут?

— Георгий.

— Подумайте лучше о своем славном святом.

— Простите, батюшка, — склонил голову капитан. — Я готов.

Глубоко вдохнув, батюшка начал, делая паузы между фразами, чтобы все успевали повторить:

— Исповедаю Господу Богу Вседержителю... во Святой Троице славимому и поклоняемому... Отцу, и Сыну, и Святому Духу... все мои грехи... мною содеянные мыслию, словом, делом и всеми моими чувствами...

Постепенно нерешительные голоса превратились в небольшой, но стройный хор. Только Алексей, стоявший за спиной священника, молчал, завороженно глядя на офицеров. У некоторых на глазах выступили слезы, но голоса от этого только крепли. Отец же Нифонт даже не задумывался, откуда он помнит и точно ли повторяет слова общей исповеди, на которой был всего раз в жизни в Андреевском соборе Кронштадта.

— Во всех беззакониях я согрешил и имя Всесвятого Господа моего и Благодетеля безмерно оскорбил, в чем повинным себя признаю, каюсь и жалею...

Дверь камеры открылась. На пороге появились несколько красноармейцев и даже какой-то тюремный начальник с оружием наперевес.

— Ты смотри, что тут этот поп устроил!

— Сокрушаюсь горько о согрешениях и впредь...

— Молчать, контра!

— А ну дай им!

— Попа сюда тащи!

— ...При Божией помощи, буду от них блюстися...

Офицеры попытались заслонить священника, но ударами прикладов и штыков их потеснили. Некоторые были ранены.

— Тащи попа! Как раз щас машину грузят.

— Давай, поп, начальству своему небесному лично доложишь, что у нас тут революция, пусть контру принимают...

— Крест с него возьми, вдруг золотой!

— Да откуда у этого пьяницы золотой...

Дверь захлопнулась. В камере было тихо. Раненые не стонали.

— Простите, господа, но не тот ли это священник, о котором ходили анекдоты? — беззлобно спросил капитан.

Сначала ему никто не ответил. Потом словно очнулся юнкер, прежде отер разбитые в лохмотья губы и, как мог, твердо и громко сказал:

— Это другой священник, господин капитан.

— Да, я тоже так подумал.

— Это точно другой... — подтвердил еще кто-то.

— Я еще никогда не испытывал такого чувства раскаяния и духовного подъема, — вдруг признался капитан.

— И я.

— И я.

— Господа, назовите мне ваши имена, так отец Нифонт сказал, — попросил юнкер.

Где-то в Петровском парке и за городом раздавались ружейные залпы. У красного молоха было еще очень много работы.

САПОГИ

Серо было этой осенью. Промозгло. Серо настолько, что казалось, солнце уже никогда не выглянет. Так и угаснет свет. Растворится в сумраке кронштадтских улиц. И снег не выпадет. Оттого и лица у людей были смурые, недружелюбные.

А тут идет по улице молодой священник и улыбается. И так улыбается, что светло вокруг него. Кто-то улыбнется ему в ответ, подойдет под благословение, иной же нырнет в сырую тень проулка, как будто света испугается, третий будет долго смотреть ему вслед, словно забыл спросить чего...

Архип и Федор, завидев священника, тоже юркнули в арку двора.

— О! Щас нам Бог на четверть подаст! — сказал Архип. — Давай, Федор, скидавай свои сапоги!

— Чего? — не понял Федор.

— Скидавай сапоги, а то не успеем.

— Дак а чего? — не понял Федор.

— Видел же, отец Иоанн идет, ему до дому чуть осталось. Выйдешь навстречу босиком, он ни за что мимо не пройдет. Свои отдаст. Сымай, ты и одет похуже. На босяка сойдешь.

— Да грех это! — дошло до Федора.

— Какой грех? — скривился испитым лицом Архип. — Ты человеку добро помогаешь делать. Батюшка у нас юродивый. Утром бы успели к раздаче у дома, так по три копейки бы кажному взяли... Проспали. Давай же! — Архип уже стягивал с товарища сапоги. — Давай. Я тут схоронюсь, а ты просто иди навстречу, — и почти вытолкнул босого Федора на улицу.

Федор какое-то время стоял, удивленно рассматривая свои грязные босые ноги, бахрому заношенных штанин, почувствовал, как холод брусчатки пробирает и поднимается вверх.

— Иди! — крикнул из арки Архип.

И Федор пошел, опустив голову, глядя на свои неухоженные ноги. И очень ему вдруг захотелось, чтобы батюшка не заметил наготы его ног. Так захотелось, что аж душу защемило, похмелье отступило, будто его можно было вылечить стыдом. И шел он, словно крался, вдоль стен. Авось проскочит...

Не проскочил.

— Ты что, любезный, босиком? Ноябрь на дворе... — услышал он голос священника над своей грешной головой.

— Да вот... — более и сказать не мог ничего.

— Потерял, пропил, сняли? — только-то и спросил батюшка.

— Сняли, — механически повторил последнее услышанное слово Федор.

— Ну прости их, — сказал отец Иоанн, — может, им нужнее.

— Угу... — Федор не подымал глаз.

— Вот что, мне тут совсем немного осталось. Бери-ка мои! У меня новые. Вчера подарили. Точно тебе говорю. Размер у нас, похоже, один. Бери-бери!.. — священник уже стягивал с себя сапоги.

— Дак это... батюшка... — Федор не поднимал глаз.

— Одевай! Так оба мерзнем, а так — один обутый будет. Одевай. — И сам стал одевать Федору свои сапоги. — А мне тут с квартал осталось. Пойду. И ты иди с Богом. Да не напивайся более, — перекрестил и пошел.

Когда Архип подошел к Федору, тот плакал. Так и стоял, как оставил его отец Иоанн. И плакал. Слезы капали на новые сапоги, подаренные священником.

— Ну, чего я говорил?! — радовался Архип. — Пошли, в лавке у Морозова поменяем.

— Грех это, — всхлипнул Федор.

— Да чего ты?! — не понимал Архип. — Догони и отдай, раз так! Помрем с похмелья! Может, нам Бог его руками подал? Чуешь? То-то... Грех — это вон карманники — в Андреевском-то соборе уже и не по одному карманы чистят. Теснота там на службах такая, что рука сама в чужой карман лезет. А мы не крадем! Мы по милости взяли... Пошли... — Архип подтолкнул Федора, — пошли. Там, вона, обратно переоденешь... да пошли быстрее к Морозову, он новые сапоги для кого из своих рабочих возьмет.

И вправду — сапоги на бутыль-четверть и еще на кое-какую снедь сторговали. И ушли пить сначала в дворницкую к Архипу, а уж когда, как водится, внутрь попало, то остальное, коли душа просит, найти проще. И сапоги батюшкины забылись...

И забылись бы совсем, коли Архип на последние двадцать копеек не подхватил бы извозчика до трактира «Мыс Доброй Надежды», где надеялся встретить одного своего старого собутыльника из бывших матросов. И встретил ведь! И дальше гулянка пошла. Пили под корюшку на развернутом листе «Кронштадтского вестника». И Федора уже подхватило и понесло, и голову закружило, да вот когда очередной раз ставил рюмку на стол, встала она, как нарочно, на объявление в газете о том, что в доме трудолюбия будет читаться слово протоиерея Иоанна Ильича Сергиева против неумеренного употребления спиртных напитков. И снова Федор увидел, как руки священника надевают на его грязные ноги новые ладные сапоги.

— Господи... — только-то и смог прошептать, и никакой алкоголь не мог более приглушить голос совести.

Сам по себе трезветь начал. И от вида водки затошнило даже.

— Пойду я, — сказал тихо Архипу, который травил какую-то байку матросам.

— Чего? — изумился Архип.

— Пойду, — твердо ответил Федор и поднялся. — Без меня дальше.

— Так это?.. — Архип не знал, что сказать.

— Не серчай. Чего-то мне худо...

— Ну так. От водки бывает. Но водкой же и лечится, — вставил хмельной друг Архипа.

— Н-не... Пойду я...

И пошел сквозь трактирный гомон и дымную хмарь, но и на серой холодной улице ему не хватало воздуха. В Андреевском соборе ударил к вечере колокол. Федор вздрогнул, вздохнул глубоко, насколько позволяла грудь, и пошел, пошатываясь, в сторону храма... Околоточный, что спешил в трактир на шум начинающейся драки, посмотрел на него с подозрением, но останавливать не стал. Зато остановился рядом извозчик.

— Двадцать копеек в любую сторону, — сказал он привычное.

— Нету у меня... Я в храм... — почти прошептал Федор. — Надо мне. Худо...

— К батюшке? На общую исповедь? — спросил извозчик. — Садись, и мне, пожалуй, пора съездить. Садись, денег не возьму, а то упадешь где-нибудь, замерзнешь.

— Да что же это такое, Господи? — изумился Федор и полез в коляску.

* * *

— Вот, матушка, Василий Федорович, велели передать, — посыльный кланялся Елизавете Константиновне.

— Какой Василий Федорович? — матушка с грустью смотрела на сапоги.

— Морозов, матушка. Помните, батюшка Иоанн молился, когда дочерь у него болела. Вот тот. На словах сказал, мол, батюшка, может статься, опять без сапог придет. Обует сирого кого...

Матушка с изумлением смотрела на сапоги. Потом подняла взгляд на посыльного.

— Да не ты ли на прошлой неделе их и принес?

— Я! — широко улыбнулся посыльный. — Точно я. Те — самые. Их сегодня забулдыги Василию Федоровичу сторговали. А он и купил. Потом меня к вам отправил. Просил только ничего батюшке не говорить. Пусть, говорит, будут как будут. Не скажете ничего? — посыльный обезоруживающе улыбался.

— Не скажу, — вздохнула Елизавета Константиновна. — Чай, не первые сапоги...

— А тут еще припасов каких послал Василий Федорович, — посыльный протянул сверток. — А нету самого-то батюшки? Благословиться? — с надеждой заглянул он за дверь.

— Да ведь нет! Поди, еще босиком куда зашел! Он же никому не отказывает.

— Знаем, знаем. Дай Бог ему здоровья. Не простудился бы. Ну, пойду я. — Он еще постоял с минуту, словно чего-то ждал от матушки.

— Иди с Богом, — отпустила она.

Посыльный развернулся и почти побежал — засеменил, не оглядываясь. А Елизавета Константиновна перекрестила его вслед и еще стояла какое-то время, всматриваясь в тревожную сырость улицы.

— Не скажете ничего? — повторила для себя просьбу посыльного Елизавета Константиновна и улыбнулась.

Уж в первые годы жития с отцом Иоанном все сказала и все поняла: с кем живет и куда путь держат.

— Для чего бедных Господь оставил? — спрашивал ее батюшка и сам отвечал: — Чтобы богатые милостью к бедным заслужили себе милость Божию.

Да вот сам богатым никогда и не был.

— Помнишь же, Лизанька, у Матфея: «Что вы сделали одному из бедняков — братьев моих меньших, то сделали Мне».

— Помню, — покорно соглашалась матушка и тут же без труда забывала, куда ушло небольшое жалованье да и все пожертвования.

«Интересно, узнает ли свои сапоги?» — подумала матушка, посмотрела на них внимательно и увидела на носках разводы-капли.

— Никак плакал кто над сапогами-то? — подивилась Елизавета Константиновна, но тут же спохватилась о другом: — На вечерю-то тоже босиком ушел или одел кто?

* * *

Архип с трудом пришел в себя. Понял, что, помимо похмелья, еще и бит. Где? Когда? Ах ты ж! Как говорят матросы, «потерпел аварию под мысом Доброй Надежды». Где уж там добрая надежда?

Как оказался в своей дворницкой — не помнил. Сам пришел или привез кто? С трудом встал и потянулся к ковшу с водой. Пил долго, обливаясь, почти весь ковш выпил. Потом обессиленно сел на топчан, пытаясь унять дрожь в руках. Не проходило. И посмотрел вдруг на ноги.

Босые! Босые и черные!

Стало быть — сапоги сняли! Яловые! О! И кушака нет! Ладно, хоть поддевка на месте.

Снова потянулся к ковшу. В дверь постучали.

— Открыто! — прохрипел Архип.

Дверь открылась, и с улицы вместе с первым снегом зашел околоточный. Отряхнул фуражку, осмотрелся.

— Ну, Архип Прохорович, догулялся ты нынче. Наши-то тебя с самого «Мыса» привезли. Без сапог уже.

Архип опустил повинную голову.

— Какой день-то уже?

Дворник пожал плечами: не помнил.

— То-то... В общем, ты у нас вместо опоры порядка стал сам... Как это выразиться... Ну ты понимаешь. Велено тебя менять. Бектимир давно на твое место просится.

— Татарина на мое место?! — взвился мигом Архип, но боль и слабость похмельная в ногах уронили его обратно на топчан.

— Татарина на твое место, — твердо сказал околоточный, — он не пьет. Ему Аллах не велит. А от тебя службы последнее время никакой. И все твои заслуги прежние забылись.

— Так я ж вам смутьяна поймал! Чуть он меня с нагана не пристрелил.

— Помним, помним, Архип. Потому... Три дня тебе. Сразу на улицу не гоним. Найдешь другое место и освобождай помещение.

— А ежели я выправлюсь? — попытался ухватить ту самую соломинку дворник.

— Выправишься? — с сомнением переспросил околоточный. — Так то долго доказывать надо. Разве что если поручится за тебя кто. Уважаемый человек какой. Есть у тебя такой?

Архип молчал. Очень хотелось опохмелиться, потому как думать больше ни о чем не мог.

— То-то же, — вздохнул околоточный, поднялся и нырнул в снежный вихрь за дверью.

Архип так посмотрел на дверь, будто она была виновата во всех его бедах.

— О-хо-хо-хо... — простонал он.

Снова с трудом поднялся и обшарил комнату. Заначек нигде не было, медь в карманах не звенела, а значит — тяжелое похмелье вот-вот раздавит напрочь.

Ждать не стал. Обмотал ноги какой-то ветошью, что лежала в углу, привязал ее к ногам тесьмой и, как был, вышел на улицу. Над Кронштадтом начиналась зима. Хмурая, как и уходящая осень. Снег хоть и был белым, да падал с такого серого неба, что и не радовал. Да и на мостовой он быстро таял и добавлял грязи.

— О-хо-хо-хо... — оценил состояние природы Архип и побрел из подворотни вдоль улицы.

Спешно думал, у кого можно занять до расчета. Да, получалось, у кого можно было, уже и так занял. С досады ударил себя по груди — попал по медной дворницкой бляхе, что болталась на шее. Поди ж ты — не сняли вчера! А что с нее? Теперь Бектимирке достанется. Будет лысый татарин перед своими щеголять. Куда ж идти-то? И как потом век доживать? Мысль эту он вдруг озвучил, но уже иначе:

— Скоро ведь двадцатый век! — и посмотрел на свои ноги, обмотанные в тряпье.

Вспомнилась вдруг недавняя беседа с неким инженером в трактире. Уж не сын ли того же Морозова? Вроде как на инженера он учился... И рассказывал Архипу, что скоро техника станет такой, что труд дворника будет не нужен. «Будут вашу работу, Архип Прохорович, машины делать». — «Как же, машины! Бектимирка, татарин, будет мою работу делать... А я у него буду милостыню просить».

— Архип! — услышал он вдруг за спиной и сначала не узнал голос.

Оглянулся и увидел, что его догоняет Федор.

— Ох, хорошо, что ты. Думал, помру уже. Есть у тебя, Федя, на что похмелиться?

— Нет.

— Ой, плохо. Плохо мне, Федя. Да еще околоточный пришел. Со службы меня, Федор, гонят. Три дня дали... Бектимирку ставят на мое место.

— Совсем гонят?

— Совсем.

— Ты что, не болеешь, что ли? — изумился вдруг Архип, глядя на вполне свежее лицо Федора.

А тот вдруг заметил ноги товарища.

— А... с-сапоги твои где?

— Видать, сняли вчера.

— Видать, — согласился Федор.

— А ты-то куда вчера делся? — спросил Архип с подозрением.

— Сапоги исповедовал.

— Сапоги?

— Сапоги. Отцу Иоанну.

— Ой-йо! — вспомнил еще из вчерашнего Архип. — Вот оно мне где вернулось. Святого человека обманул. — Архип опустил голову.

— Так... может... со службы-то не погонят. Повинишься, оставят. Ты же уважаемый человек.

— Да какой уважаемый! — отмахнулся дворник. — Борода вот только и осталась от уважения. Да бляха на груди. Свисток и тот где-то посеял. Теперь два пальца в рот и свистеть, как разбойник какой. — Архип безнадежно махнул рукой куда-то вдоль улицы. — Околоточный сказал, если только за меня какой уважаемый человек поручится. А кто за меня поручится?

— Я знаю — кто, — сказал твердо Федор. — Только надо не пить более.

— Да неужто ты думаешь?.. — Архип сразу догадался. — Я ж... получается... с него сапоги...

— Поручится, — снова повторил Федор. — Пошли быстрее.

— Да куда быстрее? У меня такого тяжелого утра еще не было.

— Вот и пошли.

— Сердце выпрыгнет!

— Не выпрыгнет. Если к нему пойдешь, точно не выпрыгнет. У меня вчера не выпрыгнуло. Думал, умру в толчее, а вышел из храма — как новый.

— Да ну, — засомневался Архип, — как новый... чудеса это все...

— Не чудеса, — взял его за руку Федор, — а вера и помощь Божия. Так ты идешь? Или у тебя другие поручители есть?

Снег между тем пошел хлопьями, и Архип почему-то с тоской вспомнил про свою верную лопату. Самое время бы...

— Как же я к нему пойду?! — вскричал Архип, показывая Федору на свои ноги, закутанные в тряпье.

— Так же как я вчера, — напомнил Федор. — Только я совсем босым шел...

* * *

Людей вокруг батюшки теснилось великое множество. И он, стоя на крыльце, раздавал кому милостыню, кому благословение, кому что-то успевал шепнуть. Нищие стояли в честную очередь с левой стороны, а справа успевали те, кто под благословение или просто дотронуться до священника, приложиться к руке. Федор тут же встал в очередь, где стояли нищие, Архип же отошел в сторону и прислонился от слабости к стене. Так и стоял чуть в стороне, ни на что не надеясь. Федор еще какое-то время махал ему рукой, мол, иди сюда, но тот безнадежно качал головой, и в конце концов Федора затерла толпа. Людей вокруг было много, а Архип вдруг почувствовал такое пронзительное одиночество, такую богооставленность, что к его физическим страданиям добавились еще и душевные. Он уже собирался развернуться и пойти куда глаза глядят, как вдруг услышал громкое батюшкино:

— Пропустите его. Да, вон его...

И сразу стало тихо. Архип поднял глаза и увидел, что все повернулись и смотрят на него, а между людьми образовался коридор, который открывал ему путь к священнику.

— Подойди, — позвал батюшка.

Позвал не приказом, не грубо, но так, что нельзя было отказаться. И Архип подошел. И чем ближе подходил, тем труднее было сдерживать слезы. Захотелось вдруг рассказать, как недавно похоронил жену, как сыновья уехали в Питер на заработки и забыли об отце, как легко и быстро сходишься с голью босяцкой, а потом уже и не помнишь, кем был. О том, что иной раз и пошел бы на службу в храм, да надо двор мести, улицу, снег ведь не спрашивает. А лед не сколешь — попадают люди. Так и живешь без причастия Христова...

— Знаю, знаю, все знаю, — словно услышал его мысли батюшка и возложил ему на голову ладонь. — Господь никого не оставляет. Ни единого, кто просит о помощи.

Ладонь батюшки сначала была теплой, а потом стала горячей, и тепло от нее разлилось по всему телу. Сначала из головы упало прямо в сердце и жарко стало в груди, а потом разлилось волной, и даже ногам стало тепло, хотя Архип уже перестал их чувствовать. Дворника бросило в пот. Да так, словно он стоял не в ноябрьской метели, а в парилке. Так, что застило потом и слезами глаза. Но вместе с тем приходило облегчение. Похмелье отступало, а на смену ему шла необычайная легкость. Такая, что хотелось дышать и жить. Он стоял и не смел поднять глаза, как вчера стоял перед отцом Иоанном Федор. Но потом все же решился.

И когда встретился взором с глазами отца Иоанна, то просто утонул в них. Чего там было больше: чистого неба? Отеческого укора? Добра разливанного? Архип вдруг понял, что взгляд этот пастырский не каждому дано увидеть — да не каждый и поймет его. Не всякому дано. Гордый и самолюбивый, закрученный миром сим и не увидит. А он — горький пьяница — сподобился.

— Лиза! — позвал, не отводя глаз, отец Иоанн. — Подай-ка, матушка, вчерашние сапоги. Да-да... Те самые, — словно на немой вопрос отвечал.

И сапоги сами собой оказались в руках Архипа. Новенькие, юфтевые. И уже начала оттирать толпа Архипа от батюшки, а тот сунул ему в голенище сапога какую-то бумажку. Архип думал — денежку. С тем и отошел в сторону. Следом из толпы винтом выкрутился Федор. Подошел.

— Переоденься, Архип. Замерзнешь совсем.

— Да мне жарко, — признался Архип.

— Что тебе батюшка в сапог-то положил? — полюбопытствовал Федор.

— Деньги, наверное. — Архип сунул руку в голенище, но это оказался другой сапог, и на дне его он нащупал несколько монеток. А во втором был свернутый вчетверо листок бумаги, на котором рукой то ли батюшки, то ли помощника его было выведено: «За подателя сего ручаюсь, протоиерей Иоанн Сергиев». Подпись и сегодняшняя дата.

— Не, это не вчерашние сапоги, — со знающим видом сообщил Федор.

— Ну так у нас же размеры с тобой разные, — додумал Архип.

— Ага, а у отца Иоанна со всеми одинаковые!

— Получается так...

Они шли по обновляемой снегом улице, и получалось, что осень все же становилась светлее.

— Я вот вспомнил сёдни, что Дмитрий Васильевич говорил: мол, скоро дворников машинами заменят.

— Да не заменят! Еще сто лет не заменят. Где машине тебя заменить? Она что, на крышу полезет, снег скидывать? — Федор посмотрел наверх, на припорошенные первым снегом крыши. — Не будет тебя, Архип, кто будет работать?

— Бектимирка, — улыбнулся Архип. — Очень на мое место хотел. — Остановился, подумал. — А вообще он трудящий. Я ему в соседнем дворе место подскажу.

— Подскажи...

Они шли по Андреевской улице. Утро вдруг вспороло стылую сталь неба солнечным лучом. Снег прекратился и тут же начал таять. И город-крепость, закованный в гранит, словно стал теплее. Маковка на Морском Андреевском соборе полыхнула привет солнцу и погасла. Где-то далеко на горизонте маячил двадцатый век.

— Не жмут?

— Не, как влитые.

Дворник Архип и разнорабочий Федор не видели, что за этим вековым горизонтом храма на площади уже нет. А за следующим нет уже и памятника Владимиру Ульянову, который стоял на этом месте какое-то время. Они это не видели. Зато в отличие от нас, грешных, они видели отца Иоанна — Всероссийского батюшку из Кронштадта.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

— Катя, собирайся, в церкву надо!

Маленькая Катя недоуменно посмотрела на бабушку.

— Так поздно уже. Ночь почти, бабуль. Холодно очень...

— Да ты что, Катерина?! Ночь-то на Рождество! Как же не пойти-то? — бабушка суетилась, откапывая в шифоньере старые, заношенные вещи.

— Так мы сегодня в самом храме будем? — Катюша посмотрела на бабушку с надеждой. — Там так красиво, свечи горят, а поют как!..

— Да ты что?! — снова вскинулась Василиса Мироновна, прозванная среди церковных попрошаек просто Мироновной. — Как раз сегодня самый сбор будет! Народ щедрее на праздник! Тебе на компьютер этот денег насобираем! Чуть осталось-то!..

— Бабушка, — взмолилась Катя, — баба Вася, у нас ведь все уже есть, ты же говорила, что надо на поесть, а у нас теперь и мебель, и окна вон новые поставили, и дверь железную, и телевизор для твоих сериалов вон какой большой! Холодно там стоять, плохо, пойдем прямо в храм?

— Катюша, ну что ты? Я ведь все для тебя, родная! Мне-то ничего уже не надо, помру — все тебе и останется. Вырастешь, будешь невеста, и все у тебя будет. Квартира обставленная... Потом еще мне спасибо скажешь, вот тогда на помин моей души свечку в храме и поставишь. Давай-ка одевайся... Да не, шубку новую не бери, пуховичок тот рваный, в котором всегда ходишь... Лицо-то тебе сегодня марать не буду, праздник все-таки, но ты там стой — грусти, как всегда! Поняла?

— Поняла, — вздохнула Катя, — мне в этом пуховике зябко очень, а шапка эта колется...

— Ну потерпи-потерпи, пока подают, надо брать...

— Надо обязательно за маму с папой помолиться и молебен заказать!

— Да о чем ты, милая, обязательно закажем!

Когда-то, после того, как родители Кати разбились в автокатастрофе, Мироновна отбила шестилетнюю Катю у государственных опекунов, у всяких там комиссий и омбудсменов, а вот пенсии-то ее едва хватало на то, чтоб платить за квартиру да чуть-чуть на еду оставалось. И соседка Варвара Григорьевна, ныне покойная, посоветовала: идите к Крестовоздвиженской церкви: близко, и подают там хорошо. К отцу Тихону много людей ходит и много сердобольных, милостивых. Мироновна, что всю жизнь привыкла работать и ни у кого ничего не просить, сначала вскипела, накричала на соседку, но потом нужда заставила. В первый же

день в Катину кружку насыпалось не только мелочи, но и разных купюр столько, что хватило и сходить в гастроном, и даже купить внучке новый свитерок и ботинки на меху. Об одном предупредила Варвара Григорьевна: бойтесь социальных служб, увидят Катю — могут забрать! Потому Мироновна сначала ходила нечасто, но постепенно одна денежка тянула за собой другую, и они стали ходить к храму, как на работу. Катя никому не врала, если ее спрашивали: «Нет, никто не обижает», «Нет, у нас не все плохо, просто бабушкиной пенсии нам не хватает чуть-чуть». И бабушкина пенсия вырастала в один вечер так, что от насущного Мироновна перешла к обновлению «основных средств обеспечения», как она говорила. Сначала холодильник, затем новый телевизор, поменяла сантехнику, заказала ремонт, новую дверь, да и на пластиковые окна удалось насобирать, а понемногу еще откладывала Кате на будущее. Подавали миловидной Катюше, хоть и делала из нее Василиса Мироновна оборвашку-замарашку, щедро.

— Помру, — часто напоминала она Кате, — завещание вон там лежит, в банке денежка для тебя копится, все тебе!..

— Бабушка, ты же все время говоришь, что Бог нас не оставит, и меня, значит, не оставит, зачем нам еще что-то? Я уроки делать не успеваю, — нюнилась всякий раз третьеклассница Катя.

— На Бога надейся, а сам не плошай, — отвечала поговоркой бабушка, — я войну пережила! А тогда знаешь, как голодно было?!

— Ты рассказывала...

— Вот! Запас, он никому никакое место не жмет, а деньги-то вон уж сколько раз в простые бумажки превращались! Надо вот еще золота подкупить, — уже сама себя озадачивала Мироновна.

— Баб Вась, а если меня мои одноклассники там увидят или учительница наша?

Мироновна на минуту поджимала губы, она тоже этого очень боялась, но потом внутренний бухгалтер брал верх:

— Да я тебя так малюю да в таком старье, кто хоть тебя узнает? А ежели увидишь кого, ты сразу отвертайся, а то и уйди ненадолго, учила же я тебя? То-то!.. Ничего, Бог не выдаст, свинья не съест!

— А что, свинья нас съесть может?

— Свиней нынче, внучка, много! А говорят так, потому как человеку сподручнее на хорошее надеяться...

И обе надеялись на лучшее: Катя на то, что они перестанут побираться, а Василиса Мироновна рассчитывала еще пожить, поднять Катю да обустроить ей жизнь, чтоб не пришлось сироте без нее на паперти стоять или — хуже того — прозябать в детдоме, потому хоть и не в храме, а за притвором Мироновна истово молилась и просила Бога об одном, чтоб продлил ее дни. И покуда милостивый Господь продлевал, даже хронические болезни отступили. И социальные работники да школьные комиссии, бывая с проверками у них дома, оставались довольны. А то ведь и в холодильник носы свои совали: мол, чем дитя кормите? «Чем Бог подаст», — сурово отвечала Мироновна, но на рожон тоже не лезла. А от предлагаемой дополнительной помощи не отказывалась.

Мироновна и сама порой не выдерживала... Часто у храма собирались местные алкоголики, что имели соответствующий вид, длинно и густо сквернословили, не обращая внимания на замечания верующих, хотя порой истово крестились и умели принимать жалкий просящий вид, отчего и им перепадало на опохмелку. Но когда этой публики становилось много, Мироновна хватала Катюшу за руку и, обещая алкашам кару небесную, торопливо вела внучку домой.

— Непорядок на рабочем месте, — комментировала она.

Часто к ограде храма, где обычно толпились попрошайки, настоящие и ненастоящие нищие, привозили инвалидную коляску, в которой с отсутствующим взглядом сидел парализованный после травмы четырнадцатилетний Паша. Он никогда ни с кем не разговаривал, а его мать Валентина Петровна общалась чаще с алкоголиками, чем с теми, кто имел здесь «благословленное» рабочее место. Зато она ретиво гоняла новичков с табличками типа: «Не хватает на операцию», «Умирает дочь, нужны деньги на лекарства» и т. п. Она подходила к носителям таких картонок, расписанных маркером неровными печатными буквами, и сурово требовала:

— Заключение врача покажи!

Если подобная бумага у претендента на народные деньги имелась, изучала ее подробно, а потом выносила справедливый вердикт: «Фальшивка», «Диагноз тебе проктолог выставлял?», «Ты бы еще печати жилконторы поставила»... По всему было видно, что она либо врач, либо имеет отношение к медицине. Но сама она об этом ни с кем не говорила. Иногда у «табличечников» появлялись защитники, подходили и сквозь зубы рекомендовали Валентине Петровне заткнуться, на что она так же тихо и сквозь зубы отвечала нечто такое, от чего крепкие ребята оглядывались по сторонам, а потом предпочитали ретироваться.

В эту рождественскую ночь Валентина Петровна тоже привезла Пашу к Крестовоздвиженской. Правда, в отличие от Мироновны, закатила коляску сначала в храм, поставила свечи, хоть немного постояла на службе... Паша смотрел на все происходящее безучастно. Как всегда. Единственная, с кем он мог обменяться парой фраз, кому мог улыбнуться, была Катя. Когда-то он спросил у нее: «Чем ты болеешь?» — «Я не болею, просто у бабушки пенсия маленькая, — пояснила Катя и в свою очередь задала вопрос: — А с тобой что?» Паша рассказал грустную историю о том, как они с ребятами пошли летом в порт и кто-то предложил нырять с пирса, хотя купаться там было запрещено. Но ребятам где запрещено, там, наоборот, больше всего надо. Решили прыгать в воду с пирса. Кто не прыгнет, разумеется, трус. Паша считал подобные затеи опасными и безумными глупостями, но как можно отказаться да еще быть против, когда все друг друга подначивают. Паша был среди ребят самым младшим, но почему-то в этот раз все стали указывать на него, мол, он должен прыгнуть первым. Паша разделся и прыгнул солдатиком. В полете его развернуло, и он ударился о воду спиной, что вызвало веселый смех товарищей, но под водой его ждала обломанная свая, всплыть он еще смог, а потом потерял сознание. Оказалось, повредил позвоночник так, что не может двигаться. Валентина Петровна продала все, что у нее было, и свозила его на операцию в Германию. Операцию сделали. Теперь Павел мог двигать руками, крутить головой, но ноги оставались недвижными. Хотя немцы твердили, не все еще потеряно...

— А сюда меня мама привозит, чтобы Бог видел, как я страдаю...

— Она думает, Он не видит? А деньги тогда зачем?

— Деньги она отдает на лечение больным детям. Нам ничего не надо.

С этого момента Катя стала очень уважать Валентину Петровну. Только не могла понять: у нее претензии к Богу или у нее надежда, а спросить почему-то боялась.

Иногда Паша вдруг говорил о непонятном для Кати. Например:

— Россию все предали...

— Кто? — удивленно пугалась Катя.

— Все, даже те, кто думает, что ее защищает.

— Что ты такое говоришь?!

— Мне делать нечего, читаю много. Вот у Достоевского, к примеру, он все это предсказал... Да у многих...

— И чего теперь?

— Ничего. Господь долго терпит... Но нигде не сказано, что вечно.

— Паш, но ведь Бог всех любит!

Павел отворачивался, отмахивался, мол, мала еще, не понимаешь. Да Катя на таких разговорах и не настаивала, сама чувствовала, что не по ней они. И понимала, откуда они у Паши, когда видела, как Валентина Петровна прогоняла молодых симулянтов от храма:

— Ты, псевдострадалец, сначала в армию сходи, на заводе поработай, поля распахай. Что — здоровье на дискотеке и от героина потерял? На пивасик не хватает? Из-за таких, как ты, русские скоро вымрут. Мало того, что вы только о своей заднице думаете, так вы еще и дремучие, тупые! — и говорила им еще что-то такое, что симулянты, даже самые наглые, предпочитали ретироваться. Но никогда не трогала детей, с кем бы они ни приходили.

Других ребят тоже сюда приводили. Чаще — их родители-алкоголики. Так им было проще и быстрее собрать денег. Детям подавали даже в самые «неурожайные» дни, как говорила баба Вася.

В эту ночь первым заговорил Паша. Он озабоченно посмотрел, как Катя жмется к церковной ограде и ежится.

— Ты чего, Катюх? — спросил он.

— Что-то мне сегодня холодно, я на корточки присяду... — Катя и присела, поставив перед собой заветную кружку.

Торопившиеся в храм прихожане и «прохожане» щедро сыпали и Паше, и Кате мелочь и небольшие купюры. А несколько хорошо одетых мужчин, даже расщедрились один на пятьсот рублей, а другой дал им по тысяче.

— Спаси, Господи, — пролепетала Катя. — С Рождеством!

Павел молчал. Он тревожно посмотрел в сторону Василисы Мироновны, которая увлеченно разговаривала о чем-то с другими постояльцами-попрошайками. Мама его снова ушла в храм, забыла заказать сорокоуст по умершему мужу, отцу Паши.

— Так ты в пост заказывала, — напомнил Паша.

— Лишним не будет. Может, он там тебя вымолит...

Павел только безнадежно вздохнул в ответ. А когда она ушла, сказал Кате:

— Вообще она у меня сильная...

Катя с тоской смотрела на прохожих, на бабушку, которой хотела сказать, что сильно замерзла, хотела сходить в церковь погреться, но без ее разрешения не решалась. А та продолжала обсуждать последние события в стране с другими старушками. Захотелось спать... Очень сильно. А в храме уже кончилось Навечерие Рождества...

Где там звездочка Вифлеемская? Показалась уже? Небо чистое, морозно, а звезд почему-то мало... Словно дымкой их закрывает. Да и видно только вдоль улицы.

Уж больше двух тысяч лет как Иисус родился. Такое доброе слово принес людям, таких чудес подарил... А люди? Неужели так сложно быть добрыми и любить друг друга? Недавно Катя прочитала «Рождественскую песнь» Чарльза Диккенса, и хоть Эбинейзер Скрудж был мрачным скрягой, ей все равно было его жалко с самого начала. Жалко, потому что он не знал любви и был одинок, а все из-за денег и жадности. «Вот и мы просим „хлеб наш насущный“, а ведь баба Вася просит уже больше, чем насущный...» — думала Катя. Если б можно было просить, вымолить другое... Но такая сила молитв только у святых, наверное... Катя печально посмотрела на Павла. Вспомнилась ей прочитанная сказка Валентина Катаева «Цветик-семицветик», и очень ей хотелось такой лепесток. Уж она-то из Сибири не помчалась бы на Северный полюс! Зачем? А вот Паше... Паше она бы помогла... «Лети,

лети, лепесток, / Через запад на восток, / Через север, через юг, / Возвращайся, сделав круг. / Лишь коснешься ты земли, / Быть по-моему вели...» Как все просто в сказках. И Христос, если бы прошел мимо, он бы только дотронулся до Павла или по голове бы погладил, и Павел смог бы ходить, бегать, прыгать...

Люди шли мимо. В кружке звенела мелочь, а Катя даже забыла постоянный бабушкин наказ бумажные денежки сразу убирать в карман. Ее знобило, и она уже не заметила, как сами собой закрылись глаза. Проснулась она оттого, что кто-то ее позвал...

— Холодно тебе?

Катя посмотрела наверх и увидела стройного высокого мужчину в долгополом пальто с непокрытой головой. Длинные, чуть вьющиеся волосы опускались на плечи. Добрые и мудрые глаза, узкий нос, короткая негустая борода... «Ах!» — вскрикнула Катя про себя, так он походил на Него! Дома у них стояла икона «Моление о чаше», и мужчина был точь-в-точь как Спаситель на той иконе.

— Вы так похожи... — тихо выговорила Катя.

Незнакомец улыбнулся:

— Хочешь пойти со мной?

— Куда?

— Там светло и никогда не бывает холодно... Там не надо ни у кого ничего просить.

— В рай? — догадалась Катя. — Посмотреть? Хочу...

Она осмотрелась по сторонам. Павел дремал в своей коляске. Бабушка продолжала разговаривать, оживленно жестикулируя. Где-то в храме открыли Царские Врата.

Катя было протянула незнакомцу руку, но потом смутилась своей дырявой варежки, сняла ее и лишь потом вложила свою в его ладонь. Удивительно, но рядом с ним было тепло. Точнее, было вообще тепло и отчего-то легко-легко... Бабушка часто говорила Кате, что с посторонними никуда ходить нельзя, а лучше и не разговаривать, но сейчас Катюша буквально чувствовала исходящее от незнакомца добро и точно знала: с ним можно. И он был так похож...

Они вошли в ворота, но почему-то, идя к распахнутым дверям церкви, откуда пахло воском и ладаном, они одновременно поднимались по невидимой лестнице в небо. И вот теперь уже Катя видела звезды вверху и огни города внизу. Удивительно, но ей ничуточки не было страшно.

— Господи, а Ты сам за мной пришел? — спросила вдруг Катя. — Надо еще Пашу, Пашу надо взять. Он хороший. Я сама буду его коляску толкать...

Незнакомец присел на корточки, чтобы быть глазами с нею вровень, а потом взял Катины ладони в свои и дохнул на них. Так делают родители, чтобы согреть озябшие руки детей, но Кате не было холодно.

— Все будет хорошо...

— Я знаю, ведь сегодня Рождество, — улыбнулась в ответ Катя. — А у меня, — она смутилась, опустила глаза, — даже подарка вот нет...

— Мама! — услышала она где-то далеко голос Паши, и оба они оглянулись назад и вниз. — Мама! Быстрее, к Кате!..

Валентина Петровна только вышла из храма, подошла к Кате, которая так и сидела на корточках, привалившись к ограде.

— Мироновна! Мироновна! Что ж ты — старая брехунья?! Что ж ты!.. У тебя Катюша!.. Она ж замерзла!

Василиса Мироновна уже бежала к ним.

— Господи! Прости меня, старую дуру, прости! Да никогда больше!.. — кричала

она, а Валентина Петровна несла Катю на руках в храм. И Паша сам крутил колеса инвалидного кресла, едва за ней поспевая. Прихожане расступились, и отец Тихон, что уже вышел со священной чашей — потиром («Со страхом Божиим и с верою приступите»), и другие иереи подошли к Валентине Петровне. Кто-то из них читал молитвы, кто-то начал тереть Кате щеки и уши, а отец Тихон властно сказал:

— Отступите! — и, встав на колени, влил в сомкнутые губы Кати Крови Христовой из лжицы.

А Катя смотрела в добрые и глубокие глаза Спасителя. Вот они... Совсем рядом.

— Глаза открыла! — воскликнул кто-то.

— Слава богу! — выдохнул отец Тихон и поднялся на ноги.

— А с руками у нее что? Отморозила? Аж светятся? Может, «скорую»?

Валентина Петровна взяла Катины руки в свои...

— Нет, просто светятся... Странно... Катя, ты меня слышишь? Как ты всех нас напугала! Ты как?

— Хорошо, — прошептала Катя. — Ко мне Христос приходил, вы разве не видели?

— Что ты такое говоришь, девочка моя?.. Ты же без сознания была.

— Он правда приходил... Даже руки мне грел... — шептала Катя.

— Хорошо, хорошо...

— Катюшенька, ты прости меня, старую... — причитала Василиса Мироновна. — Господи, прости меня... Скупердяйство мое...

А за спинами у них внимательно смотрел на Катю с иконы Спаситель. Будто и не уходил никуда.

— Я хотела Пашу с собой взять.

— Паша-то какой молодец... Если б не он... — причитала баба Вася.

— А руки-то у нее чего светятся? Натерли чем? — не унималась какая-то старушка.

— Голова не кружится? — это уже Валентина Петровна.

— Да нет, мне хорошо и тепло, можно я встану?

— Давай потихоньку, мы с Мироновной тебя поддержим...

— Да не, не надо, мне правда хорошо... Ко мне правда Спаситель приходил, не верите? Он красивый такой и добрый... А руки, — она вытянула вперед ладони, — он дышал на них! Папа так делал, когда у меня ручки зимой мерзли. А сейчас и не мерзли вовсе.

— Господи, спаси и сохрани... — заплакала Мироновна.

— Не берусь тебя судить, — обратилась к ней вполголоса Валентина Петровна, — но, по-моему, ты уже и сама все поняла, на всю жизнь тебе урок...

— Да что ты... что ты...

— А я верю, что к Кате Христос приходил! — это сказал Паша, которого с коляской оттерли куда-то за спины окружавших. — Рождество!

И словно ответом ему прозвучал голос священника:

— Рождество Твое, Христе Боже наш, возсиямирови свет разума: в нем бо звездам служащие звездою учахуся, Тебе кланятися Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе.

Катя подошла к Павлу и взяла его за руки и зашептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснешься ты земли,
Быть по-моему вели...

— Что ты, Кать?.. — смутился Паша.

— Ты будешь ходить! Честно-честно! Я точно знаю!

— Буду, — Павел прикусил губу, чтобы не заплакать у всех на виду.

— Будешь! — уверенно сказала Катя и потянула его к себе.

Никто не заметил, что руки ее в этот момент перестали светиться.

Паша, словно завороженный, подался вперед, попытался встать. Валентина Петровна подхватила его, поддерживая.

— Господи! — воскликнула она.

Павел стоял неуверенно и все время смотрел Кате в глаза. Потом сказал:

— Они не поверят, но я видел... Как вы с Ним поднимались в Небо... А ты продолжала сидеть рядом... И там была одновременно... Они не поверят, но я видел... Он почему-то был в пальто...

— А в чем Ему быть? На наших-то улицах?

— Я вот еще подумал: Он пройдет рядом, а мы и не заметим...

Павел попытался шагнуть, но не смог, бессильно повис на руках матери, которая аккуратно усадила его в кресло...

— Я уж думал — чудо будет, — со слезами на глазах он посмотрел на Валентину Петровну.

— Павлик, ты встал... — тихо сказала она, сглатывая слезы... — Встал, а значит, пойдешь. Я верю... — она повернулась к образу Спасителя, — я верю, Господи...

Бедные, разуверившиеся во всем и вся за последние сто лет русские люди вокруг крестились, кое-кто плакал...

— Сегодня не время горевать, — напомнил молодой дьякон, который, в отличие от всех, задумчиво улыбался.

— Что делать-то? — спросила себя, и всех, и, наверное, Самого Господа Бога Мироновна.

И голос отца Тихона уже с амвона ответил ей и всем:

— Со страхом Божиим и с верою приступите...

Александр ПЕТРУШКИН

ТЮТЧЕВ

Земля глубока, коль потрешь ты ее изнутри:
там тютчев лежит в теле яблока камнем эллады,
а выйдешь и дышишь погодой воскресной, фарси
[которое вовсе не знал], как арап, из себя вынимаешь.

Подруга грызет, как заварку, тебя поутру,
где ветка сладка и преломлена тень стрекозою.
Хозяйка стоит, как и смерть, в щебетании птиц,
и вещи ее нарисованы в горле водою.

И Тютчев лежит — этот длинный, нескладный старик —
в складном, как река, лепетанье, где дудочкой торфа
играет слепая погода, земля [высока] говорит:
уснешь, но не спи, поскольку увидишь здесь Бога.

* * *

О, утро осени моей,
когда могу я говорить
с тобой в открытое окно,
хрустящий воздух — как пес — пить —

где — с окровавленным лицом —
нам осень мордой ткнется в грудь,
в свое витражное стекло —
посмевши наконец взглянуть —

в дочеловеческий язык
природ отсутствия тебя,
чтоб намертво обоих сшить,
в своей гортани шевеля

ключом несмертие мое,
входило в мой кипящий сад,

Александр Александрович Петрушкин родился в 1972 году в г. Озерске. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Нева», «Дети Ра», «Футурум-Арт», «Зинзивер», «Воздух», «Волга», «Волга-XXI век», «Знамя», «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака», «Новая реальность», «Альтернация», «Ликбез», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997–2003». Автор нескольких сборников стихотворений. Куратор проектов культурной программы «Антология». Координатор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Член Союза писателей Сибири (Красноярское отделение Союза российских писателей). Живет в г. Кыштым Челябинской области.

где раскрутило колесо,
свернув, как вещь свою, назад.

* * *

Где от лица уходит снег,
по лестнице из тьмы уходит,
у почвы изнутри, где пар
в утробе черной света всходит, —

есть код печали под водой,
и аппликации тюльпана
торчат — как гнезда — из груди
у узкого, как тень, тумана,

как рана в языке, торчит
лягушек ранних щебет пробный,
и яблони в своей слюне
горят, трещат, в свой вывих дробный

высвобождают уток — в дым,
из горла тонкого холодных
воронок тишины парных —
как ветви — парных и бесплодных.

* * *

Так вот, пойми, что нас с тобою нет,
а свет, который этой амальгамы

минует зеркало и зрение — не свет,
а маятник внутри иглы и ткани.

И мы, взойдя, как птаха из зерна,
лес прошиваем лапой — водянистый,

как трепетная жаба, что жирна
или в язык отмерена сгуститься.

* * *

Там, где сон не опасен и сумма небес,
как и суффиксы птицы в силках травы,
будто — свиток поля скрутил Гомер
в слепоту, что сводится до двух дыр,
ты заходишь в чаши незримой лес,
словно в смерть, симметричную свету, Ахилл.

Ни ответа здесь, ни иных жильцов,
сохранявших точность пейзажу их —

раскачает млечный [как колесо]
акробат, что в сетчатке твоей стоит,
в поцарапанный смотрит контур отцов
и прядет им саван за птичий цвирк.

Там, где свет рассекает зренье в два
и руно крошится на знак и слог,
чья остра, как бритва и речь, листва
и гола [как ветвь или эпилог]
пораженья нашего речь — права
до вины тяжелой, где свил ожог

оперенье себе, чтоб пустой воды
замедленный в стрекозах скосить полет,
щелкать клювом в побеги света и
в дирижабли мятные тьмы войдет,
как в пасть церберов назывных — в дары
принесенную греком из тех краев,

где и сон не опасен, и свиток спит
на боках овечьих, как некий шифр,
и пейзаж, как свет, в слепоте стоит
и кроит из спартанцев свинцовых цвирк.

ПСАЛОМ 122

Неизлечимо живет тело,
где небо кажется нам слева:
то скажет таять в насекомых,
то, с тенью облака знакомя,

плывет по ряби из листвы,
с иргой, покинувшей кусты.
О, стебель озера внутри
у сумерек смотри — сгорит

весомая, как тьма, земля,
где на обратке мотылька,
неизлечимый и живой,
прозрачный бог дышал со мной.

ПСАЛОМ 61

И мне случалось родину свою
увидеть, умереть себя — не стыдно
касаться дна, как женщина земли
касается изгибом своим дивным.

И мне бывало счастье ощутить:
за светом свет превыше и больнее,

и хворь свою, как срам, благодарить,
и понимать, что все-таки успею

здесь лечь и стать лишь частию ее,
умолчанной во тьме своей цитаты,
и видеть, как проросшее зерно
сквозь плоть мою клюет невиноватый.

РЕПЕЙНИК

И репейник в темном мире
будет светом [хоть и тем],
что меня уже не хочет
и сужается со всем

своим скарбом и повозкой,
на которой мір везут
по рыжеющей полоске,
как немецкое sehr-gut.

Ни обиды не прибавит,
ни убавит сраму мне,
все на горло переплавит,
что смеркается в окне

у репейника. Глаз рыбы
видит сверху, как везет
нас из хляби этой рыжий
и похожий на авось,

там, где ангелы Челябы
так похожи на народ,
для кого и смерть — забава,
а обида — тоже Бог.

Там стоит репейник в круге
улицы своей густой —
не заслужен, как испуга
стрекоза [в себе самой

растворяется до зренья —
хоть ее самой здесь нет].
Спой, репейник, мне Челябу,
непохожую на свет.

Светлана ВОЛКОВА

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ и СНЕГОВИКИ

Рассказ

О снеговиках к своим десяти годам Танюша Ратникова знала все. Сколько надобно снега на шары — головной, туловищный и основной («базисный», как говорит соседский очкарик Яшка, а с ним не поспоришь — он будущий космонавт). Как глубоко всаживать морковку в рыльце, чтобы вороны не утащили. Какого размера положено быть круглым угольным снеговиковым глазьям. Где раздобыть идеальное ведро на шляпу. Какой консистенции нужен снег и как по хрустящему скрипу в ладошках определить его готовность к идеальному ваянию. А самое главное, какова «гармония пропорций» (опять же, спасибо Яшке за красоту определений)!

Очень уж Танюша не любила, когда снеговика называли «снежной бабой». Оскорбительно же, разве не понять? Она всегда шикала на взрослых, когда слышала подобное, и прикладывала пальчик к губам: «Ч-ччч! Они и обидеться могут!»

Что взрослые понимают в снеговиках? Ровным счетом ничего! Считают их детской забавой, чем-то сродни куличикам, только побольше, да не из песка, а из снега. А ведь у каждого — своя индивидуальность, характер, уникальное имя и яркая, запоминающаяся фамилия. И, разумеется, своя биография, которую Танюша продумывала тщательно, аккуратно записывая ее химическим карандашом в зеленую тетрадку. С этим шутить никак нельзя! Снеговик умрет по оттепели, и унесет талая водица его легенду в далекий снеговиковый рай, куда-то туда, за рваную ленинградскую тучку, висящую над кирпичной трубой фабрики Гознак — такую же мышасто-серую, в дырочку, как не взятое растаявшим хозяином в дальнюю дорогу оцинкованное ведерко.

Но это — у правильных снеговиков. Неправильные попадают в снеговиковый ад.

Этот ад Танюша видела своими глазами — он находился на улице Циолковского, у прачечной, за тяжелым чугунным, в вафельную клетку, блином крышки водосточного люка. Там вечно что-то утробно журчало, выдыхало сыростью и замо-

---

Светлана Васильевна Волкова родилась в Ленинграде. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, специализируется в области романо-германской филологии. Автор романа «Подсказок больше нет» (АСТ, 2015), получившем национальную премию «Рукопись года» на X Международном книжном салоне в Санкт-Петербурге. Лауреат литературной премии им. Александра Куприна (2013). Золотой призер в номинации «Проза» — конкурс Русский Stil (Германия, 2014). Серебряный призер III литературного конкурса им. А. Т. Твардовского (2015). Обладатель звания «Автор-Стильное перо» в категории «Юмор, ирония, сатира» — (Русский Stil (Германия) 2013 и 2014). Печаталась в журналах «Нева», «Крым», «Берега», «Балтика», альманахах «Молодой Петербург», «Невская Перспектива», «Свидетельства времени» и «Русский Стиль». Живет в Санкт-Петербурге.

гильным холодом даже в самое летнее пекло. Туда по весне ушел неправильный снеговик Шанежкин, и Танюша оплакивала его в голос, как учила ее бабушка Ася.

«Запоминай, Таня, помру скоро, некому попричитать обо мне будет. Плакальщицы все нонче померли, никто и проводить-то меня по-достойному не сумеет!» — «Сумеем, Бабася, сумеем, — утешала бабушку Танюшка, — Помирай себе спокойно! Я уже выучила! Хоть завтра могу тебя отплакать!» И звонко, с выражением, как при читке «Стихов о пионерском галстуке», повторяла текст. «Да главные тута не слова! Ты, кулема, гласные тяни на выдохе, горлом поддавай!» — не унималась бабушка.

И Танюшка тянула гласные, поддавала горлом, тренировалась на отжурчавшем в люк Шанежкине.

— Ой, да на кого ты нас покида-ааа-еееешь! Ой, ро-ооодненький, закрылись твои ясны ооооооченьки-иииии! Ой, да на кого си́ротами оставля-яяяя-еееешь! Ой, да го-ооорю-ююшко-то како-оооо-еее!

Прохожие опасливо косились на склонившуюся над люком девчушку, Шанежкин же в благодарность посылал ей из канализационного зоба перекатный басовитый говор, но на кого их, си́рот, оставил, вразумительного ничего не сообщал.

Бабася же помирать не торопилась, но исправно, по средам, когда у Танюши не было кружков и пионерской нагрузки в школе, рассказывала внучке о рае и аде, почему-то при этом косясь на выключенный желтый короб стоящего на старом комоде радио.

А больше о смерти Танюша и не знала ничего.

* * *

Был жаркий июньский полдень, последние сутки перед поездкой в лагерь, где ждали ее шумные прошлогодние подружки. Солнце шпарило нещадно, загоняя не разобранную по дачам детвору с улиц в узкие дворы-колодцы, где было больше тенистых углов, а от обломанных метлахских плиток парадных тянуло прохладой и утомительным каникулярным бездельем. Мячи и скакалки были заброшены — не до них в томном городском зное; нарисованные мелками классики и кривые зайцы, казалось, плавились вместе с асфальтом — серым, морщинистым, как коленки у слона в зоопарке. Танюша стояла, задрав голову кверху, к искромсанному квадратику неба, втиснутого в кривую рамку крыш ее родного дворика, и от всей души жалела, что никто из снеговиков никогда не увидит такого цвета: голубого, с подмалевками далеких облачков, точно ее ситцевый сарафан в белую ромашку, аккуратно сложенный мамой в чемоданчик в ожидании отправления. И рассказать она не сможет об этом ни одному из них. А как бы понял ее Шанежкин! Он бы также задрал свою сахарную башку к небу, покачал ею и непременно бы сказал: «Ах!»

Танюша тоже ахнула — за себя и за Шанежкина — и надумала слепить ему памятник из тополиного пуха, благо добра этого было навалом в скверах, подворотнях и даже за шиворотом. Трудновато будет, пух — это вам не снег, хотя и похож, но ей ли не сдюжить, лучшему производителю снеговиков в округе!

Набрав в подол платьица тополиной мягкой ваты, сдобрив ее слюной, на которую был щедр проголодавшийся к обеденному времени организм, Танюшины вспотевшие ладошки слепили-таки некое кривобокое подобие снеговичка размером с мелкого пупса. Она подивилась минуту на уродца, но переделывать не решилась, а осторожно, как Бабасину конфетницу из синего чешского хрусталя, понесла на улицу Циолковского.

Круглая чугунная дверца в снеговиковый ад была отодвинута в сторону, рядом

стояли два огромных рабочих в грязных зеленых комбинезонах и напряженно пялились в отверстие люка.

«Ша-ааанежкин!» — сжалось в комочек Танюшкино сердце.

Дядьки увлеченно бросали в люк какие-то непонятные Танюше реплики, активно размахивали большими загорелыми руками, давали «туда» советы, сдабривая речь запрещенными Бабасей словами. Наконец из люка появилась чумазая усатая физиономия. Танюша замерла. Физиономия сплюнула на асфальт и заулыбалась, обнажив неожиданно белые зубы.

— Все, мужики. Доделал. Теперь в контору и пожрать!

Рабочие вытащили из люка товарища, грязнющего с ног до головы, но такого счастливого, что редкие прохожие, пересекавшие мелкими перебежками улицу от тени до тени, невольно улыбались, глядя на мужичка. Вся троица присела у длинного деревянного ящика и с шумом принялась копошиться в инструментах непонятного предназначения. Танюша подошла к краю открытого люка и осторожно заглянула в глубь темной, пахнущей землей, лужами и затопленным подвалом дырищи. Журчания слышно не было, и эта непривычная тишина насторожила Танюшу.

— Ша-ааанежкин! — шепотом позвала она. — Ты здесь? Я кукленыша принесла. На тебя похож!

Пугающая пустота дыхнула на нее сыростью.

«Эх, жаль, Шанежкин неправильным снеговиком оказался!» — с горечью подумала Танюша.

Это все из-за того, что шляпы лишился. Да не простая шляпа-то, а будто английский котелок, как у Чарли Чаплина. Ведра тогда кончились, но Танюшка раздобыла мелкий дырявый тазик. Из-за этого-то котелка мальчишки-дураки и дразнили его буржуем и английским шпионом. Но как бы то ни было, лишаться шляпы до весны никак нельзя. Это все равно что потерять пионерский галстук.

Танюшка шмыгнула носом и снова заглянула в люк.

«А был бы правильным, стал бы тучкой или облачком. Дунула бы на кукленыша, и полетел бы он к нему в небо, за компанию с парашютиками одуванчиков...»

— Девочка, отойди от люка! — пробасил дядька в комбинезоне, да так громко, что Танюшка шарахнулась в сторону, споткнулась о крышку и выронила своего кривенького пухового пупса-снеговичка. Тот распался на составные части, и легкий ветерок подхватил белые комочки, закружил их, смешал с тротуарной пылью и унес куда-то в сторону Фонтанки.

— Ратникова! — послышался веселый мальчишеский окрик.

Несколько ее одноклассников, окруженных вездесущей малышней, орущей комариной тучкой свернули с проспекта Огородникова на улицу Циолковского и замахали ей руками. В центре тучки, продев худую ногу со смазанной зеленкой коленкой под рамой взрослого велосипеда катился Митька Щукин. Велосипед наклонялся из стороны в сторону, детвора галдела, отпугивая дремавших в тополях разморенных воробьев.

— Ратникова! — Щукин слез с велосипеда, и тут же следующий по очереди счастливый пацаненок поставил пыльную сандалию на педаль. — Тебя бабушка зовет. Бежи давай, лицо у нее такое красное. Накажет, наверное, тебя за что.

Танюшка вскрикнула и побежала в свой двор, на ходу пытаясь сообразить, за что ее Бабася может выдрать. Постель убрала, в кухне не насвинячила, кран закрыла плотно, соседский таз в коридоре ногой не пинала. Вроде.

Бабушка стояла во дворе, большая, в длинном переднике поверх цветастого халата, и держала в руке листок бумаги. Едва завидев внучку, развернулась всем корпусом и, приложив бумажку к необъятной груди, тихонечко завыла.

— Таня! Поди сюда, девочка!

Она подошла, бабушка прижала ее голову к своему туловищу огромной пятерней. Танюшка почувствовала, как шаркают по затылку пальцы, всегда розовые, как ветчина, со вспухшими суставами, в мелкую белесую сеточку от постоянного дрызганья в воде.

— Бабасечка, что случилось? — почти шепотом вымолвила Танюша.

— Дед Бубенцов помер.

Бабушка отпустила внучкину голову и помахала ей под носом листком.

— Телеграмма вот из Судака. Царствие ему небесное!

Танюшка усиленно заморгала, глядя на Бабасин колбасный румянец во всю щеку — в неровных пятнах, с белым жирком, как у вареной любительской, спускавшийся с щек на шею и вниз к вырезу на халате. Смысл сказанного не совсем был понятен. Показалось, что есть где-то какие-то бубенцы, и у бубенцов тех имеется дед. Так этот дед как раз и помер.

* * *

— Ну, помнишь, он еще тебя на ноге качал? А ты ему, козявка, штанину описала.

Танюшка смутно припоминала морщинистые сучковатые пальцы, за которые она хваталась кулачками, чтобы не упасть. И ногу — длиннющую, в клетчатом шлепанце... Качаться на ней неудобно...

Ей было стыдно, но, кроме ноги и пальцев, всего остального деда она, как ни силилась, так вспомнить и не смогла.

— Они с Мусей в пятьдесят шестом приезжали, тебе три стукнуло. Неужели не помнишь?

— Бабась, а ты себя в три года помнишь?

— А не было мне трех-то годиков. Я сразу отроковицей родилась, — весомо молвила бабушка.

Танюшка никогда не могла угадать, в какой момент Бабася шутила, а в какой говорила серьезно. Такой уж был у нее характер.

Дед Паша, а точнее, Павел Григорьевич Бубенцов приходился Танюше двоюродным прадедом. Ушел с миром, как повторяла Бабася, на девяносто восьмом году жизни, пережив и свою престарелую дочь Мусю, и многих из младшей родни. Жил в Судаке с внуком Жорой и его женой, тоже разменявшими последнюю предпенсионную пятилетку, работал до войны инженером на симферопольском авторемонтном заводе, стариком уже сбежал на фронт, вернулся с медалью, после войны чинил лодки и мастерил детишкам механические игрушки. Дамский пол уважал и не матерился, чем выделялся среди местных. О смерти не думал. Крепкий был. Хотел дождаться столетия. Не получилось.

О Бубенцове в семье Ратниковых говорили мало: сказался несносный характер Бабаси, сумевшей поругаться со всей крымской родней. Но смерть Павла Григорьевича как-то примирила ее с существованием «той базарной ветки» и даже нагнала слезу под очки.

Танюшке же за всю ее жизнь ничего не рассказывали о прадеде, потому что сидел при Сталине как английский шпион. «Рано еще девку семейной биографией загружать, — упорствовала Бабася, — придет времечко анкетки заполнять, тогда и узнает».

— Дед Паша, матери братец, дядька мой то есть, единственный среди Бубенцо-

вых нормальный-то и был. Мир его праху. Шебутной, гусар, горячая кровь. Жену свою первую, Анку, выкрал.

— Как выкрал? — удивилась Танюша.

— А вот так. Невестилась она, невестилась, а он рррраз и спер дуру. Как тать татарский. На кой только ляд? Дурное семя Анка эта принесла.

Танюшка открыла было рот, но бабушка затянула тоненько и заунывно:

— Ой, гооорюшко-оооо!» — и, резко оборвав надрывное плаканье, сухо кинула внучке: — Собирайся, Таня. Прощаться с ним поедем.

— А пионерлагерь?

Но бабушка взглянула на нее так, что Танюша возражать не рискнула. И лизнул кожу спины морозец — покойников она побаивалась. Одно дело снеговики: растаяли, как пломбир, и утекли кто куда. Погрустишь, порисуешь в тетрадке на полях скорбные деревья, и все. А человеческий мертвец — это же совсем другое дело!

* * *

Фибровый чемоданчик, в котором собрали Танюше вещички в лагерь, стоял с распахнутой пастью на обеденном столе. Бабушка сосредоточенно инспектировала содержимое.

— Галстук вынь.

— Как же без пионерского галстука? — пискнула Танюшка.

— Неча.

Танюша послушно потянула за кумачовый хвостик. Рядом, на стуле, собиралась горка «ненужных» для похорон вещей: шортики с помочами на двух разнокруглых пуговицах, альбом с раскрасками, выклянченные у мамы пластмассовые бусы, набор открыток с кинозвездами, выменянный у Яшки на сломанную готовальню втихаря от отца, ремень для пионерской формы и белая, хрустящая крахмалом, как первым снежком, блуза.

Бабушка, впрочем, оставила Танюшин ситцевый купальничек, больше похожий на «песочницу» для мелюзги, проверила, плотные ли резиночки. «Чай, на юг ребенок едет. Не все за гробиком-то плестись». Подумала — и заменила выцветшую тюбетейку на огромную не то шляпу, не то панаму, в которой могли поместиться две внучкиных головы. Или даже две с половиной.

Билеты до Симферополя, хоть и с хлопотами, все же достали — из брони, на вечер того же дня. Помогла «скорбная» телеграмма и нереализованная в Бабасе драматическая актриса. К похоронам, назначенным на субботу, как раз успевали. О целесообразности поездки никто из родных спросить у бабушки не решился, мама лишь высказала робкое предположение, может, мол, не гонять дочку, пожалеть. Но Бабася стояла на своей правде, как пленный идейный комиссар: Бубенцова надобно Танюшке предъявить, — а хотя б и мертвого. Все-таки прадед, пусть и двоюродный, родная кровь. Мама согласилась. Отец же ничего возразить не мог: был в плавании где-то в Карском море.

Остаток дня прошел в суетных сборах. Бабася наскоро готовила еду в дорогу, мама вызванивала заведующего проектным бюро, своего начальника, — отпроситься на несколько дней за свой счет. Начальник по традиции побурчал, но отпуск одобрил. Танюша вышла вечером на коммунальную кухню и застала Яшку, стоящего на коленках возле плинтуса у двери черного хода.

— Ты чего?

— Таракана жду, — серьезно заявил Яшка.

— Зачем?

— Некрасова ему прочитаю.

— А-а-а, — Танюша присела на корточки рядом с соседом. — А мы в Судак сейчас уезжаем.

Яшка выпрямился, почесал стриженый затылок.

— Судак — это, кажется, рыба.

За что Танюшка уважала Яшку, так это за ум.

— Ну, он одновременно и рыба, и город. Прадедушка Бубенцов помер.

Помолчали.

— Соболезную, — наконец вымолвил Яшка. — Ты очень переживаешь?

Танюше было невыносимо стыдно за то, что «должных» переживаний совсем не испытывала. Она выпятила нижнюю губу и попыталась нагнать слезу. В драмкружке учили, что в ответственные моменты на сцене надо вспомнить о каком-нибудь личном горе. О чем-то трагическом. Танюша подумала о Шанежкине, как бегала к нему после уроков в марте, и каждый день он становился чуть меньше, серел, покрывался черной бахромой по контурам, некогда идеально круглым, и как появились на его теле предательские дырочки; как достоял почти до Дня Парижской коммуны, а потом сник, заплакал, накренился на правый бок и убежал на улицу Циолковского.

В носу у Танюшки защекотало.

— Я совсем его не помню... То есть я помню, но только не всего, а часть. Ногу. А выше ноги совсем ничего...

— Не переживай, — утешил Яшка. — Поглядишь на него целого и моментально вспомнишь.

Вот этого-то Танюшка и боялась: поглядеть на целого прадедушку Пашу.

* * *

О юге она знала только из висящей в коридоре настенной карты СССР, пожелтевшей от времени и заляпанной ладошками многочисленных поколений квартирных детей. Есть Москва — столица нашей Родины, есть Сибирь, которую покорял Ермак, есть юг, почти мифический, потому что попасть туда всегда сложно. Но там есть море. А оно не такое, как сизый дачный Финский залив, оно совсем другое, и цвета другого, и запаха, и соленое, если верить Яшке. И волны там бывают с дом.

А вот о волнах Танюшка кое-что знала. Еще совсем недавно она и закадычная подружка Нинка бегали на Крюков канал, где у Щепяного переулка, напротив дома Суворова, находилось их любимое место на набережной — бывший причал у Никольского рынка. Вода подходила совсем близко к спуску, лизала щербатую каменную кладку. Дождавшись нагонной волны, темной, не по-речному сильной от балтийского ветра, девочки замирали от восторга. А когда вода откатывала, оголяя мокрый вогнутый позвоночник спуска, с визгом перебегали с одного его конца на другой. Надо было непременно успеть до новой волны, не позволить окатить ноги брызгами и затащить в крюковскую бездну, в вязкое русалочье логово. Это было необыкновенное, щемящее чувство! Наверняка такой же восторг ждет ее в Судаке, и волна там будет такая же большая, как на Крюковом канале, и такая же черная — ведь едут они на Черное море!

Симферопольский скорый поезд медленно тронулся с заплеванного перрона пыльного Московского вокзала. Билеты из брони оказались в разных местах, мама ехала в пятом вагоне, бабушка с Танюшей — в разных концах седьмого. Что

поделаешь, горячий сезон. Применив особые нотки голоса, Бабася выторговала для внучки нижнюю полку. Это и хорошо, с верхней Танюшка свалилась бы непременно.

Она злилась на прадеда Пашу, что угораздило того помереть, когда ей надо в лагерь, и подружки, с которыми не виделась год, без нее будут прыгать на пружинных кроватях, бегать к речке и разучивать новые дворовые песни с хромой рифмой про несчастную любовь. И мальчишки прошлогодние небось выросли, и запекать с ними у пионерского костра картошку будет волнительней и, как она сама для себя определила, «сердцеколотябельней».

А тут дед Бубенцов, и жара, и поездка туда, где еще жарче...

Но первое в ее жизни ожидание юга оказалось прекрасным. Оно было похоже на огромную ветку сирени, только с цветочками на кисти — каждый размером с нарцисс. Потому что в Крыму все, ну, просто все больше и сочнее, так мама говорила. Появилось и угнездилось в душе необыкновенное предчувствие. Лишь только цель поездки омрачала фантазии.

В плацкартном вагоне царила своя жизнь. Томительный запах жареных вокзальных пирожков, сумки, баулы, тюки и ее маленький фибровый чемоданчик с полуоторванной наклейкой «Ратникова Таня. Пятый отряд». Незнакомые люди, пахнущие потом, духота и обрывки чужих разговоров. Первый в ее жизни поезд дальнего следования. Она загадала: вот закончится лента перрона и скучных бетонных плит, тянущихся до конца территории вокзала, где разбегаются в разные стороны, как тропинки в лесу, блестящие рельсы с полосатыми ребрами шпал, и наступит «начало юга». Она смотрела в окошко, боясь пропустить этот момент. Поезд набирал скорость, и все замелькало, запестрело.

Женщина с верхней полки свесила голые белые ноги, и они качались долго-долго в такт вагонному ходу перед глазами. Ее натертые обувью до малинового цвета выпирающие круглые косточки-шишки у больших пальцев напомнили Танюшке вишни, которые соседи привозили с Украины. «Вот так, наверное, на юге и висят на деревьях ягоды — прямо у носа», — думалось ей и невероятно хотелось наконец приехать.

Юг подбирался к Танюше постепенно, сначала дыхнув вязким воздухом из открытых дверей где-то в районе Курска. А воздух совсем не такой, как в Ленинграде, — а как будто стоишь у решеток вентиляции метро, у «Техноложки», и проходящий состав гонит теплый плотный поток в лицо; и запах горячего дегтя от промазанных шпал — не такой, как возле котельной на Обводном канале, другой, терпкий. Затем юг постучался в душу харьковскими прозрачными абрикосами, запорожской желто-розовой черешней и мелитопольскими помидорами — мясистыми, с «пумпочкой», которые Бабася умудрялась покупать на недолгих стоянках. И, наконец, большим, обожженным солнцем симферопольским вокзалом, плакатами с улыбающимся Гагарином на каждом углу, бабушками с тыквенными семечками, загорелыми цыганскими детьми в пестрых штанах и красивыми большими военными в отутюженной новой форме.

До Судака ехали на автобусе, и Танюшку жестоко укачало. Бабушка раза три колотила локтем в стекло водительской дверцы, и усатый черноглазый паренек послушно выпускал встревоженную маму с зеленой дочкой на обочину. Бабася же оставалась внутри, сторожила вещи и следила, чтобы без них не уехали. Потом кто-то из пассажиров догадался дать девочке корку черного хлеба с солью под язык, и тошнота мгновенно отступила.

От центральной автобусной остановки до места шли сорок минут пешком — по немилосердному солнцепеку, с вещами и лишь примерным представлением направления. Бабася дала родственникам телеграмму о приезде, чтобы ждали. Но конкретного времени не указала — не думайте, мол, встречать. Ратниковы гордые, Ратниковы доберутся сами. И добрались, полуживые, когда уже начинало темнеть.

Дом Бубенцовых был деревянный, двухэтажный, с двумя верандами и резным кружевом ставень, утопающий в грушевом саду. Танюшка слишком устала, чтобы впитывать всю эту красоту. Лишь твердила себе: это юг, но глаза ее слипались, и осознать в полную меру, что она «уже совсем-совсем точно на юге», так и не смогла. Мама с Бабасей оставили ее во дворе, наказав сидеть на чемоданах, сами же «пошли здороваться». Послышались возгласы, шум, в двери показались встрепанные головы, с крыльца скатилась, как колобок, толстая женщина в ночной рубашке и бросилась к Танюше.

— Да что ж не сообщили-то! Да мы б встретили! Да какие ж молодцы, что приехали деда помянуть! — запричитала она и принялась тискать Танюшку, как тряпичную куклу, от чего ее снова замутило. — Девуленька моя! Какая большая! А худю-ююющая! Коленки торчат! Не кормят тебя Ратниковы? Слышь, Ася, оставь мне внучку на месяцок, поросеночком будет.

Бабася что-то хмыкнула с крыльца. Танюшка же совсем поросеночком откармливаться не желала.

Гостеприимная хозяйка оказалась тетей Зиной, Бабасиной седьмой водой на киселе. Их накормили чем-то обильным и жирным, уложили спать на веранде. Танюшка вглядывалась слипающимися глазами в окно с ромбиками цветного стекла и дивилась крымской луне, обнюхивающей флюгер дома напротив. Луна показалась ей огромнейшей, похожей на бледно-лимонное блюдо. Узкие, как кухонный нож, облака, перерезавшие ее пополам, придавали ей сходство с лицом снеговика — с бровями и усами. И форма головы по-снеговиковски идеальная! Это потому, что, как говорит мама, в Крыму все, ну, просто все больше и сочнее. Нет, в Ленинграде совсем другая луна! Скромная, что ли, похожая на вылитую из поварешки на шипящую сковороду смесь для блинов. И размера такого же.

Уже совсем засыпая, она вдруг заметила висящий на стене веранды портрет в громоздкой раме под стеклом, по которому скребли лунные и фонарные блики. В груди похолодело.

— Мамуль! — прошептала Танюшка.

Мама крепко спала.

— Бабась!

— Чего тебе? — отозвалась бабушка.

— Кто это там?

— Где?

— Ну, смотрит на меня со стены.

Бабася приподнялась с раскладушки.

— Дед Бубенцов это. Ишь, пялится!

— А почему на нем котелок, как у Чарли Чаплина?

— Потому что джентльменом был. Спи давай!

* * *

Утро следующего дня для всех началось в пять — с суеты, большой, как и все южное, и суетой же закончилось. Бегали взад-вперед незнакомые люди, женщины

трясли бумагами, переругивались. Танюшке второпях дали вареное яйцо и целую миску творога. Мама стояла во дворе в темном платье, в котором Танюша помнила ее на Новый год, в косынке поверх наспех сооруженной «бабетты», внимала распоряжениям незнакомого смуглого мужчины с усами, похожего на Чапаева. Бабася и три женщины ее возраста в черных платках шумно спорили, размахивали руками, одна из них постоянно крестилась. Несколько раз до уха Танюши долетало слово «наследство». Истошно пищал волнистый попугайчик, на клетку накинули тюлевую салфетку, чтоб замолк, но птица клювом через прутья втащила ее к себе, наступила победно сверху лапкой и продолжала играть всем на нервах надрывным верещанием. Щекастый полосатый кот обозревал происходящее, сидя у косяка двери и комментируя всеобщую беготню сиплым мявком. В конце концов на него опрокинули кисель, и кот выдал высокий чистый звук. «Дурдом», — очень к месту сказал чей-то голос.

Солнце поднялось быстро. Несколько женщин остались в доме готовить еду для поминок, все остальные во главе с «Чапаевым», оказавшимся дядей Жорой, двинулись к маленькому моргу городской больницы, где долго ожидали во дворе. Вынесли гроб, погрузили в заднюю дверь неказистого автобуса с черной полосой на желтом боку и пешком пошли за ним на кладбище. В этом последнем для деда пути и крылась важная часть таинства прощания, как объяснила тетя Зина, — медленно вышагать знакомой дорогой позади почившего и по дороге вспоминать о нем хорошее. Да, конечно, положено на руках гроб нести, да где уж: времена, поди, не те.

Уже в десятом часу солнце припекало немилосердно. Под ноги попадались жердели и сливы-дички, наступать на которые было боязно: а вдруг деревья обидятся. На Танюшу нахлобучили ту самую панаму, в которой бы поместились две ее головы, и повязали сверху траурную капроновую ленту. Для «ситуации момента», как выразилась Бабася. Танюша в зеркало себя не видела, но подозревала, что безобразна.

В дороге бабушка подвела Таню к женщине с конопатым мальчиком лет шести.

— Познакомься, Таня. Это твоя троюродная тетя Люба и четвероюродный братик Гарик.

Мальчик утер грязной ладошкой нос и показал Танюше язык, на котором чем-то синим была нарисована жирная запятая. «Странный какой!» — подумала Танюша и попыталась разложить в голове по полочкам степень их родства, но запуталась в «юродных» и просто спросила:

— А сколько в Гарике моей крови?

Бабушка подавилась смешком, кашлянула и зыркнула глазами по сторонам: нет ли кого, кто заметил.

— Ишь ты, щепетильная какая! — пробасила тетя Люба. — А симпатичная, в нашу породу, хотя и тощая она у тебя, Аська.

«Да что они все заладили: тощая да тощая! Будто сама не знаю!» — подумала Танюша и собралась было обидеться, но тетя Люба подкинула интереснейшую мысль:

— Считай, что левая его рука — вся твоя.

Танюшка кивнула и взяла Гарика за левую ладошку. На вопросы мальчик не отвечал, лишь ковырял сандалией тропинку во дворе и шмыгал носом, и Танюша решила, что он «немного умственно того».

Тетя Люба была статной, высокой, неожиданно белокожей посреди толпы смуг-

лых родственников. Прорезь между двумя ее грудями в глубоком вырезе платья, казалось, заканчивалась прямо у ключиц, что придавало ей немного комичный вид: будто бы неумелый портретист размашисто провел угольным карандашом разделительную линию по центру декольте — вел-вел снизу доверху, а остановиться спохватился лишь у самого подбородка. У Танюшки на рисунках тоже иногда так выходило.

Глядя на тетю Любу, она вспомнила, как этой зимой Митька Щукин слепил две снежных грудки и прикрепил к одному из снеговиков. Мол, Шанежкину подружка нужна. Но каждый раз, отходя от снеговика на пару шагов, Митька замечал, что груди разного размера. Тогда он брал в руки новый снежок и добавлял немного грудастости то с одной стороны, то с другой. И ведь никак не мог добиться хотя бы приблизительно равного объема. В результате бюст перевесил, и снеговик упал. А на следующий день все увидели, что под голову лежащей снежной дамы заботливо подложен тазик-котелок Шанежкина, а ее грудастая срамота прикрыта его же шарфом, который Танюшка в начале зимы с трудом выпросила у Бабаси. Из-за этого-то рыцарского обхождения и попал Шанежкин в неправильные снеговики. Потому что снеговик по весне должен уйти вместе со шляпой.

— Гарик, а вы что зимой снеговикам на голову надеваете? Ведра?

Гарик задумался, покачал головой, почирикал на языке вынутым втихаря химическим карандашом и наконец подал голос:

— У нас снега нету.

— Как нету?

— Может, и был, но я родился, и он кончился.

Это было первое разочарование в юге, которое почувствовала Танюшка.

«Как же они без снега? Бедненькие! Без снеговиков!!! Немудрено, что и дети у них странные! И языки в синий цвет красят!» Заохала, приложила ладошки к щекам и поморщилась, словно от смородиновой оскомины.

* * *

К моменту, когда подошли к воротам городского кладбища, число провожающих удвоилось. Тут были многочисленные приехавшие родственники, о существовании которых Танюша даже не подозревала, да и они, похоже, о ней не ведали, друзья семьи, дачники, соседи и дачники соседей. Автобус, переваливаясь с боку на бок и пуская голубенькую струю дыма из-под брюха, остановился.

Она пыталась подумать о прадеде Паше. Перед глазами стоял портрет в чаплинском котелке, обрывки фраз, что был он большой души человеком, да старое его суконное пальто, которое утром тетя Зина отдала соседу Кериму.

— Бабась, а почему ты сказала, что прадедушка джентльмен?

— Учился он в Англии. На инженера.

Танюшка минуту обдумывала бабкины слова.

— А в Англии есть зимой снег?

— Ох, Танька, какое ж ты еще дите! Смотри не ляпни при родственниках, позору с тобой не оберешься! Похороны, а ты не о том думаешь!

Танюша сделала очередную попытку подумать «о том», но получилось довольно плохо.

На кладбище было пусто, трава в раковинах могил стояла такая высокая, что порой даже перекрывала кресты и конусообразные стелы со звездами. Стрекозы и мелкие белесые бабочки мельтешили перед глазами. Пока выгружали гроб из ав-

тобуса да ставили на землю у разрытой ямы, Танюша бродила между могилами, тихонечко радуясь возможности решать несложные арифметические задачки на вычитание: дата рождения минус дата смерти. Именно так было высечено на памятниках. Только вычитание, никакого сложения. Результаты, к удивлению, все были отрицательные. Яшка совсем недавно научил ее отнимать от нуля, и она страшно гордилась этим, ведь в школе такого еще не проходили.

...Ильясов — минус двадцать. Федяшев — минус тридцать два. Устабаши — минус шестьдесят пять, Зархи Анна — минус сорок, Зархи Михаил — минус девять. Мише Зархи было девять лет... Рядом — ухоженная могилка Цапского — минус восемьдесят один...

Танюша вернулась к вырытой яме, окруженной новоявленными родственниками. На деревянной «временной» табличке было высечено: «Павел Григорьевич Бубенцов, 1866–1963». Минус девяносто семь...

Ее размышления прервал стук. Она сразу догадалась, что открывали крышку гроба для последнего прощания. Возились недолго. Что-то скрипнуло и замерло, погрузившись в тишину.

— Деда... — осмысленно произнес «странный» Гарик.

* * *

Танюшка долго стояла с закрытыми глазами, потом, когда начала кружиться голова, сощурившись, разглядывала дырочки на своих босоножках. Поднять глаза и посмотреть, что делалось вокруг, было выше ее сил. Взрослые произносили какие-то длинные речи, и ее музыкальное ухо сразу уловило, что все слова тянулись на одной долгой ноте, кажется, на «фа», и лишь к окончанию тирады перескакивали, как сговорившись, на «си» и заканчивали хрюкающим всхлипом.

Кто-то сказал: «Ну, все. Давайте прощаться». Бабася толкнула Танюшу локтем и заголосила:

— Ой, го-ооорюшко-ооо! Ой, на кого ты нас покида-ааа-еееешь! Ой, си́ротами остае-ооомси-иииии!

Танюшка вздрогнула и на автомате подхватила:

— Ой, ро-оооодненьки-иииий наааш! Ой, да как же ж мы без тебя-яяяя!

Толпа переглядывалась, мама отводила глаза. Бабася поднажала, выдавая чистое образцовое плаканье. Танюшка вторила.

— Поди ж ты! — тихо сказал кто-то. — Двадцатый век, люди в космос слетали, а у ленинградских такие пережитки! И ладно бабушка, девчонка-то, девчонка!

Танюшка оборвала песнь и впервые взглянула на прадеда.

Это было совсем не страшно. Как смотреть на луну или дом.

Павел Григорьевич лежал в парадном черном костюме, по виду довоенном, сложив руки, как будто держал на груди птенчика. Лицо в сетке крупных и мелких морщин показалось Танюше величественным. Его скулы, выпирающие, как косточки-шишки на ступнях тетки из поезда, только белые, сухие, с натянутой до предела кожей, совсем не делали его изможденным. Наоборот, виделось — вот немолодой, но сильный человек, он живой, просто притворяется, прилег в гробу, чтобы подурачиться, правда-правда. А гроб узкий, неудобный...

И показалось, сейчас дед Бубенцов шевельнет бровью и подмигнет лукавым глазом: не печальтесь, мол, — ну, ушел, всякое бывает...

Танюшка и не заметила, как по ее щекам двумя кривыми дорожками начали стекать слезы. Соленые, как будто южное море лизнуло. И закружилась голова, где-то в районе темени пружинил, как мячик, говор родственников. Гроб опустили

в яму, все принялись кидать горсти земли на крышку. Танюша взяла в ладошку комочек — земля невероятно черная, жирная, оставляла след на ладони, распадалась между пальцами, как рыночный творог.

* * *

В дом вернулись уставшие и голодные, сопровождаемые окрестными собаками, из уважения к процессии трусившими на почтительном расстоянии.

Снова началась суматоха, раздвигали и сдвигали стол для поминок, взад и вперед ходили какие-то люди, хором орали кот и попугайчик.

Танюшка прислонилась к дверному косяку, пытаясь хоть немного остудить горячий лоб. Со стены веранды на нее смотрел, не мигая, дед Бубенцов в котелке.

— Как же так, деда... — шепнула ему Танюшка, — снега у вас нет. Это же нехорошо! Как же вы без снеговиков-то!

Вошла тетя Зина.

— Иди поешь, Таня.

— Я не хочу.

— Не заболела ли, чай? Бледная какая! — она протянула руку пощупать лоб, но Танюша увернулась.

— Теть Зин, а есть дедова фотография? В котелке, как на стене.

— Есть, милая.

— Подарите ее мне.

Тетя Зина улыбнулась, выдвинула ящик почерневшего комода, достала старую жестяную квадратную банку из-под конфет с выдавленной облупившейся надписью «Товарищество Жоржъ Борманъ», пошуршала бумагами.

— Вот эту возьми. С нее и делали увеличенный портрет — тот, что на стене.

На Танюшку с фотографии смотрело несколько джентльменов в котелках и элегантных пальто, все они стояли в запорошенном снежком скверике вокруг двух дивных снеговиков, слепленных в образе леди, вроде как мама с дочкой, обе в снежных манто и кокетливых шляпках. Рядом с маленькой леди еще один снежный комочек — комнатная собачка. На обратной стороне карточки была полуразмытая надпись: «Лондон. 1901 год».

— Здесь Павлу Григорьевичу тридцать пять. Он как лучший инженер и трое его сослуживцев посланы были от вашего Путиловского завода на стажировку в Англию, на завод Армстронга. Опыта там, стало быть, набирались на благо отечества. Вот так-то. Мало кто чести такой удостаивался. Хотели опосля его на завод Круппа в Германию отправить, но там уже Первая мировая началась, и все, не до этого стало. Пошел германца бить. А потом из Петербурга в Крым перебрался насовсем. А «джентльменом» его звать стали после одного скандального случая. Было это еще до революции, году в шестнадцатом. Приказчик Спиридонов приревновал жену к заезжему военному, и, по правде, было за что. Потому как письмо любовное обнаружил. Ну, и спьяну в сердцах выгнал свою благоверную на улицу. Зимой. Ночью. Голой. Вот так-то. А дед наш возвращался из гостей, увидел ее, бедненькую, свернувшуюся в комочек возле крыльца в чем мать родила. Скинул с себя пальто, сапоги и даже шляпу — отдал ей, чтобы срам прикрыть да согреть, взял за руку и повел на другой конец города к ее родителям. А пока провожал да возвращался, простыл сильно. Месяц пролежал с воспалением легких. Говорят, чуть не помер. Так-то. Вот и прикрепилось к нему это «джентльмен». С намеком на то, что в Англии долго гостил. А потом советская власть пришла. Ох, Тань, как та английская поездочка ему жизнь покалечила!

Тетя Зина запнулась. Танюша слушала ее, затаив дыхание. Рассказ о прадеде Паше глубоко тронул ее сердце, заставил его колотиться сильнее, стучаться о ребра, и Танюшка прижала ладошки к груди, чтобы оно не выскочило. Тетя Зина передала ей карточку.

— А глянь-ка на фотографию, и прямь он тут джентльмен, дед-то наш!

Танюшка держала карточку, не веря своим глазам. Ее прадед Паша и снеговики, необычные, не такие, каких мастерила она! Но ведь снеговики! Так вот в кого она пошла, как говорит Бабася!

Танюша вглядывалась и вглядывалась в пожелтевший кусочек истории, теперь уже, безусловно, ее истории, гладила пальчиком шероховатую бумагу и мелкие зубчики неровных краев фотографии, водила носиком от центра к углам и снова в центр. И казалось ей — карточка пахнет чуть подтаявшим снегом, мокрыми прутиками, дымом от сигары, которую держит в руке усатый джентльмен, и еще чем-то неуловимым, английским. И если бы кто-то спросил ее в тот момент, знает ли она хоть что-нибудь о прадеде, она бы, не задумываясь, ответила, что знает о нем очень-очень много, и понимает его, и любит. И гордится им — и тем, что выкрал себе жену, и что отдал пальто выгнанной из дому жене приказчика Спиридонова, и что в семьдесят пять лет сбежал на фронт, и ведь как ни гнали его по старости, добился-таки разрешения остаться, готовить младший офицерский состав по инженерному делу; и тем, что жил широко и открыто, как говорили соседи. И помнит его теперь Танюшка всего целиком, как если бы всю жизнь качалась, сидя на его длинной ноге в клетчатом тапке и задрав голову кверху, к его смеющимся глазам.

К вечеру, когда захмелела на поминках крикливая и пестрая ее родня, Танюша выбралась на улицу, отдыхающую от уходящей немилосердной жары, и побежала на кладбище. Было еще светло, дорожка, примятая утром множеством подошв, сама вывела ее к песчаному холмику с увядающим венком и временным деревянным крестом, который к концу лета планировали сменить на мраморную плиту.

— Деда, тебе про Шанежкина обязательно надо знать! — Танюшка уселась на песке у края холмика, прижав к груди фотокарточку.

...И подробно, с деталями рождения и смерти рассказывала деду Бубенцову о ее снеговиках, о недолгом их веке, характерах и именах. О Шанежкине и отданными им даме шарфе и тазике-котелке, так похожем на чаплинский, о том, что только теперь она догадалась, что Шанежкин тоже джентльмен.

Никто бы не понял Танюшку так, как понимал ее сейчас прадед Паша. Тихо-тихо слушал он, а потом в синей выси запищал птичий голосок. Видно отпустил он наконец птенчика из больших сомкнутых своих ладоней и успокоился...

* * *

Ее отлучки к прадеду никто не заметил, в доме было по-прежнему суетно и наэлектризовано. Лишь мама, удивившись бледности дочки, дотронулась до ее лба и подняла переполох: а есть ли у кого градусник?

Жар у Танюши оказался нешуточным. Последующие несколько дней она плохо помнила. Ее, кажется, обтирали спиртом, давали выпить горькие лекарства. Смуглый доктор в белом халате щупал миндалины прохладными пальцами, Бабася кормила ее с ложечки сладкой рисовой кашей... И еще в комнате толпились снеговики, они робко стояли в дверях и не таяли, только осторожно справлялись о здоровье девочки.

На третий день температура спала, и снеговики деликатно удалились, на прощание приподняв котелки.

Бабася, считавшая, что жара была причиной болезни внучки, наскоро, с боем раздобыла обратные билеты в Ленинград — помог папа «странного» Гарика, работавший кем-то важным в буфете симферопольского вокзала. Снова нашел свое место под полкой в душном вагоне Танюшин фибровый чемоданчик, уныло прикусив челюстью лямку ситцевого купальничка, так и не узнавшего южного моря. Мирно дремали завернутые в дареные крымские полотенца помидоры и абрикосы. Юг прощался с Танюшей трепетно, как с родной, махая ветками высоких тополей и кипарисов, пуская белокрылых мотыльков в окно вагона во время недолгих стоянок. Она была еще слишком слаба, лежала на протяжении всего пути на полке и лишь изредка доставала из нагрудного кармана завернутую в толстую вощеную бумагу английскую фотографию и тихонечко пела деду и элегантным снеговикам песни с хромой рифмой про несчастную любовь — те самые, какие пели они с подружками обычно после отбоя в лагере.

* * *

На улице Циолковского продолжались ремонтные работы, и дядьки в зеленых комбинезонах протащили длинный, как удав, черный шланг из пасти знакомого люка до подвала ближайшего дома. Неподалеку дребезжал, содрогаясь всем организмом, трансформаторный фургон.

— Ша-аааанежкин, — перекрикивая грохот, позвала Танюша, наклонившись над полуоткрытой вафельной крышкой люка. — Я тебе про деда Бубенцова расскажу...

Она повертела над дыркой фотографией. Шанежкин призывно заурчал, полоская в глотке булькающие звуки.

— Девочка, что ты делаешь у люка? — вырос рядом прокопченный усатый рабочий.

— Я с джентльменом разговариваю.

Танюшка выпрямилась и, слегка приподняв выцветшую тюбетейку, словно это был котелок, гордо удалилась. Скоро, очень-очень скоро придет зима. А пока она спит, копит силы в тягучий июньский полдень, набивает облака, как подушки, легким пухом, который превратит потом в гранулы белого материала, идеального для фантазии скульптора. Осталось подождать каких-нибудь сто пятьдесят дней до первого снега. А если повезет, то даже сто сорок пять. Скорей бы, скорей! Любимому городу нужны джентльмены.

Дмитрий МИЗГУЛИН

* * *

Стремишься постичь мирозданье?
Скорбишь над народной судьбой?
Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня — я полный бездельник:
Привычно сижу на полке,
Пахучий березовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смиренное тело мое,
И мягким березовым паром
Струится мое бытие...

Эпохи восторженный зритель —
Спешу беззаветно поддать.
Не с этим ли жаром святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд не спеша,
А завтра под сводами храма
Вот так же оттает душа.

ПИСЬМО

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибоя.
И фонаря на пол-окна
Мерцанье бледно-голубое.

Дмитрий Александрович Мизгулин родился в 1961 году в городе Мурманске. Автор пятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук. Кавалер ордена Преподобного Серафима Саровского РПЦ и различных литературных премий. Сопредседатель Попечительского совета альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Живет в Ханты-Мансийске.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твое лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далеко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и беспечно:
Ничто не вечно под луной,
Да и луна сама не вечна.

Все встанет на свои места...
Как просто все, но слишком поздно.
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звезды...

Пишу — все будет хорошо,
А все давным-давно прошло.

* * *

Не думать, наверное, проще.
Но лучше ль печалиться зря?
Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября.

Промчались июльские ливни.
Царят затяжные дожди.
Ну что же поделать, скажи мне,
Коль звонкий июль позади?

Возможно ль теперь возвращаться
В те дни, где звенела листва?
Как мокрые листья, кружатся
Такие простые слова.

И всё — кутерьма и морока.
И впредь никого не вини,
Когда заалеют до срока
Каленой калины огни.

* * *

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран

Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку —
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски?

Кто мы, где мы, зачем и откуда,
Все бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаем города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

* * *

На Родине — как на вокзале:
Сумятица и суета.
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.

Здесь кто-то прибудет заране,
А кто-то — в последний вагон.
И кружится в сонном сознанье
Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном пространстве
Лететь среди тусклых светил,
Чтоб ветер сомнений и странствий
Земную печаль возвратил.

Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось, пелось,
И даже не важно о ком.

Чтоб вновь обрести постоянство,
Чтоб вновь осязать наяву,
Как падают звезды в пространство,
Как яблоки — прямо в траву...

* * *

Растаял туман над излукой
Осенней тяжелой реки,

Живу не любовью — разлукой,
Чьи вечные воды легки.

Стараюсь по жизни — хоть малость
Минувшего счастья сберечь,
Недолгих прощаний усталость
И радость нечаянных встреч.

На легкой волне у причала
Мороза стальная печать,
И так хорошо, что с начала
Уже ничего не начать.

ГЛУБИНКА

Глубинка — это не столица,
Глубинка — это глубина.
Беднее быт. Светлее лица,
Но ярче — солнце и луна.

Шумит листва. Щебечут птицы
И тает на песке волна.
Как оглушительны столицы,
Как неизбежна тишина.

Столичной жизни ахи, охи
Смешны, когда ты зришь в глуши
И глубь реки, и глубь эпохи,
И глубину своей души.

Глубинка дремлет. Спят столицы.
Струится в небе дым печной.
Молчит листва. Уснули птицы.
Растаял след волны речной.

* * *

Ну вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и в лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло березы
В холодной сиреневой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомненья и страхи легки.

Я без сожаленья и скуки
Приемлю теченье реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отча-ли-вала...

Михаил СПИВАКОВСКИЙ

И.С.ТОРИЯ ОДНОГО УЛИССА

Рассказ

Иван включил торшер, надел очки, но так и не прочел ни страницы. Томик Коэльо прыгнул на левый бок, словно советуя хозяину последовать его заразительному примеру. Ивану были близки проблемы, формулируемые бразильским писателем, но методов их решения он для себя не принимал. После того, как ему в руки впервые попался «Улисс», он понял, что литература умерла одновременно с Джойсом. И с тех пор читал не столько ради удовольствия, сколько просто потому, что не мог остановиться.

Он погасил свет и некоторое время лежал, вслушиваясь в тишину. Когда его глаза привыкли к темноте, он скорее инстинктивно оценил размеры своей крошечной комнатушки и почувствовал себя даже не одинокой спичкой в потертом коробке, а скорее зубочисткой, плотно укутанной в целлофановую пленку. Но мир сновидений быстро лишил его последнего шанса обдумать эту метафору...

Иван очнулся внезапно: вслед за привычным скрипом двери из коридора донесся пьяный голос Маленького Ублюдка.

— Заходи, бабка спит. Очкарик тоже.

— Это хорошо, приятель, — прохрипел еще один подвыпивший бас, отчаянно вальсирующий между отрыжкой и икотой. — Бабкен нам ни к чему... Твою мать!

«Все-таки влетел в табурет», — удовлетворенно подумал отошедший от сна Иван, не столько обижаясь на привычного «очкарика», сколько возненавидевший «ночного гостя» за презрительную фамильярность по отношению к Старухе.

* * *

Иван родился и вырос в маленьком поселке в двух часах езды от большого города и надежд дотянуться до звезд по умолчанию имел немного. Детские годы оставили смутные воспоминания о бедности и покое, о ежедневном парном молоке, о последнем в хозяйстве съеденном цыпленке и неудачном прыжке с гаража, когда ему удалось сломать обе ноги одновременно. Школа запомнилась кратковременными издевательствами быстро потерявших к нему интерес однокашников, а также их регулярными насмешками над его отцом — преподавателем физкультуры старших классов.

В техникуме Ивану, правда, совершенно несознательно удалось заслужить доверие авторитетных «быков», которые в течение двух лет питались его шпаргал-

Михаил Аркадьевич Спиваковский родился в 1980 году в Одессе. Украинский журналист, актер и литератор. Специальный корреспондент газеты «Спорт-Экспресс в Украине», член Союза журналистов Украины с 1998 года. Актер театра-студии «Черный квадрат», автор ряда сценариев, спортивных справочников, сборников стихотворений и рассказов.

ками, подсказками и конспектами, а в награду звали смотреть раритетные порнографические журналы, испещренные причинными органами чудовищных размеров.

Бюджетное место на философском факультете университета досталось Ивану неожиданно даже для самого себя. На десять свободных вакансий претендовало более шестидесяти человек, и впоследствии он сам неоднократно удивлялся, почему придирчивые экзаменаторы оказались столь благосклонны к полноватому провинциальному абитуриенту с простецким лицом, в толстых очках, залинялой отцовской рубашке со старомодными запонками и мешковатых зеленых брюках, купленных по такому случаю на местной барахолке. Иван отвечал на вопросы преподавателей спокойно, даже несколько лениво, и подкупил педагогов совершенно равнодушным отношением к происходящему. Спустя некоторое время, сжимая в руке новенькую зачетку с твердой только-только вклеенной фотографией, он внезапно понял, что очередной крутой поворот в его жизни означал не временную отсрочку от армии, куда его — слепого, как котенка, без своих очков в старой роговой оправе — все равно взяли бы без надежды на белый билет. Его поступление в вуз автоматически предполагало наличие ста лишних рублей в месяц на дорогу в город и покупку новой зимней обуви: старые ботинки впитывали воду, как гигиенические прокладки из модной рекламы.

Пять лет учебы пролетели, как одно мгновение: сокурсники уважали его за спокойный, взвешенный характер, преподаватели не чаяли души — за глубокие знания и искреннее желание постигать метафизические тайны Бытия. Пять самых ярких событий студенческой жизни Ивана: вручение именной стипендии за отличную учебу, сыгранная роль лектора-гомосексуалиста на вечере самодеятельности, первый поцелуй на редкой для него дискотеке, утонувший в дешевом портвейне выпускной и... еще одна история, потрясшая факультет до самых его основ.

Детерминист Иван считал свое существование абсолютно предопределенным Вселенским Разумом, а потому очень спокойно относился к любым коллизиям и форс-мажорам, которые преподносила ему богатая на фантазии судьба. Он мог сверхурочно просидеть до самого закрытия библиотеки; мог отправиться в родной поселок пешком и прийти домой под утро, когда уже наступало время ехать обратно в город; наконец, мог каждую ночь воровать в соседнем колхозе пшеницу, прячась за велосипедом и обливаясь потом в придорожной траве с первым зевком просыпающегося кузнечика. Он не был готов лишь к одному: к этому тупому, свербящему чувству в левой части груди, которое высокопарные романтики называют любовью, а парнокопытные циники — банальным зовом природы...

Иван сжал виски средними и указательными пальцами и принялся массировать их, чтобы спугнуть нагрянувшую мигрень. Маленький Ублюдок и его новый приятель даже не думали прекращать импровизированный мальчишник и теперь включили старый магнитофон Ивана, который с предсмертным хрипом извергал дикие звуки, способные разбудить медведя гризли в самом разгаре его зимней спячки. Иван разрешил Маленькому Ублюдку пользоваться магнитофоном еще на прошлой неделе, и тот явно злоупотреблял его безотказностью и великодушием. Периодически грохот эстрады заглушал звон соприкасавшихся граненых стаканов, наполнявшихся часто и порывисто, по принципу сообщающихся сосудов.

Бурый циферблат Ивановых электронных часов — работали как заведенные уже третий сезон, несмотря на то, что были куплены за смешные деньги у дряхлого старьевщика — показывал половину третьего. Иван понимал, что спать ему оставалось еще максимум четыре часа. И это лишь в том случае, если собутыльники внезапно захрапят прямо на кухонном столе.

Нескладная фигура медленно спустила ноги на холодный ковер и натянула полотняные спортивные штаны. Иван привстал и чуть не потерял равновесие от никак не отпускавшей его истомы. Дверь его комнаты отчаянно скрипела, но по сравнению с рваным ритмом «кухонного рока» этот страшный скрежет показался легким вкраплением в оркестровую какофонию виртуоза-скрипача. За сон Старухи беспокоиться не приходилось: в детстве она приучила себя засыпать под колыбельную «мессершмиттов» и бомбежек, поэтому сейчас наверняка улыбалась в подушку добрым щербатым ртом.

Когда Иван появился на кухне, приятели как раз открывали новую страницу своего ночного диалога. В воздухе то и дело мелькали бутылка коньяка «Десна», нескладные ломти черного хлеба и жирные пригоршни квашеной капусты. Невербальный натюрморт оживила сентенция Маленького Ублюдка.

— Ну, двай выпем, мужик! — раскрасневшееся худосочное лицо вперило безумные глаза на дно заветного сосуда.

— Мужики вагоны грузят, а мы, пацаны, дела делаем! — внезапно рявкнул второй участник «брудершафта», позволив Ивану разглядеть себя в полной красе.

Такого экспоната повидавшая виды кухонька старой коммуналки еще не лицезрела. Набыченный лоб, раздвоенный подбородок, и огромный, словно самостоятельно существующий кадык, почему-то покрытый мерзкими завивающимися волосиками, венчала склизкая фиксатая ухмылка. При этом на вид Кадыку было не больше, чем товарищу, а именно — лет двадцать.

— О-па, да у нас как-никак гости? — Кадык медленно оторвался от стакана и бросил вопросительный взгляд на товарища.

— Пзнакомьтесь, — пролепетал оставивший на дне стакана свой обычный апломб Ублюдок. — Эт — Иван, а эт — ...

Как звали лихого собутыльника соседа, Иван так и не узнал, потому что Кадык внезапно трахнул об пол табуретом.

— Да я и сам вижу, шо это — Иван, а не Абрам! Ха-а!.. — Кадык посмотрел в глаза новоприбывшему замутненными зрачками и с сомнительной долей членораздельности задал риторический вопрос: — Третьим буешь?

— Я бы хотел попросить вас... сделать музыку потише, — наконец-то выговорил Иван.

— Шо такое? — переспросил Кадык, приподняв левую бровь.

— Музыку, — прокричал Иван, — потише сделайте! Спасибо!

Смысл вышесказанного доходил до дуэта столь же медленно, сколько равномерно их организмы насыщались горячительной жидкостью йодистого оттенка. Менее опытный в таких делах Маленький Ублюдок постепенно терял дар речи и, уже давно пройдя первую и вторую стадии опьянения — стадию Попугая и стадию Тигра, постепенно приближался к третьей — стадии Свиньи. Агрегатное состояние Кадыка лишь балансировало между первым и вторым этапом, а потому он недоуменно хмыкнул и повторил свое предложение.

— Садись, брат! А то стал тут, орешь на всю ивановскую! — он громко заржал, пребывая в восторге от своего каламбура.

Улучив момент, Иван подошел к магнитофону и максимально тактично вернул колесико «громкости» в промежуточное положение между нулем и бесконечностью.

— Спокойной ночи!

Иван вышел из кухни, физически чувствуя присутствие двух разных взглядов на своей продрогшей от январского холода спине. Один из них был откровенно чужим, другой — откровенно враждебным.

* * *

Иван не мог вспомнить, когда впервые почувствовал, что Тамара ему не безразлична. Все произошло как-то уж слишком скоропостижно. Она училась на курс младше, но умудрилась сдать экстерном сессию за два семестра сразу и была зачислена в их группу после зимних каникул. На парах Тамара появлялась нечасто, а если и приходила, то в самый разгар лекции, громко стуча каблуками и шокируя педагогов своими откровенными нарядами.

Столь же беспардонно она любила и покидать плановые студенческие мероприятия, никого не предупреждая, ни перед кем не отчитываясь и никогда не откликаясь на возмущенные реплики оскорбленных лекторов.

Позже Иван узнал, что Тамара — особа творческая. Учебу в университете она совмещала с занятиями на курсах английского языка, преподаванием в школе дизайнеров и работой репортера в модном журнале. Она частенько «сверкала» своими фотографиями с известными актерами, макетами новых коллекцией одежды и экзотическими авангардными нарядами, которые производили совершенно неизгладимое впечатление, прежде всего из-за того, что как раз таки не всегда былиглажены.

Тамара сама подошла к Ивану после одной из лекций и попросила переписать его конспект. Впрочем, на семинаре так и не появилась, в результате чего лишенный вещественного доказательства своих глубоких знаний Иван был публично отчитан потрясенной такой «наглостью» стервой преподавательницей. Не прошло и месяца, как Иван стал замечать, что в его размеренной и небогатой сальными перипетиями жизни стали происходить странные вещи. В это время он словно смотрел на себя со стороны: вот он, Иван, допоздна сидит в библиотеке, переписывая для Тамары учебники по эпистемологии. Вот — он же: преет в деканате, чтобы получить за нее освобождение от занятий физкультурой. И, наконец, снова он: переводит для нее отрывок из неподъемной поэмы Байрона, притом, что и сам считается одним из самых слабых учеников на курсе английского.

В награду за преданность ему разрешается изредка сопровождать Тамару до остановки и, разумеется, нести ее многочисленные футляры с выкройками. В институте социальный рейтинг Ивана неумолимо ползет вверх. В перерыве между парами к нему, наигранно ухмыляясь, подходит дежурный клоун курса Фурсов.

— Иван, а как это тебе удалось подцепить такую телку? Ты что, пообещал ей домик в деревне?

— Слушай, ты! Тамара — не телка! Понял? — неожиданно для самого себя сбившийся на фальцет Иван схватил Фурсова за лацканы его модного френча, и последний примирительно поднял руки вверх.

— Да, ладно-ладно. Иван, я же пошутил. Извини.

— Перед ней извинишься.

И на следующий день жующий бутерброд Фурсов поднялся на лекции этики и громко произнес:

— Дорогая Тамара, хочу принести тебе публичные извинения за то, что вчера в перерыве между парами в разговоре с Иваном я обозвал тебя «телкой». Прости меня, я больше не буду.

Вечером Тамара пригласила Ивана к себе. Аккуратно запивая чаем домашнюю шарлотку, Иван не выдержал и спросил:

— Тамара, если ты пригласила меня из-за этого инцидента с Фурсовым, то...

— Ну, что ты, Ванечка, — при этих словах сладостное тепло разлилось по телу Ивана, — просто у меня к тебе есть одно дело. И очень серьезное. Я знаю, что ты

пишешь дипломную работу на тему «Философские феномены культуры», это правда?

— Да, — сдавленно ответил Иван, то ли от значимости момента, то ли от застывшей поперек горла шарлотки.

— Не мог бы ты дать мне свою работу на один-два дня, я хотела бы ее прочитать, потому что меня давно интересовала как раз эта тема.

— Тамара, я бы с удовольствием сделал это, но ты же знаешь, что работы уже сданы на вычитку рецензентам. А через неделю — защита...

— Ванечка, — Тамара неожиданно пересела на диван и положила руку на протертое джинсовое колено Ивана, — а если я попрошу сильно-сильно?..

Едва ли не впервые в жизни Ивану пришлось лгать: своего научного руководителя он убедил в том, что оригинал нуждается в перепечатке, и из уважения к его авторитету рецензент предоставил лучшему студенту факультета желанную отсрочку. Когда Иван отдал Тамаре свою работу, она неожиданно поцеловала его в щеку, а убегая, вдруг произнесла:

— Не поминай лихом!

— Тамара, — только и успел крикнул Иван, — защита послезавтра...

Иван даже не представлял, что защищаться ему придется как в последний раз в жизни. Он так и не сказал комиссии всей правды, а просто стоял, потупившись и в сотый раз упрямо повторяя, что у него украли папку с печатной версией работы, а на дискете ее не было и быть не могло: доступа к компьютеру Иван не имел. Рецензент отказался читать его черновики, а декан, вызывая Ивана на ковер, только и сказал:

— Вы очень подвели меня, я заказал в министерстве красный диплом, который пришлось отдать другому студенту.

Этим «другим студентом» оказался не кто иной, как Фурсов, чья работа «Философские феномены культуры» была признана лучшей на всеукраинской конференции культурологии и религиоведения. На церемонии вручения почетной грамоты Иван стоял в самом конце зала и, нелепо щурясь, всматривался в напомаженное лицо отчаянно аплодирующей Тамары.

Магнитофон проглотил кляп, и Иван, не испытывая особой гордости за успешно выполненную миссию, снова принял горизонтальное положение. Он вспомнил, как впервые появился на пороге этого ветхого дома, одного из тех, что так удачно маскируются в самом центре города между блестящими вывесками фешенебельных магазинов и поражают своим внутренним контрастом, словно кусочек трущобного лондонского Ист-Энда в самой сердцевине шикарного Сити. «Идеальное место проживания для Джека Потрошителя», — успел подумать Иван, прежде чем его звонок получил отклик в виде суетящихся и шаркающих в прихожей шагов. Дверь открыла пожилая женщина в вязаном жилете и стоптанных тапочках без задников. Лицо Старухи, как сразу же по-простому окрестил ее Иван про себя, скорее вызывало ассоциации с проглоченной злым Волком бабушкой Красной Шапочки, нежели распивающей медовуху в компании Кощея Бабой Ягой, а потому Иван окончательно успокоился и перешел к главному: непосредственному обсуждению финансовых тонкостей сделки.

— Много не попрошу, сынок, — прошамкала старушка. — Двешти рубликов. Не больше.

— Вера Петровна, — ответил Иван своим самым мягким и проникновенным голосом, — я не могу вам платить больше ста пятидесяти. Извините.

Иван не блефовал, его зарплаты с трудом хватало и на это. Снимать квартиру в

городе его заставили обстоятельства, а на двести рублей он мог каждый день ездить и домой — в поселок, где ему всегда были рады потерявшая былую осанку мать и приобретший внешность старого доброго гнома из романов Толкиена отец. Родители уже не могли вести свою собственную борьбу против суровых законов жизни, по горькой иронии судьбы их обучение в «школе выживания» непомерно затянулось: неоднократно оставаясь на второй год, в этом виртуальном заведении они уже могли считаться твердыми «троечниками», но для того, чтобы перейти на другой уровень и решать задачи высшего порядка, их знаний и, главное, физических возможностей было уже недостаточно. Пришла та самая неизбежная и парадоксальная пора истины, когда поколения поменялись местами, и уроки бытия за родителей должен был делать Иван. Этот «Майн кампф» становился его собственным полем боя.

— Сыночок, может быть, шторгуемся на шта семидесяти пяти? — пролепетала Старуха, явно сделавшая ошибочные выводы из отнюдь не респектабельной внешности Ивана.

— Я не торгуюсь с вами. Я действительно не могу платить больше. Извините.

Иван подхватил рюкзак и направился к выходу.

— Штой, сынок, штой, — внезапно остановила его Старуха. — Пушть будет што пятьдесят.

— Зачем вам это, Вера Петровна? Ведь у меня есть и другие объявления, а вам кто-нибудь еще даст двести, вот увидите.

Иван не собирался играть в благородство. Он просто знал истинную цену бедности.

— Ну и што? — Старуха внезапно посмотрела ему прямо в глаза. — Зато человек хороший. Это сразу видно.

Вера Петровна проводила Ивана в маленькую клетушку «два на четыре»: крошечный шкафчик, стул, кровать и одинокий паучок в левой «девятке» между стенкой и потолком.

— Игорек, — ласковый голос Старухи снова завибрировал в четырех стенах новой цитадели Ивана, — а у нас квартирант новенький. Иди сюда, милый.

Дверь снова распахнулась, и из-за укрытого жилетом дряхлого плеча появился великовозрастный бугай с рябой, нагловатой физией и мелкими, блуждающими глазками.

— Это — Ванешка, — произнесла Старуха с какой-то странной любовью и сделала репрезентативное движение рукой, — а это — Игореша. Внушок мой.

Иван сдержанно пожал верткую ладонь внучка и вдруг похолодел. Приветливая рука Веры Петровны все еще нелепо висела в воздухе, и только сейчас он увидел, что на ней было только два пальца... Игорек молча выскользнул из комнаты, а Старуха решила задержаться.

— Одни мы тут живем, — зачем-то пояснила она. — Родители Игорька уехали. Далеко...

Иван все еще раскладывал скудное имущество по полкам поцарапанного шкафчика, как вдруг услышал вкрадчивый, подлизывающийся голос внучка:

— Ба, слушай, постирай мне носки. А то мне сегодня надо к Ольке уходить, — голос Игорька внезапно совершил интонационный скачок и добавил: — И трусы тоже...

— Хорошо, внушок, хорошо, милой, — усиленно закряхтела Старуха, — только подожди, дай мне с обедом законьшить.

С тех пор даже вслух Иван никогда не называл Игоря по имени.

Внучком звал до тех пор, пока не увидел впервые, как тот приволок домой свою

Ольку и разнузданных матерящихся корешей, после чего Старухе до трех ночи пришлось убирать объедки, блевотину и Бог знает что еще, а самому Ивану, преодолевая дикое отвращение, тащить долговязого Внучка на расшатанный им с Олькой вертолет.

После этого Игорек прошел новое крещение: Иван величал его не иначе как Маленький Ублюдок.

* * *

Тамара никогда не просила у Ивана прощения и больше никогда не заговаривала с ним, хотя он часто моделировал эту желанную беседу и в душе давно простил ей все: и ложь, и подлость, и даже предательство. Ивану почему-то стало ее отчаянно жаль, хотя уж лучше бы он пожалел самого себя. После скандала с дипломом Иван лишился обещанной вакансии старшего лаборанта и поступил в аспирантуру на общих правах, вместе с окружавшими его всю сознательную жизнь неучами и паразитами.

На посвящении новоиспеченных аспирантов торжественная миссия открытия бочки Диогена была возложена уже не него, а на продвинутого Фурсова. В ослепительном пиджаке с бабочкой в горошек набриолиненная гордость факультета обдувал аудиторию фонтаном ультрафиолетовых улыбок, а особо досталось специально приглашенной по такому случая из Львовского университета аспирантке Оксане Левиной, лауреату всеукраинских олимпиад по философии и истории культуры. Оксана опускала томные веки, и лишь вспыхнувший на гладких щеках румянец служил Фурсову иллюзорным доказательством того, что его усилия не безуспешны.

Ивану было все равно: после Миллера и Кафки он переключился на Дюренматта, а сейчас увлекся Гессе и жадно, не теряя ни минуты, поглощал «Игру в бисер». В последнее время он чувствовал странную внутреннюю свободу, которая уничтожила депрессию, но отзывалась в его душе какой-то новой, доселе не изведанной болью. Он словно держал свое Бытие на ладони и рассматривал его под электронным микроскопом. Он еще никогда не ощущал себя *таким*. «Что происходит?» — мучительно думал Иван. Ключ к разгадке подарили ему Кьеркегор и Камю. А после того, как он прочитал Сартра, сомнения были развеяны окончательно. Иван понял, что ему удалось невозможное: он познал свою экзистенцию! Этот чувствительный стержень рикошетил о его сознание, затрагивая все возможные инстинкты и порождая новые, идеально выстроенные суждения о самом себе и безмерном мире, в котором он был одиноким и беззащитным тараканом — случайной жертвой врожденного детерминизма, но в одночасье внезапно превратился в креативного демиурга, маленького Бога, который конструирует жизнедеятельность всего живого и выполняет функции самого Вселенского Разума. Вот уже который день Ивану не терпелось опробовать свое новое «Я», сопоставив феномен своей непривычной роли с приземленной материальной оболочкой, служащей кулисой для его внезапно прорезавшегося дара самоконтроля...

— Все это лишний раз доказывает, уважаемые коллеги, что связь между студентом и преподавателем осуществляется амбивалентно, — победоносно произнес в шершавый микрофон Фурсов, закончив свой патетический спич, и Иван без особого труда узнал в этой пустой витиеватости почерк одного из молодых доцентов, подрабатывавшего составлением курсовых и дипломных работ для своих же студентов.

— Послушай, Иван, — сказал ему однажды глотнувший свежего пивка и оттого разоткровенничавшийся доцент в душном зале научной библиотеки, — все филосо-

фы — рафинированные болтуны, а сама философия — банальная демагогия, сплошная софистика, нелепая подмена терминов. Ты знаешь, как я защитил свою первую дипломную работу? Просто выучил парочку умных словечек, типа «транспарентность», «квинтэссенция», «амбивалентность», и вставлял их куда попало. А педагоги уважительно кивали седыми черепами, потому что ни хрена не понимали. Ты понял, куда мы катимся?

Иван и сейчас не без внутренней иронии обратил внимание, как после окончания речи Фурсова одобрительно зашевелились усы академика Грибанова, а старший преподаватель Карасевич возбужденно аплодировал, размахивая руками, словно заправский сурдопереводчик с центрального телеканала.

— Слово предоставляется Оксане Левиной, — еле слышно буркнул так и не научившийся обращаться с микрофоном декан философского факультета Владимир Прокофьев. Титулы и регалии темноволосой девушки Иван не расслышал, просто внимательно изучал миловидное, но решительное лицо и не без симпатии отметил про себя, что русская речь у львовянки очень чистая, а голос бархатистый и умиротворяющий.

Когда Оксана закончила, Иван забыл про Гессе и с полуоткрытым ртом следил за тем, как стройная гостья вернулась на свое место в соседнем ряду, быстро накинула пальто и, наскоро попрощавшись с кем-то из студентов, в полном одиночестве направилась к выходу с внушительного вида спортивной сумкой. Рассеянный взгляд потерявшего прекрасную незнакомку Фурсова побудил Ивана к решительным действиям. «Сейчас или никогда», — решил он, вспомнив о чудесной метаморфозе своего мировоззрения. Он судорожно натянул старую прорезиненную куртку болотного цвета и осовело бросился вслед за мелькающей на лестнице фигурой. «Прямо как Чикатило», — усмехнулся про себя Иван и прыгнул через три ступеньки.

— Позвольте вам помочь, — произнес он совершенно спокойно, незаметно разминая вращательными движениями ватные ступни.

— Позволяю, — не менее хладнокровно ответила Оксана после едва заметной паузы и со сдержанной улыбкой протянула ему баул. — Если честно, то вы подоспели как нельзя кстати. Я уже почти отчаялась успеть на поезд.

— Вы очень хорошо говорили там, в зале, — продолжил Иван.

— Это не я хорошо говорила, а вы хорошо слушали, — ответила она комплиментом на комплимент и добавила: — Но прошу вас, давайте поторопимся. Шестая платформа, восьмой путь, двадцать тридцать. Или мне придется ночевать на вокзале.

— Это было бы даже очень неплохо, — неожиданно для самого себя выпалил Иван и даже не покраснел.

Оксана не ответила, но ее улыбка приободрила Ивана сильнее любых слов. Они остановились на обочине дороги, и он довольно быстро сторговался с пожилым таксистом. После того как Иван отнес вещи Левиной в купе и проводник попросил провожающих покинуть вагон, Оксана протянула ему листок со своим львовским телефоном.

— Он мне не понадобится, — хрипло произнес Иван и посмотрел ей прямо в глаза. — Если, конечно, вы разрешите проводить мне вас до самого дома...

Оксана не успела вымолвить ни слова: машинист оборвал ее размышления лихим гудком, поезд стремительно набирал обороты, и худые торсы деревьев, невольно заглядывая в их окно, выступили в качестве молчаливых свидетелей этого странного и необъяснимого духовного союза.

К заплаканной матери и потерянному отцу Иван вернулся лишь через неделю. А

глупые вопросы приятелей пресекал коротким и многозначительным заявлением для прессы: «Да, да и еще раз да. Мы жили как муж и жена».

Смятый листок с написанным губной помадой телефоном послушно ждал своего часа в кармане той самой счастливой куртки болотного оттенка, но когда Иван уверенно набрал семь заветных цифр, ему рапортовал совершенно незнакомый мужской голос:

— Ви помиляєтесь. Ниякої Оксани тут не живе.

... Наутро Ивана забрала «скорая».

— У вашего сына шумы в сердце, а на нервной почве они вполне могут приводить к подобного рода кризам, — авторитетно объяснил не успевшей обрадоваться возвращению «блудного сына» матери Ивана моложавый фельдшер с родинкой над верхней губой. — Но если вы хотите, чтобы подобные вещи не повторялись, я могу вам посоветовать несколько эффективных препаратов.

Пока человек в белом халате выписывал рецепт, испещренный дорогими наименованиями редких лекарств, Иван стеклянными глазами смотрел на отрывной календарь. Внутри было непривычно пусто: он не чувствовал боли, не чувствовал обиды, в конце концов, он больше никогда не чувствовал своей экзистенции. Он ощущал лишь дикий страх, который преследовал его при одной лишь мысли: как жить дальше и стоит ли делать это вообще? Случайный взгляд на лицо матери мгновенно отсек второй вопрос его дилеммы. Зрачок Ивана снова сфокусировался на календаре. Он понял, что помочь ему может только один эскулап. Всемогущий доктор Время.

Иван почти провалился в сон, когда снова услышал гул голосов на кухне. Он приказал своему сознанию отключиться и не вникать в происходящее там, за тонкой перегородкой гипсокартона. Но как это всегда происходило в подобных ситуациях, организм преподнес сюрприз в виде обратной реакции, и первые же услышанные Иваном слова заставили его насторожиться. Он приподнялся на локте и с неприязнью ощутил мерзкий холодок в районе диафрагмы. Он превратился в слух и понял, что не ослышался.

— Не иди туда, чувак, я прошу, не надо! — слабовольный голос Маленького Ублюдка пронзил воздух странным нервным надрывом. Ивану показалось, что он окончательно протрезвел.

— Сиди дома, гулена! — решительным и от того еще более гнойным баском отозвался Кадык. — Я щас ему, нять, кишки морским узлом вязать буду, письмецо ему напишу на брюхе...

— Зачем тебе нож, чувак? — пластилиновый писк соседа напоминал озвучку героев советских мультфильмов.

— А мне с пером писать веселее будет. Я ему покажу хозяина жизни, нять!

Ивана прошиб холодный пот, но он быстро взял себя в руки. «Это — не страх, это инстинкт самосохранения», — бормотал он, поднимаясь на локте и интенсивно шаря рукой по столу. Есть! Его ладонь наткнулась на знакомый корпус складного туристического резака, с помощью которого он открывал консервы, а иногда даже резал бумагу в своей утлой каморке.

Между тем пьяные шаги приближались. Маленький Ублюдок, похоже, оставил надежду унять своего товарища и переключился на иное, более важное для него дело: из уборной доносилось сдавленное блеяние агонизирующего желудка. Иван снова натянул штаны и, воинственно нахлобучив очки, вытянул руку с вылезшим из своей раковины лезвием.

— Выходи, подлый трус! — Кадык гулко барабанил в дверь обеими руками и

усердно помогал себе правой ногой, навалившись на петли всей своей грузной тушей.

Иван осторожно открыл защелку, резко толкнул дверь на себя и, отпрыгнув в сторону, снова занял стартовую позицию фехтовальщика-рапириста. Кадык влетел в комнату, как Мюнхгаузен, выпущенный из дальнобойной пушки вместе с ядром, и, больно ударившись об угол старого шкафа, грязно выругался.

— Ты шо, Леопольд драный, совсем уже опупел, нять?

— Хочешь помахать ножиком, давай помашем, — тихо ответил Иван. — Только учти, я, в отличие от тебя, трезвый как стекло.

— Как два стекла! — загоготал Кадык, вытянув пальцы рогаткой в направлении очков Ивана, но осекся, углядев перед самым носом сверкающую сталь резака. А затем, оценив диспозицию, прохрипел: — Ах вот ты как заговорил, кунфуист хренов. Ну ладно, мы с тобой еще разберемся, утро вечера ядренее...

Кадык невольно попятился к стене и, с ожесточением ударив по табурету, с третьей попытки все же попал в дверной проем.

Иван защелкнул шпингалет, промокнул лицо покрывалом и снова завалился на кушетку, на сей раз уже не раздеваясь. Старый резак послушно примостился под подушкой, в то время как его истощенный хозяин еще долго не мог сомкнуть пудовые веки.

Биологические часы Ивана работали четко, как их механические швейцарские родственники. В тридцать пять минут седьмого, полностью одетый, он стоял на кухне, осматривая и по возможности устраняя следы ночного беспредела. Судя по всему, Кадыка в квартире уже не было, а из комнаты Маленького Ублюдка доносился протяжный подростковый храп.

Иван аккуратно расставил стулья, спрятал в кулек для мусора жирные бутылки, а приподняв голову, увидел, что на пороге появилась Вера Петровна. Прислушиваясь к сонному бреду внука, Старуха с нежностью произнесла:

— Доброе утро, Ванешка. А мне што-та пить захотелось. Игореша спит, натрудился, бедный. Вчера оставался на ношную смену.

Иван не стал выводить хозяйку из сладостного заблуждения и рассказывать о героических трудах Игореши в ночную смену. Он прошел в коридор, закинул на плечи тяжелый рюкзак и оставил на полочке рядом с телефоном записку: «Спасибо вам за все, и будьте здоровы!» Вместо подписи Иван оставил на пожеванном листе бумаги в клеточку ровно сто пятьдесят рублей. На отрывном календаре красовался Татьянин день — 25 января. Синоптики обещали минус пять по Цельсию, гололед, ветер северо-западный. пять-семь метров в секунду.

* * *

На радио Иван оказался чисто случайно. Он никогда не искал работы, подобно тому как некоторые люди не ищут любви, а другим не приходит в голову заниматься поисками затонувшей Атлантиды. Он не питал иллюзий относительно того, что в мире существует интересная работа, как, собственно, и не считал, что в его случае работа может быть действительно денежной. Для Ивана она была некоей разновидностью «инстинкта самосохранения», но в большей степени он считал ее одним из самых избитых социальных архетипов: родился — живи, вырос — работай. Помимо сезонных путешествий на пшеничное поле, прибавку к его стипендии аспиранта составляла периодическая халтура: теперь он и сам не брезговал выполнять заказы нерадивых студентов и ветреных институток. И надо же, курсовые, квалификационные и дипломные проекты его производства неизменно заслуживали

высших баллов, и, как правило, заказчики не стеснялись помимо обязательной таксы в виде двадцати «зеленых баков» премировать его по курсу «один к одному»: «пятерка» — за «пятерку», «четверка» — за «четверку», ну, а оценок ниже этой никто из его «подопечных» не получал. Однажды, правда, случился немыслимый казус. К Ивану за помощью обратилась сексапильная второкурсница и обещала заплатить «четвертак» за срочность, лишь бы он в течение четырех часов успел написать для нее реферат по «Истории мировой культуры». Для создания сего опуса Ивану хватило двух академических часов: подстегивала мысль о новых ботинках. Порывисто овладевая дюжиной листов формата «А4», исписанных его фирменным и практически неразборчивым почерком, второкурсница протянула деньги и сбивчиво спросила:

— Да, кстати, это... а какой будет тема реферата?

— Стилистические особенности барокко, — членораздельно промолвил Иван и принялся было объяснять «младшей по разуму», что такое «барокко» и с чем это едят, однако той уже и след простыл.

На следующий день хлюпающий по мартовским лужам новенькими, прошитыми черными нитками «бульдозерами» кирпичного цвета Иван пришел за премиальными, но «салагу» нашел не сразу: она беспомощно размазывала по щекам остатки былой косметики и растерянно рассказывала о случившейся катастрофе.

Страдающей от приобретенного тика кандидату философских наук Людмиле Валерьевне Борзаченко, по кличке Трясогузка, так и не довелось изучить реферат студентки второго курса Алены Голованової. На лицевом листе ее работы черным по белому значилось название темы: «Стилистические особенности порока»... Проанализировав написанное, Трясогузка заработала, как скоростной компрессор, и вернуть свою обычную, несколько менее широкую амплитуду движений ей помогла только наскоро извлеченная из модной сумочки Голованової «десятка» с изображением Александера Гамильтона. Светлый лик министра финансов правительства Вашингтона несколько успокоил Борзаченко: в журнале появилась честно заработанная Аленой «тройка», а в кармане трясущегося... от смеха Ивана честно заработанный эквивалент в свободно конвертируемой валюте. Самых низких в его практике «премиальных» вполне хватило для покупки натурального ананаса, которого за первые пятьдесят семь лет своей жизни не пробовали ни мать, ни отец Ивана. Между тем с карьерой «аспиранта-многостаночника» он решил покончить твердо и решительно.

Предложение подменить знакомого на радиостанции «Звуки музыки» подоспело, как никогда, кстати. Об умении Ивана обращаться с новейшими изобретениями цивилизации, такими, как компьютер и мобильник, окружающие говорили: «Техника в руках дикаря», и вот настал знаменательный момент, когда судьба-индейка заставила его учиться обращаться с микшерами, CD-плеерами» и сверхчувствительными микрофонами. Иван не переквалифицировался в управдомы, он стал звукооператором. И когда знакомый, опустив глаза, признался, что не собирается возвращаться, Иван не закатил истерики, а завел себе трудовую книжку.

Поначалу Ивану действительно нравилось переключать потертые эквалайзеры пультов, микшируя, казалось бы, самые несовместимые мелодии, ловко переставлять компакт-диски и работать в прямом эфире с ведущими передач о джазе и классической музыке. Он чувствовал свою значимость, знал, что от одного его движения зависит судьба эфира целой, пусть и весьма примитивной, но все же системы. Но со временем чувство новизны испарилось, и рутина засосала его окончательно и бесповоротно.

Гнетущая атмосфера затхлых стен убогой комнатушки в полуразрушенном здании у городской телевышки пагубно отражалась и на психике сотрудников Ивана. Все они, начиная от директора и заканчивая пожилой уборщицей, идеально вписывались в этот депрессивный антураж, и у каждого была своя особая, но вместе с тем вполне традиционная для своего потерянного поколения карма. Директриса Елена Марковна Протасова (в узких кругах работников «Звуков музыки» просто «Марковна») была типичной представительницей вымирающего класса «старых дев» и по совместительству педагогом одного из престижных городских вузов. Взятки такие, как она, брали, страшно краснея, отводя глаза и воспринимая подношение в качестве опасного дара коварных данайцев. Вместе с тем в ипостаси руководителя Марковна вполне заслуживала характеристик — «самодура» и «сквалыга». Большинство из ее подчиненных, правда, добавляли к этим двум словам еще одно, также начинающееся на ту же семнадцатую букву родного алфавита. Любимым оружием Протасовой были всепоглощающие штрафы, которые она придумывала с невероятной изобретательностью, словно президент-реформатор развивающейся страны, изо дня в день формулирующий все новые и новые налоги: на воздух, солнце и разговоры об очередной волне инфляции. Выписывая очередной штраф, Марковна ловко пропускала мимо ушей вопросы о задолженности по зарплате и гнула свою деспотичную, но вполне оправданную, с ее точки зрения, линию партии.

Программный редактор радиостанции, тихая и спокойная девушка по имени Наташа, уже достигла опасной отметки тридцатилетия, но ее судьба, в отличие от «фатума» Протасовой, преподносила свои экивоки и сюрпризы. Пожилой муж вот уже как три года коротал время в царстве мрачного Аида, а сама Наташа не спешила начинать новую жизнь, отвыкнув от общения с ровесниками, большинство из которых уже состояло в крепких или, наоборот, шатких, но все же сформированных и устоявшихся «ячейках общества». Она приходила на работу ровно в семь тридцать и до одиннадцати ноль-ноль выступала в качестве предмета внутреннего интерьера, занимая дальний угол, выписывая номера дисков и композиций в импровизированный «плей-лист» и параллельно млея от «Лунной сонаты» Бетховена и «Токкаты и фуги ре минор» Баха.

Почетное место за пультом поочередно занимали Иван, Саша и Сергей. Двое последних, такие же одинокие и самодостаточные молодые люди с неизгладимой обреченностью в глазах, беспрерывно ругали Марковну, обкуривались дешевой травкой и затевали «бунт на корабле», мгновенно сгорая по истечении срока действия нехитрого допинга. Они уже давно тихо ненавидели свою работу, но не были способны что-либо изменить: она вошла в их жизнь как вредная привычка, наподобие передергивания плечами или употребления новомодных словосочетаний-сорняков: «как бы», «типа» и «на самом деле»...

Как ни странно, но самые яркие события за время работы Ивана на радиостанции имели место в две первые недели. Сначала его попросили в авральном порядке озвучить своим голосом объявление о пропаже бумажника Протасовой (все операторы были оштрафованы за подозрение в воровстве, хотя сам бумажник был найден на следующий день самой Марковной в своей собственной квартире). Затем забывший выключить микрофон Иван случайно чертыхнулся в прямом эфире в апогейный момент эоловой каденции Малера (штраф составил пятьдесят процентов от первой зарплаты), а еще спустя три дня «мученик» вздумал прикорнуть под сонливые аккорды Россини, а проснувшись, выяснил, что пауза между «треками» затянулась на добрых двадцать минут (так Иван лишился оставшейся и, безусловно, лучшей половины своей первой получки).

Между тем сам он нередко задумывался над тем, что держит их, затравленных маленьких «зверьков», в этой полусгнившей клетке, чьи прутья рухнули бы при одном нажатии большого и указательного пальцев, но чья адская аура гипнотизировала их до такой степени, что они почти каждый день возвращались сюда и как будто теряли всякую надежду на новый поворот. Спустя некоторое время Иван смог сформулировать название этого магнетического зова. Каждого из них притягивал Страх. Боязнь снова оказаться наедине с самим собой и медленно истязать душу убийственным мазохизмом саморефлексии.

* * *

Иван заночевал у тетки и ушел рано утром, сжимая в руке авоську с апельсинами, преподнесенную ему сердобольной родственницей. Спасаясь от пронизывающего январского ветра, он инстинктивно прыгнул в трамвай, но внезапно обнаружил, что денег на проезд категорически не хватает: если не найдет жилье — будет ночевать на вокзале. Он честно сообщил об этом придирчивой женщине-контролеру, и в ней, едва ли не впервые за последнее время, шевельнулось чувство искренней жалости. В общественном транспорте Иван успел просмотреть объявления о сдаче комнат в центре города и пометил парочку из них грифелем сломанного карандаша.

Около магазина электротоваров фирмы «Филипс» он встретил одноклассника: тот внимательно изучал блестящий музыкальный центр цвета «металлик», автоматически втаптывая носком шикарных «мокасин» в последнее достижение муниципалитета — мощенный разноцветной плиткой тротуар — изуродованный до неузнаваемости «бычок» «Лаки страйк».

— А, Иван! — окликнул тот, разглядывая однокашника с головы до пят. — Ты что это, записался в новую партию бомжей? «Наш адрес — не дом и не улица, наш адрес — Советский Союз»?..

Иван всмотрелся в лицо бывшего соседа по парте. Когда-то они вместе лежали на заброшенной стройке на железных койках для пересыпки цемента и делились своими планами на будущее, а вот теперь этот же самый человек, вытащив холеные пальцы из карманов дубленки, глумится над ним, как будто все это происходило совсем в другой жизни.

— Ладно, корифан! — смягчился «друг детства».— Сколько лет, сколько зим! Вроде в одном городе живем, а сто лет не виделись.

— Ну почему же? — тихо ответил Иван. — Я тебя как-то видел. В зоопарке...

— Может быть, может быть, а почему же не подошел? — лицо одноклассника озарилось догадкой. — А, понял, я, наверное, это, с телкой какой-то был, да?

— С телкой, с телкой, — подтвердил Иван. — А на шее табличка: «Не кормить!»

Иван не стал ждать, пока смысл его слов окончательно переварится в «чайнике» бывшего товарища. Он быстро зашагал вверх по проспекту, абстрагировавшись от пронизывающих атмосферу угроз и оскорблений экс-приятеля. Едва ли не первый раз в жизни нужные слова посетили его в самый необходимый момент.

В первой из помеченных им квартир дверь открыли полноватый парень и девушка.

— Поздно, братец, пить боржоми! — констатировал лоснящийся «пупс». — *Мы* теперь здесь живем. Кто не успел, тот опоздал.

Вариант «номер два» также отпал: во дворе играл похоронный марш, и траурная процессия заполонила все пространство перед дверью нужной Ивану парадной. А трепетного желания взглянуть на происходящее изнутри он не обнаружил.

Оставался еще один адрес. «Последний, — подумал он. — Если не выгорит, таки да стану бомжом».

Остаток пути до искомого дома Иван прошел, напевая: «Мой адрес — не дом и не улица...»

Уже в дверях он столкнулся с выходящей наружу «нимфеткой».

— Я по объявлению, — лаконично объяснил он.

Та назвала сумму оплаты. По большому счету Ивана она не устраивала. Но выхода не было.

— Я согласен. Покажите комнату.

— Только быстрее, я в школу опаздываю. А хозяйка — бабка моя, будет только вечером.

При слове «бабка» Ивана передернуло. Впрочем, что это значило в сравнении с увиденным. Его новое жилище по размерам не многим превосходило среднестатистическую домашнюю уборную.

— Спасибо, что убрали унитаз, — буркнул Иван.

— Чего?

— Можно я оставлю до вечера вещи, а потом уже переговорю с хозяйкой?

— Валяйте, — девчонка вильнула хвостиком и унесла сумку Ивана в свою берлогу.

С новой хозяйкой — Антониной Алексеевной — Иван договорился очень быстро. Ему было предписано не приводить посторонних, не обращать внимания на внучку Свету, не занимать телефон и содержать комнату в относительной чистоте. Ну, а роль аванса сыграли апельсины.

Вскоре Антонина Алексеевна ушла, но когда Иван постучал в дверь к Свете, та отозвалась не сразу.

— Войдите!

Иван переступил порог и ошалел. Она лежала на диване, по-мальчишески закинув обе ноги на стенку, и ее короткая клетчатая рубашка обнажала кружевное исподнее. Только сейчас он разглядел в ней формирующуюся атрибутику взрослой женщины, длинные русые волосы и дерзкие глаза-хамелеоны. В ее пальцах, отмеченных неловким маникюром, как нарочно, застыл шершавый томик Набокова.

— Э-э, мне бы вещи забрать, — промямлил Иван.

— В шкафу, — пропела она, не отрывая от него странного игривого взгляда.

Иван неловко шагнул в указанном направлении, стараясь не коситься на узкую полоску тела между окантовкой рубашки и столь внезапно кончившимися колготками.

— Можно спросить? — поинтересовалась она, отложив книгу.

— Да.

— Когда у тебя в последний раз была женщина?

Иван остановился, словно сраженный громом. Сдобренный драматическим шепотом вопрос был настолько неожидан, что он не сразу понял лексическое значение повисшей в воздухе фразы.

— 17 октября 2001 года, — прохрипел он, не вполне понимая, зачем все это говорит.

— Бедняжка, даже запомнил точное число, — трогательно вздохнула она, нервно провела пальцем по воротнику и испытывающим тоном присовокупила: — А может быть... исправим это недоразумение?

Иван посмотрел на нее в упор и понял, что забыл и о стыде, и о стеснении, и о статье об «изнасиловании несовершеннолетних». «В конце концов, Лолита сама

соблазнила Гумберта», — подумал он, опускаясь на диван, и в этот момент почувствовал, что кто-то щекочет его за пятку.

— Что это? — спросил он у Светы.

— Котик... Васька.

Иван любил котов и уже было хотел познакомиться с еще одним новым соседом, как вдруг явственно услышал отнюдь не животное «мяу!». Через секунду из-под кровати с диким хохотом выкатился акселеративный подросток, чей цвет лица представлял собой нечто среднее между болгарским перцем и слегка выцветшей звездой на Спасской башне. Иван вскочил с дивана как ошпаренный и вопросительно посмотрел на корчащуюся в диких коликах Свету.

— Котик! — нечленораздельно стонала она, захлебываясь от смеха.

— Васька! — вторил ей катающийся по ковру приятель.

Под аккомпанемент этой переклички Иван медленно открыл дверь шкафа и спустя секунду отпрянул назад. Под новый взрыв подростковой истерики оттуда вывалился еще один тинейджер.

— Я — моль! — завопил он в унисон с истошным криком товарищей. — Моль... Вовка!

Потрепанная сумка Ивана выкатилась к ногам своего владельца. Он поднял ее с пола и на автопилоте двинулся к входной двери.

* * *

Оставшихся денег хватило аккурат на дорогу домой, а об апельсинах он вспомнил уже только в родном поселке. Иван открыл облупившуюся калитку родительского дома и посмотрел на небо. Звезд было немного, и он подумал, что завтра будет холодно. Назавтра Ивану исполнялось ровно двадцать пять лет...

Валерий СОСНОВСКИЙ

НОЧНОЙ ПАРАД

А. Н. Авдонину

В июльскую полночь из черных болот
Навстречу звезде император встает,
Встает император навстречу звезде,
Течет кислота по седой бороде,
Обуглена кожа, разрублена грудь,
Вот он собирается в тягостный путь
И, перекрестившись, шагает на юг,
Где блещет огнями Екатеринбург,
Где залил кварталы неоновый свет,
Идет, оставляя светящийся след,
По улицам, паркам, пустым площадям,
Идет по мостам и трамвайным путям,
Невидим для всех, сапогами стучит,
Гламурная барышня в баре кричит,
Вибрируют гулко авто и дома,
Их сигнализации сходят с ума,
Выходит на площадь, где звонкий гранит,
Где мэрия шпиль устремила в зенит,
И молча встают у него за спиной
Четыре царевны и сын молодой,
Из шахт и оврагов, из ветхих могил
Встают, кто когда-то над ними ходил:
Встают рудознатцы, дворовая чернь,
Крестьяне, попы из глухих деревень,
Встают заводские и их детвора,
Уланы, урядники, офицера,
Казненными полнится город людьми:
Забитыми насмерть в подвалах плетьми,
Расстрелянными казаками, ЧК,
Ревкомом, карателями Колчака;
Выходят из тьмы на безмолвный парад,
Встают за спиной императора, взгляд
Неистовых глаз устремляя туда,
Где пятиконечная светит звезда,
Играют рубиновым блеском лучи,
Кричат на деревьях ночные грачи,

Валерий Игоревич Сосновский — поэт, живет в Екатеринбурге. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Урал», «Слово/Word», альманахах. Автор книги стихов «В тиши полночного проспекта».

Алея, колышется небо слегка,
Над шпилем плывут облака, облака
И долго глядят, и сверкает звезда,
И время стоит, как в стакане вода,
А после уходят в жемчужную тьму,
Торфяники чахнут в тифозном дыму,
Дома заливает молочный рассвет,
Антенны по небу штампуют офсет,
Доносится первый трамвайный звонок,
И в воздухе тает терновый венок.

ОРФЕЙ

Та бездна день и ночь клокочет и дымится...
С. Ф. Дуров

Если будешь спускаться в Аид, не забудь дать Харону на чай,
Чтобы в сточной воде, паразит, сдуру не утопил невзначай,
Протяни ему пару монет, и пускай себе щерит хайло.
Помни! здесь просветления нет тем, кто в Стикс опускает весло.

Поспеши! не замочишь ноги и очнешься на том берегу.
Поплывут, расширяясь, круги в воспаленном усталом мозгу.
Нестерпимою нотою альт тянет душу, как будто щипцы,
И горячий дымится асфальт, и хрустят под ногою шприцы.

Возникает из дымки бульвар и деревьев обугленный строй.
В небе катится огненный шар, в горле катится говор сухой.
Вот навстречу шарашится тень в терракотовом рваном плаще.
Он не знает, какой нынче день, он не знает, что умер вообще.

Вот по рельсам стрекочет трамвай, заворачивая на кольцо.
Он привез в этот гибельный край сонм бесплотных людей, мертвецов.
Они силятся втиснуться в щель, над которой висит: «Гастроном»,
Где небритый бродяга вотще поднимает стакан, невесом.

Мимо окон пройдешь, чуть дыша, тех, где все совершилось уже,
Тех, где в тысячный раз не спеша ублажают истлевших мужей,
Тех, где мертвый отец, горячась, избивает бесплотную дочь,
Тех, где плачут младенцы, дичась матерей своих, серых, как ночь.

Для кого же, певец и пижон, сладкозвучные струны терзать?
Чьих усопших в безвестности жен собираешься очаровать?
Далеко-далеко, как во сне, ты бредешь по пустым площадям,
И судьба твоя, смерти верней, ковыляет с клюкой по пятам.

Раздвигается серый проспект. Пробегает издохший барбос.
И плывет в серебре силуэт в длинном платье, любимый до слез,
И плывет силуэт в серебре, и застыла деревьев гряда,
Возвращайся! на школьном дворе мы с тобой навсегда, навсегда.

Мы с тобой! И сочится листва светом солнца, что аквамарин.
Протяни мне, краснея едва, снова тот золотой апельсин,
Погоди! это просто гроза, по щеке побежала слеза...
Сколько счастья в закрытых глазах,
Сколько боли в открытых глазах!

Вот она уплывает, постой, вот она превращается в прах,
Унося поцелуй золотой в безвременье на черных губах.
А тебе перекрыты пути, возвращайся к тревогам земли.
А что можешь подружку спасти — это, братец, тебя провели.

ЛАБИРИНТ

О, сколь невзрачен мой вид — мне вослед даже не оглянулись.
Я ухожу в лабиринт переулков, проспектов и улиц.
Сколько веков он стоит — столько трупов под каждым аршином.
Даже могучий гранит здесь покрылся лишаем паршивым.
Даже во мгле фонари тусклый свет поглощают обратно.
Эхо шагов моих ритм увеличивает троекратно.
Времени гулкий прибой накатил и звучит повсеместно.
Так что, богиня, воспой... что-нибудь, но не очень помпезно:
Как, например, он следит мой маршрут из своей подворотни,
Как в его взгляде горит тусклый огнь пожирателя плоти,
Над головою быка мощно вздыбилась толстая шея,
Нервно трясется рука, под спортивным костюмом потея.
Гнев, богиня, воспой обнаглевшего с... сына.
Вот я заброшен судьбой в те края, где, возможно, и сгину.
Я поднимаю лицо в темноту замолчавшей вселенной,
И, позабыв обо всем, я реку многословно и гневно:
«Ты, что вечно стоит в темноте за моею спиною,
Ты, что вечно глядит мне в затылок порою ночною,
Пугало беглых рабов, самодуров миносских потомок,
Древних наследник богов и жестоких хранитель законов!
Я тебя встречу, урод, когда срок моей выйдет охоты,
И насажу на перо самодельной тюремной работы,
И подниму за рога твою голову... Дальше не знаю.
Кстати, посмотрим тогда, сколь крепка твоя нить, дорогая».
Выслушав бранную речь, то ль Афина с Олимпа слетела,
Вроде бы предостеречь... в общем, чудится женщина в белом,
Да из окна заорет: «Позовите милицию, что ли!
Вечно здесь спать не дает не один, так другой алкоголик!»

КРЫЛЬЯ ВРЕМЕНИ

Когда ты покинешь родные места,
Где жил и боролся, любил и устал,
Где все изучил, как родную ладонь,
Где катит в депо предпоследний вагон;
Когда крылья времени сделают взмах
И мир повседневный сметут на глазах,

Тогда ты проснешься, очнешься от сна
В кафе, где шумит под верандой волна.

Там звонко поет золотой саксофон
И плачет в полуночном зале ночном,
Луна холодна и огромна, как смерть,
Вдали заливается девичий смех;
Тогда ты увидишь из пыльных зеркал
Тот взгляд безмятежный, который искал:
Седой клок волос теребя, теребя,
Бродяга с улыбкой глядит на тебя.

И спустится птица к нему на плечо,
На миг отзовется в груди горячо
Птенцом, что из клетки на волю пустил,
Когда босиком по дворам ты ходил;
Когда крылья времени сделают взмах,
Тот взгляд безмятежный мелькнет в зеркалах,
И дым сигарет поплывет, словно сон,
И вдруг запоет золотой саксофон.

1987 год

Холодным, сонным Екатеринбургом
Я шел в библиотеку терпким утром,
Романтик, а не сноб, в начале марта
Я погружался в Гоббса и Декарта,
И думал я: плевать! Большое дело,
Что эта девка дать не захотела
И назвала меня, я помню, впрочем,
Сие лишь трепотня, креплюсь и очень
Стремлюсь узнать у них, мужей английских,
Происхожденье и структуру мысли,
Сознание и чувства — где тут корень
И в чем секрет искусства; я спокоен,
Как танк, в душе моей темно и гулко,
Мой взгляд находит цель в конце проулка,
Я покупаю водку у таксиста,
Пью на ходу — и вот уже лучится
Над крышей солнце, как слепая птица,
И блик его в глазах моих двоится,
Топочут дети в класс, гася зевоту,
Трудящиеся массы — на работу,
Давлюсь, но пью, как пил, и все мне мало,
Я все-таки любил ее, пожалуй,
И вот — храню в душе, удвоив возраст,
Не милый мне уже, но все же образ,
Превыше пирамид и крепче меди
Шикарный монолит моих трагедий.

ИЗ ТРИПТИХА

Обрывки осенних песен

* * *

У меня в глазах, а также в сердце осень.
Даже камень вроде не в кого мне бросить
(Восставши из праха, вернешься во прах).
Я любил смотреть с горы скалистой в реку
И лететь навстречу радостному ветру
(Со словом сырым на иссохших губах).
Я не помню, с кем любил я целоваться
В этом сквере, когда было мне шестнадцать.
(Зачем ты забыл, что увидел во сне?)
В яростные очи долгого заката
Все равно — смотреть сейчас или когда-то
(Ты вспомнишь об этом при полной луне).

Поэтический мемориал «Невы»

ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ

ОДЕССКАЯ БАЛЛАДА

Катакомбы...
Катакомбы...
Пулеметы.
Мины.
Бомбы.
Ярость схваток ножевых.
Мертвых больше, чем живых.

Катакомбы!..
Черный камень,
Задуши врага руками!
...Целый город под землей,
запорошенный золой.

Был бы ад —
так прямиком бы
через эти катакомбы!
Только где он,
этот ад?
Позабудь,
Терпи, солдат!

Ты терпи,
отважный мститель.
Хороша твоя обитель.
Пусть ни хлеба, ни воды.
Это только полбеды.

А беда — что, все изведав,
ты не дожил до победы.
А беда —
вот уж беда! —
что не встанешь никогда.

...Постоим мы тут в молчанье
с этой болью за плечами.
Лишь
Мальчишка-оголец
все стрекочет, как скворец.

Рассказать ему о ком бы,
катакомбы?..
Катакомбы.

Исторический музей.
Ну, ступай, дружок.
Взрослей!
(1976)

МИХАИЛ ДУДИН

* * *

А тот блиндаж, где я сложил
Стих о друзьях моих,
Как будто некий старожил,
От старости затих.

Вокруг него сухой бурьян
Белее полотна
Стоит — ни цвета, ни семян —
Лишь видимость одна.

Вдавился камнем в слой земной
Блиндаж, обросший мхом.
И тех, кто здесь дружил со мной,
Не разбудить стихом.

Я тоже стар, колюч и сух,
Как выцветший бурьян,
И только мой упрямый дух
Воспоминаньем пьян.
(1976)

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

В ОСАДЕ

Мы рядом стояли над бездной,
ходили под самой бедой,
крещенные ладожской пресной
и горькой балтийской водой.

Но в страшные годы осады
была нам и радость дана:
кольцом ленинградской блокады
двоих обручила война.

Не только минуты свиданий
и хлеб, преломленный вдвоем, —
роднили нас общность страданий
и вся эта жизнь под огнем.

Не знали мы слов отреченья
на грозном скрещенье путей,
и святость того обрученья
с годами святей и святей.

ПОДВИГ

Опять
меня втянули в перепалку.
Ну ладно! Потолкуем о былом.
Мы в пекле боя приняли закалку,
нас горе испытало
на излом.

Не кто-нибудь
по щучьему веленью
принес Победу, вывел мир из тьмы.
Солдатский подвиг неподвластен тленью,
а если так, то вместе с ним —
и мы.

Не сетуем,
что выдохлись, устали,
нас голыми руками не бери:
мы на войне узнали свойства стали
и сами свойства стали
обрели.

(1976)

ПАВЕЛ АЛДАХИН

* * *

Трехнакатный блиндаж у пригорка
Скрыт осенней сырой травой,
И клубится в тумане махорка,
Уплывая к передовой.

Принимают меня кандидатом
Коммунисты — в свою семью.
Слышу сорванный голос комбата,
До конца охрипший в бою, —

Будто он о каком-то парне
Говорит сейчас — о другом.
И кружится в глазах кустарник,
И качается лес кругом...

Той поры не достать рукою,
Хоть тянись — не тянись назад.
Как тебе за доверье такое
Мне теперь отплатить, комбат!

Ни письма написать, ни встретить,
Ни коснуться плеча плечом,
Ни сказать, что за годы эти
Я тебя не подвел ни в чем.

Пусть теперь не найти поляны
С валуном, что лег над тобой,
Все равно, комбат, неустанно
Ты следишь за моей судьбой!

* * *

Перебирая каждую потерю
Ночами бесконечными без сна —
Отныне я пословице не верю,
Что будто —
На миру и смерть красна!

Мне — сердцем,
Берегущим боль и жалость,
Не позабыть — я знаю — никогда,
Как в берег,
Взрытый пулями, плескалась
У переправы — красная вода,

И в этот час —
Безжалостно и ясно —
Ложилось солнце в мутную Угру.
Нет, не красно — поистине ужасно
Ребята умирали на миру...

(1976)

Документ сердца

Татьяна ЭДЕЛ

ПОБЕДИВШИЕ СМЕРТЬ

Рассказ

Светлой памяти
Ривы Пельтиной и Якова Зигельбаума

1. Перед войной

Рива медленно шла по тихой улице Даугавпилса. Она весь день ходила в поисках какой-нибудь работы, но молодая еврейка с двумя маленькими детьми никому не была нужна. Муж собирался увезти их в Россию в надежде, что там больше повезет. Однако и сам пропал в неизвестном направлении — может, решил, что одному выжить легче, а может, просто сгинул от рук плохих людей, которых теперь расплодилось великое множество.

В Европе уже началась война. Гитлер чувствовал себя великим и непобедимым. И в Латвии начали поднимать голову националистические организации. Они приветствовали фашистов и помогали им истреблять евреев. Слухи были один страшнее другого.

Женщина присела на лавочку в сквере, поставила рядом сумку, прижав ее к себе, и закрыла глаза, отдыхая. Она думала о том, как хорошо жилось здесь людям до прихода советской власти. Евреи, русские, латыши жили одной дружной семьей. Говорили каждый на своем языке, и это не возбранялось. Кому удавалось скопить денег, открыли свои магазины, лавки, свое маленькое или большое дело и этим жили. А теперь у всех все отобрали. Оказалось, быть сытым — это плохо! «А поезжайте-ка вы теперь в далекую Сибирь, поживите там бедно!» И с 14 июня 1941 года погнали эшелоны с латышами и евреями в ту дальнюю, холодную сторону света, которую здешний народ знать не знал и не ведал никогда, даже в страшном сне, что может там оказаться.

Семья Ривы ничего не имела, отбирать было нечего, поэтому их эти события не коснулись. Еврейские организации тоже закрылись: советская власть плохо отно-

Татьяна Яковлевна Эдел (Рябченкова) родилась в Алтайском крае в 1951 году. Окончила Политехнический институт в России и колледж в Америке. По образованию инженер, социальный работник, по призванию писатель, певица, актриса. Член Российского и Интернационального союзов писателей. Изданы четыре книги: «Нечаянная встреча», «Я тебя подожду», «Проходя мимо», «Секс, любовь, шизофрения?». Выпущен аудиодиск со сказками «Приключения кота Батона». Печатается в журналах «Литературный меридиан», «Тарские ворота», «Иртыш», газете «Еврейский мир», в международных сборниках «День сказки», в альманахах «Писатель года 20012–2013гг.», в сборнике исторической прозы Союза писателей, в сборнике «Новые сказки» Союза писателей. Является волонтером студии звукозаписи книг для слепых людей института JBI. Живет в Нью-Йорке.

силась к ивриту. И оставалось этой маленькой стране Латвии надеяться лишь на саму себя. Советы оказались плохими друзьями и нагнали много страху на людей. А от немцев тоже ничего доброго не было видно. Смутное время, страшное. Чего теперь ждать — неизвестно.

Она думала о своей не очень счастливой судьбе. Ее бабушка-красавица, хотя и окончила восемь классов, никогда не работала. Рано замуж выскочила, трех девчушек родила, но семью сохранить не сумела. Подвернулся новый ухажер, позвал уехать в далекую Америку. Она, недолго думая, оставила своей матери детей и была такова.

И остались дети сиротами при живых родителях. Никогда уже не погладит мамочка по головке перед сном, никогда нельзя будет прижаться к ее мягкому животу, чтобы она пожалела и поняла детские горести. Никогда не посадит папочка ее себе на шею, не покачает на ноге.

Слово «никогда» станет понятно только потом, когда сестры подрастут. А маленькими они каждую минуточку ждали, что вот откроется дверь, и придет мамочка, может, даже с папочкой, и заберут их от недоброй бабушки. А ведь теперь понятно, что не злая, наверно, была старушка, а просто замученная. Виданное ли дело, на старости лет детей поднимать!

Так мать и выросла одиноким полевым цветком, без ласки. Замуж выдали за вдовца с двумя дочерьми, потом и Рива родилась. Семья жила трудно, и дочек постарались пораньше пристроить замуж.

Риве жениха подыскали, когда ей только восемнадцать и исполнилось. Привели, как бычка на заклание. А он доволен был, помнится, аж лоснился от удовольствия. Конечно, девушка красоты редкой. Сама росточка среднего, талия тонкая, одной рукой охвати, глаза, как ракушки, огромные, цвета неба утреннего, и ресницы будто наклеенные — густые и длинные. А волосы... волосы — отдельная песня: густые, черные, волнами вниз спадают до самой талии.

Рива и не сопротивлялась — замуж так замуж. Жених из хорошей семьи еврейской, значит, будет все как надо. И дала себе слово невеста, что будет у нее настоящая семья, что будет она детей своих сильно любить и никогда не оставит их, что бы в ее жизни ни случилось. Не могла бабушке простить бегства ее.

Зажили молодые дружно. Рива старалась хозяйству научиться и мужа полюбить. Детки народились, сыночек и доченька, красивые, любимые. Надышаться на них не могла. Теперь мальчику шесть лет, а дочке четыре — сладкий возраст!

Как только Гитлер напал на Советский Союз, тысячи евреев из ближних к нему стран устремились на восток, в СССР. А вместо ожидаемого спасения нашли там свою смерть. Лишь потом станет известно, что только пятнадцать-шестнадцать тысяч из них сумели добраться до неоккупированных территорий СССР. Лишь эти беженцы и выживут в той страшной войне.

Риве и ее сестрам была уготована другая участь. Не могла она кинуться в дальнюю дорогу одна с двумя малышами на руках.

С мужем еще, как нарочно, поругалась. Он обычно тихий был, не прекословил, да и она командиршей не слыла. А тут все ему не так стало. Что жена ни скажет, все мимо, все не так, как он думает. Сказал, что увезет их в Россию. А как начала спрашивать, куда, когда... сразу в крик! Так и уехал один. Утром встала, а его нет, и мешка заплечного нет. Ушла на улицу, ревела, ревела... А куда деваться? Второй раз в жизни их семьи предательство: сначала бабка, теперь — муж. Самые близкие люди. Кому же верить теперь? Как жить? И на что?

Женщина встала и тяжелой походкой направилась к дому.

2. Оккупация

В Латвию немцы вошли спокойно, без выстрелов, как к себе домой. И с этого момента дружная жизнь латышей, русских и евреев внезапно прекратилась.

Рано утром Риву разбудил стук в дверь. Стучали какими-то дубинками. Она в испуге открыла дверь. На пороге стоял ее добрый сосед-латыш, который каждое утро кланялся ей, приподнимая шляпу.

— Собирайся, еврейское отродье, да выкормышей своих не забудь, — орал он, замахиваясь на женщину прикладом винтовки.

— Пан Улдис, что с вами? Как вы можете так говорить? — попыталась возмутиться Рива.

— Пошла вон, говорю, жидовская подстилка!

Сильно ударив прикладом, сосед стал выталкивать ее на улицу. Дети ревели в два голоса, уцепившись за подол матери. Документы, вещи — все осталось в квартире. Погрузили в машины и увезли за город в крепость.

Эта крепость была построена еще в XIX веке для отражения войск Наполеона. Она была окружена рвом с водой. В крепости находились длинные здания, первые этажи которых занимали конюшни, вторые — казармы для солдат.

Сюда согнали столько народу, что многие, не найдя места в здании, вынуждены были жить под открытым небом на берегу Даугавы. Мужчины и женщины жили раздельно, детей до четырнадцати лет разрешили оставить при матерях. Рива была счастлива — ее деточки с ней!

Теперь каждое утро Риву вместе с другими женщинами увозили в город, где они мыли, чистили все помещения и стирали на немецких солдат. Ночами она благодарила Всевышнего, что молода и еще есть силы, поэтому, может, ее не убьют, работники нужны вермахту. Только бы спасти детей!

Она слышала об ужасных, страшных в своей жестокости еврейских погромах. Знала, что уничтожены все двадцать синагог в Риге, что проводятся ночные акции, когда группы вооруженных людей врываются в еврейские квартиры, грабят, уводят мужчин, которых потом чаще всего расстреливают в Бикерниекском лесу. Шепотом рассказывали друг другу, что 4 июля члены националистической организации «Перконкруст» сожгли здание синагоги «Гогол-шул» вместе с находившимися в ней пятьюстами евреями, беженцами из Шауляя.

Среди жителей лагеря было много детей — и совсем маленьких, и побольше. Матери из последних сил старались найти для них хоть кусочек любой еды. Если работали на прополке овощей, то припрятывали морковку или луковицу. Но не дай бог, если полицай замечал плохо прополотый рядок! Виновную расстреливали на месте.

В лагере было запрещено рожать детей. В одной из комнат разместили беременных и женщин с новорожденными детьми. Частенько полицейские врывались к ним, ухмыляясь, поздравляли с рождением ребенка, а потом хватали детей и выбрасывали в окно. Можете представить, что было с матерями?

Вчера Рива пережила очередной ужасный шок. В их отсеке тяжело заболела молодая мать и выйти на работу никак не могла. Ее спрятали, укрыли тряпьем вместе с грудным ребенком и уехали на работу. Вечером, вернувшись, Рива первым делом подошла к больной и отвернула тряпки. Ребенок сосал грудь давно умершей матери и тихонько попискивал.

Рива застонала и побежала в свой угол к своим детям. Она судорожно прижала их и тихо выла, словно волчица, потерявшая детенышей. Женщина не могла даже представить, что уготовано ей самой...

3. Расстрел

29 июля 1941 года. Сегодня с самого утра в казармах шум. Орали конвоиры, суетились люди. В лагерь прибыл усиленный отряд карателей. Узникам сказали, что из-за тесноты людей старше шестидесяти лет переведут в бараки бывшего летнего военного госпиталя, который находился недалеко от крепости. Уходящим разрешили взять немного вещей и пообещали свидания с родственниками по выходным.

Прозвучала команда построиться. Стариков заставили раздеться и погнали колонной на выход. Через сорок пять минут ходьбы люди увидели, что их привели в парк Погулянка, который раньше был зоной отдыха. Теперь здесь стояла длинная цепь измученных людей, которые рыли рвы.

Вдруг прозвучала команда «Пли!», и все копавшие полетели, словно комья земли, в свой последний путь. Вновь прибывших стариков выстроили вдоль того же рва и автоматной очередью скосили. И упали их тела в родную землю.

В Румбульском лесу, в пригороде Риги, тоже были вырыты три огромные ямы. Копали советские военнопленные, которые тут же и сложили свои головы. В этот лес стали привозить евреев тысячами. У каждой ямы стояли четыре стрелка-эсэсовца. Людей заставляли раздеться и лечь лицом вниз. Двое гитлеровцев расстреливали каждую партию, а вновь прибывших обреченных заставляли ложиться сверху на погибших. Начальник полиции Риги Ёккельн называл этот метод «пачка сардин».

Рабочих увезли в город, а в лагере началась операция по зачистке.

Рива ничего не знала. Ее, как обычно, увезли в город ранним утром, и вечером, полуживая от усталости, она возвратилась в барак. В лагере было странно тихо и безлюдно. Вся территория была залита кровью... Повсюду валялись трупы — кто без руки, кто без ноги, множество искореженных детских тел.

Она вошла в барак — ни одной живой души. Сердце женщины на мгновение перестало биться.

— Где мои дети? Господи, что с ними?

— Мамочка, мамочка, — вдруг раздался тихий голосок сына из-под дальних нар.

— Сыночек мой, доченька, вы здесь, вы живы! О, я так счастлива! — говорила она, обливаясь слезами и обнимая вылезших детей.

— Мы так испугались, мамочка! Когда немцы вбежали сюда и начали кричать и махать автоматами, мы и спрятались под нары, — дрожа и заикаясь, шептал сын.

— Молодцы вы мои, молодцы!

В барак уже набились люди, приехавшие вместе с ней с работы.

— Хальт! — раздался грубый окрик. В барак влетели два огромных эсэсовца. Один из них дал вверх очередь из автомата, и все упали на пол, лишь остались стоять посреди комнаты мать и два вцепившихся в ее подол ребенка. Они еще пребывали в радостном шоке от счастья обретения друг друга и не успели отреагировать на команду.

Второй немец подскочил к Риве, схватил за ручки обоих детей и швырнул в сторону. Второй тут же разрядил в них автоматную очередь. От детских тел остались только лохмотья.

Лежавшие на полу одновременно издали стон и затихли. Мать же яростно кинулась на убийц. Она хрипло выкрикивала какие-то слова, но, получив прикладом по голове, упала без сознания.

Очнулась женщина в машине, набитой такими же молодыми людьми. Сто че-

ловек, оставшихся в живых из пятнадцати тысяч узников Даугавпилского гетто, ехали к новому месту мучений.

Их везли в концлагерь Кайзервальд, находившийся в районе Межапарка Риги. Колючая проволока в три ряда со сторожевыми вышками и мощными прожекторами окружала лагерь со всех сторон. Охрану несли эсэсовцы с овчарками. Контроль был очень строгий, дважды в день проводилась проверка. Здесь находилось около 5000 евреев и 250 поляков и немецких коммунистов.

Хорошо, что это оказался не лагерь смерти, а трудовой лагерь, где заключенные работали на крупные немецкие фирмы. Здесь размещались солдаты вермахта. Женщины и в этом лагере тоже должны были мыть, чистить все огромные помещения и обстирывать солдат и офицеров.

Рива потерялась во времени... Ее рассудок помутился. Иногда вдруг среди работы она подходила к охраннику вплотную и кричала ему в лицо: «Шис ми, шис ми, швайн».

Но солдаты не трогали ее, лениво отталкивали, как надоевшую муху. Она, склонив голову, молча возвращалась к своей работе. Целых полтора года она жила в аду, не в силах хоть одну минуту не думать о смерти детей. Но одно событие вернуло ей веру в жизнь.

4. Любовь

В начале 1942 года в Кайзервальд было согнано около двадцати тысяч евреев из Германии, Австрии, Чехии и других европейских стран.

Ян, тридцатилетний молодой мужчина из Чехии, сразу заприметил красавицу Риву, ее звали в лагере Шварцер Фогель — Черная Птичка. И она действительно была диво как хороша, несмотря на изнурительный труд, скудную пищу и условия жизни в концлагере. Он старался почаще оказываться рядом с ней. Приносил ей кусочек хлеба или свеклы, который оставлял для нее от ужина. Она стала для него божеством с тех пор, как узнал трагедию ее жизни. Настоящая любовь еще не успела тронуть его сердце, и вот теперь она нашла его здесь, в концентрационном лагере, где каждый день мог стать последним.

Понемногу женщина начала оттаивать, и ответное чувство потянуло ее к Яну. Ее сердце, тоже не испытавшее иной любви, кроме материнской, расцвело и открылось ей навстречу. Их любовь была нежной и страстной. Столь глубоко было уважение к Риве, что соседи по бараку решили устроить им свадьбу и даже первую брачную ночь. Они отдали им самые дальние от входа нары, отгородив их мешовиной. Две соседки стояли на страже в темноте до тех пор, пока Ян тихо не выскользнул на улицу.

Для этих молодых людей открылись врата рая. Им редко удавалось побыть наедине, но каждый знал, что рядом живет любящее сердце, преданное и единственно родное. Они мечтали, что, когда закончится война, они поедут домой и у них будет много детей.

Но в начале 1944-го в лагерь прибыл транспорт, в который погрузили всех иностранных евреев и отправили в Бухенвальд. Все до одного узника были там истреблены в первую же неделю после прибытия. Однако Рива не могла знать об этом и молилась длинными ночами о спасении любимого и будущей встрече.

6 августа 1944 года в связи с приближением наступающей Красной армии началась эвакуация заключенных в германский лагерь Штуттгоф.

Риву в числе других узников на грузовиках доставили к реке. Первую партию

погрузили на баржу, спустили на воду и взорвали. Стоящие на берегу с ужасом поняли, какая участь ждет и их. Но неожиданно налетели самолеты, и началась бомбежка. Все легли на землю и только молились о спасении души.

Когда рев самолетов и свист падающих снарядов затих, Рива подняла голову. Немцев нигде не было видно. Вместо них появились солдаты американской и английской армий. Узников освободили!

Женщина сидела, не в силах сдвинуться с места.

— Леди, позвольте я помогу вам, — к ней склонился высокий красавец — американский офицер. Рива непонимающе смотрела на него. Ее рассудок пытался осознать происшедшее, но стресс был слишком огромен.

Она подала руку, поднялась с земли и, все так же не воспринимая действительность, пошла в сторону леса. Офицер догнал ее и объяснил, куда она должна идти. Женщина подчинилась. Офицер представился Стивеном Беннетом и спросил, как зовут ее.

— Рива, вы можете идти в город, брать еду и даже жить в любом доме. Местные жители предупреждены.

Рива вместе со своей лагерной знакомой Соней двинулись в город. Голод, державший их в ежовых рукавицах столько лет, гнал их к жилью, и они устремились туда из последних сил. Постучались в первую же квартиру. Худая испуганная немка без слов впустила их в комнату, указала на стул:

— Битте.

Они сели в ожидании, тела сотрясала дрожь в предвкушении пищи. Хозяйка поставила на стол тарелки с кашей, хлеб и куски сыра.

Соня схватила сыр и откусила большой кусок. Рива выбила у нее из рук сыр и закричала:

— Плюнь! Не смей, не ешь много, ты умрешь! Плюнь!

У Сони потекли слезы, но страшным усилием воли она выплюнула сыр и откусила совсем крохотный кусочек. Она старалась сосать его, а не глотать сразу. Потом они съели еще по ложке каши, выпили по большой кружке настоящего сладкого чая и поняли, что в жизни бывает чудо.

Пройдет много лет, и обе подруги будут частенько вспоминать, как уберегли друг друга от смерти. Многие узники, пройдя столько кругов ада, умирали от обильной пищи тут же, за столом. Желудок, ссохшийся за годы лагерной жизни, не мог принимать пищу, она становилась для человека убийцей.

На следующий день они пошли в регистрационный пункт, где их нашел Стив.

— Доброе утро, пани Рива. Вижу, что ваши глазки немного повеселели, — и, побледнев, решительно проговорил: — У меня есть к вам предложение. Я никогда не видел женщины красивее вас. Выходите за меня замуж, и я увезу вас в Америку. У нас прекрасная страна. Вы забудете ужасы войны. — Он помолчал, опустив голову. Потом сказал тихо, но так искренне: — Я буду любить вас всем сердцем!

Женщина молчала. Годы войны и плена многому ее научили. В таких условиях решительные слова и действия были оправданны. Но в ее душе жила непобедимая вера в то, что Ян жив и они встретятся.

— Спасибо, Стивен. Я не могу стать вашей женой, я люблю другого и очень надеюсь, что он жив.

Офицер опустил голову.

— Я имел совсем слабую надежду на ваше согласие. Но прошу вас, возьмите мой адрес — возможно, что-то изменится в вашей жизни, и вы захотите написать мне письмо. Я буду ждать.

Низко склонившись, он поцеловал ей руку и отошел.

Рива аккуратно свернула вчетверо листок и положила в узелок с вещами.

Со временем этот листок бесследно затеряется. Значит, не судьба, — вздохнет женщина безнадежно.

5. Дорога домой

Потом была длинная и тяжелая дорога домой. В Риге ее никто не ждал. Она узнала, что сестры — Соня и Геня — расстреляны. Рива осталась одна на всем свете. Каждый уголок напоминал ей о прошлой жизни, и она порой не понимала, зачем вернулась сюда. Но лишь маленькая надежда дождаться Яна еще теплилась в ее обгоревшем сердце.

Она встречалась с людьми, выжившими в концлагерях, и каждому задавала вопрос, не видел ли он Яна Кожешника, чеха, который был с ними в Кайзервальде. Все качали головой — нет, не видели. Но однажды она нашла свидетеля, и он принес ей горькую весть.

— Да, я видел его мертвым в последней колонне в Бухенвальде. А мне повезло, я выжил чудом. Мне очень жаль, пани, — сказал ей изможденный мужчина, опустив глаза.

Последняя нить, которая связывала ее с жизнью, порвалась. Все потеряло смысл. Она пришла домой и легла на кровать, чтобы уже никогда не вставать. Дверь закрывать не стала, чтобы не пришлось выламывать.

Так она лежала уже двое суток, то впадая в забытье, то выплывая из него. Молотки, стучавшие в ее голове, не давали покоя. Рива досадливо, с трудом открыла глаза и поняла, что стучат в дверь.

— Открыто, — сказала она, — но голоса слышно не было. Ей казалось, что вот снова вломится сосед и погонит ее на новую каторгу. Она зажмурилась и приготовилась умереть.

— Хозяйка, почему у вас дверь открыта? — раздался приветливый мужской голос. — Напиться не дадите?

В комнату заглянул высокий худой мужчина. Разглядев на кровати молодую женщину, он обеспокоенно подошел к ней:

— Что с вами? Вам плохо? Вы больны?

Рива открыла глаза, в них читались страх, боль и... еще много чего. Вошедший понял все.

Мужчина метнулся на кухню, налил стакан воды и протянул женщине. Она, не шевелясь, глядела прямо перед собой.

— Нет, дорогая, так дело не пойдет. Давай я тебя немного приподниму, и ты попьешь воды. Вот увидишь, тебе сразу станет легче, — говорил он, не замечая, что перешел на «ты».

Через несколько минут женщина села, привалившись к стене. На кухне закипал чайник. Незнакомец достал из кармана маленький кусочек черного хлеба и протянул его ей.

— Как тебя зовут?

— Рива.

— А меня Яков. Расскажи, что с тобой.

— Двух моих маленьких детей расстреляли у меня на глазах... Мужчина, которого я надеялась дождаться, погиб в концлагере... Я не хочу больше жить.

— Послушай меня, я же живу, хотя пережил страшное: плен, лагеря, пытки, смерть жены и детей.

Он ссутулился, будто враз стал меньше ростом, и тихо продолжал:

— Все страшные годы лагерей я жил лишь одной надеждой: вернуться к своей семье. В минуты истязаний и пыток милое лицо моей жены вставало передо мной. Я плотно сжимал ресницы и видел ее светлую, легкую улыбку, ее лучистые глаза и пушистые волосы. Она никогда не представлялась мне плачущей или страдающей. Нет, лишь мягкий взгляд и тихий, успокаивающий голос. Она вливала в мою душу жизненные силы. Я знал, что только ради моей жены, ради моих дорогих детей я должен выдержать всё.

Он надолго замолчал. Она ждала.

Мужчина сидел, сгорбившись, костлявые большие руки безвольно лежали на коленях. Потом его взгляд прояснился, и он продолжил рассказ:

— До войны я работал жестянщиком в Риге. Хорошая профессия, всегда на кусок хлеба с маслом можно заработать. И дед мой был жестянщик, и отец. Снимал комнату вместе с таким же работягой и всю неделю вкалывал. В выходные ездил домой, и это были самые лучшие дни в моей жизни. Моя жена не работала, у нее и без того было много хлопот по дому. Моей зарплаты с лихвой хватало на безбедное существование. Да, тогда работящие люди хорошо жили, держали крепкое хозяйство и были уверены в своем будущем.

Война застала меня в городе. Мне нужно было во что бы то ни стало добраться до дому. Решил идти лесом, надеясь, что туда немцы не сунутся. Ночи стояли холодные, одежда на мне легкая. Старался идти быстро или даже бежать, чтобы согреться. В первую же ночь наткнулся на трех убитых советских солдат. Это были совсем дети, им, наверно, и девятнадцати-то не исполнилось. Помню, сглотнул комок, подкативший к горлу, стиснул зубы, а хоронить некогда — надо семью выручать. Попросил у ребят прощения и снял шинель с одного. Согрелся, легче двигаться стало.

Но уйти далеко не удалось. Началась облава, и меня схватили как советского солдата. Кто там разбирался, моя это шинель или нет. Так я и оказался в плену. Дважды бежал. Был жестоко истерзан и отправлен в Саласпилс. Протянул там целый год, а в 1942-м меня перегнали в Аушвиц, где работал на «Игфарман индустрии».

В 1944 году меня послали разгружать машины с хлебом. Смотрю сквозь два ряда колючей проволоки — гонят военных в непонятной форме. Мы тогда еще американцев и англичан не видели. Они что-то жалобно нам говорят, но непонятно же. Я на идиш сказал, что, мол, не понимаем вас. И тут же мне ответили тоже на идиш, что они американцы, пленные и уже несколько дней ничего не ели. Что-то во мне сжалось, и я быстро кинул буханку за проволоку, даже не успев послушаться голоса разума.

Хлеб тут же поймали, разорвали на кусочки, и долго еще колонна кричала слова благодарности. Кричали даже те, кому ничего не досталось.

Но моя жизнь... повисла на тоненьком волоске. Меня посадили в собачью конуру, забили досками и оставили до утра. А я знал, что будет утром, такие сцены были довольно часты. Они громко включали музыку и собачью будку сжигали с живым человеком внутри. Или в лучшем случае его ждала виселица. За одну только эту ночь моя голова стала белой.

Скрюченный, я молился своей последней молитвой, просил прощения у жены и детей. Это было очень горько и страшно.

Но рано утром началась бомбежка. Немцы суетились и спешно выезжали из лагеря. Про меня все забыли. Никто из узников, сидевших со мной все эти бесконечные годы, не вспомнил о бедном еврее, я уже перестал надеяться на спасение. Но помощь пришла оттуда, откуда совсем не ждал: меня освободили те ребята, кото-

рым я дал хлеба. Они нашли меня, разломали будку и выпустили. Потом мы вместе плакали, обнявшись.

Столько горя я насмотрелся за эти годы — не знаю, как мое сердце до сих пор не разорвалось! Однажды мы шли в колонне, в которой было много женщин и детей. Фашистские ублюдки решили поразвлечься и специально приспособленными палками начали вылавливать из колонны матерей с детьми, вытаскивали их на край колонны и тут же убивали выстрелами в упор.

А разве можно забыть, как выбрасывали из окон больных детей?

Детская больница в гетто тогда была переполнена, и немцы выбрасывали их из окон, целясь в стоявшие у больницы грузовики. Можете ли вы представить, что осталось от тех несчастных крошек?

Я страшно переживал за своих детей, и каждый раз душа разрывалась от горя при виде ужасов, творимых фашистами.

Часто в гетто приезжали палачи Цукурс и Данцкоп. Схватив первого попавшегося ребенка, один из них подбрасывал его в воздух, а другой стрелял. Или хватали детей за ноги и с размаху били головой о стену. У ворот гетто, там, где жила стража, полицейские забавлялись тем, что в присутствии матерей подбрасывали ребенка в воздух и ловили его на штыки.

Матери падали замертво. Некоторые после таких страшных сцен травили своих оставшихся в живых детей, чтобы не подвергать их таким жестоким пыткам.

Я это лично видел, таких случаев вообще было много.

Он затих, в глазах стояли слезы. Рива молча смотрела вдаль остекленевшими глазами, и казалось, что это сидит не живой человек, а восковая фигура.

— Мне рассказывал один латыш, — продолжал Яков, сглотнув ком, подкативший к горлу, — что в конце декабря 1941 года утром фашисты гнали на истребление три большие партии детей школьного возраста. В каждой партии было примерно человек двести. Они громко плакали, страшно кричали, звали своих матерей и вопили о помощи. Всех их убили в Румбульском лесу. Их не расстреливали, а убивали ударами прикладов автоматов и рукояток пистолетов по голове и сваливали прямо в яму. Когда закапывали могилу, еще не все были мертвы, и колыхалась земля от тел закопанных детей.

А ты хоть знаешь, Рива, что местные националисты больше всяких немцев охотились за евреями? Знаешь ли ты, что именно они уничтожили половину еврейского населения Латвии? Это настоящая правда. Ты вспомни, ведь убийствами занимались в основном «команда Арайса» или местная расстрельная команда. Как жить здесь теперь? Что можно ждать теперь от них?

Но я никуда не могу уехать. Здесь осталась моя семья. А ты? Ты хочешь уехать? — подняв голову, спросил он.

Рива медленно покачала головой:

— Нет.

Старая боль заполнила ее и не давала вымолвить ни слова. Долго молчали.

Она смотрела на этого худого мужчину, и что-то шевельнулось в ее душе. Он был таким же, как она. Он пережил те же ужасы и гибель своих детей. Он был ее брат, он был ее очень близкий родственник. Риве так сильно захотелось пожалеть его, что, не обращая внимания на условности, она подняла ослабевшую руку и погладила незнакомца по щеке.

Этот жест разрушил все преграды. Он взял ее руку и прижался губами. По щекам у обоих текли слезы.

— Обещай мне, что ты встанешь и начнешь жить. Я завтра зайду тебя проведать.

— Обещаю, — слабо улыбнулась Рива.

На следующий день Яков зашел к ней... да так и остался там навсегда. У них не возникло чувства любви, из пепла невозможно возродить огонь. То были две травинки, прибитые штормом к берегу и подарившие друг другу силу для жизни. И теперь каждый из них знал, что дома его кто-то ждет и рад его приходу. Началась другая жизнь.

6. Семья

Через три года у них родилась дочь. Но, как ни странно, ни мать, ни отец не воспылали любовью и к ней. Каждый из них вспоминал СВОИХ детей, а это была просто девочка. Ничья девочка. Ее назвали Лея.

Она росла без родительской ласки так же, как и ее мать, и это мучило ее страшно.

Вышла замуж, зная своего избранника тоже лишь короткое время.

Они познакомились на дне рождения у подруги. Понравились друг другу с первого взгляда и совсем скоро поженились. Только в браке с этим юношей она обрела любовь и семью.

Через несколько лет брака они эмигрируют в Америку, вслед за ними уедут и родители.

Характер Ривы, легкий и уступчивый в молодости, станет жестким и сварливым. Ничто не радовало эту женщину, пережившую столько! Рассудок ее временами переставал управлять ее сознанием и к концу жизни покинул совсем.

Яков умер в семьдесят восемь лет, Рива пережила его на семь лет и умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет в Нью-Йорке.

Страшную жизнь, полную неслыханных трагедий, бесконечных мук и испытаний, вынесли эти люди. Светлая им память.

Валерий СТОЛОВ

ГОРДИТЬСЯ или СКОРБЕТЬ?

В конце прошлого века автор этих строк проходил обучение в Иерусалимском университете в рамках специальной русскоязычной программы для преподавателей из стран экс-СССР.

На одном из занятий раввин и философ Зеев Мешков произнес фразу: «Наряду с двумя извечными русскими вопросами „Кто виноват?“ и „Что делать?“ существует и третий, не менее значимый: „По какому поводу гуляем?“»

Это полушутливое замечание вспомнилось в дни празднования семидесятилетия Великой Победы. Ощущение, что формируемые десятилетиями традиции отмечания этого праздника на наших глазах переживают глубокую трансформацию, прекрасно выразил в тексте, опубликованном на своей странице в социальной сети, петербургский ученый-историк Федор Севастьянов. Он выразил опасение, что в связи с более чем преклонным возрастом ныне живущих ветеранов ВОВ и привычкой поздравлять в этот день всех встречных пожилых людей (которые в лучшем случае уже только *дети войны*, а не ее участники) праздник превратится в разновидность Дня пожилого человека.

И в самом деле: что же нам предстоит отмечать в этот самый, можно сказать, «красный день календаря» в ближайшие годы, в чем должен заключаться смысл этого празднования?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, посмотрим, как делали это люди в нынешний семидесятилетний юбилей. Как обычно, здесь можно выделить две, так сказать, крайние, радикальные модели праздничного поведения, между которыми находится неопределенное количество промежуточных.

Одна крайняя модель может быть названа «агрессивно победной». В дни, предшествующие празднику, на улицах возросло число машин, (зачастую — очень и очень недешевых), подвергшихся, скажем так, «победному тюнингу». На их кузова наносились разного рода изображения, символика в стиле «45 года», зачастую весьма агрессивная (силуэт танка «Т-34», лозунг «На Берлин!» и т. д.). Причем на автомобилях немецких марок это смотрится весьма двусмысленно. Впрочем, помимо этого есть и другие причины возражать против подобного понимания того — как надо отмечать День Победы. Но об этом — чуть позже.

А пока обратимся к другой, противоположной крайности, иной раз «агрессивно скорбной». Она заключается в понимании сути 9 мая как прежде всего Дня скорби и печали. То есть, условно говоря, сторонники этой точки зрения предлагают весь день превратить в одну непрерывную Минуту молчания в память о павших. Что не может не вызвать недоумения, ибо, как известно, день 22 июня, в который отмечается очередная годовщина начала Великой Отечественной войны, президентским указом с 1996 года является Днем памяти и скорби. Как можно одинаково,

Валерий Борисович Столов — историк, педагог, директор частной общеобразовательной школы.

глубоким трауром, отмечать и трагическое начало войны, и победное ее завершение? Впрочем, для людей, убежденных в том, что все отмеченное властью недемократического режима может давать лишь повод для скорби, а не для радости, наверное, все логично. Едва ли имеет смысл мешать им пребывать в данном убеждении. Лучше разберем, чем плох описанный ранее способ празднования, названный «агрессивно победным».

Плох он прежде всего тем, что предполагает использование агрессивных, устрашающих действий в честь самой, пожалуй, великой и гуманной миссии, выпавшей на долю нашей страны, нашего народа за последнее столетие.

Сами о том не подозревая, те, кто видит смысл празднования Дня Победы в создании агрессивного образа, несущего угрозу Западу, лишь воспроизводят образ геббельсовской пропаганды, которая в конце войны тоже кричала о «монгольских ордах, несущих угрозу европейской культуре». Как известно, европейская культура благодаря победе, одержанной Красной армией вместе с союзниками, отнюдь не закатилась. Напротив, стимул к развитию получили все ее направления, включая «дегенеративные», преследуемые нацистами.

Так стоит ли сегодня так уж демонстрировать намерение осуществить «Натиск на Запад»? Для советских солдат 45-го этот лозунг означал скорейшее окончание войны, а к чему его воспроизводить их сегодняшним потомкам? Вот для монголов, для которых действительно Чингисхан — это величайшее национальное достояние (и поэтому они сегодня ставят ему памятник и называют его именем международный аэропорт), напоминание об ордах, заставлявших Европу испытывать страх, возможно, является лестным. Но для жителей современной России важнее помнить, что их предки с оружием несли Европе ОСВОБОЖДЕНИЕ. Ибо освободить и себя, и весь мир от «коричневой чумы» (а едва ли можно найти эпитет, более адекватно обозначающий нацизм, нежели этот старый советский штамп) — разве это не проявление подлинного величия и подлинного гуманизма? И тут можно говорить не только о военном и промышленном превосходстве над врагом (факторе, без которого военная победа была бы немыслима), но и о расцвете искусства, к примеру. Вспомните, какими подлинными шедеврами стали стихи и песни, написанные в период войны, начиная от «Вставай, страна огромная!» и до «Бьется в тесной печурке огонь». Наконец, по итогам этой победы наша страна стала одним из соучредителей нового мироустройства, одним из главных игроков в мировой политике, арбитром в сложнейших международных конфликтах: разве все это не позволяет гордиться тем ВКЛАДОМ, который внесла наша Победа в ПРОГРЕСС мировой цивилизации?

Пренебрежение всеми этими соображениями и редуцирование всей сложной гаммы тех позитивных переживаний, которые связаны с Днем Победы, к примитивному устрашению есть скорее признак черни (кем бы она при этом себя не воображала), а не мыслящих и чувствующих людей, составляющих ядро подлинного патриотизма, нацеленного на созидание.

А как же быть с широко распространенным мнением, что для народов Восточной Европы советская оккупация стала ничуть не лучше немецкой, что коммунистический и нацистский тоталитаризм вполне стоят друг друга, и т. д. Реальные факты и планы нацистов, которые сегодня известны, не позволяют с этим согласиться. Они свидетельствуют о том, что покоренным народам была приуготовлена участь колонизированных народов, а никак не самостоятельных наций, имеющих пусть и марионеточную, но государственность, как это практиковалось в рамках «социалистического лагеря». Единственное, в чем немецкий порядок был действительно привычней советского, так это в том, что он допускал сохранение частной

собственности. Что ж, если миллионы жертв холокоста и других уничтоженных представителей «неполноценных народов» можно считать приемлемой ценой за сохранение частной собственности, тогда, наверное, можно принять точку зрения о том, что советский режим был ничуть не лучше германского. Но испытывать чувство вины (или даже просто сожаления) перед носителями такой точки зрения, честно говоря, желания не возникает.

Опыт показывает, что, защищая свою точку зрения, «скорбящие» (если так можно их назвать) обычно выдвигают на первый план гуманистические соображения, напоминая о так называемой «цене Победы». Сам этот термин, полемизирующий со словами одной из самых пронзительных песен о войне: «нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим», к сожалению, стал восприниматься как достаточно одиозный именно потому, что используется на практике с одной-единственной целью: доказать чрезмерность этой цены. Причем иногда за желанием показать возможности уменьшения этой цены следуют утверждения о бессмысленности борьбы.

В качестве примера можно привести памятный прошлогодний скандальный случай, когда в качестве рецепта уменьшения жертв среди жителей блокадного Ленинграда предлагался вариант его сдачи. Кстати говоря, именно прекращение сопротивления руководителям европейских стран, подвергшихся германскому вторжению в первые годы Второй мировой войны, виделось наиболее действенным методом уменьшить потери. Так поступили руководители Чехословакии, Голландии, Бельгии, Франции — и этот путь вел к поражению, а не к победе. И напротив: благодаря тем странам, руководство которых избрало путь продолжения борьбы, несмотря на жертвы (прежде всего это Великобритания и СССР), стал возможным победный Май 1945-го.

Чем же мотивированы те, кто хочет видеть в Дне Победы лишь повод для скорби? На наш взгляд, в ее основе лежит радикально западническая «ориентация» таких людей, их глубокая убежденность, что только Запад может служить источником благотворного влияния в самых различных областях. Поэтому идея о том, что советский тоталитарный режим, который в целом противостоял Западу, сумел одержать победу над главной международной угрозой XX века — германским нацизмом, для них невыносима. Отрицать факт победы они не могут, ибо это было бы проявлением полнейшей неадекватности. Поэтому вместо этого они ставят под сомнение разумность, оправданность заплаченной за это цены.

Однако, чтобы оценить возможности снижения потерь, нужно быть, как минимум, специалистами в военном деле, познаниями в котором никто из «агрессивно скорбящих» не отличается, зато крупнейшие специалисты никогда не приходят к согласию, какой метод проведения военной операции был бы наилучшим — слишком велика неопределенность. Но что мы знаем точно — Россия, которую мы потеряли, использовавшая иные методы, все войны индустриальной эпохи проиграла. Почему мы должны думать, что Вторая мировая война могла сделаться исключением?

Сторонники первой точки зрения вообще ничего знать не хотят, они лишь мечтают о том, чтобы русских боялись: им кажется, что страх Запада и был главным результатом Победы. Но это неверно, потому что обстоятельства нашей Победы таковы, что русских не просто боялись, но еще и уважали, были им благодарны за избавление от нацистов.

Поэтому на смену брутальному «ну, мы им дали!», на наш взгляд, должно прийти ощущение благородной гордости за вклад нашей страны в то прекращение мирового ужаса и террора, которое несло народам мира окончание Второй мировой

войны. Конечно, не для всех это было так. Скажем, немецкий народ в месяцы, последовавшие за маем 1945-го, перенес огромные лишения: сотни тысяч (а по утверждениям некоторых немецких историков, даже и миллионы) немцев изгоняли из родных мест, убивали, насиловали, грабили. Причем в этой вакханалии активнейшее участие принимали те же самые народы, от лица которых сегодня говорится об ужасе советской «оккупации». Что ж, участь побежденных всегда горька. Но необходимо понимать, что как бы ни были ужасны эти эксцессы, они вскорости стихли. Немцы же делали ставку не на эксцессы, а на четкое и последовательное планирование своей послевоенной политики на завоеванных землях. План этот, известный под названием «Ост», предусматривал именно КОЛОНИЗАЦИЮ, то есть использование их в интересах немцев. Отличие от советской политики в Восточной Европе — кардинальное.

Впрочем, наличие различных точек зрения на Великую Победу неизбежно, и это можно лишь приветствовать. Потому что их свободное изъявление содержит потенциал как для личностного роста, так и для общественного развития в целом. А ведь Великая Победа и была одержана, по сути, для того, чтобы обеспечить нашей стране возможность развития вопреки тем планам ее ликвидации, которыми руководствовались напавшие на нас в июне 1941-го захватчики. И это развитие имело место на протяжении долгих лет, но затем оно приостановилось. Часто вспоминают о том, что Девятое мая было восстановлено в статусе государственного праздника в 1965 году как восстановление исторической справедливости. Но давайте вспомним и о том, что вскоре после этого страна вступила в «застой», обернувшийся в конечном итоге ее распадом. Это, конечно, отдельная тема, но если вернуться к празднованию Дня Победы, то разве сведение его празднования к поздравлению фронтовиков не означало своеобразный «застой» в том, что касается отношения новых поколений, родившихся уже после войны, к ее урокам? Часто сетуют на появившиеся в последние двадцать-двадцать пять лет книги, порочащие нашу победу, принижающие и искажающие ее смысл. Но ведь появление таких книг и, главное, их популярность среди читателей стали возможными в обстановке крайне низкого интеллектуального уровня советской литературы на эту тему, порожденного строгими (и зачастую абсурдными) цензурными ограничениями, которые сопровождали ее путь к читателю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что появление книг пресловутого В. Суворова публика встретила с восторгом, которого, как потом стало понятно, они совершенно не заслуживали.

Сегодня, когда пошел восьмой десяток лет с того момента, когда наша страна одержала свою величайшую военную победу, пришло время задуматься: как сохранить ее значение, ее смысл для поколений, которые не только не застали то время, но и не имеют возможности живого общения с ее творцами. На наш взгляд, такую возможность дает лишь широкий диалог, обсуждение, рассуждения о ее смысле, цене и значении, а не громкая похвальба с одной стороны и отрицание — с другой.

ПОБЕДА С НАМИ?

В последние годы или даже десятилетия праздник Победы начал восприниматься как обычная победа одного национального государства над другим, пусть и очень опасным, национальным государством. При этом из центра общественного внимания начало ускользать то значение Победы, которое в советской историографии совершенно справедливо именовалось всемирно-историческим, ибо и в самом деле это была победа над принципиально новой моделью социального бытия, откровенно разделяющей мир на рабов и господ по расовому признаку, откровенно провозглашающей силу единственным источником права.

Отметив 70-летие Великой Победы, страна оказалась и перед лицом других вызовов, некоторые из них сформулированы в статье историка Валерия Столова «Гордиться или скорбеть?».

Продолжая размышлять над опытом и будущим Великой Победы, ставшей опорным символом при строительстве России XXI века, редакция предложила известным писателям, историкам, культурологам ответить на следующие вопросы:

1. Согласны ли вы с тем, что военный парад на Красной площади 9 мая свидетельствует об агрессивно победной модели праздника, устрашающего цивилизованный мир?

2. Видите ли вы возможность реанимации неонацистских идей и методов в политике и общественном сознании под прикрытием «европейского выбора»? Фиксирует ли эту опасность литература?

3. Видите ли вы эффективные способы интеллектуально противостоять глашатаям пересмотра итогов Второй мировой войны?

4. Какие художественные произведения (литература, кинематограф, живопись), на ваш взгляд, наиболее полно создают образ Победы как спасения человечества от «коричневой чумы»? Возможно ли создание нового эпоса Победы авторами XXI века?

5. Какие театрализованные представления и ритуалы празднования Дня Победы будут наилучшим образом способствовать укреплению образа ОСВОБОЖДЕНИЯ в общественном сознании, в отечественном и в мировом общественном мнении.

6. Необходим ли канон исторических сведений, иллюстрирующий истинную соразмерность героического и трагического в истории нашей Победы, возможно ли с помощью этого «катехизиса» выработать фундамент для консолидации новых поколений? Возможен ли такой «катехизис», консолидирующий Россию и страны Запада?

Александр Мелихов, прозаик, публицист (Санкт-Петербург)

1. Никогда об этом не задумывался, но раз уж вопрос возник, то его нужно и обращать к так называемому цивилизованному миру. Однако и без специальных исследований можно предположить, что интерпретация этого театрализованного представления сильно зависит от политического контекста, от более общего образа нашей страны. Если она внушает страх, то и военный парад послужит его подкреплению, и вряд ли его существенно ослабит самый мирный и пацифистский характер праздника: он будет воспринят как изощренное лицемерие и коварство.

Хотя я, возможно, и ошибаюсь, возможно, и театральные жесты что-то значат, если доходят до простого народа.

2. Серьезная литература эту опасность пока что вроде бы не фиксирует, однако она и занимается чем-то более отстоявшимся, претендующим на статус «вечного». Но опасности такой не может не быть, ибо она рождается тоже из если и не вечных, то весьма долговечных грез, а именно социальные грезы или даже сказки являются главной причиной общественных и национальных потрясений. Сказка о том, что любой народ может быть счастлив и уважаем лишь в собственном моноциональном государстве, — сказка, разрушившая или почти разрушившая европейские империи и сильно поспособствовавшая Второй мировой войне, — никуда не исчезла. А следовательно, она и дальше будет порождать своих фанатичных служителей, кои и есть нацисты. Будут ли они прикрываться «европейским выбором»? Ничуть не менее, чем любой респектабельной маской, если только они не дураки. А согласятся ли предоставить им такую маску европейские политики, зависит от того, насколько они будут нуждаться в подобных союзниках. Если образцово-показательные европейские державы из страха перед Советским Союзом пошли на сговор с Гитлером, то я не вижу, что́ им помешает, если они сочтут достаточно значительной «русскую угрозу». Будет страх перед Россией — будут и самые экзотические союзы и маскировки.

3. Нет, поскольку речь идет о сказках.

4. Даже в самые тяжкие годы войны о ее всемирной цели прекрасно помнили и «западник» Эренбург, и «почвенник» Твардовский.

Эренбург: «Защищая родное село — Русский Брод, Успенку или Тарасовку, воины Красной Армии одновременно защищают «мыслящий тростник», гений Пушкина, Шекспира, Гёте, Гюго, Сервантеса, Данте, пламя Прометея, путь Галилея и Коперника, Ньютона и Дарвина, многообразие, глубину, полноту человека».

Твардовский: «И под грохот канонады / На восток, из мглы и смрада, / Как из адовых ворот, / Вдоль шоссе течет народ. // Потрясенный, опаленный, / Всех кровей, разноплеменный, / Горький, вьючный, пеший люд... // На восток — один маршрут. / На восток, сквозь дым и копоть, / Из одной тюрьмы глухой / По домам идет Европа. / Пух перин над ней пургой. // И на русского солдата / Брат француз, британец брат, / Брат поляк и все подряд / С дружбой будто виноватой, / Но сердечною глядят. // На безвестном перекрестке / На какой-то встречный миг — / Сами тянутся к прическе / Руки девушек немых. // И от тех речей, улыбок / Залит краской сам солдат: / Вот Европа, а спасибо / Все по-русски говорят. // Он стоит, освободитель, / Набок шапка со звездой. / Я, мол, что ж, помочь любитель, / Я насчет того простой. // Мол, такая служба наша, / Прочим флагам не в упрек...»

Автор «Тёркина» в ту пору мог бы смело повторить вслед за Пушкиным: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Но я далеко не уверен, что АТ и сегодня бы удержался от упрека «прочим флагам», — уж очень много упреков адресовали «прочие флаги» освободителю в шапке со звездой — несть числа одним только статистическим изысканиям, сколько немецких женщин он изнасиловал, да и прочих не оставлял без внимания.

И что уж говорить о прочих, когда и под нашим флагом, кажется, только множатся упреки от тех, чьих отцов и матерей солдат-освободитель и народ-освободитель спасал, оказывается, совершенно неправильно. И, как ни грустно, это совершенно неизбежно: в любом большом достижении всегда огромен список издержек, и нет такого успеха, который не мог бы быть достигнут с меньшими затратами. А потому, даже не искажая фактов, всегда можно заняться составлением списка адвокатского, а можно — списка прокурорского, и люди занимают прокурорскую или адвокатскую позицию отнюдь не по соображениям справедливости. Справедливостью все стороны лишь прикрывают собственные интересы, а интересы практически для всех важны *только сегодняшние.*

Можно, конечно, скорбеть по поводу неблагодарности человеческого рода, однако он таков был, есть и таким останется, ибо эгоизм — стремление выжить любой ценой, не оглядываясь, во что это обойдется прочим — это базовое свойство всякого живого организма. Без коего они бы никогда не выжили в тех тысячелетиях страшнейших испытаний, которые лежат позади и дай Бог, чтобы их не было впереди.

Можно не сомневаться: упреки станут порождать лишь ответные упреки, наши прокурорские списки будут лишь стимулировать встречные. А вот почему бы нам не заказать маленькому, но компетентному коллективу историков литературы, кино и, может быть, живописи собрать изъявления благодарности и любви со стороны именно тех народов, которые сегодня видят в нас не просто опасность, но *вечную, всегдашнюю* опасность для себя, а следовательно, и для мира, ибо нет такого народа, который не считал бы себя ценнейшей частью человечества. Перечитать и пересмотреть эти забытые любовные записки было бы полезно и для нас, но вдруг кого-то и за кордоном растрогают эти пожелтевшие признания их же собственных бабушек и дедушек?

Иными словами, я очень слабую надежду возлагаю на возрождение забытых произведений, а не на создание новых. Хотя — может случиться и чудо.

5. Главный нерв уже намечен Твардовским: *по домам идет Европа*. Картины освобождения концлагерей, радостные толпы, встречающие советских солдат, эффектные образы того мрачного будущего, которое планировала для Европы нацистская власть...

Здесь требуется совместная работа историков и художников, историков и режиссеров.

6. Знания не могут противостоять интересам, они могут только их обслуживать. Но художественные произведения, которые прямо ничего не утверждают и ничего открыто не пропагандируют, имеют некоторые шансы даже и на международном уровне. А вот для внутреннего пользования такой катехизис вполне возможен и даже необходим. Ведь мы не можем квалифицированно возразить и против того тезиса, что советская оккупация была не лучше нацистской. Мы не знаем ни количества жертв, которые принесла странам Восточной Европы немецкая оккупация, ни того будущего, которое нацистская Германия им готовила — вернее, знаем лишь на уровне лозунгов. Это серьезное упущение.

Вера Зубарева, поэт, литературовед (США)

1. В 1941 году на моего отца, семнадцатилетнего курсанта морского училища, пришла похоронка. В один день с похоронкой на его отца — моего деда, которого я так и не узнала. Моя прабабушка, в честь которой меня назвали, посмотрела на обе и сказала дочери:

— Мужа не жди. А Ким вернется. Не смей оплакивать его.

Так и вышло. 13 ноября 1941 года бомба попала в корабль, на котором был мой юный отец, и спаслось лишь двое — он и еще один человек. 14 ноября моему отцу исполнилось восемнадцать лет. Обо всем этом я узнала в подробностях уже после смерти отца — капитана дальнего плавания, старшего лоцмана Одесского и Ильичевского портов, журналиста и писателя. После него остались военные дневники. Вот она, эта самая первая запись, сделанная восемнадцатилетним юношей после потопления судна:

Из дневника 1941 года:

> Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие с друзьями погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты. — *В. З.*), так

что... (слова размыты. — *В. З.*) спасении тогда бы меня не было и мы... (слова размыты. — *В. З.*) <...> День накануне моего совершеннолетия мне, кажется, запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! Поневоле становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил эти бледные, перепуганные, растерянные лица, рука, держащая пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду... Картины смерти (слова размыты. — *В. З.*).

День Победы для моей семьи и друзей — праздник священный. Мы всегда отмечали его с родителями и родственниками — участниками войны. Многих из них уже нет в живых, но в этот день они всегда с нами. Они были отважными защитниками отечества, и судьба продлила их в нас и наших детях. Парад на Красной площади мы смотрели их глазами, и вопрос об агрессивно победной модели праздника не возникал. Но, возможно, мы чего-то не поняли. Возможно, мы эмоционально-однобоко восприняли этот день. Захотелось разобраться.

Прежде всего, по какому критерию определять агрессивность военного парада? Каждому ясно, что военный парад — это не парад физкультурников. Уже само слово «военный» предполагает отсылку к войне, и в этом кроется элемент агрессивности. Но только элемент. Вопрос, в какой мере то или иное явление агрессивно, — ключевой для понимания степени опасности. Без определения меры любое суждение будет вращаться вокруг одной из крайностей — черное или белое, агрессивное или неагрессивное. На самом же деле агрессивность, как и все другое, имеет меру. Обороняющийся может делать это агрессивно, но большая агрессивность исходит всегда от нападающего. Культура мышления требует того, чтобы, определяя что-либо, мы опирались на категорию меры. Итак, в какой мере агрессивность присутствует в определении «военный парад»? В малой. Но все же присутствует по сравнению, скажем, с названием «парад искусств». Теперь посмотрим, как энциклопедия определяет военный парад. Читаем: «Парад войск — торжественное прохождение войск с боевой техникой» (БСЭ). Итак, торжество войск и военной техники — это то, что должно быть в норме. Какого типа войска и боевая техника должны быть представлены на военном параде? Тут мы подходим к вопросу о параде как мультипараметрической системе. Вот те ракурсы, которые мне удалось выделить в этой связи:

Исторический. Парад должен показать историю через военную технику. С исторической части и начался парад 9 мая.

Обороноспособность. Это центральный пункт военного парада. Он предназначен вызвать чувство защищенности и уверенности у соотечественников. На параде была представлена новейшая оборонительная техника.

Экономический аспект. Военный парад призван продемонстрировать гражданам и союзникам наличие ресурсов в стране, необходимых для развития военной промышленности.

Воспитательный фактор. Военный парад рассказывает о доблестной стороне страны, ее защитниках, исторических победах и демонстрирует готовность воинов оборонять свою землю, как это делали их отцы и деды. Марш улыбающихся молодых защитников был своеобразным мессиджем, показывающим неагрессивный дух шествия.

Преемственность поколений — еще один немаловажный аспект военного парада. Летчики, взявшие с собой в полет фотографии погибших на войне родственников, провели эту линию преемственности. А появление девушек с бантами и женской знаменной группы напомнило о роли женщин во Второй мировой войне.

Смотрела и вспоминала свою двоюродную бабушку — легендарную Любовь Звереву, военного хирурга, делавшего сложнейшие операции в условиях, мало к тому приспособленных. Она разработала новую хирургическую методику, благодаря которой не одна жизнь была сохранена. И мать своей подруги, медсестру, спасавшую раненых на поле боя и получившую тяжелейшее ранение в живот, вспоминала. Она пережила клиническую смерть, а потом была в коме на протяжении нескольких недель. Никто и не надеялся, что она выживет, а уж о том, чтобы иметь детей, и речи быть не могло. А она родила двоих! Ее вторым ребенком, появившимся много лет спустя, была моя подруга.

Союзники. Военный парад призван показать, что у страны есть союзники, готовые поддержать ее в трудную минуту. По Красной площади прошли союзники из Индии, Китая, Сербии, Монголии, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана...

Наверное, есть еще какие-то аспекты военного парада, которые я упустила. Но уже из отмеченного складывается объективная картина того, что было. Она дает возможность судить о высокой оборонительной мощи страны и внешней поддержке.

Ну а как же определить меру агрессивности? Что будет ее объективным критерием? Наверное, устрашающие заявления, несущие открытую угрозу военных действий, лозунги и песни, призывающие к нападению, и т. п. Имело ли это место на параде 9 мая? Если да, то шествие однозначно несло угрозу. В противном случае все это уходит в область гипотез и эмоциональных восприятий.

Каждый имеет право на гипотезу. Она базируется как на прошлом опыте, так и на настоящем. Например, я прочитала в «The Telegraph» от 24 февраля 2015 года о военном параде в День независимости Эстонии в Нарве, расположенной в 300 ярдах от границ с Россией. Помимо эстонских, британских и американских военных в параде принимали участие военные из Испании, Нидерландов, а также Латвии и Литвы. Союзники явно продемонстрировали свою озабоченность и готовность сплотиться против государства, на границе с которым прошел парад. Рассматриваю ли я это как знак агрессии? В малой степени, да. Но в большей степени для меня это знак готовности к обороне эстонских границ.

Парад на Красной площади не подходил ни к чьим границам. Но военных союзников там оказалось не меньше, чем в Нарве. Что это? Только ли память о прошлом или выражение озабоченности союзников по поводу настоящего? Если так, то какой именно озабоченности? Вопросов больше, чем ответов. В любом случае союзники не рассматривали свое участие в параде Победы как устрашение «цивилизованному миру». Были ли правы они или союзники Эстонии, покажет время.

2. В принципе любая идея глобального господства способна к рецидивам. Это дракон, принимающий ту личину, под которой ему проще перетягивать на свою сторону массы. Гегемония пролетариата, столь привлекательно звучавшая для масс, не менее опасна, чем малопривлекательная тирания монархов, а идея национального господства на базе социальной экономики не менее опасна, чем европейский глобализм, разрушивший экономику союзников, ставших жертвами этого мультикультурного эксперимента. Если неонацизм и впрямь прикрывается «европейским выбором», то Европе нужно хорошенько подумать — фашизм вышел из нее. Муссолини в Италии, Франко в Испании, «железная гвардия» в Румынии, «новое государство» в Португалии... Не обошла эта чума и Россию (черносотенцы), и Западную Украину (ОУН). Мне очень хочется верить, что все это осталось в прошлом. Но мой цикл «Свеча» памяти зверски убитых 2 мая в Одессе, опубликованный в журнале «Нева», передает тот высочайший уровень озабоченности, которую

я несу в сердце. Одесса — это вторая Хатынь. К такому выводу приходят все, кто не закрыл глаза на эту трагедию и методы, которыми расправились с местным населением.

Я не в курсе того, как широко фиксируется опасность вспышки неонацизма в литературе. Но голоса звучат, пробиваются, невзирая на глушители. По понятным причинам не могу назвать здесь имена известных мне авторов.

3. Если страна хочет сохранить культурные или исторические ценности, то нет ничего более действенного, чем семья. Никакая промывка мозгов не устоит против этого. Семья выстаивает все режимы и идеологии. Семейный альбом — свят, и беседы с детьми любого возраста всегда дают всходы в следующих поколениях. В отличие от идеологий, подтасовывающих факты и жонглирующих понятиями, история семьи, как правило, документирована. Имеются фотографии, письма, дневники, какие-то вещи, друзья и родственники, которые могут подтвердить рассказанное. Если официальная линия будет не совпадать с семейными преданиями, то любопытство, желание проверить и докопаться до сути сыграет в конце концов свою положительную роль в прояснении и происходящего, и бывшего. Никакая премудрость не подействует сильнее этого. Семья должна воспитывать и поощрять любознательность, интерес к своим корням и истории. Интеллектуальный интерес появляется всегда как следствие очень сильной эмоциональной включенности. Если ее нет, то все знания остаются внешними, наносными и быстро забываются. Знание должно быть пережито, а не только пропущено через ум. Да, прекрасно было бы улучшить систему образования, подключить области литературы и искусства, но это, во-первых, чревато другой крайностью, насаждением идеологии и в результате — отвращением и к ней, и к культуре, ее породившей. Это мы уже проходили. Во-вторых, управлять социальными структурами, за которыми стоит чиновничий аппарат, казенщина и бездушие, дело неблагодарное. А вот семья, семейная история и реликвия — это совсем другое.

4. По-моему, кинематограф последних лет создал прекрасный, глубокий, многогранный образ Победы. Из последнего, что запомнилось особо, это «Путь на Берлин» (2015) и четырехсерийный фильм «Крепость» (2011). Удивительно гуманен и метафоричен этот телевизионный вариант «Брестской крепости» (2010). Смотришь и понимаешь, что вся страна военного времени, каждая пядь земли — это Брестская крепость в миниатюре. Судьбы, развернувшиеся на экране в этот календарно краткий, но исторически длящийся миг, предстали как сгусток судеб военного времени. Это крепость духа, крепость ценностей, крепость человеческого перед лицом звериного. Это рассказ-эстафета, переданная правнуку у мемориала Брестской крепости. Фильм не только о прошлом, но и о настоящем и будущем, о том, как история семьи и история страны навсегда сплетены. Рассказ прадеда — то самое боевое знамя, которое он некогда нес по полю, выбравшись из крепости. Теперь это знамя передано правнуку. Для меня подобные фильмы являются новым эпосом Победы. А вообще, роман-эпопея «Война и мир» о событиях 1812 года был написан пятьдесят с лишним лет спустя. Не исключено, что новый роман-эпопея о Победе появится в XXI веке.

5. У нас в Одессе молодожены всегда отправлялись после загса на Аллею Славы возложить цветы к памятнику Неизвестному матросу. Это незабываемый, волнующий момент, запечатленный в семейных альбомах, в том числе и нашем. А в школе мы несли вахту у памятника и во время отдыха пели военные песни, читали стихи и обсуждали фильмы и произведения о войне. И каждый, у кого были в семье фронтовики, рассказывал о них и приносил фотографии из семейного альбома. Это ритуал, который естественным образом связан с жизнью каждого, ее различ-

ными этапами. Подобные ритуалы должны иметь место в каждой культуре, оберегающей свою историю.

6. Документы и факты, которые доступны интересующемуся читателю, — вот, на мой взгляд, единственный канон, которому должно следовать в обстановке информационной войны. Я понимаю, что каждый документ может быть по-разному проинтерпретирован. Но для аргументированного доказательства потребуются новые документы, и они должны быть в распоряжении дискутирующих. К дискуссиям подобного рода нужно приучать со школьной скамьи. Будет ли все это способствовать консолидации России и стран Запада, будет зависеть от задач и целей этих стран. Времена меняются, а факты остаются. Консолидация со всеми странами маловероятна, как маловероятна консолидация разных групп внутри самой России. Но консолидация со многими вполне возможна при определенном политическом и экономическом климате.

Сергей Шаргунов, писатель (Москва)

1. Не согласен. Были все основания для проведения такого мощного и торжественного парада. 70 лет Победы. И парад удался — впечатляющий, давший людям ощущение праздника, радости, сопричастности родной истории.

2. Вопрос в объявлении кого бы то ни было — людьми второго сорта, а значит, и запросто недочеловеками. Люди, тяготеющие к России, сегодня некоторым «заевропейцам» заведомо кажутся неполноценными (ярчайший пример — крымчане, двадцать лет требовавшие референдума, хотя это и есть самое настоящее европейское право). Унижение миллионов на Украине законом, уравнявшим символику Победы с символикой... Или русские неграждане в Латвии...

А литература неизбежно покажет весь страшный драматизм нынешней кровавой смуты.

3. Важнее всего — исторические факты, документы, свидетельства. Только что я разговаривал со своей соседкой Людмилой Макуриной — ей 90 лет, но ум живой, и помнит она все отчетливо. Пережила оккупацию в Брянской области: прямо при ней полицаи застрелили мать-учительницу, у самой девочки несколько раз выкачивали кровь, потом угнали в рабство в Германию, где над ней издевалась хозяйка...

4. «Судьба человека» — рассказ, читая и перечитывая который трудно удержаться от слез. Проза Некрасова, Воробьева, Бондарева. Рассказы Тендрякова, Катаева. Стихи Друниной, Исаковского, Твардовского, Гудзенко, Симонова, Слуцкого, Долматовского. Новая проза о той войне (и ее непосильной не только физической, но и психологической ноше) напрашивается.

5. Не знаю о театральных действах. Но подлинно человечным и народным стало движение «Бессмертный полк» — это был чистый вдохновенный порыв. Хорошо бы, чтобы побольше было собрано воспоминаний об отцах, дедах, прадедах. Живой отклик в людях находят песни тех лет, военная поэзия. Песня «Вставай, страна огромная!» до сих пор звучит как главная песня нашей страны.

6. Вопрос в чувстве боли. И в чувстве достоинства. Хотелось бы открытия всех архивов. Не менее важны воспоминания переживших войну.

Вячеслав Рыбаков, писатель (Санкт-Петербург)

1. Категорически не согласен.

Все мы добрые, порядочные, воспитанные люди, и нам очень хотелось бы, чтобы для победы над злом хватало одних лишь белых голубей. Явный отпечаток этой вековой мечты прогрессивного человечества носил на себе даже логотип По-

беды, то и дело мелькавший на телеэкранах. А над знатной фразой «добро должно быть с кулаками» давно уже принято лишь иронизировать: вот, мол, как некоторые недобрые и непорядочные пытаются под благовидным предлогом легитимизировать свой дефицит толерантности. Ведь насилие, понимаете ли, порождает лишь насилие...

К сожалению, жизнь не укладывается в наши мечты, сколь бы прекрасны они ни были. Суровая правда заключается в том, что бабочка может взять верх над танком, только если по танку предварительно шарахнули, скажем, из ПТР. Причем шарахнули точно, умело и не думая об экономии боеприпасов.

Люди хотят быть уверены, что если дойдет до дела, проблем с этим у их страны не будет. Это их право. Это их естественная потребность, такая же, как потребность иметь надежную крышу над головой. Она не имеет никакого отношения к запугиванию, к агрессии. А если кто-то ощущает от этого душевный дискомфорт — то, стало быть, он рассчитывает на какую-то иную крышу, на какой-то иной дом для своей семьи.

А если от этого ощущают душевный дискомфорт наши соседи по континенту — это свидетельствует лишь о том, что они очень хотят быть танками против бабочек.

2. Ну, собственно говоря, ведь и сам нацизм изначально был одним из выборов самой Европы. Расовую теорию и практику придумали не фанатичные азиаты, не темные индейцы дремучих джунглей Амазонии и не марсиане с летучих тарелок. И ведь не остался же он маргинальным продуктом извращенного воображения закомплексованных высоколобых, не прокис в тиши их прокуренных кабинетов. Нет, идея, как говаривали марксисты, стала материальной силой, ибо завладела массами.

И вызревала она в Европе издавна. И отнюдь не только в лоне «сумрачного германского гения».

Скажем, Томас Мор: «Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной». Или Кампанелла: «Солярии беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей».

Совсем недавно я специально перечел «Освобожденный мир» — знаменитый, хотя и не слишком художественный роман Герберта Уэллса, написанный буквально накануне первой мировой бойни. Более всего этот роман знаменит тем, что в нем впервые предсказаны и описаны атомные бомбардировки и их катастрофичность для мировой цивилизации. Казалось бы — Уэллс, прославленный гуманист, коллективист, почти социалист... Мировая катастрофа приводит, по его мнению, к единственному спасительному выходу — созданию мирового правительства, а оно немедля отменяет национальные администрации, предрассудки и границы и начинает административно-командным образом регулировать всю жизнь планеты.

И вот что интересно: среди упоминаемых Уэллсом членов мирового правительства есть англичане, французы, итальянцы, японцы, даже индийцы (притом что Индия была тогда колонией Британии — для их зачисления в правящую верхушку требовались изрядная широта взглядов, мужество и опять же эта самая, как ее, толерантность); есть американский президент и несколько продвинутых молодых монархов Европы... Но вот, например, ни одной русской персоны среди них не упомянуто. Однако при всем том в описании борьбы мирового правительства с глобальным послевоенным голодомором читаем: «В азиатской части России хранились колоссальные запасы продовольствия... его необходимо было как можно быстрее доставить туда, где свирепствовал голод...» Хорошо, но кто-то из россиян

участвовал в принятии этого гуманного для мира в целом решения? Или как раз азиатская часть России после этого получила возможность вымирать спокойно и с чувством выполненного интернационального долга? О том ни слова. Или: в глобальном государстве нового типа специально разработан был единый мировой язык на основе английского, хотя и с определенными упрощениями и заимствованиями из иных европейских языков. И в итоге: «Через десять лет после создания Всемирной Республики „Словарь Нового Английского Языка“ так разросся, что... жившему в 1900 году было бы совсем нелегко прочесть обыкновенную газету. И в то же время люди новой эпохи по-прежнему могли оценить достоинства старой английской литературы». А всех остальных национальных литератур? Ни слова. Видимо, те, по мнению великого английского гуманиста, не стоили, чтобы их достоинства оценили люди светлого будущего.

Поразительно, как идея главной нации и главной культуры нечувствительно, бессознательно, словно нечто само собой разумеющееся и, несомненно, благодетельное для всего мира, то и дело выпрыгивает даже из текста великого гуманиста и коллективиста. Так что́ говорить о людях обычных?

Вот так эту опасность фиксирует литература. Фиксирует тем, что ее поразительным образом не замечает, сама же ее описывая.

Печально, но европейский выбор как таковой всегда чреват национализмом — а в определенных ситуациях и его более зловещими версиями. Нам это очень трудно и очень больно признать и осознать. Мы Европу спокон веку обожаем. От нее же все хорошее и ничего плохого... Но надо, пора. Эту родинку европейская культура носит в укромном месте исстари — и никогда не знаешь, когда и у кого она превратится в меланому.

3. Не могу провести четкую границу между интеллектуальным и организационным противостоянием. Например, не делать невинных страдальцев из носителей неверных по патриотическим меркам взглядов — такое явно требует недюжинного интеллекта, но в то же время реализовано может быть не столько на бытовом, не столько на художественном, сколько на административном уровне. В свое время КГБ старательно и упорно, в течение десятилетий, делал из диссидентов гонимых святых — и таким образом, вместо того чтобы невниманием, подчеркнутым равнодушием и снисходительной критикой их воззрений маргинализировать их в качестве забавных, по-человечески очень симпатичных, но не вполне адекватных чудаков, способных лишь на кухонные мечтания, сам превратил их во властителей дум, совесть нации и единственно свободных людей в тотально несвободной стране. Это было, конечно, интеллектуальной ошибкой, но и результатом карьерных устремлений рядовых работников, склонных к простым и максимально пригодным для победных рапортов решениям. С тревогой наблюдаю, что эта ошибка ныне готова повториться в отношении всякого рода «чуждых нам» глашатаев. Каждый их чих, каждая беспомощная выходка раздуваются до размеров чуть ли не покушения на святыни, чуть ли не национальной катастрофы.

Что ж тут поделаешь. Для того чтобы интеллектуально противостоять кому-то, в первую очередь надо иметь более мощный интеллект. Другого способа нет. Но вот с этим-то — прости Господи, беда.

4. Не стану пытаться раскинуть пасьянс конкретных примеров: во-первых, я не специалист, во-вторых, это всегда чревато возникновением разногласий по мелочам, вкусовых споров о частностях и неизбежной в таких случаях подменой предмета разговора. Типа один говорит: «Е равно эм цэ квадрат», а другой ему возражает: «Квадрат — это вам не параллелепипед». И полился умный разговор эрудитов...

Рискну заметить, однако, что наиболее адекватные художественные произведения создавались, при всех проклятиях в адрес советской цензуры, в ту пору, когда память о войне еще была достоянием всех и каждого. Когда зритель или читатель еще знал, как оно на самом деле было. Сценаристы и режиссеры не могли впрямую врать (я не имею в виду, разумеется, благую ложь алма-атинских агиток), артисты не фальшивили, пытаясь вообразить и изобразить неведомые им в реальной жизни переживания: патриотизм, самопожертвование и прочие нерыночные глупости. Все и без художеств представляли, что смерть на войне ужасна. И можно было снимать кино или писать книги не про выпущенные кишки, а про жизнь людей. А врать и пользоваться национальной трагедией для самовыражения было куда труднее. Скажем, фильм «Балтийское небо», при всей его наивности и приглаженности и к тому же — дешевизне, куда вернее отражал войну и Победу, чем, например, «Противостояние — Цитадель». Не зря же призы в Канне получали «Журавли», а не «Сволочи».

Что же до Нового Эпоса... Как говорится: сомневаюсь я, однако. Конечно, «Война и мир» не по свежим следам создавалась, все так. Но ведь и спустя десятилетия после пожара Москвы Лев Толстой не пытался отобразить прогрессивную концепцию, согласно которой Александр для России был не лучше Наполеона, а войну выиграли не офицеры-крепостники, не регулярная армейская пьянь и не темное партизанское быдло, а вольнолюбивые декабристы.

Никакого мало-мальски крупного и даже вообще вменяемого произведения о войне, тем паче о Победе, невозможно создать, пока не изжита целительная для всякой крылатой души благоглупость, согласно которой немца разгромили штрафники, восставшие против сохраненных немцами колхозов уцелевшие кулаки и малолетние преступники, а всякие там генералы, политруки и особисты лишь злобствовали, вставляли палки в колеса настоящим народным героям и с садистским упоением гнали их на убой. Согласно которой Победа была одержана не благодаря системе, а вопреки ей. Вопреки системе, дескать, маневрировали миллионные армии, вопреки системе Смерш и НКВД переиграли и абвер, и гестапо, вопреки системе в срок и по месту назначения ходили по всей громадной стране тысячи воинских и грузовых эшелонов... Вопреки системе были в считанные месяцы развернуты в голой тундре и непролазной тайге десятки заводов, вывезенных — тоже вопреки системе — из оказавшихся под угрозой оккупации областей, вопреки системе на шахтах и рудниках люди в четыре смены лезли в забои, и дети стояли у станков, не теряя при том — вопреки системе, разумеется, — возможности получать хотя бы минимальное образование... и, отрываясь от станков, они нередко оказывались, что греха таить, более эрудированными и начитанными, чем их теперешние сверстники, о мозгах которых при нынешней системе так пекутся правительство и бизнес... Вопреки системе в искалеченной, ополовиненной стране так и не вспыхнули эпидемии, так и не умерла наука, так и рукоплескали в театрах блистательным классическим спектаклям...

На самом деле Победа была не только военной, но и организационной.

Но как только мы это снова вспомним, нам придется-таки признать, что Победа была одержана не вопреки системе и не благодаря ей, а просто — она была одержана Системой. Со всеми ее недостатками, которые являлись продолжением ее достоинств, и со всеми ее достоинствами, которые являлись продолжением недостатков. И тогда мы столкнемся с ужасной необходимостью понять, что ужасная, неприемлемая для всякого свободно мыслящего человека замшелая советская догма, согласно которой нацистского монстра оказался способен победить только социализм, все ж таки оказалась верна. А это ведь сразу в объятия к папе Зю... Какой художественный творец на такое способен?

5. Не знаю. Это дело специалистов. Дело искушенных, озабоченных общественным благом экспертов из народа — выбирать среди предлагаемых специалистами вариантов наиболее мощный и искренний. Скажем, я, при всех своих благих намерениях, нипочем не смог бы выдумать даже и полуминуты того великолепного зрелища, какое было показано нам при открытии Сочинской Олимпиады. Я могу только сказать: молодцы, верю.

Надо лишь все время помнить, что это была не просто война государств, не просто война за ресурсы и территории, но война между версиями будущего. Пещерной версией, согласно которой людьми считаются лишь члены своего племени, а все остальные — просто разновидность съедобных, ценных жиром, шерстью и костной мукой животных. И версией пусть неосуществимой, но выпестованной, нелишне отметить, самыми прекраснодушными и самыми бескорыстными мечтателями самой же Европы, версией, которую наша страна на свой страх и риск, на свою кровь и, быть может, погибель рискнула попытаться воплотить на грешной земле. Может быть, большинством советских людей Отечественная война именно потому и ощущалась как народная и священная, а страны Европы в ту пору, по горячим-то следам, воспринимали изгнание немцев и приход русских именно как освобождение; ведь не просто народ воевал с народом за жратву, пригорки и престиж, но удушливое пещерное прошлое попыталось оккупировать безграничное во времени и пространстве всенародно-братское будущее — и заслуженно получило по своим чертовым рогам.

6. Необходим. Но опять-таки: конструированием такого катехизиса должны заниматься люди, по крайней мере, не уступающие в интеллектуальных способностях тем, кто формирует противоположные катехизисы. И уж во всяком случае не робеющие говорить не эпатажную, не оголтелую, не рассчитанную на фурор и скандал, но не вполне совпадающую с докладом Хрущева XX съезду правду. Иначе только людей насмешим и сами превратим свою Победу в карикатуру.

Что же касается катехизиса, общего с Западом... Нет. Невозможен. Слишком по многим параметрам у нас точки зрения не просто противоположные, но взаимоисключающие, и притом — базовые для текущей, современной политики, для всех ее ценностных установок и обоснований. Нас необратимо разводит уже тогда, когда и война-то еще не началась. Скажем, пакт Молотова–Риббентропа. Ведь больше двух лет СССР бился лбом в англо-франко-польскую стенку, пытаясь выстроить коллективный союз против вполне предвидимой гитлеровской агрессии. Но стенка так и поддалась. И лишь временный (всем было понятно, что временный) союз с Гитлером, заключенный на фоне предоставления Англией и Францией гарантий безопасности Польше, обеспечил автоматическое возникновение советско-англо-французского антигитлеровского союза в случае нападения наци на поляков и затем на СССР. То есть действия самого же Гитлера, решись он на войну, создали бы ту антигитлеровскую коалицию, которую заблаговременно пытался и не смог создать СССР силами дипломатии. Потому просвещенная Европа так и не любит этот пакт: ведь именно из-за него ведущим демократиям мира пришлось сделать то, чего они смертельно не хотели: воевать с Гитлером в полную силу (уж какая была), да еще и плечом к плечу с ненавистными Советами. Свести такие вот расхождения к компромиссу невозможно и даже пытаться уже не стоит — будем лишь умножать взаимные разочарования и неприязнь.

Эта проблема формулируется очень просто: мы считаем себя европейцами, но европейцы нас таковыми не считают и никогда не сочтут. Просто уже потому хотя бы, что «пряников сладких всегда не хватает на всех», и просвещенная Европа, скрепя сердце еще как-то готовая перераспределять пряники между своими, мно-

жить количество своих и тем самым уменьшать пайку нипочем не станет. Но, разумеется, будет искать для этого благородные обоснования: скажем, тот же пакт Молотова–Риббентропа. Мол, это Сталин войну начал, так чего нам с вами теперь делиться; это вы нам все должны, а мы вам — ничего, кроме разве лишь гуманных поучений о правах человека и воспитательных санкций... Какой уж тут катехизис!

Калле Каспер, писатель (Эстония)

1–6. Начну с конца: «катехизис», консолидирующий Россию и страны Запада по отношению ко Второй мировой войне, да и по большинству других вопросов, невозможен. Каждый народ живет в своем историческом времени и выстраивает свою историческую парадигму, мотивируя и оправдывая свое поведение, но мало обращая внимание на мотивации других.

То, что для России было Великой Отечественной войной, отнюдь не было таковой для других народов Восточной Европы, да и союзники Советского Союза решали в этой войне свои, отличные от СССР задачи — так, для Великобритании этот союз имел тактический характер, ей надо было элиминировать Германию, чтобы та не стала слишком сильной и не начала бы угрожать владычеству Британской империи. Что касается Прибалтики, то для нее эта война вообще была «чужой», потому что как страны ни Эстония, ни Латвия, ни Литва в ней не участвовали (подробнее см. об этом мою статью «Чужая война» (http://www.rosbalt.ru/blogs/2015/05/08/1396428.html).

Таким образом, воспринимать русских как освободителей те народы, с территории которых советские войска вытеснили немцев, никак не могут, это было бы возможно только в том случае, если бы эти войска после освобождения покинули чужую территорию, чего, как мы знаем, не случилось. Никому не хочется жить по правилам, диктуемым кем-то извне, каждый народ хочет сам решать свои проблемы, а то, что при продолжении нацистской оккупации их судьба теоретически могла складываться «еще хуже», слишком абстрактно и никому не интересно.

Не стоит уменьшать и проблему частной собственности, бывшую «водоразделом» между СССР и Западом. Напомню, что рождению нацизма в Германии способствовали бесчинства коммунистов в Мюнхене. Именно экспроприации как последствия коммунистического поворота больше всего боялись люди на Западе, именно потерю земли, домов, квартир и мастерских не могли простить советской власти прибалтийцы, среди которых было много мелких собственников. В СССР к отсутствию частной собственности уже привыкли, на Западе же продолжали жить по-прежнему, изменений хотели только неимущие и «сочувствующие». А собственность — вещь страшная, посмотрите хотя бы, как украинцы прямо-таки озверели после того, как у них отобрали Крым. Тут дело не только в интересах тех конкретных людей, которые успели обзавестись на полуострове заводами или домами отдыха (включая президента), не менее важно коллективное чувство обиды. Со стороны, конечно, можно посоветовать украинцам руководствоваться поговоркой «Бог дал, Бог взял», но вряд ли разум способен тут бороться с инстинктом.

Еще одно крупное непонимание между Россией и ее ближайшими соседями вытекает из разницы в способе управления страной. Русские по своей натуре имперцы, они привыкли к тому, чтобы «приручать» другие народы, навязывая им свою волю, но вместе с тем давая всем, кто согласен подчиниться, хорошие возможности для самореализации. Неудивительно, что русские ожидают от других народов такого же отношения к своим соотечественникам, оказавшимся на чужой территории. Однако народы поменьше и, что, возможно, еще важнее, помоложе практикуют другой, националистический тип правления, при котором остальные

народы, обитающие на их территории, как бы отторгаются — мы делим между собой налоговые поступления, а вы трудитесь, чтобы выжить. Да, такой тип правления менее плодотворен, ибо оставляет неиспользованным огромный потенциал «инородцев», но делать нечего, перейти на имперское правление эти народы просто не способны. Тут русские могли бы скорее найти общий язык с англичанами и французами, но беда в том, что для них подчинение чужих народов осталось в прошлом, и они посматривают в сторону России с завистью, временами переходящей в злорадство.

Что касается трудно определяемого «неонацизма», по-моему, более важный критерий — варварство. Варвар не способен понять сложность мироустройства, взаимосвязанность всех и вся, он хочет трудные вопросы решать примитивным образом, насилием. Гитлер тоже был варваром, он даже не отрицал этого («Да, мы варвары...!»). И сегодня варварства полно, ведь американцы, молодой народ, тоже хотят решать все вопросы с позиции силы, учитывая только свою выгоду. Чего тогда удивляться, что где-то политических оппонентов суют в мусорные баки! Проблема скорее в том, что на такое варварство нельзя закрывать глаза — а ведь закрывают. И не только на баки, но и на массовые убийства.

Немного непонятно, что имеется в виду под «глашатаями пересмотра итогов Второй мировой войны». Итоги ясны, и пересматривать тут нечего — одни победили, другие продули. Другое дело, как все происходило и каковы глубинные причины, приведшие сперва к войне, а потом к победе одних и поражению других. Тут еще много неясного, и многое, я уверен, будет со временем действительно пересмотрено. Не думаю, что «великий администратор» так и останется на пьедестале почета, скорее, однажды поймут, что он не представлял русско-православную цивилизацию, по отношению к которой был насильником. Только большой путаницей в головах можно объяснить то, что товарища Джугашвили хвалят люди, считающие себя русскими патриотами. После того, как этот абсурд прекратится и откроют архивы, роль этого малообразованного инородца в русской истории, в войне в том числе, точно будет пересмотрена.

Что касается произведений искусства, то очевидно, что лучшее о Великой Отечественной с точки зрения психологической правдоподобности уже создано. Не представляю себе, что сейчас можно было бы написать про войну лучше, чем это сделали Константин Симонов или Василий Гроссман (при всем их различии), без личного опыта такое невозможно. Однако это не означает, что невозможно отыскать какой-то новый ракурс, новую стилевую окраску, даже новую историческую концепцию — я сам автор «эпоса», в котором Второй мировой войне посвящены целых два тома из восьми, и уже поэтому не могу ни у кого такого права отрицать.

Теперь насчет парада. Не думаю, что его надо рассматривать как «страшилку». Скорее как намек: лучше не лезьте.

И наконец, мне кажется, что русские, с одной стороны, гордятся своей страной, но, с другой, болеют комплексом неполноценности. Иначе чем объяснить оформление первого вопроса этой анкеты, где говорится о неком «цивилизованном мире», которому Россия, возможно, угрожает. Где вы его видели, такой мир?

Роман Сенчин, писатель (Москва)

1. С тем, что парад 9 мая рассчитан на устрашение, я не согласен. Военный парад — это один из древнейших ритуалов человечества, и такие парады полезны. Правда, использование в них тяжелой техники каждый год — это, на мой взгляд, излишне. Особенно это излишество заметно в Москве, где я живу. Примерно на месяц, пока идут репетиции, сложная жизнь огромного города нарушается, возникает

множество проблем... Может быть, стоит задействовать танки, тягачи с ракетами раз в пять лет? Тогда бы это зрелище — а как ни крути, проезд через центр города техники — это в первую очередь зрелище — стало бы действительно запоминающимся и внушительным событием.

А вот проход солдат в пешем строю, тем более в форме времен Великой Отечественной войны, необходим.

2. Неонацистские идеи могут расцвести на любой почве. Даже коммунизм, на мой взгляд, идеал человеческой цивилизации, от нацизма отделяет один шаг. Полюса, как известно, могут смыкаться.

Мир сейчас в очень сложном положении. Европа — в крайне сложном. Все может случиться. И везде. В том числе, к сожалению, и в России.

Литература — французская, немецкая, украинская, итальянская, русская — эту опасность фиксирует, но пока слабо. Думаю, литературе стоит говорить громче и четче. Хотя, опять же, от предупреждения до пропаганды тоже один шаг.

3. Скажу честно, я не встречал тех, кто занимается в буквальном смысле пересмотром итогов Второй мировой. Проблема в том, что есть историки, а есть псевдоисторики. Есть те, кому важно понять происходившее тогда, а есть те, кто из воздуха может соткать сенсацию. Я бы работы по истории подвергал очень серьезному изучению перед тем, как их издавать. Сейчас же на полках с книгами по истории можно встретить черт знает что.

4. Начну со второго вопроса. На мой взгляд, авторы нашего века о Победе, а вернее, о войне ничего по-настоящему сильного в художественном плане не создадут. Не жившему в то время невозможно постичь то время... Хотя появление гения возможно всегда.

А произведения... Я бы не стал говорить, что романы, рассказы, повести, стихи Курочкина, Васильева, Бондарева, Симонова, Быкова и многих, многих других писателей, десятки выдающихся фильмов и картин, скульптур отображают именно спасение от «коричневой чумы». В первую очередь это произведения о войне с сильным и беспощадным врагом, пришедшим на нашу землю. А то, что это действительно «коричневая чума», будущим авторам открылось тогда, когда они оказались в Польше, Германии, увидели концлагеря, поговорили с выжившими узниками... Недаром есть много свидетельств людей, прошедших от Москвы, Сталинграда по выжженной земле, ужаснулись по-настоящему в Освенциме, Бухенвальде. И ненависть сменилась недоумением. Война войной, но вот такие именно фабрики по уничтожению людей... Кажется, до сих пор это недоумение не прошло. И хоть после окончания Второй мировой с геноцидом человечество сталкивалось не раз, но такого, что за несколько лет было создано Третьим рейхом, не повторилось. Хотя происходящее сегодня на части территорий Ирака и Сирии демонстрирует, что геноцид если не по национальному, то по религиозному признаку вполне возможен. Если это так называемое Исламское государство оставить в покое, оно вполне может стать новым Третьим рейхом. С технологиями у них все в порядке, идеология мощная...

5. Замечательной традицией стал «Бессмертный полк». Я участвовал в этом году, был поражен и тем количеством людей, что шли и шли по Тверской, и их лицами, фотографиями, которые они несли и как несли... К сожалению, ветеранов все меньше. Думаю, нужно продолжать традицию нешумно, но душевно отмечать День Победы в тех местах, где отмечали его участники войны. С песнями тех времен, с полевой кухней, рассказами о своих дедушках, прадедушках... 9 мая 1945 года народ вышел на улицу. Эту традицию — отмечать праздник (а это действительно праздник, великий праздник) всем вместе — нельзя потерять. 9 мая символизиру-

ет, что, по крайней мере, несколько народов сохранились, не были физически уничтожены, сожжены в печах. Что бы было с поляками, сербами, белорусами, украинцами, просуществуй Третий рейх на пять-десять лет больше? Что бы было с русскими, доберись гитлеровцы до Урала и включись в войну Япония... Судьба европейских евреев показала, что народ может быть уничтожен практически полностью. 9 мая 1945 года освободило Европу от потери части своих народов. И об этом необходимо помнить. И, конечно, помнить, как тяжело была добыта эта победа.

6. Споры о каноне ведутся уже давно. Я думаю, что в школе нужен такой канон исторических сведений. Детей и подростков не нужно путать деталями, нюансами. Тем более что сами историки — настоящие историки — по-разному оценивают и первые дни войны, и Ржевскую битву, и Керченский десант, и попытки прорыва блокады Ленинграда в 1942 году... Сколько раз секретное приложение к пакту Молотова–Риббентропа было названо преступным, но Литва, Польша, Украина, Белоруссия не захотели после распада СССР вернуться к тем границам, какие существовали до 1939–1940 годов. И войну с Финляндией, в том числе и у нас, в России, часто называют преступной и захватнической, но не призывают вернуть Выборг, Сортавалу Финляндии. Так что много спорного и сложного, чего на детей и подростков вываливать не стоит. Школа должна давать основные знания по всем наукам и дисциплинам, а дальнейшее обучение — колледжи, училища, вузы — углублять знания.

Я не сталкивался в реальной жизни с тем, что европейцы или американцы не знают о роли СССР в победе над Третьим рейхом и его союзников. Думаю, что там просто немало невежественных людей, но таких невежественных и у нас здесь предостаточно. Те же школьные программы предполагают из каждого ученика сделать специалиста и в области физики, и химии, и истории, и математики, биологии, географии, а статистика показывает, что очень многие выпускники не знают элементарных вещей...

В последнее время мы все чаще слышим, что Россию как правопреемника СССР не считают на Западе победителем во Второй мировой. Что США, Великобритания, даже Франция перетягивают одеяло на себя. В этом есть доля правды. Но и у нас происходит нечто подобное. Помню, несколько лет назад, перед одним важным футбольным матчем сборной России и Англии, некий государственный муж призывал наших футболистов победить и вспоминал, что «мы победили во Второй мировой». И как относиться к такому аргументу?.. Сейчас я попытался найти в Интернете запись речи Черчилля 22 июня 1941 года в русском переводе. Не нашел. А ведь это не только великая речь в смысле риторического искусства, но и, по сути, смертельный приговор гитлеровскому режиму. Черчилль объявил, что Великобритания пойдет с СССР в борьбе в Гитлером до конца... Или вот еще пример. В своей речи 9 мая 2015 года президент Путин перечислил практически всех наших союзников в борьбе с нацистами. И Монголию не забыл, и даже индийских солдат. А вот о существовавшем до октября 1944 года государстве, первом союзнике (опередившем и Черчилля с его речью) — Тувинской Народной Республике — не упомянул. А общая помощь ТНР и Монголии (МНР) немногим уступала помощи США, Великобритании и остальных союзников. Воевали против нацистов и тувинские добровольцы. В октябре 1944-го ТНР вошла в состав РСФСР, но до этого, повторюсь, была суверенным государством... В Туве, знаю (а я уроженец этой республики), «забывчивость» президента многих задела.

Так что проблем еще много, но решать их надо осторожно и с уважением друг к другу.

Алексей Семкин, искусствовед (Санкт-Петербург)

1. Нет. То есть только в такой степени, в какой агрессивно само по себе любое оружие — не будем забывать, для чего оно изначально предназначено, даже в самом «парадном» варианте. По логике этого вопроса, на парадах должны использоваться, по-видимому, только муляжи?

Впрочем, пардон — все это касается, конечно, только конкретного парада, на Красной площади? Ведь ясно же, откуда исходит угроза цивилизованному человечеству...

2. Во-первых, здесь явная тавтология. «Реанимация неонацистских идей» — вероятно, имеется в виду реанимация идей нацистских? Неонацистские вполне себе живут и здравствуют... Но и они, кажется, существуют все-таки совсем отдельно от «европейского выбора». Украинцы, рядовые майдановцы, размечтавшиеся о легкой жизни в Евросоюзе и безвизовом режиме, совсем не обязательно боевики правого сектора.

А вообще, что угодно может существовать под прикрытием чего угодно. Возможна ли реанимация оголтелого антисемитизма под прикрытием идей разнузданного сионизма? Возможна, еще как.

Если же серьезно, неонацизм — большая и очевидная опасность, эта идеология стремительно берет реванш, и особенно в молодежной среде, в том числе, к сожалению, и у нас.

3. Смущают два слова. Во-первых, «эффективные». Оно неизбежно возвращает нас к школьному учебнику физики, к понятию коэффициента полезного действия. Возникает желание как-то измерить, каков КПД противостояния этим самым «глашатаям». А это тупик. Эффективны ли были призывы к добру, исходившие из уст величайших гуманистов? Эффективна ли нравственная проповедь Толстого? Разумеется — но на определенную аудиторию. Вот и здесь КПД может быть 10 % (что отлично). А может и 5 %. Или 1 %. Это эффективный способ? А остальные 99 % будут ориентироваться не на послания неких учителей, а на собственный интерес. То есть как ему выгодно, так он и будет думать. И это касается не только далеких от умственной работы «людей-массы», но в первую очередь именно интеллектуалов.

А это как раз уже во-вторых. Еще Достоевский указал, что человек, к сожалению, не разумен и не добр — превыше всего для него его «хотение».

Поэтому вопрос должен звучать так: возможно ли организовать противостояние «глашатаям пересмотра итогов Второй мировой войны» таким образом, чтобы большинству нашего населения стало ясно, на чьей стороне оно должно находиться, что в его интересах.

И тогда эти глашатаи окажутся бессильны и никому не интересны.

Сложнее сделать то же самое в отношении всего человечества.

4. Вопрос неясен. Здесь опять необходимо кое-что уточнить. Именно Победы, то есть завершающего этапа Войны? Дело в том, что у нас огромная литература именно о буднях Войны, беспощадных и тяжелых, трагически далеких от ее последнего этапа. Но это все равно была работа на Победу. Как в знаменитом стихотворении А. Краснопольского:

Победители возвращались
еще в сорок первом году,
еще вороны предвещали
и разлуку нам, и беду.
<...>

Победители возвращались.
Мы не знали, что это — они.
Мы не знали, что у Победы,
как у песни, — всегда есть тот,
кем начало ее пропето,
а не только — кто допоет.

Для меня наиболее сильными в этом смысле произведениями о Победе остаются повести В. Быкова «Дожить до рассвета», «Его батальон», «Обелиск», «Сотников»...

Второе уточнение касается изображения «коричневой чумы». Вот чтобы и то, и другое вместе, такого практически нет, Кроме, конечно, «Молодой гвардии». А ведь такое изображение «коричневой чумы» само по себе не менее важно, чем воспевание Победы. Поскольку важнее не как произошло, а во имя чего. Вот от чего было спасено человечество.

Но здесь, как ни парадоксально, самые сильные вещи не наши — романы француза Р. Мерля «Смерть — мое ремесло» и американца Дж. Литтела «Благоволительницы».

5. Вполне прекрасная идея — «Бессмертный полк». Вообще народ у нас тянется к ритуалам, любит игру, карнавал, как дети, много в нашем народе детского, и это прекрасно. Поэтому пусть все будет: и возложение цветов, и милые девушки в пилотках и гимнастерках, раздающие фронтовую кашу с тушенкой и фронтовые 100 грамм, и военные оркестры, и минута молчания, и парад, и салют. А те, кто морщит нос, дескать, китч, пошлость, развлекуха для быдла — ну что ж, пусть упиваются своей утонченностью, горькой иронией и т. д. и т. п. Мы с ними не согласимся — но и осуждать не будем.

А вот придумать что-то принципиально новое в плане этой самой театрализации и чтобы это не оказалось мертворожденным проектом, спущенным сверху, сейчас, кажется, очень сложно. Хотя вот он пример — «Бессмертный полк»...

6. Если канон предписывает закрытие и замалчивание отдельных тем — это очень опасный путь. Так мы быстро докатимся сначала до запрещения темы заградотрядов или штрафников, до запрещения сначала «Прокляты и убиты», а потом и «Батальоны просят огня», а потом и поэзии Ольги Берггольц (как и была она в свое время практически запрещена за перекос в сторону трагизма)...

С другой стороны, очень хотелось бы запретить законодательно некоторые вещи — например, обливать грязью Зою Космодемьянскую, которой в эпоху гласности особенно досталось от развенчателей и деконструкторов.

Тут такая тонкая грань — нужно буквально пройти по лезвию ножа.

Консолидация новых поколений — да, это необходимо и возможно. Но это большая работа. Консолидация России и Запада? Ну что ж, я верю, что в странах Запада много умных, хороших людей и не все поголовно русофобы. А значит, возможна и общая система ценностей.

Наталья Крофтс, писатель (Австралия, Сидней)

1. Для меня 9 мая — это не день военного парада, а день марша «Бессмертного полка». Именно такое празднование по-настоящему заставляет вспомнить Великую Отечественную и людей, воевавших против фашизма.

В Австралии такой марш проводится 25 апреля. Здесь тоже есть элементы военного парада — правда, не танки и ракеты, а просто солдаты действующей армии. Но прежде всего это день, когда австралийцы вспоминают всех, кто воевал. Понят-

но, что диапазон решений, вовлекших людей в разные войны, заставивших кого-то потерять жизнь, огромен: от необходимых до преступных. Но это совсем не отменяет того, что люди, посланные на смерть, жертвовали жизнью во имя надежды, что благодаря этой жертве мир станет лучше. Поэтому для меня День Победы — это не только день скорби, но и день, когда мы вспоминаем отвагу, товарищество, самоотверженность участников войны.

2. Неонацистские идеи, по-моему, никуда не исчезали. Словарное определение «неонацизма» включает в себя целый ряд элементов нацистской доктрины: шовинизм, расизм, ксенофобию и так далее. Пока мы — не политики, не какие-то злые тени — а мы сами неприязненно относимся к людям только потому, что они родились в другой стране, у них другой оттенок кожи, они говорят на другом языке: английском, немецком, арабском, неважно — то неонацизм жив и здоров. Причем жив и здоров внутри нас, ему и реанимации никакой не требуется. А как покрасивее назвать свои взгляды, люди всегда найдут.

В современной литературе есть потрясающие произведения о расизме, ксенофобии, милитаристском национализме в наши дни. Среди них — рассказ Аси Умаровой «Спокойной ночи, Марисабель» о войне в Чечне, документальная повесть Ефима Бершина «Дикое поле» о войне в Приднестровье... И такие произведения существуют не только на русском: американский фильм «Отель „Руанда“», вышедший лет десять назад, рассказывает о страшном геноциде 1994 года, нацеленном на истребление народности тутси. За сто дней было убито около миллиона человек, десятая часть всего населения страны. И «Отель „Руанда“» — из тех произведений, которые помогают истребить расиста в себе самом: когда видишь, как маленькая девочка просит не убивать ее со словами: «Обещаю, я больше никогда не буду тутси, только не убивайте», — это остается с вами на всю жизнь.

3. Честно говоря, я не вижу никакой необходимости противостоять тем, кто пытается еще раз проанализировать результаты Великой Отечественной. Потому что какие бы ошибки, некомпетентность и просто халатность лиц, отдававших приказы, историки ни обнаружили, это не отменяет того, что в День Победы праздную лично я: готовности обычных людей, в том числе и моих предков, пожертвовать собой для других. Они воевали за надежду, что после победы мы освободимся от нацизма, жестокости, от постоянного страха за свою жизнь и за жизнь близких. Насколько эта надежда оправдалась, это другой вопрос.

А то, что историю продолжают изучать, это естественно и похвально, и не думаю, что история Великой Отечественной должна быть исключением. Чем больше мы знаем о своем прошлом, тем лучше: может, хоть на какой-то малой доле ошибок мы сможем поучиться — и постараться их не повторять. Другой вопрос, что должны быть элементарные проверки достоверности оглашаемых фактов. Да и избирательный подход к изложению реальных фактов часто хуже открытого вранья. Думаю, наиболее влиятельные и «нашумевшие» исследования просто нужно публично обсуждать, как обсуждают книги в программе «Игра в бисер». Чтобы те, кто искренне интересуется этими вопросами, могли услышать разные точки зрения и доводы; чтобы сенсации, построенные на однобокой подаче или подтасовке фактов, быстро выводили на чистую воду.

4. По-моему, самые сильные произведения, которые заставляют относиться к Победе как к настоящему личному празднику, — это произведения, в которых сама Победа остается за кадром. Это те произведения, которые показывают, чего мы избежали, от чего люди, воевавшие за победу, спасли нас. Для меня самым потрясающим произведением о Великой Отечественной до сих пор остается книга Ремарка «Время жить и время умирать». Лично мне этот роман ясно показал, что война

была не войной немцев и русских, а войной, победившей гитлеровский фашизм. Что фашизм страшен для нормальных, разумных людей любой национальности. И победа над гитлеровским фашизмом — это надежда на освобождение от той жуткой жизни, той ужасной ситуации, в которую попал герой книги, просто хороший человек. И в других жанрах наиболее искренние, яркие, живые произведения — это совсем не произведения на тему «как мы им задали» или «какие мы молодцы». Это произведения, которые показывают, чего мы избежали, за что воевали: за надежду, что после победы мы сможем жить без страха, без безнаказанных убийств, без необходимости убивать, чтобы выжить и сберечь своих близких. Из таких произведений вспоминаются и потрясающее стихотворение Семена Гудзенко «Перед атакой», и песни Булата Окуджавы, и наши лучшие фильмы — такие, как «А зори здесь тихие...».

Думаю, создание нового эпоса вполне возможно — в конце концов, Гомер, насколько мы знаем, не был свидетелем и современником Троянской войны, а Лев Толстой родился годы спустя после вторжения Наполеона в Россию. Сравнительно недавно — уже в XXI веке — появился очень сильный роман о войне молодого австралийского автора Маркуса Зузака «Книжный вор». Сам автор, сын эмигрантов из Австрии, знал о Второй мировой только понаслышке, из рассказов родителей.

5. Образ освобождения, по-моему, закрепляется особенно прочно только тогда, когда люди чувствуют личную вовлеченность, личную связь — или ясно видят, как ее чувствуют другие. С этой точки зрения, как мне кажется, наиболее эффективными были как раз марши потомков ветеранов. Потому что, когда появляется возможность принять участие в таком марше, начинаешь задумываться: «идти ли мне?», «что празднуем?» и «зачем это все?»

Я помню, в детстве смотрела вместе с дедушкой очень веселый, как мне казалось, фильм «Гусарская баллада». И вдруг я увидела, что дедушка плачет во время сцены, в которой Александра упрашивает Кутузова разрешить ей остаться на фронте. Тогда я не поняла почему. Дедушка ушел на войну, когда ему еще не было и двадцати лет, и командовал он отрядом вот таких молоденьких девчушек, лет по восемнадцать-девятнадцать, которые сами, по собственному желанию ушли на войну — таких вот Шурок. Моя бабушка была одной из этих девчушек, и потом она рассказывала: им, двум десяткам девочек на радиолокационной станции, выдали по кинжалу и сказали: «Немцы прорвались, идут в вашу сторону, скоро будут здесь». И эти девочки ждали и старались не плакать. Только в последний момент появились моряки и не подпустили фашистский отряд к ним. Вот именно такие истории и заставляют понять цену и значение освобождения. И таких историй масса: на маршах потомков ветеранов мне рассказывали об очень похожих случаях. двадцатилетней девчушке, служившей под Москвой и попавшей в окружение, выдали пистолет с одним патроном: она печатала секретные донесения. Человек, рассказывавший мне это, плакал — это была ее мама. И мы, люди, помнящие такие истории, искренне празднуем освобождение, как будут праздновать и последующие поколения, если мы сможем передать «по цепочке» простую мысль: без этой победы многих из нас просто не было бы на свете.

Надо сказать, что образ освобождения — и огромный вклад советских войск — помнят: когда мы шли по Сиднею «русской колонной», с фотографиями наших ветеранов, австралийцы встречали нас аплодисментами и криками «Спасибо, русские».

6. Конечно, такой проект — выработки канона всесторонних исторических сведений о Великой Отечественной — был бы вещью замечательной, но реализовать его, по-моему, очень сложно. Во-первых, как уже говорилось, понимание исто-

рии — вещь не статичная: оно постоянно дорабатывается, пополняется, переосмысливается, и это нормально. Но это же и исключает возможность создания «застывшего канона» — или делает создание такого «живого», меняющегося канона задачей очень сложной. Во-вторых, для настоящей объективности такого проекта нужно было бы задействовать все государства, участвовавшие во Второй мировой: учесть их цену победы, их багаж трагического и героического — если этот катехизис действительно стремится объединить Россию и другие государства.

Но уже есть замечательные ресурсы, которые помогают послевоенным поколениям, таким, как я, осознать трагическое и героическое в истории победы. Это просто сводки документов Великой Отечественной, где можно найти «своих». Помоему, для воспитания новых поколений нужны реальные семейные истории, семейные легенды — чтобы новые поколения знали о героических и трагических событиях в их семье, как некогда люди гордились героями 1812 года в своем роду. Когда это не абстрактные фигуры, а ваши предки, которые, возможно, чем-то похожи на вас, это трогает гораздо больше. На сайте «Подвиг народа» я лично узнала целый ряд историй о людях из моей семьи: часто это приказы, записанные от руки, которые рисуют живые картинки происшедшего — и эти «личные» картинки для меня иллюстрируют цену победы, героическое и трагическое, гораздо убедительнее и живее ученых томов по истории. И очень отчетливо понимаешь эту цену, когда вводишь в поиск на сайте «ОБД мемориал» полное имя кого-нибудь из ваших ветеранов. Мой дедушка с войны вернулся, а 64 человека с точно таким же сочетанием фамилии, имени и отчества до Победы не дожили. На сайте это обозначено жутким словосочетанием «Дата выбытия». Для меня это и есть «истинная соразмерность героического и трагического в истории нашей Победы».

Евгений Степанов, поэт, издатель (Москва)

1. Нет, я так не считаю. 9 мая — один из самых главных (если не самый главный!) праздников в стране. Это наша национальная святыня, завоеванная ценой многих миллионов жизней, в том числе и жизней членов моей семьи, многие из которых погибли на фронте. И никого мы — убежден в этом — не хотим устрашать, но показать свою силу, воинскую доблесть никогда не лишне. К сожалению, мировая политика так устроена, что вежливо говорят только с сильным партнером. Другое дело, что парад не должен быть (образно говоря) только военным. Надо, на мой взгляд, быть готовым каждый день демонстрировать свою силу — во всем. Хорошо бы, чтобы каждый из нас старался во всем и постоянно выглядеть достойно и убедительно. На своем рабочем месте, на дачном участке (если он есть), во дворе родного дома, в собственной квартире... Вот такой ежедневный парад человеческих (в том числе бытовых!) ценностей и (пусть небольших!) достижений, экономической силы, духовной и физической опрятности, полагаю, нам всем сейчас необходим.

И, конечно, для меня важен не только военный парад, но и «Бессмертный полк», который, по-моему, консолидировал нацию.

Мои родители относятся к поколению «детей войны». И всегда в нашей семье День Победы был священным Праздником. Был и остается.

2. Неонацизм, к сожалению, процветает. Это очевидно. К «европейскому выбору» он, разумеется, не имеет никакого отношения. Истинно антифашистской художественной литературы сейчас нет, хотя война — будем называть вещи своими именами — идет. Нет художественной литературы, показывающей истинные причины войн, сырьевые интересы мировых политических игроков, интересы ВПК крупнейших держав, транснациональных корпораций. Война — это прежде всего

бизнес. Большой бизнес — это базис войны, а нацизм — это уже хитрая, спровоцированная крупными толстосумами надстройка (политика), на которую «ведется» бедное, как правило, население. Яркой художественной литературы, вскрывающей эти механизмы, — повторю! — сейчас, к сожалению, нет. Хотя публицистических книг очень много.

3. Самый главный способ — это быть сильным. И не только — как я уже говорил! — в области ВПК. Прежде всего — в экономике, культуре, образовании. Да, существуют внешние вызовы, но есть проблемы и в нас самих. Мы должны осознать, что мы, победители во Второй мировой войне, уступаем по многим экономическим показателям, по уровню жизни, по социальной защищенности стране, проигравшей войну, — Германии. И надо сделать выводы. И просто лучше и эффективнее — с полной самоотдачей! — работать.

И, конечно, пора осознать, что без грамотной поддержки культуры, просвещения нет жизнеспособной нации, а есть нация иванов, не помнящих родства, не знающих своей великой истории, своих побед и свершений.

Будем сильными и образованными — никто не захочет пересматривать итоги Второй мировой войны. И, разумеется, нужна научно-просветительская деятельность — в том числе и на международном уровне.

4. Для меня очень важна «лейтенантская» проза, «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, «Судьба человека» Михаила Шолохова, «Два капитана» Вениамина Каверина (перечень можно продолжать и продолжать), великие советские фильмы о войне («Отец солдата», «Летят журавли», «Офицеры», «А зори здесь тихие...», «Парень из нашего города»...), стихи наших прекрасных поэтов-фронтовиков: Юлии Друниной, Александра Межирова, Бориса Слуцкого, Евгения Винокурова, Константина Симонова, Ольги Берггольц, Семена Гудзенко, Константина Ваншенкина, Иона Дегена и многих других, полотна выдающихся художников — я лично очень люблю картины Сергея Герасимова «Мать партизана» и «Оборона Севастополя» Александра Дейнеки. «Оборона Севастополя» — по-моему, шедевр на все времена, символизирующий не просто рукопашный бой, а борьбу добра и зла. Вечное полотно.

Создание нового эпоса Победы авторами XXI века, безусловно, возможно. Не будем забывать, что роман «Война и мир» написан автором, который не участвовал в Отечественной войне 1812 года. Замечательные песни о Великой Отечественной войне написал Владимир Высоцкий, который родился в 1938 году и во время войны был ребенком.

5. Я считаю, что лучшее, что появилось в последнее время, — это «Бессмертный полк», когда россияне в День Победы идут по улицам своих городов с портретами воинов-героев. В каждой семье есть такие. Моя двоюродная сестра Рита Крауиньш (она наполовину латышка) провела большую патриотическую работу следопыта и недавно нашла братскую могилу, где похоронен и наш общий с ней двоюродный дед — лейтенант-летчик, пилот 62-го истребительного авиаполка, командир звена 2-й эскадрильи ВВС ЧФ Николай Петрович Кособоков, который погиб 30 октября 1942 года в воздушном бою. Он совершил 85 боевых вылетов, среди них 14 успешных вылетов на разведку Керченского полуострова, участвовал в 12 воздушных боях, сбил 5 самолетов противника. Награжден орденом и медалями. Я в следующий раз хочу пойти 9 мая по улицам Москвы с его портретом. Для меня, и моей сестры Риты, и для других наших родственников он — герой. Если будем помнить своих героев, тогда нация (да и весь мир добра!) сплотится.

6. Канонов три: совесть, талант и правда. Да, конечно, литература и идеология — это разные категории. Но когда в последнее время я смотрю некоторые оте-

чественные (!) наспех состряпанные фильмы, где сплошь и рядом штрафбаты и заградотряды, я понимаю, что мы сами уничтожаем нашу Великую Победу. Происходит чудовищная коммерциализация освещения войны, причем делают это люди, которые не воевали, как правило, ни дня.

Да, были во время войны штрафбаты и заградотряды, да, было много ужасного, бессмысленно отрицать, но были и героизм, и мужество, и любовь к своей стране, своей земле, стремление защитить, спасти ее. И жизнь была на войне — в этом смысле для меня самое яркое произведение — «В окопах Сталинграда». В этом романе, на мой взгляд, выработан тот самый пресловутый канон, о котором мы говорим. Трагедия соседствует с любовью, высокое с низким и т. д. И все это показано честно, совестливо, талантливо и непредвзято участником (!) событий. А когда мне дельцы от искусства, не нюхавшие пороху, показывают только низкое — я в это не верю и не хочу верить. Я думаю, одностороннее освещение войны не нужно никому — ни нам, ни странам Запада, многие из которых были нашими союзниками во Второй мировой.

Игорь Сухих, историк литературы (Санкт-Петербург)

1–3. Мне кажется, события, связанные с празднованием последнего Дня Победы, информационно раздуты и связаны с политической ситуацией последнего года. На самом деле с уходом последних непосредственных участников Великая Отечественная война даже у нас перемещается из области ближней, актуальной истории в сферу истории дальней.

Почти полвека назад Лилиана Розанова написала рассказ «В этот исторический день...» о смерти на Красной площади в XXI веке, как раз в День Победы, последнего участника *той* войны. В подзаголовке рассказ определялся как фантастический и, соответственно, был опубликован в сборнике «Фантастика-1969».

Этот фантастический рубеж, увы, близок. Столетие Победы, вероятно, будут отмечать примерно так, как двухсотлетие первой Отечественной войны: вспоминая, но почти не отвлекаясь от будничных забот.

Уровень агрессии, опасность реанимации неонацистских идей, отношение к Сталину как архитектору или злому гению Победы и прочие, кажется, связанные с войной вещи, на самом деле диктуются современными проблемами. История — не только «политика, опрокинутая в прошлое», но и *метафора современной политики*.

Что, впрочем, не касается профессиональных историков, интерес к работам которых и сегодня относительно невелик. Знаете, каким тиражом выходит новейшая двенадцатитомная история Великой Отечественной войны 1941–1945 годов? Десять тысяч экземпляров. И это при государственной поддержке.

А последние издания воспоминаний маршала Жукова: 2010 год — 1000 экземпляров, 2013-й — 4000 экземпляров. Между тем тираж первого издания (1969) был стотысячным, а в 1990 году и вовсе — 300 000.

4. Кто-то верно заметил, что эпос о Великой Отечественной — не индивидуальный, а коллективный: это повести и *панорамные романы* К. Симонова, и *лейтенантская проза* (ранние Ю. Бондарев и Г. Бакланов, В. Быков), и позднее примкнувший к ним В. Кондратьев, и военная поэзия.

Последней книгой в этом ряду стал, мне кажется, недооцененный и даже обруганный роман Г. Владимова «Генерал и его армия», в котором предпринята попытка соединить прежние мифы и новое знание о войне в нечто цельное — героическую балладу.

Если же искать одну, авторскую, книгу, то это, пожалуй, «Василий Теркин», ко-

нечно, с учетом того, что, в отличие от Толстого, это поэтический эпос, то есть произведение с иной мерой условности.

Про живопись и кино ничего определенного сказать не могу.

Новый же эпос, если верен прогноз в ответах на первые вопросы, сегодня и позже вряд ли возможен. «Толстовское» полустолетие (1812–1863, начало работы над «Войной и миром») уже истекло.

Да и вообще некоторые радикальные мыслители утверждают, что скоро читатель не сможет освоить ничего более пространного, чем анекдот и запись в блоге. А мы про эпос...

5. «Бессмертный полк» — замечательная идея. Если только она не превратится из общественной инициативы в принудительный ритуал.

6. Канон необходим, и, как видим, уже рьяно взялись за его создание. Но степень его усвоения зависит опять-таки от современной истории. Если какое-то общественное согласие будет достигнуто по современным вопросам, оно спроецируется и в прошлое. Но пока все идет в противоположном направлении. Так что «катехизис» (школьный учебник и пр.) скоро появится. А вот будут ли следовать ему — большой вопрос.

Евгений Беркович, публицист, историк (Германия)

1–6. Поднятая редакцией «Невы» тема о роли и месте Дня Победы в современном мире подтолкнули взглянуть на проблему немного шире. По моему мнению, ее суть состоит вовсе не в том, как праздновать день 9 или 8 мая. Эти вопросы лежат в области вкуса и такта. В эти дни и парад не страшен, и минута молчания уместна. Хорошо бы только и в том, и в другом случае сохранить чувство меры. Но если и случится перебор (как с последним парадом), то ничего страшного не произойдет. Ритуалы важны, но не они играют главную роль, не один День Праздника или День Скорби все решает. Решает кропотливая и настойчивая работа в остальные дни года, именно тогда и должно закладываться в новых поколениях чувство, что с Победой пришло спасение человечества от страшной беды. И эта работа не разовая, не «юбилейная», а ежедневная, требующая терпения и твердости, причем проводиться она должна на государственном уровне с жестким контролем исполнения на местах.

Вот как в Германии при всех послевоенных правительствах и правящих партиях неуклонно вбивают в головы школьников ужас и стыд перед тем, что творилось в Германии при Гитлере. И обязательное посещение школьниками концлагерей лучше любых книг и кинофильмов показывает, что могло бы быть со всеми людьми Земли, если бы нацистов не победили в 45-м. Иммунитет, который Германия получила, переболев «коричневой чумой» (согласен, что это очень точный термин), не может быть вечным, новые поколения рождаются без него. И задача государства — выработать у молодежи этот иммунитет, сделать нужную прививку, и не одну. И зорко следить, чтобы вспышка болезни в том или ином месте не переросла в эпидемию. А как будет отмечаться дата подписания капитуляции нацистской Германии — военным парадом или массовым велопробегом — дело десятое.

Нацизм, победивший в Германии, дал человечеству очень ценный опыт, пусть и отрицательный. Он показал, как хрупки и ненадежны одежды прогресса и цивилизации, как легко они рвутся под влиянием тотальной пропаганды. Как беззащитна демократия перед лицом тотальной диктатуры. Раньше об этом можно было теоретически рассуждать, строя те или иные предположения, основанные на вере в прогресс, в культуру, в человека. Но история, подобно бесстрастному физику-экспериментатору, провела свой жестокий эксперимент и четко, с точностью до месяцев,

измерила время, нужное для радикального изменения менталитета нации, время поворота от цивилизации к варварству. Это время для такого культурного, продвинутого в науке, музыке, философии и литературе народа, как немцы, оказалось равным пяти годам. Именно за пять лет промывания мозгов в условиях отсутствия контрпропаганды немцы радикально изменили отношение к преследованию евреев.

Надо сказать, что бытующее мнение о том, что Гитлер пришел к власти, опираясь на традиционный немецкий антисемитизм, абсолютно неверное. Как лидер маргинальной партии Гитлер не скрывал своей звериной ненависти к евреям. Начиная с «Майн кампф» (1924–1925 годы), руководитель НСДАП во всех своих публичных выступлениях все беды немецкого народа объяснял происками евреев. В отделении евреев от немцев будущий фюрер видел единственный способ спасения Германии и всего мира. Именно как отчаянного антисемита знали Гитлера немцы, но не торопились отдавать ему свои голоса на выборах. Например, на выборах 1928 года за национал-социалистов было подано всего 2,8 % голосов, так что в рейхстаге партия была представлена лишь двенадцатью депутатами. Для сравнения: у социал-демократов было 153 места в рейхстаге, за них голосовали 29,8 % избирателей. У Немецкой национальной народной партии — 73 депутата (14,3 %), у партии Центра — 61 (12,1 %), у коммунистов — 54 (10,6 %).

Но вот в 1930 году перед национал-социалистами забрезжила надежда на серьезный успех у избирателей. Навалившийся на Германию мировой экономический кризис привел к новому обнищанию населения, увеличению числа безработных, а значит, выросло число недовольных положением дел в Веймарской республике. И тон лидера НСДАП резко изменился. Главным предвыборным документом национал-социалистической партии был манифест, составленный при непосредственном участии вождя партии. Документ, содержавший основные политические принципы партии, ее взгляд на проблемы страны и пути выхода из кризиса, был напечатан на тринадцати страницах и содержал несколько тысяч слов. Как вы думаете, сколько раз на этих страницах употреблялось слово «еврей», не сходившее с уст и из-под пера Гитлера-агитатора в предшествующие годы? Ответ поражает: ни разу!

Другими словами, пока партия оставалась маргинальной, Гитлер не боялся высказывать свои радикальные антисемитские взгляды. Ему просто нечего было терять, а таким образом он мог привлечь в НСДАП новых членов из таких же, как он, юдофобов. Но когда речь зашла о победе на всеобщих выборах в рейхстаг, когда встала задача завоевать голоса не маргиналов, а широкие массы простых немцев, хитрый политик Гитлер не стал выпячивать свою ненависть к евреям, понимая, что этим он не только не привлечет массового избирателя, но, напротив, оттолкнет от себя нормальных граждан. Проблемы экономики для рядового немца были куда ближе и понятней, чем расовый антисемитизм верхушки национал-социалистической партии. И именно на этом, а не на врожденной антипатии к евреям и сыграл Гитлер во время исторических выборов в сентябре 1930 года. А избиратель руководствовался распространенной тогда поговоркой: «Не так горячо ется, как варится».

Сказанное подтверждает и тот факт, что немцы не поддержали первую государственную акцию против евреев — бойкот еврейских предприятий, назначенный на 1 апреля 1933 года, через неделю после того, как Гитлер получил права диктатора. К проведению акции был привлечен весь государственный аппарат, все силы национал-социалистической партии. Каков был бы результат «операции», если бы немцы действительно так относились к евреям, как это описывает Гольдхаген? Только

один — всенародная поддержка и безоговорочный успех. Что же произошло на деле? Акция фактически провалилась и была закончена в один день, лишь в отдельных местах длилась три-четыре дня.

Но вот о другой антиеврейской акции — всегерманском погроме, получившем название «Хрустальная ночь», с 9 на 10 ноября 1938 года, можно сказать, что он прошел без существенных возражений со стороны населения. То есть пять лет интенсивной и ежедневной антиеврейской пропаганды — в газетах, книгах, журналах, в кино, на радио — сделали свое дело: негативное отношение в народе к евреям было выращено и закреплено. Этот пример важен своим следствием: он показывает, как легко в тоталитарном государстве «промываются мозги», как быстро можно изменить так называемый «менталитет народа». Из других социальных экспериментов, поставленных историей, мы знаем, что немецкий народ тут не исключение.

Вот об этих уроках истории и надо постоянно говорить, объясняя молодым людям опасность монополизации власти, важности демократических принципов организации общества, роль этих защитных механизмов от повторения Трагедии. Неоценимую помощь могут оказать воспоминания фронтовиков, людей, испытавших ужасы холокоста — уже 15 лет мы по крохам собираем и регулярно публикуем их на страницах «Заметок по еврейской истории» и «Еврейской старины». А как отмечать день окончательного разгрома нацистского чудовища — дело совсем не так важное, как постоянная профилактика новых рецидивов заболевания.

Добавлю, что в нашей семье сохраняется традиция, идущая еще от моих родителей, — отмечать День Победы как самый важный день в году. Но это лежит очень далеко от парадов и других государственных жестов.

Константин Фрумкин, культуролог (Москва)

1. Дело не в Победе, дело в контексте проведения парадов. Когда во времена «холодной войны» весь мир ждал ядерного апокалипсиса, то дефилирующие по Красной площади баллистические ракеты, конечно, вызывали нехорошие мысли — и неважно, по какому поводу их вывезли на парад. В последние годы — до украинских событий — никто особенно и не рефлексировал по поводу парадов, во всяком случае, это не привлекало особого внимания. Зато теперь, когда популярной стала фраза «танкам визы не нужны», танки на Красной площади опять вызывают размышления. Победа принадлежит истории, но вид оружия бывает очень актуальным безотносительно Победы.

2. Формулировка вопроса явно содержит попытку обвинить в фашизме «киевскую хунту». Между тем ситуация с Украиной более или менее понятна: как и некогда Ирландия, это молодое, только становящееся государство с проблематичной национальной идентичностью — разумеется, в ее политике будут звучать националистические нотки. В этих условиях украинский язык может стать священным языком идентичности даже для русскоговорящих украинцев — так же, как иногда в этом качестве выступает иврит для иноязычных евреев или гэльский язык для англоговорящих ирландцев. В довершение геополитически Украина находится между двумя крупными силами — Россией и Европой, и попытка отстраниться от России неизменно означает поиск союза с Европой, что идеологически оформляется как «европейский выбор». Что касается неонацизма, то сегодня эта идеология подпитывается прежде всего ненавистью к мигрантам — и именно поэтому Россия подвержена ему больше, чем Украина — хотя и явно не меньше, чем Западная Европа. Нацисты там, где мигранты.

3. Пересмотр политических итогов войны де-факто уже состоялся: Германия объединилась, СССР распался, Восточная Европа ушла из-под российского влия-

ния. Дальше нужно не фиксироваться на итогах а больше изучать и лучше понимать саму войну — и чем активнее в России будут этим заниматься, тем громче будет ее голос в мировом процессе переосмысления.

4. Мне кажется — никакой. Заметим, что все величайшие шедевры о войне — и «Обыкновенный фашизм» Ромма, и «Летят журавли» Калатозова, и «Проверка на дорогах» Германа, и «Живые и мертвые» Симонова, и его же «Жди меня», и проза Василя Быкова, и «Жизнь и судьба» Гроссмана, и фронтовая поэзия, и «Тёркин», и хотя бы даже и «Семнадцать мгновений весны» — не о Победе, не об освобождении, а о Драме человека в обстоятельствах войны. С точки зрения искусства Победа — это финал, когда человек просыпается от кошмара. И мне кажется, тут «мастера искусств» показывают нам, что же действительно важно.

5. Начало войны есть проигрыш всего человечества. Окончание — вне зависимости от того, кто победил — есть выигрыш человечества. Мне бы хотелось, чтобы однажды на Красной площади в День Победы лидеры России и Германии вместе провозгласили бы эту истину.

6. Каноны и катехизисы хороши для религиозного вероучения, а история, как я надеюсь, живая наука, расширяющая наше видение и допускающая разные точки зрения. Но как бы там ни было, ставя вопрос о каноне, мы делаем героическую попытку остановить время. Хотим мы того или нет, Победа с каждым днем уходит в прошлое, и хотим мы того или нет, нельзя праздновать 100-летие Победы с тем же чувством, что и 30-летие. Оживляет прошлое живое отношение к нему, а такому отношению способствует не повторение одного и того же катехизиса, а именно деятельное исследование. Война столь грандиозна, что мы можем еще множество лет пытаться понять, что это было — и только в процессе понимания мы можем спасти Победу от «бальзамирования», то есть от запаха нафталина.

Александр Большев, филолог (Санкт-Петербург)

1–6. Какие художественные произведения (литература, кинематограф, живопись...), на Ваш взгляд, наиболее полно создают образ Победы как спасения человечества от «коричневой чумы»? Возможно ли создание нового эпоса Победы авторами XXI века?

Я убежден, что главные книги о Великой Отечественной еще не написаны. В наиболее ярких и талантливых произведениях, посвященных этой войне, ключевую роль играет «диссидентский дискурс» — я имею в виду критику в адрес коммунистической государственности. В них показано, как народ, сражаясь с фашистами, одновременно вынужден был вести борьбу и с собственным режимом. Положительные персонажи романов и повестей В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Быкова, К. Воробьева, Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др. воюют во имя торжества высоких идеалов, мечтают о свободе, но оказываются в трагически-безысходной ситуации: впереди фашисты, а позади, по выражению главного героя быковской «Третьей ракеты», «собственная сволочь рядом», то есть функционеры сталинской тоталитарной системы. Как сказано по этому поводу в романе Астафьева «Прокляты и убиты», «малая часть мира сего, зовущаяся солдатом, должна противостоять двум страшным силам, тем, что впереди, и тем, что сзади» (В. Астафьев). В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» мысль о сходстве и подобии двух противоборствующих тоталитарных режимов, фашистского и коммунистического, была сформулирована прямо и открыто в обширных философско-публицистических отступлениях, что и стало причиной «ареста» произведения советскими спецслужбами в 1961 году, у авторов же так называемой прозы лейтенантов эта идея звучит в подтексте, но суть единой в своих основах «диссидентской» парадигмы не меняется.

«Диссидентская» трактовка Великой Отечественной закономерным образом возникла в период хрущевской «оттепели», став объективно обусловленной реакцией на лакировочное, казенно-официальное изображение войны, которое доминировало в советской культуре в сталинские годы. Проблема в том, что с момента появления таких шедевров, как «Убиты под Москвой», «Мертвые сраму не имут» и «Мертвым не больно», прошло уже полвека, но для многих наших литераторов и кинематографистов время как будто остановилось: вновь и вновь они показывают, как коммунистическое государство направляет основные усилия не на борьбу с врагом, а на уничтожение собственного народа — народ же в свою очередь сражается не столько с фашистами, сколько с советской властью. Спору нет, сталинский режим был и в самом деле жесток, и его функционеры, которые, подобно быковскому капитану Сахно, бондаревскому полковнику Иверзеву или воробьевскому майору Калачу, безжалостно гнали людей на верную смерть, действительно существовали. Однако согласимся: ограничивая всю бесконечную сложность такого многогранного явления, как Великая Отечественная война, рамками одного (хотя и очень важного) аспекта, искусство неизбежно впадает в редукционистскую односторонность и схематизм.

Дело вовсе не в том, чтобы перейти от демонизации советского режима к его апологии (тем более что и такой литературной продукции уже больше чем достаточно!), а в освобождении от издержек мелодраматизма, в системе координат которого добро должно непременно противостоять четко локализованному злу. Для адекватного осмысления величайшей в человеческой истории войны необходимо отказаться от принципов мелодрамы, которая, по меткому замечанию Эрика Бентли, выражает состояние обиженного невротика, и настроиться на волну трагедии. Давайте же, как советовал классик, не будем ни суеверны, ни односторонни, но взглянем наконец на трагедию взглядом Шекспира — ну, или, если угодно, взглядом Льва Толстого.

Тем более что попытки отказаться от мелодраматического шаблона при изображении Великой Отечественной уже предпринимались. В качестве примера можно привести хрестоматийно известный шолоховский рассказ «Судьба человека» (1956). Текст рассказа, правда, далек от совершенства, ибо Шолохов в середине века был уже далеко не тот, что в период работы над гениальной казачьей эпопеей. Однако основу «Судьбы человека» составляет трагическое видение мира, созвучное с тональностью «Тихого Дона». Главный герой рассказа Андрей Соколов, перенесший немыслимые страдания мученик, чьи глаза наполнены «неизбывной смертной тоской», никого не проклинает, он не винит в своих несчастьях ни фашистских главарей, ни коммунистических правителей. В сущности, Соколов воспринимает себя как жертву неумолимого рока — подобно герою древнегреческой трагедии. Он назван в рассказе «песчинкой, заброшенной в чужие края военным ураганом невиданной силы». Такой взгляд на Великую Отечественную невольно заставляет вспомнить толстовскую историософию, развернутую в «Войне и мире». Увы, тот путь художественного осмысления войны, который явственно обозначился в шолоховском рассказе, не привлек внимания отечественных литераторов, не вызвал интереса. А жаль.

Я с нетерпением жду появления в нашей литературе книги, в которой Великая Отечественная будет воспроизведена по-толстовски и по-шолоховски. В этом плане я возлагаю большие надежды на среднее поколение — на тех современных русских прозаиков, которым сейчас от сорока до пятидесяти: имею в виду прежде всего Михаила Елизарова, Александра Терехова, Алексея Иванова и Захара Прилепина. Мне кажется, что эти талантливые и умные художники созрели для такой

грандиозной задачи, как создание нового эпоса Победы. В особенности же впечатляет стремительный духовно-интеллектуальный и творческий рост самого молодого из них — Прилепина. К тому же у него есть и боевой опыт, из которого выросла повесть «Патологии», — на мой взгляд, лучшее на сегодняшний день произведение о чеченской войне.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Любой праздник — это символ-знак. Мы пока еще — и долго, видимо, очень долго — будем жить в биполярном мире. Эта биполярность раньше, еще полвека назад, укладывалась в простую формулу: коммунизм vs капитализм. Или даже так: коммунизм vs все остальное. Красная страна, первой ступившая на дорогу социализма, дико раздражала мир капитализма. Сталин и СССР были для западного, атлантического мира невероятной красной тряпкой, и бык Запада, под разными обличьями, стал всячески бросаться на нее. Великая опасность гитлеризма заключалась в том, что Гитлер хотел завоевать мир и управлять им — да, с позиции силы, и такой силы, которая не считается не только с правами человека — с самой жизнью.

И вот наш парад Победы на Красной площади. В семидесятый раз. Другие страны смотрят и ужасаются: пушки, ракеты, танки! И воины маршируют, идут рядами. А вы бы хотели, чтобы армейский, военный парад проходил так: цветочки в руках солдат, воздушные шарики в руках генералов? Это — АРМИЯ. И теперь, и всегда — это не только напоминание о Победе, когда, как бы это пафосно ни звучало, решалась судьба Земли, а еще и настоящая армия, сегодняшние войска, нынешнее оружие, — и они смотром проходят перед народом не только на Красной площади — перед народом целой страны.

И что же это за символика сейчас? Сахаровская теория конвергенции, увы, провалилась. Мир не готов к всеобщему разоружению, как бы нам всем этого ни хотелось. Обвинения России в милитаризме и агрессии, после возвращения Крыма, породили огромную волну откровенной ненависти к нашей стране, усиленно подогреваемой украинской гражданской войной. Уничтожена биполярность? Как бы не так! Россия все равно находится на ином полюсе. Она все равно враг. К ней относятся настороженно, даже внутри любых мирных переговоров и торговых соглашений. Ей улыбаются, но за спиной держат камень. Почему? Отчего так получается? Чем Россия, огромная страна, страна, пережившая революции, трагедию ГУЛАГа, нашествие гитлеровцев, переплывшая опыт построения социализма, не угодила остальному миру? Ведь мы уже давно не коммунистическое государство, мы не под красным флагом и не исповедуем марксистско-ленинское учение. Мы вроде бы «приобщились» к западной цивилизации — через боль, кровь и смерти, неизбежные при любой государственной ломке. И вот опять «образ врага». Враг — это мы.

А видя военный парад на Красной площади, тем более — юбилейный, семьдесят лет прошло после Победы... — нам говорят: вот видите, вы своим оружием бряцаете, вы зачем это нас, таких хороших и мирных, устрашаете?

Хорошие и мирные большие страны не прекращали вооружаться ни на минуту. Америка вместо военного парада на Бродвее или, скажем, на Пятой авеню устраивает шествия девочек в белых гольфах и с воздушными шарами в руках под музыку духовых оркестров — как это мило, вот, вот нам пример, как надо проводить мирные парады! — а на другом конце коромысла — Пентагон и все гигантские военные программы, про которые знаем не только мы.

Мир может устрашаться сколько ему угодно. Ужасаться и ахать: ах, эти против-

ные агрессивные русские, опять они всему миру нагло показывают свои танки и ракеты! Хоть Вторая мировая и залила кровью и огнем почти всю Европу, спасли ее мы, это объективная реальность, и это наша война, это наше оружие, это наш парад. Я никогда не была милитаристкой, тем более империалисткой. Но когда я там, среди моего народа, на параде Победы, у меня слезы гордости и радости за мою страну. И за то, что она сильная, несмотря на все трудности — а где вы видели время без трудностей? И за наших солдат, десантников и моряков. И за многое другое, что вынесено сейчас за скобки, но это те плоть, кровь и дух, это те люди, из которых и сложена страна. Мы не сгнили, не разложились, не легли под чужих правителей, не спрятали голову в песок; мы, после позорных сделок Беловежской пущи, перешли вброд дикие девяностые — и остались живы. Мы остались Россией. И на военном параде у меня — именно это чувство: я — Россия.

2. А что такое прикрытие? В любом случае это ложь, маска. Волк надевает маску ягненка и пытается блеять тонким голоском. Сейчас многие не только в Европе, но и у нас в России называют президента «новым Гитлером». У Запада, кажется, родилась новая программа «холодной войны» с Россией: убрать русского президента во что бы то ни стало. И вот для этого используются все средства, все! — даже самые нечестные, даже подлые.

Почему такая параллель с Гитлером? Потому, что окрепла власть? Боятся крепких законов, сильных государственных движений — и словечко «тиран» вот уже очень близко, бери его и приклеивай к человеку? У нас неонацизм не пройдет прежде всего потому, что сама власть понимает величину этой опасности. Еще десять лет назад поговаривали о том, что русские националисты и нацисты могут выдвинуть своего кандидата на президентский пост и он якобы сможет победить на выборах. Теперь ситуация иная. Теперь мы вживую наблюдаем, что творится на Украине и как там себя ведут нацисты — и это наблюдение заставило почему-то всех наших, русских фашистов и нацистов быстро перекроить лозунг «Россия превыше всего» на клич «Спасай русских братьев на Украине!» Переключили тумблер. Молодежь, опьянявшаяся ультраправыми идеями, внезапно стала под знамена плохо и нелепо, но все же возрожденного Лимоновым марксизма.

«Украина по-над усе» — как до боли знакомо! Все это мы проходили, все это нам задавали на дом в тридцатые-сороковые. Но ведь инфекция не исчезнет, если ее не лечить. А «Россия надо всем» — как вам это? Беда в том, что многие в мире, охмуренные новой информационной войной, развязанной — и это объективный факт — отнюдь не нами, истинно верят в то, что Путин и российское правительство подняли на щит именно этот фашистский слоган.

Так вьются гнезда дезинформации. Так люди начинают жить в царстве лжи.

Наша власть принимает законы, которые позволяют бороться с неонацизмом, с нацистскими и фашистскими партиями. Способны ли эти законы возыметь эффект? Соблазн неонацистских идей витает в воздухе. Бацилла эта существует и будет существовать, пока жив разобщенный мир. Всегда найдутся люди, которые скажут: «мы избранный народ», «мы главные», «мы надо всем». И найдется элита, которой отнюдь не нужно перенаселение Земли. Элита хочет, чтобы ей служили; для успеха воцарения она вполне может объявить иной, другой народ врагом — он подлежит уничтожению. Так возникают геноциды — самое страшное, что есть на Земле, после гражданской братоубийственной войны.

Мы не Франция и не Южная Европа, куда уже давно хлынул поток несчастных африканцев. Вот у них актуален вопрос националистского правительства: они видят, что это новое переселение народов и что старая европейская цивилизация реально и скоро может погибнуть под натиском марокканцев, алжирцев, турок. Мы

не Ближний Восток, на который разевает пасть ИГИЛ. У нас слишком много национальностей, тысячи полторы, чтобы пытаться победить каждую из полутора тысяч, а тем более поднимать бокалы на празднике: «Выпьем за тех, в ком течет чистая русская кровь!» Такой «чистой» крови давно уже нет: гребенка времени прошлась по всем семьям, родам и многое смешала и слила, обогатив генофонд. Но храм Василия Блаженного вот уж никак не станет «мечетью Парижской Богоматери». Хотя мы сейчас, переживающие трагедию Украины, недооцениваем опасность ИГИЛ. Она действительно велика. И это тоже национализм, неонацизм. Неоислам, если хотите. Новый халифат. «Через сто лет мир встанет под зеленое знамя ислама!» — лозунг джихада, и эти слова воодушевляют мусульманских боевиков и шахидов, с ними человек идет на смерть; правда, знамя почему-то стало черным. На смерть! Подумайте, каково это. Снова за идею. Земля снова делится, снова воюет, и нет этому страшному процессу конца.

А Украина, которая делает вроде бы «европейский выбор», а на самом деле оказывается перед фактом поднимающих голову ультраправых — и вот они уже в правительстве, и вот у них свои вожди и свои солдаты, и они и правда думают о том, как захватить власть.

Власть. Вот что приманка, мечта и цель.

За власть можно умереть, и социальный феномен власти вечен.

Есть закон природы: человек рождается и умирает. И есть закон войн: они идут и будут идти. До поры? Когда же явится для нас эта пора?

Есть сейчас книги, в которых просвечивает трагедия обновленного нацизма. Есть и писатели, кто пытается решить, поднять эту тему. Но пока это только опыты, фрагменты большой и страшной фрески, которую пока за нас пишет время. Потому что писатель всегда сторонник той или иной идеи, он обязательно в каком-нибудь лагере: если он либерал — это одно произведение, если «почвенник» — другое, если «европеец» — третье. В 2002 году я написала остросюжетный роман «Красная Луна» — там герои — ультраправые, русские фашисты. Писатель-мусульманин, мой друг, написал роман, где попытался оправдать терроризм и террористов. И знаете что? У него это получилось убедительно. Он хороший художник. Но разделит ли читатель его оправдание?

А вот новый Лев Толстой пока не пришел, чтобы мощно воспроизвести теперешний мир — во всем его трагизме, великолепии, ужасе, кровавой каше, со всеми его надеждами, безвыходностью, безбожием и Богом.

3. Чем могу этому противостоять я, именно я? Я могу написать статью и опубликовать ее. Могу опровергать позиции этих глашатаев в своих интервью, в своих блогах. Но я не политик. Я художник. Единственное, что я достойно и смело могу сделать, — это сесть и написать книгу. Мое видение нынешнего мира. И людей в этом мире. Через этих людей показать все как есть. Пусть мои герои и противостоят, и разделяют, и принимают, и исповедуются, и борются, и умирают.

А что другие могут сделать? Каждый ведь возделывает свое поле. У политиков наверняка найдется множество интеллектуальных инструментов, хирургических скальпелей, множество лекарств и примочек. Уже не раз говорилось, что информационная война, война за мозги — самая страшная. А что в мире не война за мозги и души? Приходили учителя, образовывались новые религии — разве это не была война за души и умы? И ради этой своей, родной религии люди шли на костры, шли в пасть к диким зверям, их варили в кипящем масле, раздирали крючьями. А они умирали с именем Христа или пророка Магомета на устах. Или с любым другим именем: чужой в древнем мире был всегда враг и исповедовал вражеского бога.

А теперь? Не воюет ли новый халифат за свою веру, она же идеология? Не вою-

ет ли Украина против своего народа, называя несчастных жителей Донецка, осмелившихся самоопределиться в разрываемой революцией стране, сепаратистами и террористами и закидывая новоявленных «сепаратистов» и «террористов» снарядами и минами, а ведь одним из законов, когда утверждались новые государства в начале XX века, было право нации на самоопределение?

Мне кажется, пересмотр итогов Второй мировой сейчас очень нужен Западу. Чтобы сказать: посмотрите, ведь не одни же русские воевали, и не одни они принесли миру Победу; вот сколько погибло американцев, вот сколько англичан... И победили фашизм американцы и англичане, и День Победы надо праздновать на самом деле в Вашингтоне... или в Лондоне... А я все вспоминаю слова Черчилля: «Посмотрим, кто будет в этой войне побеждать. Если будут брать верх немцы — мы будем помогать русским. Если будут побеждать русские — мы будем помогать немцам!» Весной 1944-го, скажите, на чьей стороне открылся Второй фронт? Ведь мы же побеждали, господин Черчилль, это уже всему миру было понятно, — так что ж вы Гитлеру помогать не стали?

...Вот скажите, зачем погибло сто тысяч человек при бомбардировке Токио? При атомных взрывах в Нагасаки и Хиросиме? При налетах английской авиации на Дрезден, Гамбург, Амстердам? Зачем, для чего погибли все эти мирные люди? Ведь европейская война была почти закончена, а в случае с японцами — уже закончена.

А может быть, чтобы показать: глядите, Сталин воевал с Гитлером, а это же были две одинаковые страны! Ну, одинаково тоталитарные! Одинаково авторитарные! Одинаково бесчеловечные, хотя утверждали, что строят «нового человека» — сильного, здорового как бык, непобедимого! Выращивают владыку мира! Чем социализм отличается от национал-социализма, скажут? Да ничем. Они близнецы-братья, кто более матери-истории ценен? Так разбомбим проклятые немецкие города! Накажем проклятых немцев! Чтобы камня на камне...

Мы не стирали с лица земли Дрезден. Мы спасли Прагу, ее хотели заминировать, готовился тотальный взрыв города — одного из красивейших городов Земли. Мы не разрушали дворцы в Гатчине и Петергофе. Мы не сгубили в огне Гамбург. Я видела фото Гамбурга. Огромный город выглядел как после атомной бомбардировки. При бомбежке Амстердама сгорел дом, где хранился архив Марины Цветаевой. Кто теперь его вернет культурному миру?

А Дрезденскую галерею мы — спасли и вернули.

Курт Воннегут пережил бомбежку Дрездена. Он описал это. «Иди и смотри». Пересмотр войны? Воннегуту не нужен был пересмотр: он сам войне устраивал смотр. И он знал, запомнил, кто его — и всех немцев — спас.

...Такой пересмотр опасен для нашей, русской истории. Выросло целое поколение, которое не знает, как и за что воевали их прадеды. И почему случилась эта война. И кто в ней и за что боролся. На улице съемочная группа останавливает молоденькую девушку: «Что такое Вторая мировая война и кто в ней победил?» Девочка минуту напряженно думает. Беспомощно улыбается. «Вы знаете... кажется... это что-то с немцами такое связано. И с Америкой... кажется. Кто-то кого-то бомбил...»

Вот это трагедия.

Сегодня дети, завтра народ. Народ, не ведающий своей истории, — обреченный народ.

А вот парад Победы — это и история, и жизнь. Миллионы в этом году прошли с фотографиями тех, кто воевал, кто погиб, кто победил и остался жить, по улицам всех городов России. Миллионы — прошли!

Это — память.

4. Возможно и нужно. Осмысление Великой Отечественной войны ждет своих художников. Хотя вторая половина XX века и начало XXI дали в России целое соцветие произведений, за которые не стыдно перед мировой культурой. Виктор Астафьев «Прокляты и убиты», «Пастух и пастушка». Василий Гроссман «Жизнь и судьба». Виктор Некрасов «В окопах Сталинграда». Юрий Бондарев «Горячий снег» и «Берег». Борис Васильев «А зори здесь тихие...». Кино: как ни ругают эпопею Никиты Михалкова, она все равно получилась, я понимаю его чувства и уважаю его попытку — в «Предстоянии», в «Цитадели»: он посягнул на эту вечную и больную тему, и он многого достиг. А посягнул потому, что он человек того времени: для него война была вчера. И он снял ее — сегодня. Иные сцены просто потрясают: сцена бомбежки баржи с людьми, с детьми, и как потом, в воде, умирающий, с оторванными ногами, священник крестит выжившую девушку; иные кадры впечатываются в тебя намертво: с фронта вернулся безногий солдатик, у него свадьба... Сила жизни здесь перебивает выдумку, режиссерскую символику: так было, этому веришь! Живопись: Виктор Сафронов — он в Ульяновске живет, один из наших великих художников-реалистов, кто всю жизнь пишет войну. Еще как пишет. Кто не знает — смотрите его работы! Его можно обвинить в лобовых решениях, в пафосе, в чем угодно. Мы теперь часто пафосом называем высокие чувства, подлинную трагедию. Я намеренно перечисляю вещи не помпезные, не ура-патриотические, а такие глубинные, подспудные, подземные, так текут подземные реки и вдруг вырываются наружу; это вещи не трафаретные, а настоящие, в них настоящая боль и настоящая радость, ведь радость на войне тоже может быть, и еще какая сильная.

Вот меня война не отпускает, я давно задумала большой роман о войне. Тяжело отважиться на эпос. Но отваживаться нужно, есть такая пословица: глаза боятся, а руки делают. Слишком много неправды понаписано уже о войне, и вот то, что я смогу, я сделаю. Но не потому, чтобы кому-то «ответить». Нет. Просто есть образы, есть чувства и мысли, которые только лишь в романе про войну и можно высказать, показать.

5. Ой, не знаю. Это опять намек на то, что хорошо бы придумать вместо парада... а что? У любого народа в древности был целый набор сакральных ритуалов. Это священная память. Французский народ празднует 14 июля — День взятия Бастилии. По улице Риволи, по той самой, по которой восставший народ в тяжелых грохочущих сабо бежал брать Бастилию, идут люди в нарядных одеждах, веселятся, танцуют, звучит музыка, балконы увиты цветами. А ведь двести с лишним лет прошло!

Пока у нас есть парад. Я не исключаю, что в будущем он действительно может смениться иным ритуалом. Образ освобождения — он один, и он напоминает карикатуру Кукрыниксов: штык советского солдата протыкает фашистскую гадину Гитлера. Новоявленные русские неонацистики пытались поднять Гитлера на свой подлатанный фашистский щит, сделать Гитлера новым знаменем. Возродить. Даже собирались на площадях и отмечали день рождения Гитлера. Кричали с пеной у рта: «Мы просто устлали поля СССР и Европы трупами, мы выиграли войну количеством, а не качеством! А вот у Гитлера была армия, это да! Настоящая! И пехота, и танки, и Люфтваффе! И он бы нас точно победил, победил бы!» И вот при этом крике — «победил бы!» — я видела на этом лице, в этом рте, плюющемся слюной в захлебе восторга перед Гитлером, новую злобу — на нас, на Россию. А ведь мальчик вырос в России, и даже не в России — в СССР. Попытка реванша Гитлера не удалась в глобальном масштабе, но немало юных умов она покалечила.

И неонацисты считают так: ПОКА не удалась, а ПОТОМ...

«Все равно весь мир встанет под новую свастику!» — вот вам еще одна политическая идея.

Философ Жак Гимпел сказал когда-то: «Двадцать первый век будет веком религиозных войн. Мы идем к новому средневековью». Добавлю: и идеологических войн. Мы видим, как сбываются эти слова.

Праздник есть праздник. Но, повторю, воздушные шарики, флажки, ленты, цветы — это одно, это бразильский карнавал. А Победа — это другое. Может быть, художники будущего найдут достойный образный ход, чтобы эту Победу — России над мировым фашизмом, жизни над ужасом, любви над тотальным убийством — выявить, подчеркнуть.

6. Пути друг к другу надо искать всегда. Мы с моим мужем, художником Владимиром Фуфачевым, делали однажды арт-проект в Германии, в Касселе, в галерее «Dreiklang» — «Символы Земли». Галерист, сам художник-скульптор, Эккахарт Бушон, добрейший человек, талант, радушно встречал нас. Я немного говорю по-немецки. Сидели за столом, ели-пили, говорили. И зашла речь о войне. Эккахарт закрыл лицо рукой. «У меня все родные погибли на Восточном фронте. Все мужчины нашей семьи». Плакал, не стесняясь. «Я их так любил. И они должны были умереть. На Восточном фронте была мясорубка. В окопе не отсидишься». Я представила себе родню Эккахарта. И себя — на фронте. На Белорусском, на Первом Украинском. И что это я должна стрелять в его родных, убивать их. Не зная, что это — его родня. Нашего друга Эккахарта. Мне стало жутко. По лицу Эккахарта текли слезы. Он их вытер ладонью и улыбнулся мне: «Елена! Но теперь ведь мир! И он будет всегда! И мы любим друг друга! Дружим! Мир, дружба!» Володя толкал меня в бок и шептал: «Что вы оба плачете, ну что? Давайте лучше выпьем!»

Я взяла бокал, встала и прочитала по-русски заупокойную молитву. За всех, кто там лег, на этих полях. На Курской дуге. Под Сталинградом. Под Ленинградом. В Минске. Под Варшавой. В Берлине. Подо всеми безымянными деревнями, на всех высотах. Везде.

За всех.

Вот это была тогда моя консолидация.

Какая может быть консолидация, кроме любви? Но Христос приходил две тысячи лет назад, и что изменилось? Он все уже давно сказал. А люди глухие, они не слышат. Они думают, что их идеи, их деньги, их жажда господства, их амбиции важнее любви. Иной раз сильнее, да; но никак не важнее.

Такой грядущий «катехизис» — конечно же, мечта. Но мечта прекрасная. На самом деле Запад неглупый, и он все знает и понимает. Хотя бы старшее поколение. Молодому — время от времени ударяет в голову неонацистский шнапс. Тоже, понятно, не всем. Но Запад знаком с историей СССР, с историей России часто понаслышке. И многие думают, что мы шли на Запад как некие злобные оккупанты: завоевывать Европу, ставить ее под красное знамя, под лозунги коммунизма! Шли не освобождать, как сейчас утверждают советологи, а подчинять! И плевать на то, что наших солдат, нашу пехоту и танкистов встречали в Праге, в Вене, в других городах с цветами и слезами на глазах; плевать, что мы кормили немецких детей и стариков солдатской кашей — не-ет, мы насильники и грабители; никому не объяснить, что у нас в армии за это — расстреливали... Плевать на это, ибо это, по мнению Запада, неправда! Или — не вся правда. Называют немыслимое количество женщин, якобы изнасилованных советскими солдатами. 380 тысяч, а кто-то и 600. Кто и когда выпустил на волю эту дикую ложь, и она пошла гулять по свету?

Да, переделка мира происходила и в Потсдаме. На той исторической конференции Европа была поделена. Иначе и быть не могло. Это было объективно и верно. Иначе Дениц, пытаясь спасти свое «временное правительство», мог бы перетянуть на свою сторону союзников СССР, и была бы быстренько развязана новая война против России — против красной гидры коммунизма, конечно же.

Но ведь сражения коммунизма и империализма — это подлинная история XX века, и это уже мировая история! От нее не убежит мир. Не спрячется. История же Победы была и останется — пока, как это ни печально — нашей историей. Запад все-таки в своих учебниках, в своей публицистике, смею думать, по-иному излагает ее. Так, как это удобно Западу.

Трудно услышать другого. Человек чаще слышит себя.

Трудно рассказать миру о России; трудно, но возможно, и художниками, мы видим, попытки такие делаются. А политиками? Найдется ли крупный политик, всемирно известный, который вместе с группой граждан напишет такой вот великий «катехизис», в котором, как в энциклопедии, будет собрано все о далекой войне, да не просто собрано, а уложено в тезисы, в простые и понятные всем слова? Такое новое военное Евангелие... Но где эти Марки и Матфеи, Луки и Иоанны, что его напишут?

Тогда это будет еще одна книга о войне. Самая главная. Бессмертная. Пусть она будет небольшая. Как манифест. Но зато там будет черным по белому, внятно, коротко и ясно сказано: кто победил и кого победил.

Так ясно, что у будущих поколений не возникнет и тени сомнения в том, КАК ЭТО БЫЛО.

Владимир Елистратов, культуролог (Москва)

1. Нет, не согласен. Кстати, мне кажется, что словосочетание «цивилизованный мир» в вопросе необходимо было поставить в кавычки. Вообще-то периодизация Моргана–Энгельса («дикость-варварство-цивилизация») — это атавизм исторической науки XIX века, а так называемый цивилизованный мир (то есть западный) продолжает бубнить про «варварство-цивилизацию» и в XXI веке. На параде 2015 года в Москве были представители крупнейших и древнейших, действительно, цивилизаций мира — китайской и индийской. И никакого устрашения они тут почему-то не увидели. «Цивилизованный» (латинское «civilis») переводится на русский как «гражданский», а слово «гражданин» и его производные попали в русский через церковнославянский из греческого («polites»), что значит городской. То есть цивилизация — это когда есть города. Что верно. Как называлась Русь в средневековой Европе? «Страна городов», «Гардарика». Потому что Киев с Новгородом поражали воображение европейцев, живших в очень маленьких грязных городах. Теперь вопрос: какой самый большой город Европы в XXI веке? Ответ: Москва. Самый большой и, по сравнению с Парижем или Неаполем, — очень-очень чистый. Ничего не изменилось за тысячу лет. А насчет «агрессивно победной» модели скажу так: «победный» — это факт, а «агрессивный» — это субъективная оценка. Если Запад считает Россию агрессивной и боится нашей агрессии — это, что называется, «его проблемы». Это фобия, мания, заболевание, жалко, что нет какого-нибудь планетарного психотерапевта, чтобы Обаме, Кэмерону и Меркель с ним «поговорить об этом».

2. Нацизм — это крайнее проявление «национального эгоцентризма». Это такой «агрессивный аутизм». В этом смысле национальный эгоцентризм свойствен не только Германии, но и в высшей степени, например, Британии. «Бремя белого человека» — это вполне нацистская формулировка. При всей любви к Киплингу. И знаменитая максима насчет того, что у Британии нет друзей и врагов, а есть вечные интересы, — тоже чистый нацизм. И «кто не скачет, тот москаль» — тоже фраза с душком. Речь идет не о конкретных англичанах, немцах или украинцах (люди, в общем-то, везде одинаковы), а о какой-то мистической логике геополитического поведения народа. Логика, на мой взгляд, неизменная на протяжении веков. Поэтому «реанимация нацистских идей» — неизбежна, если они заложены в «национально-

геополитический» генофонд. А повод может быть любым. Сегодня на Украине этот повод — «европейский выбор» против России. Лет через двадцать, когда Западная Украина, думаю, все-таки станет третьесортной Европой, поднимется новая волна «укрского нацизма», но уже теперь против европейцев, за самостийность, против «австрияков», «ляхов», венгров и румын. Фиксирует ли эту опасность литература? Если художественная — не знаю. А СМИ, публицистика, конечно, фиксирует.

3. В рамках России — да. Воздействовать из России на Англию или США и т. д. — думаю, нет. К сожалению, многие государства разговаривают друг с другом, как герои «Вишневого сада». Или как персонажи театра абсурда. Каждый говорит свое. Ты ему: «Это Германия напала на СССР, а не наоборот». А он тебе, как Гаев: «Кого?» Опять же: конкретные люди друг друга вполне могут услышать. Но государственные пропаганды — нет.

4. Существуют тысячи и тысячи прекрасных пронзительных произведений о войне и Победе. Одна «лейтенантская проза» чего стоит. И кинофильмы, и живопись, и музыка. «Вставай, страна огромная!» — это гениально. «А зори здесь тихие...» (и книга, и фильм) — это шедевр из шедевров. Если в XXI веке что-то и будет сказано действительно нового о войне, то только на уровне «Войны и мира». Появится новый Толстой — скажет. Но я как-то в этом сомневаюсь. Уж слишком высок уровень того, что уже создано. А неплохих «эпических сериалов» снято еще будет много. Они, конечно, нужны. Но это не «Война и мир».

5. Освобождение — это не только освобождение от «коричневой чумы». Я думаю, что сейчас все больше и больше идея Освобождения-Победы в Великой Отечественной становится идеей Освобождения в самом широком смысле этого слова: Освобождение Человека, Народа, Человечества в целом от всего плохого, злого. Для России память о Победе в войне постепенно становится Освобождением от беспамятства в целом и от разрозненности людей, эгоизма, равнодушия к ближнему. Можно сказать, что значение слова «свобода» в русском языке возвращается к своему исконному смыслу. Ведь что такое исконная «свобода»? Слово «свобода» родственна не только словам «особый», «особь», но и «свой». «Свободный» — значит не столько «личность», сколько «коллектив». Быть свободным — значит быть «своим», принадлежать к семье, роду, народу, быть связанным с предками, с историей. Так же, кстати, обстоит дело у многих индоевропейцев. Например, у индусов (которые были-таки на нашем параде!). У них «сабха» (родственное нашей «свободе») — это общество, собрание, а «сва», «свака» — свой. А германские языки как бы «заморозили» развитие этого корня. То, что они когда-то понимали свободу «по-нашему» (и по-индийски), говорят некоторые древние германские топонимы и этнонимы. Например, швабы — это переводится примерно как «принадлежащие к своему народу». А так они вместе с романцами взяли латинский корень «liber», что значит независимый, ничем не связанный, свободный от налогов и т. п. И на нашу «свободу» в XVIII–XX веках эта «либерда» очень сильно повлияла. Мы стали понимать свободу как «свободу от...». Это я к тому, что самое, нам мой взгляд, прекрасное «театрализованное представление» в мае 2015-го — это был «Бессмертный полк», то есть марш Освобождения, Свободы в ее исконном нашем понимании, марш Своих-Свободных. Это — правильный ритуал.

6. «Истинную соразмерность героического и трагического» никто никогда не установит. Для этого надо заглянуть в душу сотен миллионов людей, большинства из которых уже нет в живых. А канон — да, необходим. Четкая фактология. Просто, чтобы знали, что было раньше — Сталинград или Курская битва. Просто — чтобы помнили. А консолидация происходит не через катехизис, а через просмотры парадов 9 мая и через участие в «Бессмертном полку». Через национальные ритуалы. История всегда обладает презумпцией невиновности. Или, выражаясь сло-

вами поэта, «что пройдет, то будет мило». Возвращаясь в связи с этим к ответу на вопрос № 4, могу сказать, что один из лучших фильмов о войне (вернее, о фашистской Италии 30-х годов) — это «Амаркорд» Феллини. Ностальгия по фашистскому детству мальчика Федерико. Это нормально. «Что пройдет, то будет мило». Катехизис — это поучение, чаще всего в вопросно-ответной форме. Так вот. Когда я спрашивал мою бабушку о том, как было во время войны (дед ушел на фронт, на ней было трое детей), она улыбалась и отвечала: «Весело было, в снежки играли...» Вот таким должен быть катехизис, консолидирующий поколения. А консолидации России и Запада, к сожалению, не будет никогда. Будем ссориться, мириться, вводить санкции, отменять санкции. Временно объединяться перед общими угрозами, потом опять разбегаться. И у них всегда будет Вторая мировая, а у нас — Великая Отечественная. И у них всегда будет «либерда», а у нас «свобода». У нас — майские парады, а у них — весенние пароксизмы парадофобии.

Михаил Трофименков, кинокритик (Санкт-Петербург)

1. «Цивилизованный мир» — отвратительное словосочетание, восходящее к временам, когда цивилизованные нации несли дикарям факел прогресса, если не истребляя при этом дикарей до последнего младенца, то лишая их и прошлого, и настоящего, и будущего. Фашисты ощущали себя именно цивилизованными нациями, противостоящими китайским, русским дикарям: фашистской пропаганды я — в силу своих научных интересов — насмотрелся и наслушался. Да и сейчас — безо всяких парадов — цивилизованный мир разносит в клочья целые страны, лицемерно имитируя страх и трепет перед лицом варваров. Если кто-то и уничтожит жизнь на Земле, то именно цивилизаторы.

«Агрессивно победная модель праздника» — это словосочетание в лучшем случае бессмысленно. Попробуйте сконструировать антоним. «Униженно пораженческая модель праздника», да? Звучит?

Что касается парада, то, как говорится в известном анекдоте, «во-первых, это красиво». Символический смысл парада Победы в том, что, маршируя по брусчатке, его участники словно запечатывают ворота, через которые в мир врывается зло. Ритуал такой.

Мне очень нравится, что парад в последние годы приобрел интернациональный характер. Следует помнить, например, о колоссальных жертвах, которые понес Китай.

2. О «возможности» говорить поздно. Гордое возвращение «с того света» самых кромешных (не пропущенных сквозь интеллектуальную рефлексию, как во Франции, а истово почвенных, «крестьянских») версий нацизма — усташи, железногвардейцы, бандеровцы, салашисты — началось с погрома Югославии (1991). Пресловутое «ружье на стене» не могло не выстрелить: недаром же с 1945 года остатки нацистских движений бережно консервировались западными спецслужбами, использовались для террора, скажем, в Италии и Латинской Америке. Их средоточием была прежде всего Всемирная антикоммунистическая лига, в 1991 году, что характерно, переименованная в Лигу борьбы за свободу и демократию. И, скажем, майданный номер с анонимными и неуловимыми снайперами, стреляющими во всех подряд, был отработан боевиками лиги в Аргентине и Чили еще в 1973 году (об этом я задолго до майдана писал в книге «Кинотеатр военных действий»).

Что касается «европейского выбора», какое же это «прикрытие», какое же притворство таится в использовании этого лозунга? Достаточно пересмотреть нацистские киножурналы времен войны, чтобы удостовериться: в них никогда, например, не идет речь о «германо-советской войне», а только — именно так — о войне (если не о крестовом походе) «объединенной Европы против большевизма».

3. Ну, с откровенными нацистами все понятно. Опасны «тонкие» ревизионисты, апеллирующие к «абстрактному гуманизму» аудитории. Ревизия начинается с тезиса «все не так однозначно», «у всех своя правда». Как безыскусно сказала моя приятельница, педалирующая, что забавно, свое еврейство: «Ну, на Украине к Бандере относятся по-другому, говорят, что он много хорошего сделал». Но исключительность этой войны как раз в том, что она абсолютно однозначна. Манихейская война. Свет против тьмы, и никаких полутонов.

Надо просто называть вещи своими именами.

Истоки фашизма (про это, что предпочитают не вспоминать, писала Ханна Арендт) — в расистском, колонизаторском викторианстве.

Фашизм — версия реакции «потерянного поколения» на космическую катастрофу 1914 года, похоронившую все идеалы, авторитеты, ценности европейской культуры.

Война имела, прежде всего, идеологический смысл: это был крестовый поход против большевизма. Большевизм был другой версией реакции «потерянного поколения» («С этим миром по-хорошему нельзя»), что отнюдь не уравнивает его с фашизмом.

A propos. Очень актуален провидческий очерк Ларисы Рейснер «Фашисты в Азии» (1921).

4. И про смысл войны, и про грядущую Победу исчерпывающе сказал прямотаки в 1941 году гениальный Николай Глазков:

Господи! Вступися за Советы,
Сохрани страну от высших рас,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

Вот и все, и этого достаточно.

Лучший, самый человечный образ Победы, на мой взгляд, создал Марлен Хуциев в фильме «Был месяц май». Космическую мощь Победы потрясающе выразил и незаслуженно третируемый Юрий Озеров в «Освобождении».

Но образ (смысл) Победы неотделим от образа (смысла) самой Войны. А сформулировала этот смысл, прежде всего, советская военная поэзия: Симонов, Гудзенко, Слуцкий, Твардовский, Межиров. И «В землянке» Суркова, и «Темная ночь» Агатова, очеловечившие смысл войны.

Франция создала сильные образы войны как Сопротивления: не только в конкретном, подпольном, но и в философском — важнейшем, экзистенциальном — смысле. «Сопротивление» — прекрасное, великое слово. Я имею в виду «Надежду» Мальро, пусть речь в романе и в великом фильме идет о войне в Испании. «Молчание моря» Веркора. «Армию теней» Кесселя. «Ночь и туман» Алена Рене. В Италии: «Пайза» Роберто Росселлини, «Они шли за солдатами» гениального Валерио Дзурлини. В американской культуре — отчаянные «Победители» (1962), снятые в английской эмиграции Карлом Форманом, жертвой «охоты на красных ведьм». В финальном эпизоде ни за что ни про что, по дури, по логике «холодной войны» убивали друг друга на руинах Берлина два победителя: русский и янки.

Дмитрий Травин, экономист (Санкт-Петербург)

1. Нет. Это мероприятие — для «внутреннего пользования», как и большинство мероприятий во внешней политике последнего времени. Российская власть хочет сформировать у народа (точнее, у телезрителя) ощущение, что мы встали с колен и обрели былую мощь. Подобное ощущение особенно важно в условиях нынешнего

экономического кризиса, когда избирателю уже трудно любить власть за те блага, которые сыпались на него в прошлом. Ныне для победы на очередных выборах Кремлю требуется сплотить народ разными политтехнологическими способами, в том числе формируя в сознании телезрителя иллюзию, будто при нынешней власти страна возродила силу былой империи и вновь имеет паритет с США.

2. Неонацизм сегодня существует в различных маргинальных формах в самых разных странах. В том числе у нас в России. С ним стараются бороться, отправляя неонацистов в тюрьму, но проблема возникает вновь и вновь, если судить по обилию преступлений, совершаемых на национальной почве. Если же говорить об Украине, где, как иногда полагают, фашизм пробивается на самый верх политической власти, то обыватель имеет склонность путать проблемы нацизма с проблемами национального возрождения. Любая страна «канонизирует» тех своих героев, которые в прошлом боролись за ее независимость. Без этого воодушевляющая сказка о величии народа оказывается неполноценной. Однако беда Украины в том, что во время Второй мировой войны национальное возрождение вступило в альянс с нацизмом для того, чтобы бороться за независимость страны. Таким образом, сегодня получается, что, тем или иным образом возвеличивая «героев прошлого», киевская власть фактически возвеличивает союзников Гитлера.

3. Не думаю, что речь идет о серьезном пересмотре итогов. Другое дело, что в каждой стране существует своя версия прошлого. Скажем, у нас явно преуменьшается значение тех сражений, которые вели союзники в Африке до открытия Второго фронта, а также всех сражений на тихоокеанском театре военных действий. Эти «эпизоды» не отрицаются, однако рядовой отечественный школьник фактически про них не знает. В то же время другие страны — участники антигитлеровской коалиции стремятся подчеркнуть свои собственные заслуги и, возможно, их несколько преувеличивают. Думается, за рубежом у школьника не всегда существует адекватное представление о размерах жертв, которые понес в войне Советский Союз, и о масштабах боев на Восточном фронте.

4. Боюсь, что «вчерашний эпос» сегодня уже не эффективен, поскольку сделан не теми художественными средствами, которые воспринимает молодежь XXI века. Если кто-то захочет создать что-то поистине величественное, ему сегодня придется делать это с помощью современных технологий кинематографа (с компьютерной графикой). Но, скорее всего, у режиссеров ничего не выйдет, как не вышло, в частности, у Никиты Михалкова, поскольку по большому счету нынешних творцов это уже не волнует. Они готовы произносить красивые слова о героизме предков для того, чтобы получить под них хорошее финансирование, но у подобной публики война не проходит через душу. Они абсолютно безразличны к результатам того своего творчества, которое им нужно лишь для денег.

5. К театрализованным представлениям и ритуалам нынешние творцы столь же безразличны, как и к другим художественным произведениям. Их «креатив» ограничивается массовой раздачей георгиевских ленточек, причем, судя по недавним празднованиям, основной массе граждан этого вполне достаточно. Так что ничего нового здесь ждать не стоит.

6. Профессиональные исследования историков создают вполне адекватную картину прошлого (насколько ее вообще можно создать), но разного рода катехизисы начинают выполнять идеологическую задачу. В зависимости от того, кто их заказывает, катехизисы могут возвеличивать ту или иную сторону прошлого. Что же касается консолидации России и Запада, то в нынешней ситуации это невозможно, поскольку нас разделяют сегодняшние события. Никто не станет заказывать катехизис, помогающий нам объединиться, поскольку власти всерьез настроены на разъединение. У нас уже раздаются голоса, сравнивающие нынешнюю

Америку с гитлеровской Германией, и боюсь, что вскоре наш российский школьник будет считать, что во время Великой Отечественной войны СССР воевал с альянсом стран, включающим Германию, Англию и США, тогда как нас поддерживал только Китай. Прошлое «подгоняется» под задачи нынешнего дня.

Всеволод Непогодин, писатель, публицист (Одесса, Украина)

1. Я не согласен с данным утверждением. Парад 9 мая — это вежливый, корректный и наглядный месседж всем недоброжелателям России не сметь даже косо поглядывать в сторону Москвы.

Да, это вполне возможно, современная Украина тому пример. Зачастую под европейской риторикой к власти пытаются прорваться ультраправые радикалы. Литература эту опасность, увы, не фиксирует.

3. Я думаю, что по аналогии с немецким законом об отрицании холокоста в России надо ввести закон, по которому следует уголовное наказание в случае отрицания ведущей роли СССР в победе над фашизмом во времена Второй мировой войны.

4. Я считаю, что уже предостаточно сильных книг и фильмов о Победе — вряд ли современники смогут добавить что-нибудь стоящее к корпусу художественных произведений о ВОВ.

5. Акция «Бессмертный полк» на голову выше всех прочих инициатив по данной тематике.

6. Необходимо почаще напоминать обществу внушительные цифры, характеризующие победу в ВОВ, так как на этой теме любят спекулировать всякие предательские элементы. А вот консолидировать новые поколения желательно прогрессивными идеями, направленными на будущее, а не памятью о боевых дедах. В консолидацию с Западом я лично не верю.

Игорь Шумейко, писатель (Москва)

1. Мерой собственно военного устрашения являются скорее учения. Со времен «холодной войны» устоялась такая мера взаимного представления военных возможностей с приглашением наблюдателей от стран-оппонентов глянуть новинки «в поле». Кратко выражаясь, Устрашение — тот же танк «Армата», стреляющий, летающий через рвы на полигоне в Кубинке, а не на брусчатке, среди цветов и музыки. Если что предъявляется в дни Парадов, это — реакция Страны, уровень вовлеченности Общества, Зрители важнее зрелища. В период краха СССР: монотонные по-бумажные речи с трибун, разнарядки в НИИ-заводах по выходу на обязательное «второе отделение» (народные демонстрации), анекдоты оставшихся «у экранов телевизоров», вся общая атмосфера обесценивали не менее грозные потоки военного металла.

Так что 9 мая 2015 более *«устрашающим»* было — второе отделение: «Бессмертный полк». По нему-то и был направлен главный «контрудар»: фотография портретов, сложенных у мусорного бака. В миллионную процессию влиться может кто угодно, с какими угодно намерениями: с бомбой ли на Бостонском марафоне, с этой ли «мусорной диверсией» на Тверской... И правильно, что не подстраховались, что не «выверяли списки от райкомов» — заорганизованность навредила бы куда больше.

2. Каждый день вижу. Фиксирует — часть литературы, публицистика.

3. Чтоб не выбиться из анкетного ритма, ответ на этот вопрос и реплику по статье В. Столова (Нева. 2015. № 5) приведу ниже.

4. Действительно, когда великая, объективно величайшая в истории сумма страданий и героизма переплавится в новую «Войну и мир», эпос Победы? Тут

лишь процитирую *показания* одного подсудимого на известном, даже знаменитом процессе: *«Это, полагаю, от Бога»*.

5. Не знаю. От привлеченных бюджетов это не зависит точно. Успех «Бессмертного полка» — в тех толстовских «миллионах частных воль», в осознании: 30 лет назад, не победив в войне, нас, однако, ловко обманули, почти загнали в угол.

6. «Канон» — необходим, «катехизис» — возможен.

К вопросу № 3

Пример успешного **интеллектуального противостояния**, статья В. Столова отталкивается от «дискурса» на ТВ «Дождь». На идею гуманной или гуманитарной сдачи Ленинграда Столов отвечает просто и сурово: «Ленинград был важной, но всего лишь частью целого — обороны страны. Его сдача приближала Германию к победе, а СССР к поражению... о такой сдаче не могло быть и речи, и решимость руководства города в этом вопросе заслуживает полного одобрения».

Действительно, в случае сдачи высвобождение и направление на Москву группы армий «Север» делали положение СССР практически безнадежным, а далее... «Майн кампф» не была простой «предвыборной программой», кои выполняются в зависимости от реалий жизни, она сама претендовала стать реалией на «тысячу лет». Уничтожение сотни миллионов, порабощение остатков, «окончательное решение»... даже как-то неловко напоминать.

Мне довелось публиковать несколько книг, десятки статей, участвовать в ТВ-дебатах, бороться с «фальсификаторами» от Москвы до Канн («Европейский деловой конгресс», 2010, панель истории). Одно могу сказать: линия противостояния здесь вовсе не совпадает с госграницами, и, например, У. Черчилль, нобелевский лауреат (премия не за «мир», как у Чемберлена и Горбачева), а именно за книгу, историю Второй мировой, в борьбе с «фальсификациями», — надежный союзник. Потому, что собственно *исторические факты:* кто, когда взял/сдал какие крепости, столицы, цифры потерь... все эти корпуса данных большей частью общеизвестны, в чем та противофальсификационная Комиссия Нарышкина и убедилась. Ложь и фальшь — в интерпретации, в духе восприятия этих цифр. В том, что реалии Великой войны пытаются толковать в современном «попсовом» духе.

Один пример. Много раз описано, как «17 сентября *советские войска перешли через незащищенную восточную (польскую) границу*». На бытовом уровне *незащищенную* звучит трогательно, а нападение на *незащищенного* — обстоятельство отягчающее. В тех военных же реалиях н*езащищенную,* отсутствие польских войск, значило, что СССР не повлиял на ход (и исход) двухнедельной польско-германской войны!

Как при переносе в другую часть уравнения, переход мир/война часто меняет знак на противоположный, и фальшь — в самой попытке такого рода осуждений, как с незащищенной Польшей. Хотя и там без прямой лжи, умолчаний не обходятся: тот факт, что польское правительство сбежало в Румынию (далее в Англию) *до* советского вторжения, обычно не упоминают.

Воевавший Черчилль (по факту — британский главком) над «незащищенностью» не плачет: «В пользу Советов нужно сказать, что им было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий... В их сознании еще не угас огненный след катастроф их армии в 1914-м, бросившихся на немцев, не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут». А в срыве (до прилета Риббентропа) советско-британ-

ско-французских переговоров Черчилль безоговорочно и доказательно обвиняет Британию.

Война всегда — соприкосновение с Реальностью. Катарсис. Трагическое очищение.

Политика, понятийный инструментарий, сам лексикон в мирные годы постепенно и совершенно неизбежно в погоне за сиюминутными выгодами расклада усложняется, запутывается, завирается — ровно до следующей войны. До следующего Катарсиса. Собственно, лживость, противоречия «мирной политики» всегда и запускали следующую войну.

Это не апологетика «*милитэри стайл*». Не война так хороша, но «мирная, гражданская политика», скатывающаяся к интригам вокруг долей процента одураченного электората, так плоха.

Ежели взглянуть «философически», «диалектически» — получается, что... Война-то в любом случае всегда приближала Мир. А «Мир» и «мирные политики, историографы и т. д.» — они-то (во всяком случае, до сих пор) всегда приближали Войну.

Так что в «интеллектуальном противостоянии» Черчилль — наш союзник, а наши противники — довершу парадокс — в том числе советские историки. Кто 60 лет в многотомных «Историях Второй мировой войны», тысячах диссертаций в обязательной, дежурной главе «Движения Сопротивления в Европе» тупо повторял пример: «Забастовка французских шахтеров 1943 года». И так машинально это принималось, проглатывалось уже нескольких поколений, без осознания, что «Забастовка» — слово из мирного лексикона, как «домашние тапочки». Законная, вежливая, мирная форма диалога с работодателями. Доведите эту мысль до логического завершения... Ведь «Забастовка» может стать средством, угрозой, — только в случае хорошо налаженной совместной работы. Только на исправно работающей шахте, заводе «Забастовка» может что-то значить! Объективно говоря, даже нынешние безработные юноши-арапчата, жгущие парижские машины, — это гораздо более высокий градус «Сопротивления». Им-то, не включенным в «хозяйственный механизм», как бастовать?

Понятно, нашего бойца в окопах 1943 года надо было подбодрить: «Европа с тобой! Сопротивление! Французские шахтеры бастуют!» Но потом 60 лет переписывать друг у друга и даже не задуматься! Эти «остепененные» халтурщики — объективно враги в нашем интеллектуальном противостоянии.

Мы с писателем А. Мелиховым участвовали в одном из заседаний Никитского клуба покойного С. П. Капицы, посвященного юбилею Твардовского. Из моего выступления: какие чувства индуцирует Война? Твардовский подчеркивает: главное — обостренное, обновленное чувство справедливости, правды. Вот откуда посереди войны в «Тёркине» этот поистине — гимн Правде.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Материалы «круглого стола» подготовили
Наталья Гранцева и **Александр Мелихов**

КАЗАХСТАН — РОССИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Желание одной культурной традиции навязать свои ценности другим культурам никогда не приведет к взаимопониманию. Напротив, жесткая культурная экспансия вызывает не менее жесткое сопротивление. Только уважение к историческим традициям других народов, справедливость и искренность в отношениях цивилизаций, религий и народов способны создать мир согласия и духовности.

Нурсултан Назарбаев

Из глубины времен

Казахская литература — это произведения на казахском языке, созданные казахскими авторами на территории Казахстана начиная с XV в. В современном виде казахский язык сформировался и обрел собственную грамматику в XIX–XX вв., однако устное народное творчество уходит корнями в далекое прошлое. На территории Казахстана сложились известные древнейшие эпосы на тюркских языках — «Коркыт Ата» и «Огуз-наме». Распространявшийся устно «Коркыт Ата» был записан в XIV–XVI вв. в виде Книги деда Коркута. Коркут — реальное лицо, считается основоположником эпического жанра, искусства врачевания и музыкальных произведений для кобыза. Эпос состоит из 12 поэм и рассказов о похождениях огузских богатырей и героев. Огыз-каган (Огуз-хан), обладавший сверхъестественной силой, — герой эпоса «Огуз-наме», записанного в XIII в. и позже в XVIII в. Поэма посвящена подвигам Огыз-кагана.

На всем протяжении существования казахской поэтической традиции, вплоть до XX в., ее обязательной фигурой был народный *поэт-импровизатор — акын*. Благодаря акынам до нас дошли эпические произведения, сказки, песни, поэмы. Казахский фольклор включает более 40 жанровых разновидностей, некоторая часть характерна только для него — песни-прошения, песни-письма и т. д. Песни делятся на пастушеские, обрядовые, исторические и бытовые. Поэмы были героические, повествующие о подвигах Кобланды, Ер-Таргына, Алпамыса, Камбар-батыра и др., и лирические, воспевающие самоотверженную любовь (например, Козы-Корпеша и Баян-Слу, Толегена и Жибек). <...>

В советский период наибольшую известность в СССР приобрело творчество казахского поэта-акына **Джамбула Джамбаева** (1846–1945), певшего под аккомпанемент домбры в стиле толгау. С его слов были записаны эпосы «Суранши-батыр», «Утеген-батыр», сказки «Хан и акын», «Сказка о лентяе» и др. После Октябрьской революции в творчестве Джамбула Джамбаева появились новые темы: «Гимн Октябрю», «Моя Родина», «В Мавзолее Ленина», «Ленин и Сталин». В его песни вошли почти все лица советского властного пантеона, им придавались черты героев, богатырей. Песни Джамбула были переведены на русский язык и языки народов СССР, получили всенародное признание и в полной мере использовались советской пропагандой. В годы Великой Отечественной войны Джамбул писал

патриотические произведения, зовущие советский народ на борьбу с врагом: «Ленинградцы, дети мои!», «В час, когда зовет Сталин» и т. д. В 1941 г. он стал лауреатом Сталинской премии.

Сочетая устные формы с письменными, Джамбул Джамбаев выработал новую поэтическую манеру, отличающуюся психологической насыщенностью, конкретностью изображения общественной жизни, задушевностью и простотой повествования.

http://www.kazakhstanlive.ru/culture/literature/

Звук домбры над Невою

Любой казахстанец, который действительно считает себя патриотом, приехав в Санкт-Петербург, наверняка сначала направится не в Эрмитаж, а к памятнику казахскому акыну Жамбылу Жабаеву (Джамбулу Джамбаеву), подаренному в 2003 году Нурсултаном Назарбаевым от народа Казахстана городу на Неве к его 300-летию. И это — только один из множества фактов укрепления связей между Казахстаном и Россией. Инициатором появления памятника Жамбылу выступило казахское общество в Санкт-Петербурге «Ата-Мекен».

Казахское общество Санкт-Петербурга и Ленинградской области сформировалось в 1964 году, изначально как совет студентов и аспирантов Казахстана. В 1989 году было зарегистрировано под названием «Ата-Мекен» («Земля предков»). Высшим органом общества является Курылтай. Не забывая исторических традиций, петербургские казахи чтят мудрое слово аксакалов. «Ата-Мекен» входит во Всемирную ассоциацию казахов, председателем которой является Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Общество сотрудничает с казахскими национально-культурными общественными организациями Российской Федерации, такими, как «Жолдастык» (Астрахань), «Казахстан» (Волгоград), «Молдир» (Саратов, Омск), «Ата-Мура» (Алтайский край), «Ак бата» — Центр казахской национальной культуры (Республика Башкортостан), Казахская общественная организация «Алатау» (Республика Саха, Якутия), «Ата-Мекен», «Жулдыз» (Тюмень), «Отан» (Новосибирск), Национальная культурная автономия казахов Республики Татарстан, «Казак тили» (Москва), «Мурагер» (Мурманск), «Оркен» (Калининград), «Ак жайык (Оренбург), «Ак жол» (Самара), «Бирлик» (Томск), «Азамат» (Челябинск).

В Санкт-Петербурге сегодня проживают около семи тысяч казахов. Многие из них остаются после учебы. Среди них — ученые, деятели культуры и искусства, историки, поэты. В числе известных казахов-петербуржцев — доктор исторических наук Турсун Султанов, заведующий созданной им кафедрой восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Ержан Юсупов — ученый-историк, Лилия Абдрахманова — поэт, член Союза писателей России, Латиф Казбеков — художник, член Союза художников России, член Санкт-Петербургской академии современного искусства, и др.

«Сколько людей считают Казахстан своей родиной, мы не выясняли, но могу смело сказать, что представители разных национальностей, которые были в Казахстане, очень тепло отзываются о нашей стране, — говорит лидер Казахского общества Санкт-Петербурга Сарсенгали Куспанов. — Это те, кто поднимал целину, кто родился и работал в Казахстане, а затем переехал в Петербург. В России в целом и в Петербурге в частности Казахстан воспринимают очень хорошо. Доказательством тому служат памятники, мемориальные доски, улицы, посвященные знаменитым людям Казахстана. Это памятник Жамбылу Жабаеву и мемориаль-

ная доска с его именем в переулке Джамбула. Это мемориальная доска с именем Мухтара Ауэзова в Санкт-Петербургском государственном университете. Это портрет Чокана Валиханова в Российском географическом обществе. Деятельность нашего общества направлена на гармонизацию межнациональных отношений. О его работе знают в администрации города, в Комитете по внешним связям, в Санкт-Петербургском доме национальностей, в Доме национальных культур, Доме народного творчества и досуга».
http://pricom.kz/?p 27562

Истоки **русско-казахских литературных связей** уходят в глубь веков, о чем свидетельствуют древнейшие памятники русской письменности. Однако начало систематического изучения жизни и быта казахского народа, первые публикации сведений о его устном поэтическом творчестве в русской литературе и журналистике относятся к первой половине XVIII в., когда значительная часть казахских степей приняла российское подданство и создались реальные условия для широкого проникновения в казахскую степь культуры России.

Внимание первых русских исследователей Средней Азии и Казахстана привлекали, как отмечал В. В. Бартольд, «по своей многочисленности и по обширности занимаемой территории киргиз-кайсаки». Вначале отрывочные, неточные, порой с экзотическим налетом путевые очерки о казахах стали со временем сменяться обстоятельными и объективными произведениями писателей, ученых и путешественников, в которых описывались экономический строй, правовое положение, своеобразные обычаи и нравы казахов, давались образцы их устного поэтического творчества. Постепенно русская общественность узнавала о нуждах и чаяниях казахского народа.

Вторая половина XIX и первое десятилетие XX в. — период, который в истории взаимосвязи двух литератур занимает особое место. Рассматривая русско-казахские отношения и их отражение в дореволюционной печати России, следует иметь в виду, что они сложились не вдруг и не сразу. Этот процесс был длительным, постепенным, а в ряде случаев и противоречивым. Политика царизма отнюдь не способствовала развитию и укреплению взаимоотношений двух народов. Неудивительно, что отдельные русские авторы прошлого выступали со статьями, очерками, заметками, в которых отражали взгляд верхов на «инородцев», писали о казахах как о «номадах», лишенных культуры, весьма примитивно рассуждали об их поэзии и музыке. Но даже и в этих сочинениях можно найти крупицы познавательного материала.

Несмотря на то, что оба народа жили на территории единого государства, уровень их экономического, социального и культурного развития был далеко не одинаков. К тому же они придерживались различных обычаев и традиций, исповедовали разные религии, говорили на разных языках и т. д. Все это, безусловно, определило и специфику русско-казахских литературных отношений. Их осмысление позволяет понять процесс становления и развития казахской письменной литературы, обогащения ее художественным опытом русской литературы. Ее воздействие на казахскую литературу было до поры до времени односторонним, хотя сами понятия «взаимосвязь», «взаимодействие» предполагают обоюдную отдачу и обоюдное восприятие.

Первоначальной, но очень важной формой литературных связей России и Казахстана явились изучение, запись и использование русскими писателями казахского фольклора. Песни, предания, легенды, пословицы служили им основой при создании оригинальных произведений. Русские писатели широко использовали

художественно-выразительные средства устного поэтического творчества казахов, различные стороны их жизни, что вело к обогащению русской литературы, к расширению ее творческого диапазона.

В истории взаимосвязи двух литератур можно выделить два периода: 1730–1868 и 1869–1917 гг. В первый период, особенно в XVIII в., русские писатели, путешественники, ученые, оказавшись в казахских степях, начинают собирать и записывать устные поэтические творения народа, сохраняемые в памяти многих поколений (П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, В. Могутов, Ф. С. Ефремов, Г. Р. Державин, С. Большой и др.). Казахский фольклор служил объектом пристального внимания русских деятелей культуры потому, что в нем они видели мечты народа способного, но лишенного прав на человеческое существование.

Тогда же появились и первые реалистические произведения на казахскую тематику. Например, известный путешественник и писатель Ф. С. Ефремов в своей книге «Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи...» подробно описывает жизнь казахов, обращает внимание и на естественные богатства края, его климат, реки, леса, животный мир. Книга Ф. С. Ефремова интересна тем, что основана на непосредственных впечатлениях самого автора. Достоверное описание казахской степи, жизни ее населения дал в своих «Записках» Савва Большой. Они ценны обилием деталей в обрисовке быта, которые очень оживляют историческую ткань повествования. Автор «Записок» впервые ввел в русскую литературу значительное количество казахских слов в почти правильном написании. Реалистичным изображением быта и нравов казахов, художественностью изложения примечательны очерки Н. Мамышева и поэтическое творчество П. Кудряшова, одного из руководителей Оренбургского тайного общества.

В 20–30-е годы XIX в. появились первые значительные художественные произведения о казахском народе. Одно из них — повесть В. А. Ушакова (1779–1838) «Киргиз-кайсак». В ней приведены вопиющие факты бесправия, нищеты, унижений, которые терпели порабощенные национальности царской России. В жизнеописании своего героя Виктора Славина, сына уральского казака и бедной девушки-казашки, проданного матерью за гроши петербургским господам, писатель правдиво запечатлел характерные моменты из жизни казахов.

Одним из пионеров развития русско-казахских литературных связей был В. И. Даль (1801–1872). В его повестях «Майна» и «Бикей и Мауляна» главные герои — казахи, типичные национальные характеры. Писатель показал их тяжелую жизнь, познакомил русских читателей с широко бытовавшим среди казахов обычаем насильственного брака, использовал много инонациональных слов и выражений для речевой характеристики персонажей. Казахские мотивы нашли отражение в ряде других произведений Даля: «Уральский казак», «Полуношники», «Письма из похода в Хиву» и др. В. И. Даля интересовали многие стороны жизни казахского народа, но особенно устное поэтическое творчество. Отличное знание казахского языка помогло писателю отметить сходство казахских сказок с русскими былинами. Собранные материалы казахского фольклора оказали В. И. Далю помощь и в подготовке знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Полноценное художественное изображение инонациональных характеров ведет начало от Пушкина. Поэт уделял значительное внимание жизни и поэтическому творчеству народов России. Известно, что за короткий срок пребывания в казахских степях Оренбургского края (1833) А. С. Пушкин заинтересовался устным творчеством казахов, что нашло отражение в некоторых произведениях поэта. Казахская тематика занимает определенное место и в творчестве В. А. Жуковского,

посетившего казахские степи в 1837 году и проявившего большой интерес к жизни кочевого народа.

Во второй период (1869–1917) русско-казахские литературные связи достигли широкого размаха, обусловленного рядом факторов. К 70-м годам XIX в. завершился процесс присоединения Казахстана к России. Были созданы условия для освоения в казахских степях земледелия, перехода кочевников к оседлости, распространения культуры и просвещения. Кроме того, мощная держава гарантировала безопасность и защиту казахского народа от иноземных захватчиков. Все это благотворно сказалось и на развитии взаимосвязей русской и казахской литератур.

Второй период ознаменовался появлением значительного числа художественных и художественно-документальных произведений русских авторов на казахскую тему. При анализе этих произведений нами ни в коей мере не уравниваются место и значение в процессе взаимосвязи таких выдающихся русских писателей, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и др., в чьем творчестве нашли отражение казахские темы и мотивы и кто повлиял на развитие реализма и просветительского направления в казахской литературе, с тем огромным числом русских писателей и ученых, в наследии которых отражена история жизни, быта и культуры казахов.

В освещении социально-экономических условий жизни казахов немалую роль сыграли «туркестанские» романы и повести, очерки и рассказы Н. Н. Каразина, Н. Ильина, П. И Пашино, Н. П. Стремоухова, Н. Уралова, И. П. Инфантьева. В произведениях этих писателей представлена широкая панорама русско-казахских отношений, картины быта, нравов, обычаев казахов, пропагандируется идея дружбы народов.

Значительный вклад в становление и развитие литературных связей между Россией и Казахстаном внесли передовые русские ученые и путешественники В. В. Радлов, В. В. Бартольд, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Н. А. Северцов, Г. Н. Потанин, Д. Л. Иванов, Е. П. Ковалевский и др. В их документально-художественных произведениях, особенно в путевых очерках, дневниковых записях и воспоминаниях, сохранены не только лучшие образцы устного творчества казахов, но и правдивые картины их жизни и быта, запечатленные без ложной романтики и грима экзотики. Познавательный материал этих произведений используется сегодня и при изучении проблем русско-казахских литературных отношений. Философской основой документально-художественной литературы о казахах являлась идея цивилизации и просвещения.

Благотворное влияние на развитие русско-казахских литературных отношений оказало длительное пребывание в казахских степях политических ссыльных, среди которых были выдающиеся писатели Т. Г. Шевченко, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, Д. Л. Иванов и др. Их просветительская деятельность способствовала развитию общественной мысли и национального самосознания казахского народа. Не случайно, что именно в это время из его среды выдвинулись замечательные мыслители, просветители и художники слова: Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин.

Первые казахские просветители, понимая важность сближения с русским народом, всячески содействовали этому. Абай, переводя произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова на казахский язык, выступил пропагандистом классических литературных ценностей. И. Алтынсарин создал «Киргизскую хрестоматию», в которую включил свои переводы ряда сказок Л. Н. Толстого, басен И. А. Крылова и произведений других русских писателей. Очерки Чокана Валиханова о Джунгарии явились новым словом в русской литературе о народах Востока.

Важнейшим событием в культурной жизни России следует считать появление в русской литературе образцов казахской поэзии (Иванов, Ковалевский и др.), вначале в виде вольного перевода, переложения, а в последующем более близких к оригиналу. Так, П. Н. Распопов перевел на русский язык казахскую поэму, воспользовавшись одним из первых подстрочным переводом, осуществленным казахами, знавшими русский язык.

Многое сделали для изучения и пропаганды казахской устной поэзии русские ученые-ориенталисты, труды которых дали материал для раздумий многим русским писателям. Они могли реально убедиться в том, что народы окраин страны имеют своеобразную литературу, свидетельствующую об их богатой духовной культуре. Когда такой знаток Востока, как Г. Н. Потанин, сравнил казахскую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу» с лучшими образцами мировой литературы, то это произвело большое впечатление: народ, создавший подобные шедевры, достоин уважения.

В русском обществе постепенно утвердилось мнение о необходимости просвещения казахов. Чтобы искоренить взгляд на «инородцев» как на людей, неспособных к восприятию культуры, русские писатели и художники, ученые и просветители многосторонне изучают их быт, нравы, обычаи, поэзию и музыку. В казахскую степь начинают проникать цивилизация и культура.

Казахские мотивы в творчестве русских классиков второй половины XIX в.

В конце 40-х годов Ф. М. Достоевский и поэт С. Ф. Дуров (1816–1869), обвиненные как участники кружка Петрашевского, стали узниками «Мертвого дома». По выходе из омской каторжной тюрьмы Достоевский прожил в ссылке в Казахстане почти пять лет, что наложило известный отпечаток на его творчество, обусловив казахские мотивы в некоторых крупных произведениях писателя. А его творческие связи с Ч. Валихановым составили самостоятельную главу в русско-казахских литературных отношениях.

Ч. Ч. Валиханов и Ф. М. Достоевский

Появление на исторической арене в 50–60-х годах XIX столетия даровитого казахского ученого, мыслителя и литератора Ч. Ч. Валиханова было обусловлено целым рядом факторов. Семья Валиханова была предана интересам России, и многие ее члены, в том числе отец Чокана Чингис, издавна были приобщены к русской культуре. Встречи с образованными литераторами, художниками, путешественниками, чтение русской литературы — все это оказало значительное влияние на формирование личности Чокана. Особенно плодотворным в творческой биографии Валиханова был 1860-й — петербургский год его жизни. Это было время напряженного труда: в печати появляются первые его публикации о путешествии в Восточный Туркестан, он выступает с сообщениями на заседаниях Географического общества, составляет в Генеральном штабе карту Малой Бухарии и долины озера Иссык-Куль, трудится в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, посещает лекции в университете, пишет статьи о казахах и т. д. В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества (1845–1895)» есть замечание П. П. Семенова: «Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию ко всему, что касалось Центральной Азии». Интенсивная работа и влажный климат Петербурга вызвали обострение давней болезни. Валиханов в

1861 г. вернулся в родные места, где продолжал заниматься изучением казахской степи.

Значительную роль в формировании взглядов Валиханова сыграла его многолетняя дружба с Ф. М. Достоевским. Их знакомство состоялось в 1854 г. в Омске. Весной того же года писатель был переведен в Семипалатинск. «Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске,— писал Валиханов 5 декабря 1856 г., — что теперь только о том и думаю, как еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

«Вы бы могли так устроить судьбу свою, — писал в ответном письме от 14 декабря Достоевский, — что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, кто бы растолковал в России, что такое степь, что значит Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце». Это единственное дошедшее до нас письмо Достоевского к Валиханову. К сожалению, судьба других писем Достоевского к Валиханову неизвестна. Между тем Чокан неоднократно писал Федору Михайловичу о своей жизни, просил совета и т. д.

В воспоминаниях А. Г. Достоевской есть эпизод, связанный с рассказом Федора Михайловича (ноябрь 1866) о своем «вещем» сне. Показывая большой палисандровый ящик, Достоевский сказал, что это подарок его «сибирского друга Чокана Валиханова» и что он им очень дорожит. Далее он говорил: «В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне воспоминаниями. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало; я стал медленно перекладывать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий».

Глубокая и трогательная дружба с Валихановым оставила след и в творчестве великого писателя. Продолжением мыслей о будущем казаха Валиханова, а через него и казахского народа, содержавшихся в письме Достоевского, следует считать его зрелые суждения, зафиксированные в «Дневнике писателя». И хотя между письмом к Валиханову и записью в «Дневнике» пролегли годы, но мысли автора в них созвучны; «Мы первые объявили миру, что не через подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единстве с ними».

«Нам бесконечно дорого сознавать, — писал М. О. Ауэзов, — что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом».

В большинстве произведений Ф. М. Достоевского, начиная с «Дядюшкина сна» и кончая «Дневником писателя» (1873 и 1876–1877), имеются упоминания о казахской степи и ее обитателях. Если, находясь в омском остроге, в «мертвом доме», узник видел казахскую степь, казахские юрты лишь издали, то за пятилетнюю жизнь в Семипалатинске писатель близко столкнулся с казахами, их жизнью, обычаями и нерешенными проблемами, более глубокому пониманию которых способствовал, безусловно, его друг Ч. Ч. Валиханов. В романе «Преступление и наказание» (1866) есть эпизод, в котором использованы лично пережитые писателем в омском остроге чувства, когда он, глядя в степь, завидовал ее обитателям. Почти тождественно

Раскольникову ведет себя узник «Мертвого дома» (1860–1862). Наступающие весенние дни, по его мнению, «волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску». Казахский мотив нашел отражение и в другом известном романе великого писателя — «Игрок» (1866), герой которого вступает в полемику с русским генералом и французом о путях приобретения капиталов. Он говорит, что «возмущает... (его) татарскую породу» немецкий способ «накопления богатств... А я лучше захочу всю жизнь прокочевать в киргизской палатке, чем поклоняться немецкому идолу». В черновых набросках романа «Подросток» (1875) сохранилось имя Валиханова. Таким образом, в чертах характера главного героя романа «Подросток» Версилова автор пытался сохранить образ дорогого ему Чокана Валиханова.

В 1860-е годы широкую известность приобрела литературная и общественная деятельность соратника Чернышевского, поэта, писателя, критика М. Л. Михайлова, написавшего серию очерков из жизни казахов.

В творчестве Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) представляют интерес казахские мотивы, хотя они и не нашли у Аксакова столь разнообразного отражения, как в произведениях В. И. Даля. Некрасов писал, что «превосходная книга С. Т. Аксакова „Записки ружейного охотника Оренбургской губернии“ облетела всю Россию». Тургенев обратил внимание на то, что охотничьи произведения Аксакова обогащают «общую нашу словесность». В этой книге особенно привлекают поэтические картины природы Оренбургского края. В «Семейной хронике» также воспеты степные просторы Оренбуржья. Аксаковское видение степи восхищало Н. В. Гоголя. Есть весьма убедительное свидетельство Ю. Ф. Самарина (1877) о глубоком интересе Н. В. Гоголя к природе и жизни населения Оренбургского, или «заволжского», края. Самарин писал, что Гоголь «с напряженным вниманием, уставив... глаза», слушал изустные рассказы С. Т. Аксакова «о заволжской природе и о тамошней жизни». В очерке «Буран» (1834) Аксаков описывает яицкую казачью дорогу, которая от Илецкой Защиты тянется к Уральску, пересекая возвышенность Общий Сырт. Следовательно, Аксаков хорошо знал и казахскую часть Оренбургского края. Интерес представляет и воспоминание Аксакова «Знакомство с Державиным» (1856), состоявшееся в 1815 г. в Петербурге. Молодой Аксаков понравился «певцу Фелицы». Как известно, великому поэту широкую славу принесла именно ода «К Фелице», где, пожалуй, казахская тема впервые вошла в русскую поэзию.

В творчестве знатока народной жизни Николая Семеновича Лескова (1831–1895) нашли отражение и казахские мотивы. «Очарованного странника» Ивана Северьяновича Флягина дороги скитания привели в казахские степи. Сам автор также бывал в степях Оренбуржья, видел собственными глазами серебряное море ковыля. Эти впечатления позволили создать романтическую обстановку пребывания Флягина в плену у кочевников.

Некоторые стороны жизни казахов, в частности их устное поэтическое творчество, не остались без внимания и Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912). Казахской тематике он посвятил несколько произведений. Это так называемые «киргизские» легенды: «Баймаган», «Слезы царицы» (1891), «Лебедь Хантыгая» (1891), «Майя» (1892), в которых писатель, по его же словам, использовал заимствованные им «язык, восточные обороты речи и характерные особенности в конструкции самой темы. Затем из истории взята... основа легенды о Кучуме». Помимо легенд, сюда примыкают очерк «На кумысе» (1891), повесть «Охонины брови» (1892), рассказы «Исповедь» (1894), «Ак-Бозат» (1895). Мамин-Сиби-

ряк проявлял интерес к крестьянскому движению. Его «Охонины брови» (1892) — «историческая повесть о пугачевщине в Зауралье», «документальная и достоверная в своей основе». Вместе с тем в этом произведении писатель уделил большое внимание кочевникам (башкирам, казахам и др.), в частности участию их в восстании под предводительством Е. Пугачева.

Глубокий анализ вопросов, имевших жизненно важное значение для казахского народа, дал в ряде своих произведений Глеб Иванович Успенский (1843–1902). Стремясь ближе познакомиться со сложным процессом переселения крестьян, писатель летом 1888 и 1889 гг. совершает поездки в места массовых поселений крестьян в Сибири, Уфимской и Оренбургской губерниях. На основе богатого запаса знаний о народной жизни, встреч и бесед с переселенцами, писем от них писатель создал ряд очерков, которые публиковались в газете «Русские ведомости» («Письма с дороги», «От Оренбурга до Уфы» и др.). Позднее они вошли в цикл «Поездка к переселенцам» (1888–1890).

Особый интерес представляет изучение инонациональных мотивов в творчестве Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Выразитель настроений русского крестьянства не мог остаться безучастным к судьбам малых народов России: башкир, казахов и других «инородцев». В творческой биографии Л. Н. Толстого Оренбургский край занимает заметное место. Первая его поездка сюда состоялась в 1862 г. в сопровождении слуги А. С. Орехова и крестьянских мальчишек-школьников В. Морозова и Е. Чернова. В своих воспоминаниях И. Л. Толстой писал: «Папа ездил туда (в оренбургские степи) еще до своей женитьбы в 1862 году, потом, по совету доктора Захарьина, у которого он лечился, он был на кумысе в 1871–1872 году, и, наконец, в 1873 году мы поехали туда всей семьей». В поездке 1871 года вместе с ним был С. А. Берс, шурин писателя, и слуга И. В. Суворов. Л. Н. Толстой жил в Каралыке. Н. Гусев отмечал, что он там ничего не писал, но читал греческих авторов, ходил и ездил по окрестным деревням, охотился, пил кумыс, беседовал с кумысниками, играл в шашки с башкирами. За период 1862–1883 гг. писатель десять раз посетил Оренбуржье. Если первые поездки были вызваны необходимостью лечения кумысом, то последующие — интересом к жизни народа. В письме к жене он писал: «Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа». Это писатель отразил позже в произведениях: «Воскресение», «Много ли человеку земли нужно?», «Ильяс», «За что» и др. Увиденное и пережитое отразилось в известной мере и в романе «Анна Каренина», который был завершен Толстым в период его поездок в оренбургские степи. Читатели помнят, как Каренин, крупный государственный чиновник, возглавил комиссию «для исследования во всех отношениях быта инородцев», которая работала необычайно быстро и энергично и через три месяца представила отчет... Внимательно следя за жизнью народов окраин России, Л. Н. Толстой задумал написать ряд произведений из истории Оренбургского края. Он интересуется «Записками Оренбургского отдела РГО», книгой М. С. Бекчурина «Туркестанская область» (1872) и др. Именно к периоду оренбургских поездок относится и замысел большого исторического полотна. Писатель деятельно собирает материал, работает в архивах Москвы и Петербурга. К сожалению, его мечта об историческом романе о декабристах, попавших в ссылку в Оренбургский край, не осуществилась. Осталось несколько глав романа «Декабристы» и наброски повести «Князь Федор Щетинин».

Внимательно наблюдал своеобразную жизнь уральских казаков и особенности быта местного кочевого населения Владимир Галактионович Короленко (1853–

1920). Собранный материал послужил основой для серии очерков, объединенных общим заглавием — «У казаков». Впервые они были опубликованы в конце 1901 г. в XI и XII книжках «Русского богатства».

* * *

Со второй половины XIX в. художественный перевод стал главным фактором интенсивного взаимодействия двух литератур. Родоначальниками переводческого искусства в казахской литературе явились выдающиеся просветители Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин.

Классик казахской литературы Абай, проявляя исключительный интерес к русской поэзии и прозе, справедливо считал, что изучение языка, культуры и искусства русских является ключом к лучшей жизни для его народа. Желая приобщить казахов к миру великих русских писателей, Абай первым перевел на родной язык произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм. В казахской поэзии зазвучала новая тематика, гражданский пафос.

Целеустремленной была и переводческая деятельность Ибрая Алтынсарина, стремившегося с помощью своих переводов произведений И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и других приобщить родной народ к русской культуре. Алтынсарин впервые создал небольшую школу переводчиков из числа своих воспитанников. Он мечтал о составлении алфавита казахского языка на основе русской графики и в 1879 г. в Оренбурге опубликовал свою «Киргизскую хрестоматию» для казахских детей русскими буквами. Борьба шла не только за русский алфавит, но и за русский метод обучения казахских детей, и эта борьба со стороны И. Алтынсарина была прогрессивным явлением, ибо через мусульманские медресе росло влияние идей панисламизма.

Кроме Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Чокана Валиханова, следует назвать Испандияра Кубеева, принимавшего участие в переводе произведений русской литературы. В 1910–1911 гг. Кубеев выпустил сборник «Образцовый перевод», в котором были помещены переводы басен И. А. Крылова и рассказов для детей Л. Н. Толстого. Первое крупное прозаическое произведение казахской литературы — роман И. Кубеева «Калым» (1913) — несет на себе отчетливое влияние Н. В. Гоголя. Широкое влияние многих гоголевских образов нашло отражение в творчестве М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова и др.

На развитие жанра рассказа в казахской литературе воздействие оказало творчество А. П. Чехова. М. О. Ауэзов писал: «Я читаю и перечитываю его книги, напоенные удивительной душевной красотой писателя, глубоко поэтичные по своему художественному строю, и, может быть, поэтому Чехов представляется мне светлой вершиной, озаренной утренним солнцем...»
http://bibliotekar.kz/russko-kazahskie-literaturnye-otnoshenij

Казахская литература XIX — начала XX вв.

Казахская письменная литература в ее современном виде начинает складываться только во II половине XIX в. под влиянием **диалога с русской культурой**. У истоков этого процесса стоят казахские просветители Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Чокан Валиханов (1835–1865) — первый казахский ученый, просветитель, историк, этнограф, путешественник и дипломат. Правнук хана Аблая, он родился в

прорусской семье, в казахской школе учил арабский язык и знакомился с восточной поэзией и литературой. Окончил Омский кадетский корпус, который был для азиатской части Российской империи своего рода Царскосельским лицеем. По окончании был произведен в корнеты, носил русский военный мундир, будучи российским офицером и чиновником, исполнял поручения царской администрации. В его обязанности входили функции историографа и участие в экспедициях на Иссык-Куль, в Кульджу, Кашгар, во время которых Валиханов вел путевые дневники и на их основе впоследствии написал очерки о киргизах (так в XIX в. называли казахов) — об их истории, общественном родовом устройстве, нравах и обычаях, мифах и легендах («Записки о киргизах»).

Валиханов первый записал и перевел на русский язык часть героического эпоса «Манас» («Смерть Кукотай-хана и его поминки»), народную эпическую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу». В своих работах он много внимания уделял особенностям импровизаторского искусства акынов, ритмике казахского стиха. Ряд исследований посвящен изучению зороастрийских корней казахского менталитета и синкретизма шаманства с исламом у степных народов — «Следы шаманства у киргизов (казахов)», «О мусульманстве в степи». Весной 1861 года были опубликованы его «Очерки Джунгарии», а также основные работы, посвященные истории и культуре Средней Азии и Востока («Киргизское родословие», «О кочевках киргиз», «Предания и легенды большой Киргиз-Кайсацкой орды» и др.).

Живя в Петербурге в 1860–1861 годах, он близко знакомится с идеями русских революционных демократов, общается и дружит со многими представителями передовой демократической интеллигенции: Ф. Достоевским, С. Дуровым, И. Березиным, А. Бекетовым. По рекомендации П. Семенова-Тян-Шанского был принят в действительные члены Императорского русского географического общества.

Оставаясь идеалистом в понимании общественной жизни, Валиханов осуждал произвол казахских феодалов и колонизаторскую политику царизма, высказывался за приобщение казахов к русской культуре.

Ибрай Алтынсарин (1841–1889) также окончил русско-казахскую школу, служил переводчиком в Оренбурге, учителем и инспектором школ. При этом он добивался, чтобы русских школ для казахской молодежи открывалось как можно больше. В 1879 г. выходят его «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Киргизская хрестоматия», в которую были включены многие его рассказы и стихотворения, а также произведения русских авторов, переведенные на казахский язык. Литературная деятельность Алтынсарина носила просветительский характер и являлась частью общественно-педагогической практики. Произведения «Невежество», «Коварному аристократу» осуждали фанатизм и суеверия, «Кипчак Сейткул» и «Деревянный дом и юрта» убеждали скотоводов заниматься земледелием, «Сын бая и сын бедноты» противопоставлял трудолюбие бедняков скупости и жадности богачей. В стихотворениях «Весна» и «Осень» впервые в казахской поэзии Алтынсарин реалистически описывал казахский пейзаж и картины кочевого быта. Писал он и о бесправном положении женщин в традиционном казахском обществе. Как фольклорист записал и опубликовал сказки «Кара батыр», «Алтын-Айдар», легенду «Жиренше-острослов», отрывок из эпоса «Кобланды» и мн. др.

Поборник дружбы с русским народом, основоположник реалистической литературы, поэт и мыслитель **Абай Кунанбаев (1845–1904)** был продолжателем дела Валиханова. Его творчество определило культурно-просветительское движение конца XIX — начала XX вв., оказало огромное воздействие на последующее развитие казахского литературного языка. Кунанбаев получил классическое вос-

точное образование. В медресе имама Ахмет-Ризы он изучал арабский, персидский, другие восточные языки, знакомился с классической персидской литературой: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и др. Одновременно, нарушая запрет медресе, посещал русскую приходскую школу. В 28 лет отошел от выполнения административных функций главы рода, целиком отдавшись самообразованию. Абай пишет стихи, усиленно изучает русскую культуру, занимается в публичной библиотеке. Знакомство с русскими политическими ссыльными оказало сильное влияние на формирование мировоззрения поэта. Он переводит на казахский произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, зарубежных классиков, пишет казахские песни на слова отрывков из «Евгения Онегина». Наиболее известна его положенная на музыку элегия «Карангы тунде тау калгып» — стихотворный перевод «Ночной песни странника» Гёте.

Литературное наследие Абая составляют стихи, поэмы, стихотворные переводы и переложения, прозаические «назидания». Его поэзия отличается классической простотой и изяществом художественных приемов. Он вводит новые стихотворные формы — шестистишия и восьмистишия: «Из времени выпадает миг» (1896), «Разве не должен, мертвый, я глиной стать» (1898), «На воде, как челнок, луна» (1888), «Когда станет длинною тень» (1890) и др. Широко известны стихи, посвященные временам года. Для его поэзии характерны глубокий философский смысл и гражданское звучание. В стихотворениях «О, казахи мои», «Восьмистишия», «Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон...», «Измучен, обманут я всеми вокруг...» звучит критика феодальных устоев. В сборнике художественно-философской прозы «Гаклии» («Назидания») затронуты исторические, педагогические и правовые темы, автор призывает народ встать на путь прогрессивного культурного развития, упорного и честного труда.

Ряд казахстанских изданий стали лауреатами международного конкурса «Искусство книги» в РФ (2013)

Диплом I степени в номинации «Содружество» вручен издательству «Фолиант» за подготовку и выпуск книги-альбома Анатолия Гурского «Казахстан–Россия: дорогой вечной дружбы». В номинации «Моя страна» диплом III степени присужден издательству «Атамура» за выпуск книги Ахмета Токтабая «Казахская борзая тазы»; ***в номинации «Культура. Наука. Образование» специальный диплом получило издательство «Алматыкитап Баспасы» за выпуск книги Абая Кунанбаева «Абай. Слова назидания»****; в номинации «Арт-Книга» дипломом II степени отмечено издательство «Фолиант» за выпуск альманаха Шакира Ибраева «Туркі дуниесі»; в номинации «Отпечатано в Содружестве» диплом III степени получило издательство «Атамура» за подготовку и печать альбома А. Иващенко и О. Белялова «Цветы Казахстана» («Казакстан гулдері»), а также в номинации «Гран-при» диплом номинанта получило издательство «Мерекенін Баспалар уйі» за переиздание трудов М. Терентьева «История завоевания Средней Азии с картами и планами» в трех томах.*
http://kzlive.vectorinfo.ru/news.php?ID 2505 sphrase id 15644

Начало XX в. стало периодом расцвета казахской литературы, впитавшей в себя черты восточной и европейской литератур. В это время закладываются основы современной казахской литературы, окончательно формируется литературный язык.

Классики казахской литературы

Ахмет Байтурсын (1873–1913) занимался педагогической и литературной деятельностью — переводил басни Крылова, издал популярные среди казахов поэтические сборники «Кырык мысал» и «Маса» (1911). Ахмета Байтурсына можно назвать первым казахским лингвистом, он писал статьи, в которых выступал за чистоту казахского языка.

Нарождающаяся казахская литература осваивала крупные литературные формы — романы, повести. Поэт и прозаик **Мыржакып Дулатулы** (1885–1925) — автор нескольких поэтических сборников и первого казахского романа «Несчастная Жамал» (1910), выдержавшего несколько изданий и вызвавшего большой интерес у русской критики и казахской общественности. Он также занимался переводами на казахский А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Крылова, Ф. Шиллера, был новатором и реформатором казахского литературного языка. **Спандияр Кобеев** (1878–1956) известен как переводчик басен Крылова и автор одного из наиболее значительных казахских романов «Калым» (1913).

Писатель и журналист **Мухамеджан Сералыулы** (1872–1929), известный произведениями «Топ жарган» (1900), «Гульгашима» (1903), переводом поэмы «Рустем-Зораб» из эпоса «Шахнаме» А. Фирдоуси, был главным редактором журнала «Айкап» (1911–1915), вокруг которого группировались прогрессивные творческие силы. Сотрудничавший с журналом **Султанмахмуд Торайгыров** (1893–1920) писал стихи и рассказы на темы неравенства, известен его роман «Камар Сулу».

С именем **Магжана Жумабая** (1893–1937) связано внедрение в казахское стихосложение новых поэтических форм, а в казахский литературный язык — стилистической системы, которая сохраняется по сей день. **Шакарим Кудайбердыулы** (1858–1931), племянник Абая Кунанбаева, в 1911 году опубликовал одну из первых работ по истории казахов — «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий». Шакарим Кудайбердыулы — автор большого числа стихотворений, поэм и прозаических произведений. Он перевел в стихотворной форме «Дубровского» А. Пушкина, которого считал своим учителем, как и Дж.-Г. Байрона, М. Лермонтова, Хафиза, А. Навои, И. Канта, А. Шопенгауэра.

Казахская литература XX века

После Октябрьской революции в творчестве акынов Джамбула Джамбаева, Нурпеиса Байганина, Доскея Алимбаева, Нартая Бекежанова, Омара Шипина, Кенена Азербаева активно развиваются социальные мотивы и темы социалистического строительства.

Родоначальниками казахской советской литературы стали поэты Сакен Сейфуллин (поэмы «Советстан», «Альбатрос», «Социалистан», повести «Землекопы», «Плоды»), Баймагамбет Изтолин, Ильяс Джансугуров (поэмы «Степь», «Музыкант», «Кулагер»), писатели Мухтар Ауэзов («Ночные раскаты»), Сабит Муканов (социально-исторический роман «Ботагоз» [«Загадочное знамя»]), Беимбет Майлин (повесть «Коммунистка Раушан», роман «Азамат Азаматыч»).

Первой на события Великой Отечественной войны в казахской литературе отозвалась гражданско-патриотическая поэзия — поэма К. Аманжолова «Сказание о смерти поэта» (1944) о подвиге погибшего под Москвой поэта Абдуллы Джумагалиева, произведения А. Токмагамбетова, Т. Жарокова, Г. Орманова и др. После войны появились романы «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова (1949), «Курляндия» А. Нурпеисова (1950), «Грозные дни» Т. Ахтапова (1957), мемуары Б. Момышулы «За нами Москва» (1959).

В 1954 году **Мухтар Ауэзов** закончил получившую признание во многих странах тетралогию «Путь Абая».

Мухтар Ауэзов и Ленинград

Национальная библиотека Республики Казахстан в 2012 году объявила о проведении международной акции «Читаем Мухтара Ауэзова», посвященной 115-летию со дня рождения классика казахской литературы, драматурга, переводчика, видного ученого, автора исследований по истории казахской и киргизской литературы и фольклора, основоположника абаеведения (М. Ауэзов — внучатый племянник великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева) Мухтара Омархановича Ауэзова (1897–1961). (День рождения М. О. Ауэзова внесен ЮНЕСКО в календарь памятных дат человечества.) В рамках этой акции Библиотека национальных литератур в Петербурге представила виртуальную выставку «Мухтар Ауэзов и Ленинград». Мухтар Ауэзов несколько лет прожил в Ленинграде. Здесь он учился в Ленинградском университете (1923–1928). (В 1997 году, к 100-летию со дня рождения Мухтара Ауэзова, в актовом зале Санкт-Петербургского университета установлена памятная доска.) Здесь встретил свою жену — ленинградку Валентину Николаевну Кузьмину. С Ленинградом была связана и его творческая жизнь — долгие годы он дружил и работал с ленинградскими писателями, переводчиками: поэтом Всеволодом Рождественским, Павлом Лукницким, Анной Никольской и др.

Всеволод Рождественский вспоминал: «В один из моих очередных приездов ‹в Алма-Ату› мы долго беседовали об Абае Кунанбаеве. Со слов Мухтара я уже имел общее впечатление о том, какую основополагающую роль сыграла деятельность этого замечательного поэта-просветителя в развитии казахской литературы, в общей культуре народа. Мухтар сетовал на то, что творчество Абая еще недостаточно известно многонациональному советскому читателю. И у него зародилась мысль издать на русском языке наиболее примечательные произведения классика казахской поэзии. Он уговорил меня взяться за перевод, а на мои замечания о том, что, не зная языка, я вынужден буду прибегать к подстрочнику, горячо предложил мне свою помощь. Мало того, он взял на себя предварительные переговоры с казахским государственным издательством. А когда вопрос был решен, сам, теряя немало времени, переводил мне строчка за строчкой тексты, определяя метрический ход стиха, читая вслух оригинал, раскрывая и художественные его особенности, и национальное своеобразие бытовых деталей. Это были увлекательные лекции-импровизации, вводившие меня не только в поэзию Абая, но и в дореволюционный быт казахских степей и предгорий. Мне, как слушателю, можно было только позавидовать. Знания Мухтара Ауэзова в этой области были поистине неисчерпаемы. Возможно, он уже накапливал материалы, которые легли в основу его будущего романа „Абай“. Небольшой сборник стихотворений Абая Кунанбаева в моем переводе действительно вышел в Алма-Ате в 1936 году, и своим появлением на свет он всецело обязан Мухтару Ауэзову. Без его дружеской поддержки труд переводчика вряд ли был бы доведен до конца. А ведь это было первое появление стихов Абая на русском языке».
http://lermontovka-spb.ru/bnl/virt-vystavka-muhtar-auezov-i-peterburg/

Послевоенная казахская литература осваивала крупные формы «большого» советского стиля, тяготея к масштабным литературным жанрам: романам, трилогиям, поэмам и романам в стихах (С. Муканов, Г. Мустафин, З. Шашкин, Х. Ергалиев, Г. Каирбеков, Дж. Мулдагалиев и др.). Развивалась драматургия (Ш. Хусаинов, А. Абишев, А. Тажибаев), научная фантастика (М. Сарсекеев, Ш. Алимбаев).

В 1970-х внимание читателей привлекла книга известного сборниками «Доброе

время восхода» (1961), «Над белыми реками» (1970), «Повторяя в полдень» (1975) казахского поэта и прозаика Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (1975). В ней он развивал идеи о родстве казахов и древних шумеров, обращал внимание на большое количество слов тюркского происхождения в русском языке, что говорило, по его мнению, о сильном влиянии тюркской культуры на русскую. В оживленной дискуссии, развернувшейся в печати, Сулейменова обвиняли в пантюркизме и национализме.

В стихотворениях Олжаса Сулейменова «Кочевник», «Песня кумана», «Хромой кулан», «Карагач», «Красный гонец и черный гонец», «Молитва батыра», «Кочевье перед зимою...», «Баллада», «Волчата», «Последнее слово акына Смета» и других произведениях этого яркого представителя казахской поэзии второй половины XX столетия, ученого и дипломата, общественного и государственного деятеля, прослеживаются и личностное начало, и глубоко индивидуальный поэтический взгляд на мир. Элементы народной поэтики, характерный для многих акынов так называемый степной рефрен, мгновенная импровизация, рожденная поэтической мыслью, — это и многое другое отличает Сулейменова как сугубо национального классика, чье творчество, вышедшее из многовековой традиции, именуется поэзией степей.

Современная казахская литература продолжает развиваться в контексте общемировой цивилизации, впитывая и развивая новые культурные веяния с учетом собственных возможностей и интересов.

http://www.kazakhstanlive.ru/culture/literature/

Русские писатели Казахстана

История Казахстана сложилась таким образом, что он, в отличие от других республик бывшего СССР, стал наиболее многонациональной и поликультурной страной. Если справедлива пословица «Нет худа без добра», то драматичная, даже трагическая история Казахстана, особенно советского периода, превращенного сначала в гигантский лагерь, затем в штурмом поднятую целину и национальный ядерный полигон, стала примером духовного братства и единства самых разных народов. Иными словами, Казахстан оказался в центре большой истории XX века на пути перекрестного взаимодействия разных национальных культур с культурой Казахстана. Все это имеет непосредственное отношение и к литературе.

«...Постою на краю». Русские писатели, волею разных судеб оказавшиеся в советских национальных республиках, попали в особые условия жизни и творчества. В современной культурологии такие условия называют маргинальными. Они получили возможность в своем творчестве «пересекать этнографическую границу», по выражению известного казахстанского критика Н. С. Ровенского, то есть писать и жить в условиях инонациональной культуры, сопоставляя собственно русские духовные ценности с казахскими. Они оказались на стыке, скрещении двух культур и литератур, что, безусловно, стимулировало художественный синтетизм их творчества. Это означало, что русский писатель, познавая казахскую действительность и ментальность, по-иному, как бы со стороны, осознавал и свое этнокультурное начало. Тем более что уже в 30 годы XX века начался активный процесс такого взаимного русско-казахского (и не только) художественного узнавания. Очень точно сказал об этом О. Сулейменов, родоначальник казахского литературного русскоязычия: «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом».

Конечно, не обошлось здесь и без естественной в таких условиях ностальгии, ощущения оторванности от своей исторической родины и большой, русско-мос-

ковской литературы, которая в лице Союза писателей СССР не особенно часто вспоминала о своих литературных пасынках или «блудных сыновьях», оказавшихся после раскола советской империи за пределами России — о гражданах разных стран СНГ. Художник, по традиции всегда ощущающий себя космополитом, гражданином мира, вдруг утратил свободу передвижения, оказался в территориально замкнутом пространстве. Словно в предчувствии разрыва привычных связей, распада единого культурно-экономического пространства СССР, у русских поэтов Казахстана обострился саднящий мотив «двух родин». Новый патриотизм оборачивался двойным патриотизмом:

Я здесь живу усыновленный,
Но с каждым днем сильнее грусть.
К любви своей неутоленной
Я обязательно вернусь.
(О. Постников)

С другой стороны, это был знак давно назревшей эпохи перемен. Если народы бывшего СССР, словно в одиночестве, разбежались по своим национальным квартирам, то писатели, как в глухие годы брежневщины, затаились на своих национальных кухнях, как бы на время утратив чувство своей причастности к большой истории XX века. Ее глобализм и катастрофичность, которые вошли теперь в жизнь каждого из нас, лишний раз подтвердили простую и великую истину о том, что нет чужих среди людей. Все это непосредственно коснулось и русских литературных маргиналов.

Если в 1970-х годах Н. Ровенский, так сказать, ребром ставил непростой вопрос «Что есть русский поэт (писатель вообще) в национальной республике?», то на переломе столетий в независимом Казахстане несомненную актуальность получает вопрос «Что есть русская литература Казахстана? Не превратилась ли она теперь всего лишь в русскую литературную диаспору?»

Немного большой истории. Казахстан еще в XIX веке привлекал огромное и пристальное внимание ученых и писателей разных стран: США, Польши, Германии, но в первую очередь, конечно, России. Начиная с Пушкина, Даля, Гребенщикова, Достоевского и выдающихся ученых востоковедов (А. Е. Алекторов, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский), в Казахстан проникают и находят для себя благодатную почву образы и идеи русской литературы и науки. На смену «тихому» колониальному XIX веку приходит XX век — «растерзанное столетие» (Р. Конквист). Усиливаются экономическая и политическая колонизация огромной богатой страны, подавляется развитая кочевая культура. В советское время развернулся сталинский геноцид в отношении казахов и многих других народов, в том числе и русского. Еще раньше большевистский ленинский переворот 1917 года и Гражданская война усилили не только общекультурные, но и насильственные процессы миграции, которые способствовали зарождению русских литературных очагов как в областных, так и столичных (Кзыл-Орда, Алма-Ата) городах Казахстана. Известный ученый-филолог, современник тех лет и событий М. Ритман-Фетисов свидетельствовал: «Если до революции огромные пространства России, быт, жизнь народов, населяющих эту большую страну, оставались неизвестными художественной литературе, то сейчас мы наблюдаем резко противоположное явление. Сейчас растут поэты и писатели на местах». Революция, советская власть постепенно разрушали барьеры языков, культур и национальных традиций. Пафос социального раскрепощения, обещанного большевиками, порождал ощущение человеческого братства, взаимный интерес.

Зачинателями русской литературы Казахстана, прежде всего в силу этих исторических обстоятельств, стали русские писатели И. Шухов, А. Сорокин, Н. Анов, Дм. Черепанов, Дм. Снегин, М. Зверев, В. Чугунов и др. В освоении нового казахстанского материала в той или иной степени участвовали собственно российские писатели: Дм. Фурманов, М. Пришвин, Ю. Домбровский, Л. Мартынов, С. Марков, уроженцы Казахстана Вс. Иванов, П. Васильев. Но те, кто связал свою жизнь с Казахстаном, уже начинали работать в тесном сотрудничестве с казахскими писателями — М. Ауэзовым, С. Мукановым, Г. Мустафиным. Главной формой такого сотрудничества стали, конечно, перевод, взаимная литературная учеба и поиски совершенства. Тогда же, в середине 1930-х годов, начинает выходить первый литературно-художественный русскоязычный журнал «Советская литература Казахстана», впоследствии «Простор».

Многие народности и нации по достоинству оценили сердечное гостеприимство и помощь казахов. Но вот трагический парадокс, о котором в 1960-х годах писал О. Сулейменов в поэме «Дикое поле». Новый дом, новая родина для многих тысяч разноплеменных людей стали на долгие годы или тюрьмой, или каторгой: «Ты (Казахстан) огромною каторгой плавал на маленькой карте. Мы, казахи, на этой каторге родились». Карагандинский, джамбульский, северо-восточный и другие лагеря не вычеркнуть из нашей общей интернациональной памяти. Эта трагическая страница в истории социалистического Казахстана пока еще ждет своих художников, хотя уже опубликованы повесть А. Никольской «Передай дальше», дилогия **Ю. Домбровского** «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», роман С. Елубаева «Одинокая юрта», повесть о заложниках и узниках Карлага Вл. Берденникова «Свидетельствую...», воспоминания Р. Тамариной «Щепкой — в потоке».

Юрий Домбровский и Казахстан

Среди русских писателей, чья судьба связана с Казахстаном, особое место занимает Юрий Осипович Домбровский (1909–1978). Долгие годы он провел в ссылках, тюрьмах и лагерях. С Алма-Атой связана большая часть его жизни. В 1933 г. Домбровский был арестован в первый раз. Его по приговору выслали в Алма-Ату. Здесь он занимался археологией, искусствоведением, журналистикой, преподавал. Снимал угол в Тастаке у вдовы-казашки с пятью ребятишками. Каждое утро она пекла лепешку и ломала ее на шесть частей — своим детям и этому чужому человеку. Вспоминая об этом, он никогда не мог сдержать слез. Второй раз его арестовали по месту ссылки, в Казахстане, в 1936 г., но спустя семь месяцев отпустили. За три года, проведенные на свободе, он успел опубликовать исторический роман «Державин» (1939). И в этом же году — третий арест и колымские лагеря. Ему «повезло»: он получил инвалидность и был досрочно (1943) освобожден. Вернувшись в Алма-Ату, устроился на службу в театр, читал студентам лекции о Шекспире, работал над романами «Обезьяна приходит за своим черепом», «Смуглая леди». До следующего ареста успел их закончить. В 1949 г. его арестовали в четвертый раз. Очередной срок отбывал на севере и Озерлаге до 1955 года.

Весь 1955 год жил и работал в Алма-Ате, сотрудничал в газете «Казахстанская правда» и журнале «Литературный Казахстан». Потом ему разрешили вернуться в Москву. Несколько лет он напряженно работал над романом «Хранитель древностей» («Новый мир», 1964). Главный герой, очевидец и участник страшных событий эпохи, удивлял читателя образованностью, редкой интеллигентностью. Но «Хранитель древностей» только увертюра к главной книге — роману «Факультет ненуж-

ных вещей». Этот роман во многом автобиографичен и, конечно, не мог быть опубликован в СССР. Он впервые увидел свет в 1978 г. во Франции. И только много лет спустя вышел в нашей стране.

Домбровский был по характеру просветителем и интегратором культур. Он дружил со многими казахами. И не только писателями и деятелями творческой интеллигенции, которые потом будут именовать его учителем. Культура Казахстана была для него настолько родной, что он заразил своим отношением москвичей Юрия Казакова и Владимира Дудинцева, которые по настоянию Домбровского приехали в Алма-Ату.

Великолепно зная историю и законы истории, Домбровский понимал, что все империи обречены на распад и что многонациональная советская империя обречена, но считал, что Казахстан, даже став независимым, будет нуждаться в русской культуре.

http://atamanzaharov.blogspot.co.il/2013/07/blog-post 17.html http://www.ote4estvo.ru/pisateli/1628-dombrovskiy-yuriy-osipovich.html

А насильственная коллективизация казахов, прирожденных кочевников, в 1920–1930-х годах? А зловещие процессы троцкистов, шпионов, космополитов, когда в числе многих честных и невинных людей «национал-фашистскими бандитами» были объявлены С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин? Это факты, которые объединяли Казахстан с общей судьбой страны и в то же время выделяли его в этой горестной судьбе.

После 1937 года сталинский политический террор и демагогия все сильнее наваливаются на жизнь и литературу республики. Классовой ненавистью к местным «врагам народа» пытались заразить даже такого самородка, как прославленный акын Джамбул. В русском варианте его речи (песни) на II съезде КП(б)К читаем:

Шпионы оделись в народный чапан,
Шпионы — Исаев и Мирзоян:
Фашистам хотели продать Казахстан...

Иван Шухов, автор бесстрашного романа о коллективизации — «Ненависть», пишет пьесу о «вредителях» — «Заговор мертвых» (1938). Кто-то идет на компромиссы, кого-то берут под арест.

В очень скромной по своим художественным достоинствам русской прозе конца 1930-х и 1940-х годов выделяется исторический роман Ю. Домбровского «Державин». Его первая часть публикуется в «Литературном Казахстане» (1938. № 1–4), обсуждается в публичной библиотеке. Кажется, еще никому невдомек, что роман вызван к жизни трагической современностью. Но уже начинается «чистка» в русской литературной группе при СП Казахстана. Война на время отвлекает от искусства «великого друга советской литературы» Сталина и его идеологических подручных. Но в первые послевоенные годы, когда начинается борьба с космополитами, критика, призывая к «высокой партийности и художественности казахской литературы», снова исходит ядом классовой ненависти и занимается выкручиванием рук уже на местах. Вернувшийся с фронта, молодой, уверенно начинающий поэт Л. Кривощеков пишет в 1950 году искреннюю стихотворную здравицу Сталину, вовсе не подозревая, какой трагической правдой и самообманом наполнялись его восторженные строки и для «врагов народа» (еще тогда), и наполняются для нас теперь:

«История СССР»...
Я медленно листаю.
Морщины ранние бегут со лба:
На всех этапах Сталин, Сталин, Сталин...
Страны моей счастливая судьба...

Мы далеки от мысли компрометировать Джамбула, Шухова, Кривощекова. На вынужденные компромиссы шли и Ахматова, и Пастернак, да и кто из рядовых и безвестных людей не шел на подобные компромиссы даже в эпоху застоя (60–80-е гг.)? Речь идет об особенностях литературного процесса 1930–1950-х годов, о том, как пытались подчинить идеологическому единомыслию самых разных художников. О том, как литература все-таки противостояла духовному идеологическому оболваниванию, когда Горького провозглашали «певцом пролетарской ненависти», а творчество Пушкина — «частицей социализма». Важно понять, как могла в таких условиях выжить и выстоять творческая совесть художника и какие неизбежные потери она все-таки несла. Ведь не случайно к началу 1950-х годов Шухова уже ругают за «слабую теоретическую (читай — идейную!) подготовку». И кто ругает — Сабит Муканов! Видимо, уже не позволяла И. Шухову совесть писать в духе «Заговора мертвых»... Окраинной, маргинальной русской литературе приходилось особенно трудно. Поэтому ее проза, представленная такими именами, как И. Шухов, Н. Анов, Дм. Снегин, А. Дубицкий, М. Зуев-Ордынец, преимущественно уходила в историю (до- или революционную), опиралась на личный военный опыт (Дм. Снегин). Именно проза, потому что поэзия в основном была загипнотизирована праздничным пафосом различных юбилеев, великих сталинских свершений и побед. Для русских прозаиков, как и для казахских (пожалуй, в первую очередь!), здесь очень удобным и своевременным предлогом была задача подъема национальной исторической целины, то есть осмысление истории и культуры как преодоление национальной замкнутости, как поиск собственного пути на рубеже XIX и XX веков. Правда, это было только начало, и «Путь Абая» М. Ауэзова только предвещал появление в 1960–1970-х годах исторической прозы Г. Мусрепова, **И. Есенберлина**, А. Нурпеисова (автора крупнейшего полотна XX века «Кровь и пот»), М. Магауина, А. Кекильбаева, А. Тарази, Д. Досжанова.

В Петербурге прошел творческий вечер казахского писателя Ильяса Есенберлина

В Библиотеке национальных литератур 14 февраля 2015 года состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося казахского писателя Ильяса Есенберлина (1915–1983). Библиотекарь Дарья Соколова прочитала лекцию о жизни и творчестве классика казахской литературы, автора знаменитого исторического романа-трилогии «Кочевники». Был показан фильм по произведению писателя. Творчество И. Есенберлина — философская трактовка уроков истории, издержек современности, планов на перспективу с помощью художественных образов. Есенберлин смог соединить искусственно прерванную способность нации самостоятельно думать и решать судьбоносные вопросы без оглядки на «опекунов» свыше и со стороны.

На основе второго тома трилогии «Кочевники» — «Отчаяние» — в 2005 году был снят фильм. Действие разворачивается в XIX веке в Казахстане, во время освободительной войны казахского народа против джунгарских захватчиков. Легенда предсказывает появление нового героя, который призван освободить свой народ от вра-

жеского ига. Таким героем предстоит стать простому юноше Мансуру. Именно ему предначертано судьбой объединить все казахские племена в один народ, чтобы общими усилиями изгнать с родной земли джунгарскую орду.

Ильяс Есенберлин награжден двумя медалями: «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». Празднование юбилея автора «Кочевников» и «Золотой Орды» включено в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО.

http://www.spbdn.ru/sobitiya i fakti/nformaciya smi/
v peterburge proydet tvorcheskiy vecher kazahskogo pisatelya ilyasa esenberlina.html

Но прежде всего это было гражданси честное стремление уйти от «социального заказа» эпохи матеревшего в своей беспощадности советского тоталитаризма. Характерно, что в застойные десятилетия историческая проза укрепляет свои позиции и завоевывает главные симпатии читателя. «Историками» становятся и поэты (О. Сулейменов), и критики (в первую очередь казахские). Так добываются крупицы правды. Мода на официальный интернационализм в литературе конца 1970-х годов уже набивает оскомину и окончательно рушится в самой действительности — в уличных демонстрациях протеста декабря 1986 года...

В послевоенные годы и до конца 1950-х годов укрепилась качественно и количественно русская литературная диаспора. Были освобождены из лагерей и получили разрешение вернуться, в том числе из-за границы, хотя бы в Алма-Ату, Р. Тамарина, М. Зуев-Ордынец, А. Никольская, Н. Раевский, семья замечательной поэтессы, умершей в Париже, Ирины Кнорринг, частым гостем стал Ю. Домбровский. Не забудем о том, что этот процесс иммиграции начался, конечно, раньше, когда, спасаясь от московского «госужаса» (КГБ), в Алма-Ату переехали И. Шухов, Н. Анов, и, конечно же, оставила свой неизгладимый след творческая элита, эвакуированная в годы войны (**М. Зощенко**, К. Паустовский, В. Шкловский, С. Эйзенштейн, В. Жирмунский, Н. Черкасов, Б. Блинов, С. Магарил и др.). Но и Караганда, например,также помнит и чтит своих великих «зэков»: А. Чижевского, Н. Заболоцкого, Н. Коржавина...

Коренного петербуржца Михаила Зощенко начало войны застало в родном городе. Уезжать из осажденного Ленинграда он не собирался. Но по распоряжению обкома должен был быть эвакуирован. В столицу Казахстана приехал 26 октября. В предисловии к первой публикации глав из книги «Перед восходом солнца» он назовет Алма-Ату благословенной. Работая на «Мосфильме», Зощенко правил сценарии, придумывал титры. Сохранились его короткие сатирические сценарии для «Боевого киносборника». Для Г. Александрова написал сценарий «Опавшие листья» (не реализован). Киносценарий о солдате «Трофим Бомба» позже напечатан под названием «Солдатское счастье». Сочинял пьесы для находившихся в Алма-Ате театра Юрия Завадского и театра Николая Акимова. Писал рассказы и фельетоны для журналов «Крокодил», «Огонек», «Костер», «Молодой колхозник». И одновременно работал над книгой «Перед восходом солнца», материалы к которой только и взял из Ленинграда. В Алма-Ате были написаны первые четыре главы. Зощенко не только писал статьи на фронтовую тему, не только работал над книгой, он еще и изучал казахский народный юмор. Сегодня мало кто знает, что первый перевод казахских народных сказок о «безбородом обманщике» Алдаре-Косе сделал М. М. Зощенко.

Уехав из Алма-Аты, Зощенко не забыл о гостеприимном городе. В статье «О юморе в литературе» он писал: «Юмор свойственен казахскому народу в высшей степени, и поэтому он должен занять подобающее место и в письменной литерату-

ре». Зощенко очень хотел, чтобы в Казахстане возник собственный театр сатиры. К сожалению, при жизни эту свою мечту он так и не смог увидеть.
http://www.unikaz.asia/ru/content/blagoslovennyy-gorod-mihaila-zoshchenko http://alnaz.ru/almaty/zoshhenko-v-almaate.html

1960–1970-е годы стали, собственно, акмеизмом русской казахстанской литературы. Так называемая «оттепель», то есть некоторое ослабление идеологических тисков после XX съезда КПСС, до Казахстана дошла запоздало и робко. Прежде всего возможностью кое-что свободно читать, но еще не свободно говорить и писать. Общепринятые мысли и оценки к середине 50-х годов снова подрываются попытками сохранения исторической памяти: в романах о далеком и близком прошлом («Ак-Мечеть» Н. Анова, «Человек находит счастье» П. Кузнецова, «В городе Верном» Дм. Снегина), в лирике фронтовиков Дм. Снегина, Л. Кривощекова, А. Елкова, П. Богданова, В. Гордиенко. Ведь только устами исторического романа автор мог высказать, например, такие мысли: «Я хочу иметь развязанные руки, чтобы действовать согласно своим убеждениям»; «Тюрьма и казарма не только закалили меня и утвердили в прежних убеждениях: писатель живет на земле, чтобы бороться пером за благо народа» («Ак-Мечеть»).

Партийные «идеологи», «руководители» литературы всегда были начеку и согласно установкам соцреализма ревниво следили за тем, чтобы не только советская история, но в первую очередь современность подавалась в ореоле героики, превозмогающей правду жизни. Примеров такой прозы несть числа, собрала она свой урожай и в Казахстане — особенно на материале целинной и рабочей, производственной темы. Трудно что-либо припомнить как произведение незаурядное. Разве что очерки И. Шухова «Покорители целины» (1955) да роман И. Щеголихина «Снега метельные» (1960). Но и этот роман был характерной попыткой высветлить тяжелый труд и жизнь первоцелинников. Литература наша так и не подняла целину, потому что большую правду о ней говорить запрещалось. И, видимо, желая заполнить этот явный пробел и торжественно закрыть тему, «написал» свою «Целину» Л. Брежнев — «лучшее» по тем временам произведение, немедленно потянувшее на Ленинскую премию... Но были и другие факты литературной жизни.

Под редакторством Ивана Шухова на протяжении целого десятилетия (1963–1974) журнал «Простор» имел всесоюзного читателя. Здесь впервые были опубликованы повесть А. Платонова «Джан», пьеса Б. Пастернака «Слепая красавица», неизвестные стихи О. Мандельштама, цикл М. Цветаевой «Маяковскому», рассказы Ю. Казакова, воспоминания сестры Есенина о брате и Шухова о встречах с Горьким, роман Ю. Герта «Кто, если не ты?» и его же повесть «Лгунья», стихи Вал. Антонова, повесть Вл. Берденникова «Татарников»...

В это время выходит за пределы республики и Союза историческая проза М. Симашко (повесть «В черных песках», «Искушение Фраги», романы «Хроника царя Кавада», «Маздак»), с интересными историческими романами выступают Н. Анов («Интервенция в Омске»), Дм. Снегин («Утро и два шага в полдень»), И. Щеголихин («Слишком доброе сердце»). Пишут «в стол» Ю. Герт (роман «Лабиринт»), Ю. Рожицин (повести «Омут» и «Прощеный день»), А. Никольская (повесть «Передай дальше»), Вяч. Карпенко (повесть «Вечер встречи»). В лице Н. Раевского является в Казахстане профессиональная пушкинистика («Если заговорят портреты», «Портреты заговорили»). Выходят романизированные биографии и биографические хроники П. Косенко о русских и советских писателях, в судьбы которых по-разному вошел Казахстан (П. Васильев, Вс. Иванов, А.Сорокин, Ф. Достоевский).

Новые, по-своему неповторимые голоса зазвучали с приходом в литературу А. Скворцова, Р. Тамариной, В. Антонова, А. Арцишевского, В. Старкова, Г. Кругликова, О. Постникова, Т. Мадзигон, Л. Лезиной, И. Потахиной. К ним на рубеже 1970–1980-х годов присоединились Н. Чернова, В. Киктенко, Л. Степанова, А. Шмидт, А. Соловьев, Л. Шашкова, Т. Фроловская, Т. Азовская.

Появляется наконец малочисленная, но профессиональная критика: Н. Ровенский, П. Косенко, А. Устинов, В. Владимиров, В. Бадиков и литературоведение — А. Жовтис («Стихи нужны»).

Значит, было сопротивление застою. Значит, островок русской литературы приобретал вполне рельефные очертания, хотя по-прежнему числился на положении периферийного ведомства Союза писателей и «малой» братской литературой республики. Происходили здесь свои драмы, возникали свои «феномены», которые определялись не только остаточным давлением «системы», но и местными условиями.

На изломе времен. Предчувствие конца брежневского безвременья выражалось в ощущении сплошного воровства и дефицита — духовного и материального. С разной степенью мастерства и глубины писали об этом в начале 1980-х годов Ю. Герт («Ночь предопределения»), А. Арцишевский («Письма на бересте»), А. Загородний («Суд да дело»), И. Щеголихин («Дефицит» и «Должностные лица»), В. Мироглов («Сила Кориолиса»),

Когда началась эпоха публикаций, у русских писателей Казахстана нашлось что предъявить читателю как свидетельство своей гражданской честности и стойкости. Оказалось, что у Ю. Герта давно было написано продолжение романа «Кто, если не ты?» — «Лабиринт», и оно доводило до логического конца конфликт его героев с «системой». Пусть накал разоблачительного и негодующего пафоса здесь был не тот, что у В. Гроссмана или В. Дудинцева. Важно, что этот пафос владел писателем еще тогда. Ю. Рожицин, пожалуй, сильнее задел читателя своими повестями «Омут» и «Прощеный день». Противник коллективизации, зэк Иннокентий Непомнящий не только героически воюет в штрафном батальоне, но еще и перевоспитывает на войне уголовную лагерную мразь. Не удалось «системе» подавить в нем ни личность, ни патриотизм, ни веру в человека.

К сожалению, не «Простор», а журнал «Дружба народов» напечатал повесть М. Симашко «Гу-га» — трагическую историю кадровых военных штрафников. Наконец появилась в печати и повесть А. Никольской «Передай дальше» — о лагерном самодеятельном театре, помогавшем превозмогать ужасы советского ГУЛАГа.

Тем сильна и значительна была казахстанская проза (и казахская, и русская), что всегда пристально вглядывалась в прошлые эпохи, в исторических личностей, что при помощи истории хотела понять дух и смысл нашей современности, сказать правду о сегодняшнем дне. Таков, например, роман М. Симашко «Семирамида», написанный подлинным художником, к сожалению, ныне уже покойным.

В этом направлении интересно и свежо работала новая смена прозаиков и поэтов 1980-х годов: О. Постников, В. Галактионова, Ю. Кунгурцев, В. Мосолов, Г. Доронин, О. Слободчиков, Е. Курдаков, Н. Чернова, Л. Шашкова, В. Шостко, О. Шиленко, критики и литературоведы Н. Скалой, В. Мерлин, Г. Токарев, Г. Тюрин. У них была самая разная прописка в пределах Казахстана: Алма-Ата, Уральск, Усть-Каменогорск, Актюбинск, Чимкент. Но дело было не в прописке, а в имени автора, обозначавшем новый светский взгляд на меняющуюся нашу жизнь.

С распадом СССР, с падением советского партийного тоталитаризма многое переменилось в казахстанском доме. Это были трудные времена для всего народа, государства и культуры. В 90-е годы, в последнее десятилетие XX века — «века-

волкодава», трясло государство, потому что распались прежние экономические связи, стремительно нищал народ, распался единый Союз писателей с центром в Москве, литературный рынок заполонила псевдолитература, писатели снова разбрелись по своим кухням; как в застойные времена, остро ощущая свое социальное изгойство, конец литературы. Но таких «домоседов» оказалось не так уж и много. Большинство, сначала в одиночку, потом едва ли не группами, двинулось за пределы Казахстана и СНГ, вплоть до Америки и Австралии. В 90-х годах эмигрировала в основном творческая интеллигенция — писатели, критики, филологи, музыканты, артисты, ученые — более 30 человек. Среди писателей, например, художники, уже снискавшие в республике известность: Ю. Герт, Р. Тамарина, А. Елков, Г. Черноголовина, Н. Поведенок, Е. Курдаков, М. Пак, В. Киктенко, А. Загородний и другие.

На рубеже веков ушли из жизни Л. Лезина, О. Постников, Н. Ровенский, М. Симашко, Дм. Снегин, И. Потахина, Е. Курдаков... Частенько вспоминалась тогда грустная пушкинская сентенция: «Иных уж нет, а те далече». Вот когда казахстанская русская литература едва ли не сократилась до литературной диаспоры.

Эмиграция захватила не только русскую, но и казахскую интеллигенцию, хотя, конечно, дело не в масштабе. Причины? Их было немало. Бытовые, семейные, но в первую очередь творческие: опасение и, может быть, даже страх оказаться в замкнутом территориальном и инонациональном пространстве, страх утратить творческую свободу художника-маргинала, все-таки имевшего реальную возможность миграции хотя бы в пределах СССР, в крайнем случае в более обширных пределах западного мира, как, например, **А. Солженицын**, В. Некрасов, В. Войнович, С. Довлатов, а из казахстанцев — Ю. Герт, В. Филатов...

1950–1953 годы А. И. Солженицын провел в лагере в Казахстане на общих работах. После окончания срока заключения (февраль 1953) был отправлен в бессрочную ссылку. Работал учителем в районном центре Кок-Терек Джамбульской области. 3 февраля 1956 года Верховный суд освободил Солженицына от ссылки, а через год объявил полностью невиновным. Еще в лагере у Солженицына обнаружили рак, и 12 февраля 1952 года ему была сделана операция. Он дважды лечился в Ташкентском онкологическом диспансере. Вопреки ожиданиям медиков, злокачественная опухоль исчезла. В своем исцелении недавний узник усмотрел проявление Божественной воли — повеление рассказать миру о советских тюрьмах и лагерях, открыть истину тем, кто ничего не знает об этом или не хочет знать.

Первые сохранившиеся произведения Солженицын написал в лагере. Это стихотворения и сатирическая пьеса «Пир победителей». Зимой 1950–1951 гг. задумал рассказ об одном дне заключенного. В 1959 г. была написана повесть «Щ-854» («Один день одного зэка»). Под измененным названием («Один день Ивана Денисовича») напечатана в «Новом мире» (1962, №11). В 1955 г. задумывает, а в 1963–1966 гг. пишет повесть «Раковый корпус». В ней отразились впечатления автора от пребывания в Ташкентском онкологическом диспансере и история его исцеления.
http://adilgereev.ucoz.ru/index/aleksandr isaevich solzhenicyn/0-25

Но жизнь не терпит, как известно, пустоты, а с нею вместе и литература. С обретением независимости, относительной экономической стабилизации на основе внутреннего межнационального доверия в Казахстане снова оживилась культурная жизнь в самом широком смысле. Этому, безусловно, способствовала концепция нового евразийства, выдвинутая Президентом РК Н. А. Назарбаевым в марте 1994 года, когда он выступил в МГУ им. М. В. Ломоносова с предложением создать

Евразийский союз государств, основой которого может быть извечно традиционное, по словам проф. Ш. Р. Елеукенова, «взаимное притяжение душ славянских и туранских (центральноазиатских), ориентация на глубокое познание достояния народов Евразии, чтобы продолжить в новых условиях процесс культурного общения, освященного именами Пушкина, Лермонтова и Абая, Достоевского и Чокана Валиханова, Бунина, Блока и Магжана Жумабаева, Потанина и Ахмета Байтурсынова».

Все это вкупе с экономическими реформами 90-х годов благотворно сказалось на активизации казахстанской литературной жизни. Появляются новые газеты и журналы («Новое поколение», «XXI век», «Панорама», «Нива», «Зеркало», «Тан-Шолпан» и др.), новые писательские объединения (Казахский ПЕН-клуб). Начали готовить новую литературную смену журнал «Простор», мастер-класс фонда «Мусагет», литературные курсы открыла русская секция Союза писателей РК. Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (президент Сергей Филатов) несколько раз приглашал авторов из Казахстана на форумы молодых писателей. Издательства снова повернулись лицом к настоящей, а не рыночной литературе. Назовем хотя бы некоторые имена нового поколения русских литераторов: Н. Веревочкин, И. Олегов, Е. Барабанщиков, С. Лукьяненко...

***Союз писателей Казахстана**. Общественная творческая организация, созданная в 1934 году и объединяющая сейчас около 750 казахстанских профессиональных литераторов. Среди изданий СП Казахстана — русскоязычный журнал «Простор». Председатель — Нурлан Оразалин.*

***Среднеазиатский литературный фронт**. Объединение молодых писателей. Создано в 2006 году в Алматы по инициативе Михаила Земскова. Цель — активизация литературных процессов в регионе, создание литературного театра, сотрудничество с журналами Центральной Азии и России. В объединение входят 16 писателей, в том числе Илья Одегов, Елена Тикунова, Ксения Рогожникова.*

***Аполлинарий**. Литературно-художественное издание. Издается по инициативе и под руководством Ольги Марковой с 1993 года в Алматы. В русскоязычном Казахстане это «единственное издание, ориентированное только на художественную литературу».*

***Берега**. Литературный журнал. Выходит с 1997 года. Печатаются как местные литераторы, так и авторы из-за рубежа. В сотрудничестве с областным литобъединением «Ковчег» и молодежной студией «Крылья» журнал проводит конкурс «Парад дебютантов» и открытый региональный конкурс им. Анатолия Коштенко. Главный редактор — Владимир Растегин.*

***Нива**. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Печатаются преимущественно произведения казахстанских авторов, но гостями журнала были и российские издания «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Всерусский собор», «Иртыш». «Мы стараемся выдерживать традиции русской классической литературы. Современные изыски нас, честно говоря, не прельщают » — подчеркивает главный редактор Владимир Гундарев. Международная Организация деловых инициатив (BID; Мадрид) наградила журнал золотым (2003) и платиновым (2004) призами за качество. «Нива» отмечена национальной премией «Алтын Жулдыз» в номинации «Лучший журнал Казахстана» (2007).*

***Простор**. Старейший в Казахстане русскоязычный литературный журнал. Выходит в Алматы с 1933 года; нынешнее название получил в 1960 году. Награжден орденом Дружбы народов (1983). Рубрики: Евразия; ЛИК (Литературоведение-Искусст-*

во-Краеведение); Мирообраз; Обрусевшие русские. Среди авторов — М. Тыцких, Г. Толмачев, Н. Веревочкин, А. Корчевский. Главный редактор — Валерий Михайлов.
***Алаш**. Международная литературная премия, учреждена СП Казахстана. Вручается один раз в два года. Присуждается в основном казахоязычным писателям. Исключения: 85-летний Александр Сергеев (1999), Орынбай Жанайдаров и Валерий Михайлов.*
***Премия имени Юрия Казакова**. Учреждена в 1996 году ПЕН-клубом Казахстана как награда за лучшие переводы казахской литературы на русский язык.*
***Шабыт**. Международный фестиваль творческой молодежи «Шабыт» («Вдохновение») проходит с 1997 года в Астане под патронатом Н. Назарбаева. Присуждаются премии по разным номинациям, в том числе по поэзии и прозе. Среди лауреатов: в 2000 — Надежда Рунде, Канат Омар; в 2001 — Екатерина Медведева; в 2002 — Екатерина Медведева, Евгений Демидович; в 2003 — Елена Преображенская, Евгения Чумаченко (Гран-при).*
***Арба.ру**. Всемирный независимый казах/стан/ский сетевой журнал — авторский проект Аэлиты Жумаевой. Среди тем — проза, поэзия, художественные акции, культурные события, мониторинг российской прессы.*
***Литературный Казахстан**. Сайт, представленный как «народное приложение к журналу „Простор“»,— авторский проект Людмилы Мананниковой, поставившей перед собой задачу «рассказать о ныне действующих поэтах и писателях, о тех, кого уже нет с нами, но чьи имена необходимо помнить».*
***Русскоязычная Азия**. Сетевой альманах современной литературы Казахстана. Множество поэтов и писателей самых разных национальностей пишут здесь на русском языке. На сайте размещены биографические анкеты авторов — материалы к будущему словарю-справочнику «Литераторы Казахстана» (словник включает 828 имен и постоянно обновляется).*
http://sci-book.com/russkaya-literatura/kazahstan-49909.html

Несомненно, значительную роль в возрождении авторитета русской литературы сыграли и русскоязычные казахстанские писатели О. Сулейменов, С. Санбаев, Б. Каирбеков, О. Жанайдаров, Б. Канапьянов, Д. Накипов, М. Исенов и многие другие. Сам факт расширения этого течения и вообще творческого билингвизма в казахской литературе XXI века свидетельствует о том, что евразийская ментальность обрела уже конкретные формы своего бытия, объединяя не только казахских и русских, но и уйгурских, немецких, корейских и других национальных писателей.
http://tak-to-ent.net/publ/17-1-0-469

(По материалам Интернета)
Публикация подготовлена
Ольгой Малышкиной

Год литературы

Юлия ЩЕРБИНИНА

ПОХОРОНИТЕ АВТОРА ЗА ПЛИНТУСОМ

(о плагиате и смежных явлениях)

Превосходные слова!
Интересно, где вы их украли?
Джонатан Свифт

Творчество радиоактивно.
Юрий Олеша

Плагиат — актуальная проблема современности и предмет неутихающих дискуссий. Воровство интеллектуальной собственности происходит везде: в науке и образовании, бизнесе и IT-технологиях, литературе и кинематографе. При этом в пылу полемики нередко возникают ложные представления, путаются сходные и сопредельные понятия, а иные не рассматриваются вовсе. Попробуем хотя бы в общих чертах разобраться в данной проблеме, установить некоторые взаимосвязи, выявить значимые закономерности.

Немного из истории вопроса

Бытует ошибочное мнение, будто плагиат — феномен новейшего времени, во многом спровоцированный Интернетом. На самом деле это такой же миф, как якобы «сетевое происхождение» пиратства — нелегального копирования и распространения интеллектуальных продуктов. Уже древние, несмотря на иное отношение к авторству и понятиям «свое/чужое», регулярно присваивали чужие тексты, притом понимая и общую суть плагиата, и (в той или иной мере) его неправомерность.

Геродот заимствовал у Гекатея, Вергилий — у Лукреция и Энния. Латин выискивал плагиат у Софокла и Меандра. Позднее Перотти представил басни Федра как

Юлия Владимировна Щербинина — доктор педагогических наук, профессор кафедры риторики и культуры речи Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Сфера научных интересов: речеведение, коммуникативистика, исследование дискурсивных процессов в разных областях культуры. Автор свыше 80 работ по педагогике и дискурсологии.

собственные. Упреки в литературном воровстве звучали в адрес Шекспира, отвечавшего на них сравнением заимствований с девушками, которых он «вывел из плохого общества и ввел в хорошее». Мольер на аналогичные обвинения отвечал жестче: «Я беру свое добро всюду, где его нахожу». А Дюма-отец вообще заявлял, что «все в этом мире плагиат, даже Господь Бог сотворил Адама по своему образу и подобию; новое создать невозможно».

С формированием в XIX столетии законодательных основ авторства и практики судебного преследования нарушителей копирайта число официальных фиксаций и обнародования случаев плагиата стремительно возрастает. А уж о частных нападках и разбирательствах нечего и говорить — их количество вообще неисчислимо. Гончаров изобличал в плагиате Тургенева, Розанов констатировал «софистический плагиат» у Мережковского... В советское время бурно обсуждались авторство «Тихого Дона», история фальсификации Василием Анучиным писем Максима Горького, заимствования Эдуарда Хруцкого из романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого»...

Еще более распространено заблуждение относительно масштабов распространения плагиата. На поверку нет никаких достоверных и убедительных доказательств того, что раньше плагиата было меньше. Хотя бы потому, что никто целенаправленно не занимался исследованием частотности случаев незаконного присвоения интеллектуальной собственности, не вел статистику; да и технических возможностей для этого прежде не было. Вполне справедливо расхожее выражение: *плагиат — это не то, что вы украли, а то, что вы не сумели присвоить.*

Если сейчас взять и оцифровать все когда-либо написанные тексты, будь то романы или диссертации, а потом прогнать даже через простенькую программу «Антиплагиат» — о-о-о, «как много нам открытий чудных...» Шуба завернется! И все сегодняшние скандалы с фальшивыми диссертациями покажутся каплей в море и мышиной возней.

Случаев плагиата хватало всегда, просто в настоящее время появились оперативные и эффективные механизмы его выявления. Точно так же следует говорить о совершенствовании диагностики ряда болезней, а не о росте заболеваемости. Кажется, все больше говорят об опухолях мозга, хотя на самом деле их количество в целом не увеличилось, но стало возможно их выявление с помощью магнитно-резонансной томографии.

Однако, наверное, все же есть тенденция к распространению плагиата, связанная с расширением технических возможностей доступа к информации. Для копирования текста сейчас достаточно одного клика компьютерной мышью или движения пальца по сенсорной клавиатуре. Плагиат сделался процедурно более простым и, как следствие, более притягательным.

Помимо технологического, есть также идеологическое основание — особая лояльность общества постмодерна ко всякого рода вторичности и, как следствие, утрата Словом не только сакральности, но и неприкосновенности. Преследуясь де-юре, плагиат фактически превращается в популярную практику самовыражения, а нередко и обогащения пишущего. На повседневно-бытовом уровне эта практика (так же как и пиратство) становится почти легитимной, обнажая двойные поведенческие стандарты: официально плагиаторов осуждают, штрафуют, увольняют — неофициально им часто выражают сочувствие и даже одобрение.

Наконец, третье и самое живучее заблуждение касается самого определения плагиата. В строгом и наиболее общем смысле это *умышленное полное или частичное присвоение авторства чужого произведения.* Применительно к литературе — дословное воспроизведение под своим именем текста другого человека.

Известные случаи подтвержденного и зафиксированного в официальных СМИ плагиата последнего времени: фэнтези-роман «Аграмонт» В. Спиранде (переписанная игра «Флейта времени»); сочинение Д. Фокина «Приключения на золотых приисках Чукотки» (компиляция текстов Майн Рида, Буссенара, Есенина, Пастернака и др.); книга И. Сергиевской «Пантеоны Кремля» (дословные заимствования из «Жизни московских кладбищ» Ю. Рябинина); книга В. Курбатова «Загадки Туринской плащаницы» (целые главы и отдельные фрагменты из работы Р. Смородина «Сын человеческий»); присвоенная М. Задорновым юмористическая история В. Райхер.

Неопределенность и размытость представлений о плагиате нагляднее всего отражаются в частных дискуссиях. Кто-то потом отправлялся в суд, какие-то реплики остаются на уровне приватных высказываний. Так, за последнее время обвинения в плагиате предъявлялись целому ряду наших известных писателей:

— Михаилу Шишкину — от Александра Танкова и других рецензентов за включение в роман «Венерин волос» дословных незакавыченных фрагментов мемуаров Веры Пановой «Мое и только мое»;

— Ольге Славниковой — от создателей фильма «Гудбай, Ленин!» за сходство сюжетной конструкции в романе «Бессмертный»;

— Борису Акунину — от Татьяны Викентьевой, утверждавшей, что «Кладбищенские истории» скопированы с ее одноименной пьесы; от Елены Чудиновой, посчитавшей «Девятный Спас» кражей ее романа «Ларец»;

— Владимиру Спектору — от собратьев по перу за дословные совпадения его текста со стихотворением Игоря Меламеда;

— Дарье Донцовой — от массы недовольных читателей, то и дело обнаруживающих в ее текстах «следы» множества других писателей от Карела Чапека до сетевого автора Гарика Черского.

А лидирует в этом списке, наверное, Виктор Пелевин, искусанный «разоблачителями» похлеще, чем Винни-Пух пчелами. Алексей Панов указал на использование сюжетных линий его книги «Школа сновидений с картой начальных странствий» в пелевинском романе «Священная книга оборотня»; Александр Астраханцев — на переклички «Generation „П“» с «Generation X» Дугласа Коупленда, а также «выдирание целых абзацев из Фрейда, Юнга»[1]; Борух Щипкинд — на заимствование в «Ананасной воде для прекрасной дамы» фрагментов его неизданного романа «Светлый путь». Последнее напоминает уже какой-то анекдот из разряда пелевинских же игрищ с читателем.

Между тем уже по приведенным примерам очевидно, что плагиатом считают иногда не совсем то, а часто даже совсем не то, чем он является на самом деле. Справедливо замечание Льва Пирогова: «Споры вокруг „проблемы авторства“ давным-давно питаются не фактами, а „убеждениями“»[2].

Итак, рассмотрим круг явлений, сходных или сопредельных с плагиатом, попытаемся их упорядочить и систематизировать.

Плагиат и эпигонство

Под эпигонством принято понимать неоправданное художественными целями подражание творческим методам, идеям, стилистике, манере авторов-предшественников; механическое и упрощенное воспроизведение литературных приемов, мотивов, ходовых образов, речевых оборотов; преемственность без самостоятель-

[1] Сухорукова М. Александр Астраханцев: «Бушкова сейчас читать не могу, Пелевин — плагиат чистейшей воды» (интервью) // Конкурент. 2010. 13 октября.

[2] Пирогов Л. Свобода, макароны, окурки // Литературная газета. 2010. 26 мая. № 21 (6276).

ного и глубокого осмысления первоисточника. Во всем этом обнаруживаются неталантливость, невысокая одаренность, отсутствие мастерства пишущего.

Фигурально выражаясь, эпигонство — это творческая эхолалия (автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи). Эхолалия диагностируется при психических заболеваниях, но иногда возникает у здоровых детей как один из ранних этапов развития речи. Аналогично и некоторые литераторы на этапе творческого становления подражают именитым мастерам, копируют мэтров. Но, пожалуй, более точная метафора эпигонства — неуклюжее проявление любви. Литературного подражателя и копииста можно сравнить с влюбленным юношей, украдкой утянувшим надушенный платочек у дамы сердца. Создание произведения по чужим лекалам как клятва верности и преданности.

А вот с примерами эпигонства всегда сложнее, чем с определением. Исследователи более-менее единодушны, относя к эпигонским многочисленные сочинения малоизвестных подражателей П. Корнелю, Ж. Расину, Г. Байрону. В остальном же разногласий больше, солидарности меньше.

Из непростых случаев — рассказы Бориса Лазаревского, испытавшего сильное влияние Чехова. Последний, в свою очередь, упоминал крестьянского поэта Вячеслава Ляпунова, который, по мнению Чехова, не мог стать большим поэтом, так как подражал Кольцову и Некрасову. Сам же Лазаревский считал Чехова продолжателем школы Мопассана («Чехов прокоптился Мопассаном, как я Чеховым»). Оценку мастерства всех четырех авторов оставим литературоведам.

Из современных случаев — скандал, разгоревшийся после получения Михаилом Елизаровым премии «Русский Букер» за роман «Библиотекарь»: на автора посыпались прямые, многочисленные и по большей части злобные обвинения в эпигонстве Владимира Сорокина.

Однако в настоящее время, возможно, самая обширная и утоптанная лужайка эпигонов — в фантастике и фэнтези. Новейший вариант эпигонства — *фанфикшн*, литература поклонников известных писателей вроде Дж. Толкина, Д. Роулинг, Р. Желязны, Т. Пратчетта, братьев Стругацких, С. Лукьяненко.

Другая современная разновидность эпигонства — *литературное клонирование*: создание вторичных и малоценных в художественном отношении текстов, копирующих легко узнаваемые содержательные, композиционные, стилевые элементы ранее написанных популярных произведений. Ср., например: романы Оксаны Робски и последовавшие затем романы Оксаны НеРобкой. Чаще всего это стратегия массового книгоиздания по расширению целевой аудитории и обновлению ассортимента. Здесь действует уже не влюбленный с надушенным платочком, а ловкий делец, организующий бесперебойные поставки сюжетных шаблонов, образных лекал, словесных клише.

При сохранении старых и появлении новых форм эпигонства очевидно одно: подражатель не крадет, а открыто заимствует. И заимствует лишь внешнюю оболочку произведений, не углубляясь в идейность и смысл. Эпигон не вор, а скорее заемщик, неспособный отдать сполна творческий долг своему учителю и кумиру либо (в нынешних условиях) изначально не собирающийся оплачивать культурные счета.

Плагиат и стилизация

Стилизация определяется как намеренное, часто даже нарочитое имитирование стиля, структуры, жанровой формы, переосмысливающее содержание исходного произведения. Стилизатор дает собственную интерпретацию первоисточника, раскрывает наличные и создает новые смыслы; производит аналитические опера-

ции — типизируя, обобщая, критикуя, переоценивая ранее созданное. Нередко стилизация содержит сюжетные и образные ассоциации, аллюзии и реминисценции, иногда выступает элементом литературной пародии (но не является тождественным понятием).

Каковы отношения стилизатора и автора-донора? С одной стороны, стилизация — проявление «литературной памяти», дань культурной традиции, вариант встраивания нового текста в общелитературный контекст. С другой стороны, стилизация — одна из стратегий «литературной канонизации» исходного текста и весомое доказательство его творческой жизнеспособности, актуальности и востребованности в меняющихся культурных обстоятельствах. Разумеется, это относится лишь к удачным, талантливым стилизациям, авторы которых обладают тонким литературным вкусом и языковым чутьем; не только хорошим писательским «голосом», но и «слухом».

Многочисленные стилизации в изобилии обнаруживаются в том же фанфикшне. Элементы стилизаторства на уровне отдельных приемов, не исчерпывающих авторский замысел, присутствуют и в интеллектуальной прозе. Яркий пример — творчество Владимира Сорокина («День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель» и др.).

В целом претензии по поводу интеллектуальной собственности стилизаторы получают не так уж часто, несмотря на использование чужих словесных форм. Но вообще сложно предугадать конкретные ситуации и мотивы обвинений. Так, в ряде стран наложен запрет на книги Дмитрия Емца из цикла «Таня Гроттер», писателем проигран суд по обвинению в плагиатировании романов Роулинг. А вот на книгу Андрея Жвалевского и Игоря Мытько «Порри Гаттер и каменный философ» пока вроде никаких официальных нареканий не поступало. Подобные факты свидетельствуют о том, что в юридической практике плагиат может квалифицироваться по-разному, ибо закон что дышло...

Плагиат и парафраз

В общем смысле парафраз — это изложение целого текста или его части «другими словами». Сокращенный и упрощенный пересказ называют *адаптацией*, которая может содержать также краткие разъяснения и комментарии. Парафраз не считается плагиатом, если указан автор и понятно, что это именно вторичный, пересказанный текст.

К современным разновидностям парафраза можно отнести *рерайтинг* (переработку текста с изменением его внешней формы при сохранении оригинального смысла и фактической основы) и *клифф ноут* (краткий пересказ известных художественных произведений).

Рерайтинг применятся чаще всего как средство уникализации исходного текста для поисковых интернет-систем. По сути, рерайтинг в идеале является способом борьбы с плагиатом в сфере технического письма, где фигурируют главным образом факты, а не идеи. Однако парадокс в том, что некачественный, слишком поверхностный рерайтинг вполне можно принять за плагиат, особенно если текст подписан чьим-то именем.

Фактически первым теоретиком рерайта можно считать француза Ришесурса с его работой «Академия ораторов» (XVII век), где в качестве средства компенсации недостатка творческих способностей рассматривается последовательная синонимическая замена всех слов в высказывании. Кстати, это средство определяется здесь не иначе как *плагиаризм*. От рерайта до присвоения чужого текста — расстояние вытянутой ладони.

Клифф ноут — популярный способ и достаточно востребованный формат массовой репрезентации литературных текстов, хотя сам термин является у нас экзотическим и малоупотребительным. Первой отечественной попыткой профессионального воплощения данной идеи можно считать энциклопедическое издание «Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Русская литература XIX века» (1996). В настоящее время есть немало интернет-ресурсов, предлагающих пересказы произведений: «Brifly», «Kratkoe», «Mnogabukaff», «Pereskaz», «Pokoroche», «Rulitra» и др.

К парафразу примыкает *художественное переложение* текстов. Из множества примеров вспомним хотя бы «Пиноккио» К. Коллоди и «Золотой ключик» А. Толстого; «Винни-Пух» А. Милна и «Винни-Пух и все-все-все» Б. Заходера; «Медный кувшин» Ф. Энсти и «Старик Хоттабыч» Л. Лагина. Если авторский пересказ качествен и талантлив, обогащает первоисточник новыми идеями и смыслами — можно говорить о текстах-«побратимах». Если же переложение — халтура и поделка, да еще с минимальным авторским вкладом, могут последовать претензии правообладателя оригинала, в том числе и обвинение в плагиате.

Иногда за переложение действительно пытаются выдать нечто очень похожее на плагиат. Скажем, роман Элис Рэнделл «Ветер прошел» заявлялся как художественная переработка «Унесенных ветром», однако в действительности отличия оказались весьма несущественными — и Маргарет Митчелл выиграла иск, добившись запрета на распространение текста Рэнделл, квалифицированного как незаконное продолжение оригинального романа.

Плагиат и литературная подделка

Случается плагиат по чужой инициативе и/или по чужой вине — к которому лицо, указанное как автор, причастно лишь косвенно либо непричастно вообще. Большинство таких ситуаций возникает из-за технических погрешностей (например, перепутали имена при верстке книги) или логических ошибок (неправильно идентифицировали однофамильцев, соавторов, схожие заголовки и т. п.). Однако есть и случаи намеренной подмены авторства, когда плагиатором выступает третья сторона.

Вот лишь пара известных примеров. Книга «Предсказамус настрадал нам будущее: лучшие шутки миллениума», на обложке которой значилось «Андрей Кивинов», на поверку оказалась сборником текстов нескольких популярных юмористов, а фамилия знаменитого автора детективов была размещена без его ведома. По признанию Кивинова, к нему обращались только с просьбой написать аннотацию[3]. Виктория Соломатина выиграла суд с издательством, продолжавшим публиковать чужие произведения под ее псевдонимом «Виктория Платова».

Появляется даже целая отрасль пиратского бизнеса — выпуск подделок произведений популярных писателей. Тексты сочиняются литературными неграми либо вообще берутся из неохраняемых интернет-ресурсов, на обложку ставятся настоящие фамилии (например, «Акунин», «Бушков»), а название и адрес издательства размещаются фиктивные. Нередко перепечатывают заодно и чужие обложки — для повышения узнаваемости издания[4].

---

[3] Семенов А. Издательские шалости // FLB: Агентство федеральных расследований. 2003. 31 марта.

[4] Подробнее об этом см., например: Хохлов О. Фига в романе // Коммерсант-Деньги. 2005. 1 августа.

Описанная технология отчасти соотносится с так называемым *контрплагиатом* — намеренным отчуждением авторства «в пользу» ранее написанного и более авторитетного текста[5]. Только если позднеантичные и средневековые сочинители делали это из философских соображений, то нынешние ловкачи руководствуются исключительно прагматическими мотивами. Технология одна, а психология разная: там — понять жизнь, тут — заработать денег.

К контрплагиату вплотную примыкает и современная практика *гострайтерства* — создания произведений на заказ за подписью заказчика или третьего лица. Здесь отчуждение авторства носит договорной характер: работу выполняют наемники («литературные негры»). Присвоение чужого текста происходит согласно конвенции: одной стороне нужны деньги или литературный опыт — другой стороне нужны слава, расширение читательской аудитории, увеличение гонораров и пр. Творческая подделка обычно приводит к созданию литературной поделки — произведения невысокого качества, продукта массовой литературы (паралитературы).

Литературными подделками в духе «без меня меня женили» являются тексты с *неатрибутированным авторством*. Например, доподлинно неизвестно, принадлежит ли перу Салтыкова-Щедрина цикл фельетонов «Характеры»; на самом ли деле Некрасов написал статьи, подписанные «Григорий Сычевкин»; действительно ли анонимный эротический роман «Гамиани» сочинен Мюссе, рассказы «Баня» и «Возмездие» сочинены А. Толстым, а «Галчонок» — Чеховым. Осложняющими обстоятельствами определения авторства являются нехватка биографических сведений, намеренная фальсификация текстов; их цензурирование и даже просто избыточное редактирование; использование авторами псевдонимов, анонимного письма, легендированной биографии; необходимость конспирации по политическим мотивам или моральным соображениям.

Наконец, бывают вообще причудливые литературные подделки, сложно поддающиеся определению: то ли игра и мистификация? то ли обман и подлог? то ли современная форма контрплагиата? Изрядно нашумевшая, но уже подзабытая история — с повестью «Трудный возраст», изначально опубликованной под именем Егора Молданова, но впоследствии оказавшейся текстом Анатолия Костишина. Первое произведение начинающего автора-сироты из детдома, вскоре скончавшегося от тяжелой болезни, получило высокие оценки критиков и литературоведов, вошло в шорт-лист премии «Дебют», было отмечено спецпризом. Однако через некоторое время выяснилось, что Молданов — подставное и счастливо здравствующее лицо, а истинным автором является... директор интерната. Зачем все описанное понадобилось Костишину — до сих пор до конца неясно...

Плагиат и заимствование

В обиходном представлении с плагиатом нередко отождествляют *сюжетные перекличъки, заимствование идей, образов, фабульных основ* одними авторами у других. В юридическом отношении такие случаи плагиатом не считаются: современный закон защищает не сами идеи, а только конкретную форму их воплощения. Но в реальной практике, в конкретных обстоятельствах они часто расцениваются как *интеллектуальное воровство*. Понятие неофициальное и некодифицированное, но регулярно звучащее в живых диалогах, в публичных дискуссиях.

«Литературные преступники», «похитители мозгов», «творческие мошенники,

[5] Подробнее об этом см.: Николаенко Н. М., Синченко Г. Ч. Плагиат — контрплагиат — антиплагиат // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 3 (50).

шпионы, мародеры» — образные именования плагиаторов в литературном быту. Заметим: здесь не проводится разграничений и не делается различий, *что* именно крадут — главный элемент первоисточника или второстепенный; обработанный материал или сырье; готовый продукт или «болванку», которую надо «доводить до ума». Тут важна лишь сама риторика обличения и разоблачения.

Жалобы на неправомерные заимствования поступают как из стана беллетристов, так и от авторов интеллектуальной прозы. По утверждению Эдуарда Тополя, объемный эпизод его романа «Журналист для Брежнева» незаконно попал в фильм «Черный квадрат». Татьяна Полякова обнаружила прямые заимствования своей «Овечки в волчьей шкуре» в «Империи волков» Жана Кристофа Гранже. Татьяна Гармаш-Роффе выявила совпадения романа Марка Леви «А если это правда...» со своим произведением «Голая королева». По уверениям некоторых литературных критиков, в романе Михаила Шишкина «Венерин волос» имеется некорректное сходство сюжетных построений с «Толмачом» Михаила Гиголашвили.

Но, вероятно, максимальную остроту данная проблема приобретает в фантастике с ее предельной фабульной концентрацией, образной уникальностью, самоценностью идейной новизны и художественных изобретений как таковых. Именно поэтому здесь идут самые ожесточенные споры о заимствованиях, а писатели-фантасты столь ревностно охраняют творческие находки и придумки от посягательств коллег по цеху, стараются не распространяться о новых идеях до публикации произведения. И столь же рьяно блюдут корпоративную солидарность, «всем миром» накидываясь на уличенных в очевидных заимствованиях.

По той же причине в среде фантастов бытуют расширенные определения плагиата, не соответствующие словарной дефиниции и юридической трактовке. Наглядная иллюстрация — опрос читателей, проведенный журналом «Мир фантастики»: 55,7 % респондентов полагают, что плагиат — это использование автором дословно или с небольшой переработкой фрагментов книг других авторов; 30,4 % считают плагиатом подражание творческой манере успешных писателей, копирование их стилистики, работу с той же тематикой; 28,7 % относят к плагиату использование чужих персонажей и вымышленных миров; 16 % выступают против эксплуатации чужих фантастических идей[6].

Большинство подобных обвинений выдвигается не юридически, а приватно, но зато под подозрением может оказаться всякий: маститый литератор и новичок, зарубежный писатель и российский, воинствующий оригинал и открытый участник ремейк-проектов. Плагиат неоправданно гиперболизируется и даже демонизируется, в результате обвинительная модель нередко строится по псевдопринципу: «Одиссея капитана Блада» — плагиат даже не «Острова сокровищ», а «Одиссеи» Гомера.

Так, «Гриаду» Алексея Колпакова разносили за «компиляции» Жюля Верна и Герберта Уэллса. Сергею Лукьяненко досталось от некоторых коллег-фантастов за «списывание» повести «Рыцари сорока островов» с произведений Владислава Крапивина. Фильм «Аватар» подвергли остракизму за якобы прямые заимствования из цикла братьев Стругацких «Мир полудня».

Впрочем, попытки законодательного преследования в подобных случаях заканчиваются преимущественно безрезультатно. Например, суд не признал «Гарри Поттера» списанным ни с «Легенды о Ра» Нэнси Стуффер, ни с «Приключений волшебника Вили» Эдриана Джейкобса. А заявления критиков об идентичности многих образов поттерианы с персонажами «Властелина колец» и вовсе остаются

[6] Ройфе А. У нас это невозможно? Плагиат в фантастике // Мир фантастики. 2007. № 11 (51).

лишь досужими разговорами. Несолоно хлебавши осталась и Кристина Старобин, не сумев убедить суд в использовании Стивеном Кингом ее неопубликованного романа «Кровь вечная». Дэн Браун дважды восторжествовал в суде, который не удовлетворил ни иск Майкла Беджента и Ричарда Лея по использованию в «Коде да Винчи» идей их книги «Святая кровь и священный Грааль», ни иск Льюиса Пердью, усмотревшего в том же романе сходство с его произведением «Дочь Господа».

Наконец, говоря о заимствованиях целых текстов, необходимо упомянуть о так называемом *непреднамеренном (подсознательном) плагиате* — обнародовании чужого текста под своим именем вследствие неосведомленности об истинном авторе. Здесь присвоение авторства носит невольный и случайный характер и, как полагают специалисты, объясняется криптомнезией — нарушением способности идентифицировать воспоминания и появлением мнимого ощущения новизны. Но доказать это бывает нелегко, хотя в настоящий момент данное понятие имеет статус юридического термина.

Так, в 1965 году наделала шуму история с поэтом Василием Журавлевым, в лирической подборке которого оказалось стихотворение... Ахматовой. Подборка была опубликована в авторитетном журнале «Октябрь», и подмену быстро раскрыли. Объясняясь перед редакцией и читателями в газете «Известия», горе-поэт оправдывался тем, что обнаружил текст в своем блокноте и за давностью записи перепутал с самостоятельно сочиненным.

Однозначность в подобных ситуациях, вероятно, возможна лишь тогда, когда невольный плагиатор сознается первым, упреждая обвинения в свой адрес. Так поступил в 1972 году Джордж Даниэл, выпустив книгу «Наука в американском обществе», а позже направив в журнал «Science» признание в подсознательном плагиате.

Плагиат и паразитный текст

Считать неправомерным и подлежащим преследованию всякое использование чужих идей и образов в художественной литературе нецелесообразно и бесперспективно. Такая, по сути сектантская, логика позволяет отнести к плагиату массу разнородных текстов вплоть до заголовка данной статьи. Однако в этой массе с той или иной степенью условности можно выделить сопредельные плагиату так называемые *паразитные тексты*.

Предложенный Алексеем Караковским термин обозначает речевое произведение, созданное за счет эксплуатации чужого, с целью выгодной репрезентации, повышения статуса, авторитета, популярности пишущего. Чем очевиднее такая цель — тем точнее текст относится к паразитным. Иногда в качестве синонима употребляют понятие *мусорный текст*. Чистый (лат. per se) плагиат — предельная форма воплощения паразитного текста.

Паразитные тексты создаются посредством компиляций и ловкого монтажа чужих высказываний, создающих иллюзию содержательной оригинальности и смысловой новизны, за счет привлечения справочно-энциклопедической информации и голой фактологии. При этом текст может быть абсолютно чист не только перед законом, но (формально) и перед моралью: чужие слова честно закавычиваются, даются ссылки на источники, в конце приводится список использованной литературы.

Паразитный характер носят прежде всего научные и учебные компиляции, выдаваемые за оригинальные курсовые работы, дипломные сочинения, рефераты,

обзоры; перепосты информационных материалов в прессе с незначительным изменением первоисточника, часто со всевозможными неточностями и ошибками; некачественный рерайтинг для веб-сайтов и сетевых СМИ.

Фактически как паразитные следует рассматривать также халтурные переложения и стилизации, ремейки и мэшапы, авторы которых явно желают лишь самовыразиться да погреться в лучах чужой славы, не заботясь о качестве материала. Неплохо, хотя и менее явно спекулируют на чужих текстах вербатим и пастиш. Не говоря уже о литературных клонах и фанфиках (см. выше).

Паразитизм соотносится с плагиатом по эксплуататорскому подходу и потребительскому отношению к первоисточнику. Ср.: лат. plagiatus — похищенный; понятие римского права, означавшее продажу в рабство свободного человека // лат. parasotus — прихлебатель, тунеядец. Паразитность в литературе — это тоже воровство, только иного свойства: не кража вещи, а, скажем, *похищение тени*. Один автор присваивает не текст другого автора, но авторитет, статус, известность, качество мышления, затраченное время, профессиональные навыки и т. п.

Плагиат и свободные формы речи

Значительная часть текстов, которые считают «перекликающимися между собой», «странно похожими», связана больше не с плагиатом, а с авторским эгоцентризмом. Писателю мнится, будто его придумка уникальна и никак не могла прийти в голову кому-то другому, тогда как даже изобретение радио принадлежит одновременно Попову и Маркони. И вообще, по верному замечанию Дж.-Р. Ловела, «мысль всегда приписывается тому, кто ее высказал лучше остальных».

Однако для литератора это не аргумент, и мало кто способен искренне и спокойно принять такое положение вещей. Но так было всегда, а не только сейчас. Хрестоматийный пример — заявления Гончарова о том, что Тургенев якобы воплотил замысел, сюжетные линии, образы «Обрыва» в «Дворянском гнезде» и «Накануне». В первом случае обвиняемый согласился убрать некоторые сцены, возможно, просто во избежание кривотолков; во втором — состоялся суд, признавший невиновновность ответчика. Другой известный, но до конца непроясненный пример — изобличение в плагиате набоковской «Лолиты», сюжет и даже название которой якобы совпадают с неопубликованным романом Хайнца фон Лихберга, а идея и основные коллизии — с анонимными мемуарами «Исповедь Виктора Х., русского педофила».

Между тем, не теряя зоркости и бдительности насчет интеллектуального воровства, нужно здраво сознавать, что в сачок литературы закономерно и неизбежно попадают актуальные проблемы современности, ключевые фигуры эпохи, популярные культурные персонажи, «вечные темы» и просто идеи, «витающие в воздухе». Не говоря уже о точно не являющемся плагиатом, но часто соотносимом с ним употреблении расхожих выражений, крылатых слов или устойчивых формул вроде «Пушкин — литературный классик», «Волга впадает в Каспийское море», «Существительное — часть речи, обозначающая предмет».

Можно отвергать гипотезу материальности мысли и существования единого информационного пространства, но нельзя отрицать античный тезис «слова летучи» (verba volant). В мировой литературе масса так называемых бродячих сюжетов и сквозных образов. Мы спокойно воспринимаем существование «Красной Шапочки» Шарля Перро и братьев Гримм, бессчетное количество «Золушек», множество произведений про Фауста и Дон Жуана... Но понимаем ли, что изначально все это кем-то придумано? И знаем ли, сколько в каждом случае было изобретателей?

Понятно, что классика не вызывает такой тревоги и ревности, как современная литература, авторы которой живы и могут лично «отвечать за базар». Не так давно бурно обсуждались содержательные переклички и оформительские сходства пародийно-сатирических сборников Максима Кононенко «Владимир Владимирович ТМ» и «Владимир Владимирович.com» Константина Борового. Затем дискутировалось одновременное появление образа псоглавцев в одноименном романе Алексея Иванова и в «Малой Глуше» Марии Галиной.

Комментарий Иванова на официальном сайте не только развеивает какие-либо сомнения в оригинальности романа, но обнажает несостоятельность и даже глупость претензий: «„Малую Глушу“ я не читал и о существовании писательницы Галиной не подозревал, пока некоторые критики не завопили, что я содрал „Псоглавцев“ с этой „Глуши“. Христофора-Псоглавца я впервые увидел в середине 90-х в церкви поселка Ныроб на фреске и в музее города Чердынь на иконе. Если их там нарисовала писательница Галина, значит, я — плагиатор».

Алла Латынина предпринимает попытку доказательно разобраться с заимствованиями в романе Бориса Акунина «Девятный Спас»[7]. По итогам анализа авторитетный литературовед констатирует лишь желание улыбнуться наивности обвинителя, который счел собственными, авторскими общие сюжетные места, сказочные мотивы, устойчивые типы персонажей, обыгрывание волшебных предметов.

Отдельный интерес представляют совпадения заголовков. Например, есть, как минимум, четыре романа с одинаковым названием: «Свобода» Михаила Бутова (1999), «Свобода» Джонатана Франзена (2010), «Свобода» Владимира Козлова (2012), «сВОбоДА» Юрия Козлова (2012).

Заметим, что заглавие произведения до сих пор не имеет четких условий и критериев защиты в российском судебном законодательстве. Соответствующая статья гласит, что название текста становится объектом авторского права, если представляет собой, во-первых, «результат творческой деятельности» (то есть удовлетворяет требованиям оригинальности, уникальности, неповторимости); во-вторых, «может использоваться самостоятельно» (то есть является эксклюзивно авторским само по себе, даже вне произведения, становится его «именем», символическим знаком).

Уже судя по юридическим формулировкам очевидны сложности, возникающие в реальной практике. Соответствуют ли указанным критериям заголовки типа «Детство», «Лес», «Олеся», «Воскресение»? Как быть, если названием выступает афоризм или вообще цитата из другого произведения: «Не все коту масленица», «Алмазный мой венец» и т. п.?

Но если с текстами литературной классики еще более-менее ясно, поскольку они превратились в национальные бренды, то с современными — ситуация весьма запутанная. Так, суд не удовлетворил иск частного лица к издательской компании «АСТ-Пресс» о запрете использования названия «Я — вор в законе», определив его как фразеологический оборот, а не как оригинальную творческую форму. При этом, как видим, суд проигнорировал отличие данного заголовка от идиомы (местоимением «я»)[8].

В связи с такой неопределенностью, а зачастую и неопределимостью статуса названий периодически возникают обвинения в плагиате. Так было, например, с «Чайкой» Бориса Акунина, в которой к тому же полностью воспроизводится последний акт чеховской пьесы.

[7] Латынина А. Так смеется маска маске // Новый мир. 2012. № 6.

[8] Этот и другие аналогичные примеры см.: Рахмилович А. В. Название произведения как объект авторского права // Журнал российского права. 2002. № 11.

И здесь мы вплотную подошли к самой интересной части разговора о литературном плагиате...

Плагиат и интертекст

Акунинская «Чайка» — один из ярких образцов интертекстуальности, а это, пожалуй, самый неоднозначный и полемический случай, сопредельный с плагиатом. Феномен, хуже всего поддающийся формализации и объективной оценке.

Казалось бы, внешне все уже давно известно и понятно: интертекстуальность как бесконечная «мозаика цитаций» и полилог между текстами разных авторов — неотъемлемая составляющая постмодернистской литературы. Неатрибутированные заимствования, многочисленные аллюзии и реминисценции, прием текстового монтажа, игра писателя с читателем в «отгадайки», произведения-викторины — базовая основа и макростратегия всего постмодерна с его тотальной вторичностью форм. По сути, это еще один вариант литературного клонирования (см. выше), только замаскированного под интерпретацию, переосмысление, художественное отзеркаливание.

Однако при более углубленном рассмотрении обнаруживается и другая метафора, (в)скрывающая саму онтологию постмодерна: присвоение и обладание. Метафора насилия и власти. Талантливый автор-постмодернист как садовник, пересаживающий текст-первоисточник на современную почву, и селекционер, прививающий ему новейшие культурные формы. Автор бездарный похож на компрачикоса, который уродует, деформирует, калечит тело текста. Но в любом случае здесь отношение не вора, а хозяина. Относительно классики творческое поведение сродни экспроприации и раскулачиванию; применительно к текстам живых современников стратегия напоминает «самозахват» земли дачником (масштаб меньше, осторожности больше).

Как отреагировал Михаил Шишкин на поток обвинений в «литературном мародерстве» (Олег Лурье), незакавыченном цитировании в «Венерином волосе» мемуаров Веры Пановой? Очень просто и уверенно: «Необходимо найти в бескрайних залежах мемуарного мусора именно те реалии, который окружали ту ростовскую девочку... Я делаю литературу следующего измерения»[9].

Вся проблема в том, что в нынешних условиях деградации экспертного дискурса становятся все более неочевидны критерии оценки качества текста. Как отличить талантливую интертекстуальность от маскировки банальной бездарности? Как распознать, где «мемуарный мусор», а где «литература следующего измерения»? Как отделить органику мысли от механики псевдомыслия?

Для начала следует дифференцировать интертекст от *декларативного плагиата* — художественного приема, основанного на открытом (манифестированном) использовании одних произведений в других. В этом плане постмодерн не измыслил ничего нового, поскольку еще в античности была центонная поэзия — основанная на комбинировании ранее написанных чужих стихов. Позднее менялась лишь творческая мотивация при «отвердении» исходного формального метода.

Так, в 1950-е годы писатель и художник Брайон Гайсин использовал технику *cut-up* (англ. «нарезка»), разрезая и произвольно комбинируя газетные и журнальные статьи. Уильям Берроуз обращался к этой технике в романе «Голый завтрак». Еще через двадцать лет поэтами уктусской школы явлен образ свободного бродяги

[9] Цит. по: Пирогов Л. Приговор себе, России и жизни. Об одном литературном скандале // Ex Libris НГ. 2006. 4 июня.

по чужим текстам, который мыслит себя в акте присвоения готовых форм. Чуть позднее Михаил Гробман создает стихи-коллажи из заголовков журнала «Америка». В 2010 году Остином Клеоном изобретен *блэкаут* — технология создания стихов путем вычеркивания слов из газетных колонок.

Сюда же отнесем и *реди-мэйд* как направление авангардного искусства, основанное на обыгрывании готового предмета или высказывания в новом культурном контексте. Примерами литературного реди-мэйда с разной степенью точности соответствия термину можно считать поэтическую книгу Ры Никоновой «Шваль», повесть Валерия Залотухи «Поход в Индию», роман Николая Байтова «Любовь Муры».

Наконец, новейшей формой декларативного плагиата стал *копипаст* как субжанр сетевой литературы (сетературы) в виде текста, автор которого либо анонимен, либо не планировал публикацию, но и не был против, осознавая такую возможность. Подобные тексты может присвоить себе любой интернет-пользователь, для некоторых они становятся объектом коллекционирования.

Итак, во всех названных случаях можно говорить о *плагиативном творческом поведении*, или *квазиплагиате*. В случае же «чистой» интертекстуальности (необъявленного и скрытого использования чужих текстов) заимствования обретают, как минимум, следующие функции:

— интеллектуальное соревнование автора с читателем, «поединок компетенций» — аналитических, знаниевых, общекультурных; сюда же отнесем литературные розыгрыши и мистификации (яркий пример — творчество Виктора Пелевина);

— переосмысление первоисточника при включении в новый контекст и создание концептуальных конструктов посредством контаминации оригинального и чужого художественного материала (скажем, у Владимира Сорокина);

— литературный эксперимент, поиск новых форм (идейных, повествовательных, жанровых) и способов взаимодействия читателя с текстом (наглядная иллюстрация — «Идеальный роман» Макса Фрая, составленный из последних абзацев разных произведений).

Понятно, что предложенная классификация предельно условна и неполна, в реальной писательской практике возможны сочетание стратегий и бесконечное их приращение. Так, заимствование Акуниным в первом абзаце «Алмазной колесницы» отрывка из рассказа Куприна «Штабс-капитан Рыбников», использование Стругацкими фрагмента «Капитанской дочки» как начала повести «Понедельник начинается в субботу» и скрытое цитирование Хемингуэя в «Боре-Робингуде» Кирилла Еськова имеют принципиально разную художественную природу, идейную составляющую и творческую направленность.

При всем внешнем сходстве способа заимствования эти и аналогичные примеры слабо соотносятся, а то и вовсе не коррелируют друг с другом. И укоренившийся «объединяющий» подход, при котором на текст просто лепится ярлык «постмодернизм», заведомо обедняет содержание произведений и дискредитирует авторский замысел. Но как же все-таки отделить зерна подлинного, пусть и постмодернистского творчества от плевел вульгарного плагиата? В настоящий момент фактически никак, ибо писатель всегда найдет рациональные и эстетические обоснования любым заимствованиям. Автор умер — да здравствует автор! У него нынче полная презумпция невиновности.

Единственно, пожалуй, на чем можно попытаться строить разоблачительный дискурс, это апелляция к общим законам построения текста. Всматриваясь в его «общее здание», архитектонику, сюжетику, целостную образность, мы можем уви-

деть: «незаконно» заимствованный фрагмент не предопределен контекстным окружением, не мотивирован предшествующим и последующим содержанием. Так, рядом с Эйфелевой башней планируется построить православный храм, и при профессиональном подходе это может получиться вполне гармонично, но в данном проекте явно нет исходной предопределенности, изначальной заданности.

При таком подходе становится более или менее очевидно, почему никто не придрался к началу акунинской «Алмазной колесницы», зато разгорелась жаркая полемика о «Венерином волосе». Хотя поймать за руку все равно никого невозможно. Потому как никогда велик сейчас риск «заиграться в литературку», превратиться в раба заимствований и *литературного клептомана*. Что лучше — диагноз или вердикт?

Наконец, возможно, главная проблема в том, что с распространением Интернета постмодернизм вошел в новую стадию, которую назвали постпостмодерн. Интернет — своего рода «множественная бесконечность», утверждающая единичность эталона и порождающая его недостижимость. Все следующее *за* эталонным образцом оказывается априори неконкурентоспособным и творчески несостоятельным, каждая последующая культурная форма автоматически как бы «отменяет» предыдущую.

Эта виртуальная закономерность экстраполируется в реальную действительность. Человек цифровой формации начинает мыслить принципами и категориями онлайна. Нынче не только обыватели, но и многие специалисты говорят, что после «Аватара» фильмы Бекмамбетова хороши, но не превосходны, что все молодые прозаики-экспериментаторы проигрывают Пелевину и Сорокину, а новые «новые реалисты» уступают Прилепину и Сенчину. Сначала Шишкину указали на сходство «Венерина волоса» с «Толмачом» Гиголашвили, затем уже Антону Понизовскому с его «Обращением в слух» ткнули одновременно и в «Венерин волос», и в другой роман Гиголашвили — «Захват Московии», а заодно и в «Неделю в аэропорту» Алена де Боттона[10].

В современных условиях побеждает не сильный, а первый. Технология уничтожает онтологию. Место традиционного *творчества* занимает *креатив* — изучение потенциала технологий творческими методами. Например, появилась возможность записи человеческой речи — родился «Театр.doc»; появился Интернет — возникли сетевая проза, киберпоэзия; появилась мобильная связь — вылупились жанры СМС-романа и СМС-стиха; появились технические симуляторы — возникла докудрама; монтажная технология породила целый набор литературных форматов — от блэкаута до мэшапа...

«Узаконенный» плагиат стал не только концептуальным принципом постмодерна, но и творческим методом освоения его технологий. На плагиате построен целый набор актуальных культурных практик познания обществом самого себя. Творчество демонстрирует множественность и бесконечность; креатив выдает ограниченный набор штампов, продиктованный форматом современности и ограниченный актуальными тенденциями.

Креатив — плагиат искусства и одновременно искусство плагиата.

* * *

В романе Акунина «Креативщик» моделируется метафора писательства: выйдя из дома глубоким стариком, рассказчик постепенно молодеет, к вечеру превраща-

[10] Оробий С. Глас вопиющего в Швейцарии // Октябрь. 2013. № 10.

ясь в ребенка. В русле этой метафоры плагиатор-постмодернист будет рассказчиком, принимающим обличья всех, с кем заговаривает. *Он читает — его читают.* К вечеру автор исчезает — полностью сливаясь с читателем. И читатель, по-детски играючи, преспокойно похоронит автора за плинтусом.

Прошлое о настоящем

Юрий ГОВОРУХА-ОТРОК

КОНКУРЕНТЫ НИКОЛЬСКОГО РЫНКА*

Имя талантливого литературного критика, публициста и религиозного мыслителя второй половины XIX века Юрия Николаевича Говорухи-Отрока (1850–1896) почти целое столетие пребывало в полном забвении, а его работы не переиздавались и не изучались. Причиной тому послужило то, что, порвав в молодости с революционным народничеством, он пришел к признанию исторически обусловленной необходимости самодержавия и православия как основ народной жизни, что, конечно же, было неприемлемым для господствовавшей марксистской методологии.

Между тем сотни его статей (только в «Южном крае» более тысячи и 537 публикаций в «Московских ведомостях»!) воссоздают целостную картину общественной и духовной жизни России 1870–1890-х годов XIX века, ставят острые политические и социально-экономические вопросы того времени.

Значительное место в творческом наследии Ю. Н. Говорухи-Отрока занимает литературная критика. Его статьи, посвященные А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, А. П. Чехову, В. Г. Короленко, Н. А. Островскому, А. А. Фету и многим другим, глубоко раскрывают нравственно-этическое содержание их творчества с позиций вечных христианских ценностей и буквально защищают художественно-эстетическую сущность их произведений от тенденциозных нападок критиков народнического толка.

Каждая строка, оставленная нам Ю. Н. Говорухой-Отроком, пронизана беззаветной любовью к отечеству и русской литературе, что в его понимании было единым и нераздельным. А еще болью. Болью за Россию, которая постепенно погружалась в революционный хаос и которую он пытался защитить так, как умел.

Ольга Гончарова

I

Известно, что г. Скабичевский весь свой литературный век не проникал далее литературных передних. Там он «набил руку», там он научился «составлять» статьи и статейки, там он пересуживал «господ» — своих и чужих. Сво-

* Первая публикация: Московские ведомости. 1891. № 254 (14 сентября). Подпись: Ю. Николаев. (Курсив авторский. — *О. Г.)*

ими господами были Некрасов и Салтыков, чужими — все выдающиеся писатели наши, подвергнутые анафеме со стороны «Отечественных записок». Своих господ, конечно, он пересуживал «промеж себя», чужих — печатно, в статьях и статейках. Г. Скабичевский решительно ни в чем не виноват — и в этом главное дело. Он никогда не имел ни своих мыслей, ни своих чувств, ни даже своих желаний. В либеральной журналистике он просто был младшим помощником старшего писаря — и в этом заключалась вся его роль. В этом звании он и числился, так к нему относилась даже и либеральная публика недавнего времени. В подобной роли решительно нельзя быть виноватым — и в этом преимущество г. Скабичевского.

В самом деле, какую нравственную ответственность может нести младший помощник старшего писаря? Ровно никакой. Он «подшивает бумажки», пишет отношеньица, донесеньица, именно этим и занимался г. Скабичевский. Цели, намерения, планы «господ» были ему решительно неизвестны. Он составлял о них понятие лишь по тому, что говорилось на этот счет в литературных прихожих. «Господам» для чего-то — что было совершенно темно для г. Скабичевского — понадобилось отрицать значение Пушкина — и этот бедный человек, как умел, отрицал значение Пушкина. Потом «господам» понадобилось признать значение Пушкина — и тот же г. Скабичевский, как умел, начал признавать значение Пушкина. И «отрицал» он плохо, и «признает» еще более плохо, но на то он и есть младший помощник старшего писаря. «Господа» отлично знали, зачем им понадобилось и «отрицать», и «признавать» Пушкина, но он-то этого совершенно не знал, а потому не мог хотя бы с каким-нибудь смыслом «отрицать» или «признавать».

То же самое повторилось с Тургеневым, с Л. Толстым, с Достоевским. «Господа» опять-таки отлично знали, зачем им надо было травить этих писателей, но г. Скабичевский решительно этого не знал, а потому травил единственно из усердия. Ему-то ведь все равно. По чистой совести он всегда предпочитал творения «прогрессивных передовиков», как он выражается, всему остальному, а ко всем этим Пушкиным и Толстым он относился безразлично. Нужно травить — травил, нужно хвалить — хвалил. Таков этот любопытный в своем роде сочинитель.

И вот теперь он сочиняет... «Историю литературы»[1]. Понятно, какова эта «история». Она написана именно с точки зрения литературной передней, в которой г. Скабичевский «набил руку» и приобрел все прочее. Теперь его «господ» уже нет: Салтыков и Некрасов умерли. Теперь в нашей либеральной журналистике г. Скабичевский повышен чином. Он не на должности младшего помощника старшего писаря, он уже «на равной ноге» с г. Михайловским; но раз навсегда усвоенные приемы остались при нем, и он не может от них отделаться. Он «пребыл верен». И в своей «Истории литературы» он делает то же самое, что делал всегда: он хвалит своих «господ» и пересуживает всех тех, кто этим «господам» был неприятен. Он хвалит, нет, не хвалит, а застывает в благоговейном трепете пред Салтыковым и Некрасовым, даже пред Добролюбовым и Чернышевским, говорит со снисходительным пренебрежением о Достоевском и с совершенным презрением о Майкове, Фете, Тютчеве...

Вы сильно ошибетесь, если подумаете, будто у него действительно есть благоговение или презрение. Вовсе нет. Ему все равно. Но он уже так заучил известные слова, обороты речи и ту последовательность, в которой их нужно употреблять, что иначе не может. Он ни в чем не виноват. Он действительно думает, что Надсон и Минский куда значительнее Майкова и Фета, что Гл. Успенский и Златоврат-

[1] А. М. Скабичевский. Истории новейшей русской литературы. СПб., 1891. А. М. Скабичевский (1838–1911) — литературный критик и историк русской литературы либерально-народнического направления.

ский, в качестве представителей «передового движения», далеко превзошли Тургенева и Достоевского. Но чего — Достоевский и Тургенев! По мнению г. Скабичевского, рассуждая об Успенском и Златовратском, надо брать гораздо выше: «Одним словом, — пишет он, — между Успенским и Златовратским то же самое различие, как между Шиллером и Гёте, Пушкиным и Гоголем». Это написано всеми буквами на 283 странице книги г. Скабического. Прибавлю, что таких и подобных цитат из сочинения нашего автора можно привести десятки. Очевидно, что и он, и те читатели, на которых он рассчитывает, так и думают, не находят в этом сопоставлении имен ничего странного. Очевидно также, что достаточно *одной* такой цитаты для того, чтобы совершенно понять, чего стоит книга г. Скабичевского и что это за «История литературы». Это «История литературы», написанная с точки зрения литературной передней...

II

И тем не менее в иных изданиях появились статьи о книге г. Скабичевского, авторы которых отнеслись к этой книге серьезно. Они разбирали ее, они спорили с г. Скабичевским, они упрекали его в партийных пристрастиях. Очевидно, что здесь есть какое-то недоразумение. Этих добродушных людей обманули размер и заглавие книги. Они приняли ее за «литературное явление» — так к ней и отнеслись. Они упустили из виду, что ведь и на Никольском рынке издаются весьма объемистые книги с чрезвычайно серьезными заглавиями. Там вы найдете книги «по всем отраслям знания» — и по истории, и по естествознанию, и по философии — загляните в каталоги Манухина или Леухина[2] — однако никто не считает этих книг «литературным явлением». Их называют просто «лубочными изданиями». Такова же и книга г. Скабичевского.

В самом деле, разве можно серьезно оспаривать мнение о том, что «между Успенским и Златовратским такое же различие, как между Шиллером и Гёте, Пушкиным и Гоголем»? Разве можно серьезно относиться к книге, где о Майкове написано, что «в последние двадцать пять лет» его «произведения не представляют собой ничего более как официальное рифмоплетство на какие угодно торжественные случаи»? Разве можно серьезно относиться к книге, посвященной истории *литературы*, где читаем: «Нам остается прибавить к характеристике его (Тютчева) разве лишь то соображение, что, отрытый из среды посредственности и внезапно столь возвеличенный в мрачные годы общественного безвременья шестидесятых годов, Тютчев, во всяком случае, в достаточной мере скучноват в своих безукоризненных красотах».

Но довольно. Не могу же я, в самом деле, приводить сотни подобных и еще более ярких мест из книги г. Скабичевского. Довольно и приведенного, чтобы не осталось никакого сомнения, в чем дело: книга г. Скабичевского, очевидно, является отражением мнений, взглядов и чувств литературных прихожих. Об этом свидетельствует не только содержание, но и тот жаргон, на котором изложены мнения г. Скабичевского о Майкове и Тютчеве. Разве тут можно спорить, или «разбирать», или «обсуждать»? Зачем? Разве нужно ограждать имена Майкова, Тютчева, Достоевского от господ Скабичевских? Досадно, конечно, что эти имена упоминаются и пересуживаются в литературных передних, — но что делать? Раз завелись литературные передние, раз завелся круг читателей, для которых пишутся книги, подобные «Истории литературы» г. Скабичевского, — с этим надо примириться. Остается только констатировать факт и выяснить его смысл.

[2] А. И. Манухин (1823–1888) и С. И. Леухин (1837–?) — издатели бульварной и лубочной литературы, книгопродавцы. Современники часто упоминали их фамилии вместе.

А смысл этот совершенно ясен. Дело началось с полной эмансипации от образования, от знания, от науки, от искусства. Было провозглашено, что ничего этого не надо, а надо только примкнуть к «передовому движению». Без сомнения, это было слишком соблазнительно для всех глупцов, для всех бездарностей, для всех невежд. Им было объявлено, что и они не лыком шиты, что «прогрессивный» образ мыслей совершенно всех уравнивает и все сглаживает. И глупцы, бездарности и невежды появились на общественной арене во множестве, поддерживая «передовое движение». Впоследствии они окрестили себя именем «интеллигенция». В эту разношерстную массу вошли все: и наворовавшийся адвокат, и разжившийся инженер, и разжиревший кулак, и дворянин, променявший свое дворянство на выгодную аферу с кабаками, и чиновники, любящие полиберальничать на казенный счет, — всем нашлось место. Для причисления к лику «интеллигенции» требовалось только одно: «честный» образ мыслей, то есть образ мыслей, почерпнутый из фельетонов либеральных газет. Дело было не трудное, так что вскоре у всех плутов, и преимущественно даже у плутов, оказался «честный» образ мыслей. Не в диковинку было услышать о таком «интеллигенте»: «Они хоть и мошенники, но зато „честного" направления».

Таким образом мало-помалу образовался совсем особый круг читателей, очень обширный, составлявшийся из совершенно одичалой в литературном отношении «интеллигенции». К этому кругу прибавилась еще учащаяся молодежь, которую господа «честного» образа мыслей начали обрабатывать по-своему. В гимназиях вместо того, чтобы учить, внушали мальчикам «честный образ мыслей» — и они выходили оттуда хотя малограмотными, но зато ознакомленными с «передовою литературой». Они знали Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского разве только по именам, но зато в совершенстве были ознакомлены с журналистикой «честного» направления. В таком виде, совершенно одичавшие, эти молодые люди приходили в университет. Тут они сталкивались снова с проповедниками «честного» образа мыслей и проходили курс «высшего одичания». И так шло из поколения в поколение: одни уходили, другие приходили. Таким образом, составился обширный круг читателей для книг, подобных книге г. Скабичевского.

Этот круг читателей сделался столь обширен, что создал почву для хорошей литературной спекуляции. Начали издавать журналы, как раз приспособленные ко вкусам и уровню развития такой «интеллигенции», — и подобные журналы имеют успех; начали издаваться книги, опять-таки приспособленные ко вкусам и уровню развития подобной «интеллигенции», — и эти книги, конечно, дают своим издателям хороший барыш. Издаются «Сочинения» Шелгунова, «Сочинения» г. Скабичевского — издаются скверно и дешево, по образцу изданий Никольского рынка — и, очевидно, весь этот печатный хлам имеет сбыт. Словом, организовался «интеллигентный» Никольский рынок, появились «интеллигентные» Манухины и Леухины — явление новое в русской жизни.

К подобным изданиям «интеллигентного» Никольского рынка принадлежит и «История литературы» г. Скабичевского. Эта книга, написанная небрежно, аляповато, разухабистым языком современной «уличной» журналистики, совершенно выражает все мнения, чувства и литературные взгляды «интеллигентной» толпы, а того только и нужно «давальцам» «интеллигентного» Никольского рынка. Литературная спекуляция отлично задумана и, без сомнения, будет иметь успех. Не в том даже дело, что г. Скабичевский обнаружил в своей книге «партийное пристрастие» — это не главное, это, можно сказать, некоторая роскошь, которую позволил себе автор, а главное — в пошлости языка, в вульгарности тона, в грубой обнаженности того совершенного равнодушия к русской литературе, до которой автору очевидно нет никакого дела. Ему это все равно, так же как и его публике. Очевидно,

для него центр тяжести «истории новейшей русской литературы» лежит не в Пушкине, не в Гоголе, не в Достоевском, не в Толстом, не в А. Григорьеве, а в Чернышевском и Добролюбове, в Михайловском и Антоновиче, в Гл. Успенском и Златовратском, в Надсоне, Минском и прочих выразителях «передового движения». А Достоевские и Толстые, Майковы и Феты группируются вокруг них, вокруг этого центра, в качестве писателей, которые не поняли значения «передового движения».

О Тургеневе г. Скабичевский говорит как о писателе, который не сумел «в величественных чертах» изобразить «новых людей» шестидесятых годов и тем возбудил «неудовольствие общества». О Достоевском он пишет, что в самом начале своей литературной карьеры он оказался «человеком отсталым», потому что, «увлекшись вследствие своих бесед и споров с Белинским политическими и социальными идеями, господствовавшими в кружке, Достоевский в то же время упорно отстаивал свои религиозные взгляды, и вследствие этого члены кружка начали на него смотреть как на человека отсталого». В романах Достоевского он видит «реакционное направление», а о религиозном настроении этого писателя говорит, что подобное настроение свойственно только «темным и безграмотным людям». Коснувшись «Преступления и наказания», он замечает, что, «к прискорбию, на всех благомыслящих людей он (этот роман) произвел странное впечатление тем, что Достоевский преступление своего героя Раскольникова обусловливает вдруг влиянием новых идей, якобы оправдывающих всевозможные преступления ради целей, с которыми они совершаются». По утверждению г. Скабичевского, «благомыслящих людей» также «поражает в романе развязка его в виде нравственного возрождения Раскольникова под влиянием каторги», то есть «поражает» обращение Раскольникова к религиозному настроению...

Что-нибудь подобное, по словам г. Скабичевского, «поражает благомыслящего читателя» во всех произведениях наших замечательных писателей, и лишь в творениях Гл. Успенского, Златовратского, Мачтета, Баранцевича и прочих представителей «передового движения» «благомыслящего читателя» ничто не «поражает», и он вместе с г. Скабичевским остается всем доволен.

III

Таков общий дух «Истории литературы» г. Скабичевского, таков общий смысл его книги. Вот куда он перенес центр тяжести «новейшей литературы». Смысл ее, «этой новейшей литературы», надо искать в писаниях Чернышевского и Добролюбова, Глеба Успенского и Златовратского, Надсона и Минского. Это они сказали «новое слово». Повторяю: г. Скабичевский ни в чем не виноват. Что ж такое, если ему так уже «Бог дал», что он никак не может смотреть на вещи иначе, как с точки зрения литературной передней? Он чрезвычайно наивен. Он смешивает всю Россию с теми литературными прихожими, которые так дороги его сердцу. О Решетникове, об Успенском или о Мачтете он с совершенною наивностью пишет, что то или иное их произведение «произвело потрясающее впечатление» или «было встречено восторженно» и т. п. Оно, может быть, и действительно так было. Может быть, и действительно эти господа производили «потрясающее» впечатление во всех литературных прихожих, и единственная ошибка г. Скабичевского заключается в том, что он эти литературные прихожие смешивает с русским образованным обществом. Вот почему он и пишет поминутно о разных современных Тряпичкиных, пустившихся в беллетристику: «С этих пор имя его приобретает общую известность».

Это выходит очень забавно. Дело идет о каком-нибудь Иванове или Сидорове, решительно никому не известном, кроме завсегдатаев литературных прихожих, но

г. Скабичевский до того тверд и до того уверен, будто, кроме этих завсегдатаев, никого на свете нет, кто с чистым сердцем пишет о широкой известности Ивановых и Сидоровых, с чистым сердцем говорит о потрясающем впечатлении, произведенном какою-нибудь бездарною повестушкой с самою «передовою» начинкой.

Все это, повторяю, очень забавно, но факт остается фактом: факт возникновения «интеллигентного» Никольского рынка, занимающегося такими же аферами, как и старый Никольский рынок. Как там промысел основан на удовлетворении потребностей полуграмотной массы, так и здесь промысел основан на удовлетворении потребностей одичалой «интеллигенции». Это печально. Положим, везде на свете есть подобный класс, состоящий из неразборчивых читателей, везде есть и книжный рынок, удовлетворяющий вкусам этого класса, — но нигде это явление не имеет той характерной особенности, какую оно имеет у нас. Нигде эта книжная промышленность не смешивается с литературой, а у нас смешивается. Беда в том, что у нас есть отдельные образованные люди, разбросанные там и здесь, но не сплоченные, малочисленные, а потому не могущие составить образованного общества, которое давало бы тон жизни и литературе. Вот почему место образованного общества у нас заняла так называемая «интеллигенция»; вот почему и в литературе нашей все так перепуталось, что эта путаница подчас вводит в заблуждение даже и людей, имеющих правильный взгляд на дело, людей с пониманием и со вкусом; вот почему у нас все еще возможно, что такие люди, обладающие пониманием и вкусом, могут говорить серьезно о книгах, подобных «Истории литературы» г. Скабичевского. Такие люди просто недостаточно вникли в «корень дела», так сказать, их сбивает именно та путаница, которая господствует в нашей литературе. Они смотрят так, что необходимо обсудить «литературное явление», хотя бы оно явилось результатом «партийных пристрастий», как они выражаются. В этом и ошибка. Дело тут вовсе не в так называемом «направлении», дело тут вовсе не в либерализме. Книга г. Скабичевского вовсе не «либеральная» книга, это просто книга *пошлая*. Вот что надо понять, вот с какой точки зрения надо посмотреть на дело, и тогда все будет совершенно ясно.

Эту путаницу всеми силами поддерживают наши литературные промышленники с «интеллигентного» Никольского рынка. Они чрезвычайно любят ссылаться на «направление», на «либерализм», они готовы счесться родством чуть только не с Грановским и Герценом. Им это выгодно, и они охотно употребляют этот прием. «Либерализмом» они хотят прикрыть в глазах общества свою пошлость, свою спекуляцию, прикрыть беззастенчивую рекламу, которую они делают разным Тряпичкиным, разным поставщикам литературного товара, сбытом которого они занимаются. И действительно, этим приемом они вводят иных в заблуждение. И эти иные вместо того, чтобы рассматривать книгу г. Скабичевского просто как лубочное издание, совершенно чуждое какому бы то ни было литературному направлению, рассматривают ее как книгу либеральную. Эту-то маску либерализма давно пора снять с наших литературных промышленников, да она и сама спадает с них. Какие бы либеральные слова ни употреблял г. Скабичевский, он от этого вовсе не станет либералом, а останется тем, чем был, сочинителем беззастенчивых реклам, рассчитанных на увеличение сбыта произведений современных Тряпичкиных. В этом все дело, и решительно незачем припутывать сюда какое бы то ни было «направление». Книга г. Скабичевского не имеет никакого отношения к литературе, точно так же, как и литература к ней.

Публикация, вступительное слово, примечания
Ольги Гончаровой

Портрет поэта

Григорий БЕНЕВИЧ

«Мы еще будем молоды, друзья».
О поздней лирике Виктора Ширали

Настоящие стихи, не успев появиться и поразить читателя, сразу становятся объектом вечного возвращения. Они западают в память (личную и коллективную) и всплывают в ней строчками и строфами, заставляют перечитывать себя. Стихотворные сочинения, которые не обладают такими свойствами, на мой пристрастный вкус, могут быть чем угодно, но не стихами. К сожалению, в наше время происходит (и едва ли не произошло) забвение такого, тривиального может быть, понимания поэзии. Вместо этого процветает создание «текстов» и осуществление «проектов». Чего удивляться девальвации рубля, когда у нас девальвировано слово, квинтэссенцией которого является слово поэтическое. И чем более деградирует в культуре представление о поэзии, тем большей ценностью являются редкие живые стихи, появляющиеся и в наше время. Таким не теряющим цену «золотым рублем» русского слова является, на мой взгляд, поэзия В. Ширали, семидесятилетний юбилей которого — лишний повод поговорить о ней.

Мне уже доводилось писать о стихах В. Ширали десять лет назад[1]. Что сохранилось, а что изменилось с тех пор и что можно добавить к уже сказанному? Главное — поэт не только дожил до семидесяти (что само по себе чудо, но тут заслуга не его, мы еще поговорим об этом), но и сохранил свой голос, не исписался, не впал в графоманию — ради поддержания статуса. Поэт по-прежнему стоит (даже если физически лежит) в том перекрестье жизни и судьбы, из которого ему говорится всего честнее и прицельнее. Что же это за «перекрестье»? Послушаем его самого:

Если я атеист
То зачем же тащу этот крест
Если я муэдзин
Зачем же так жизнь колокольна

Если я никакой
Кому же вослед этот свист

Григорий Исаакович Беневич родился в 1956 году в Ленинграде. Доцент Русской христианской гуманитарной академии. Стихи и статьи печатал в самиздатских журналах «Обводный канал», «Часы», «Предлог», а также в журналах «Нева», «Волга», «Звезда» и «НЛО». Живет в Санкт-Петербурге.

[1] Г. Беневич. В. Ширали. Портрет поэта на фоне смерти. Нева. 2004. № 10.

Если мертв
То зачем же так больно.
2011 г.

Эти сравнительно недавние стихи Ширали, между прочим, перекликаются с его строчками из стихотворения 1974 года, начинающегося словами «По последней, мой милый! / Напьемся, любимый, до звезд»: «Муэдзином с мечети / Прокрикивать версты окрест / Наша жизнь — колокольна: / Языката / И так же порожня». Но стихи 2011-го, надо признать, совсем иные по духу, чем строчки из стихотворения 1974 года, никакой эйфории и «звездности» в них нет, все сразу трезвее и смертельнее, хотя «колокольность» никуда не пропала, но теперь она рифмуется с болью (к этому образу мы еще вернемся)[2].

Лирическая поэзия, а стихи В. Ширали доказывают, что она существует и в наше постмодернистское время так называемой «смерти автора», оказывается возможной из точки наибольшей экзистенциальной, да и просто физической уязвимости, наибольшего напряжения всех «силовых линий», которые приложены к человеку. Автор не умер, как утверждают постмодернисты, оправдывая хладное скопчество своих текстов, в настоящих стихах он умирает в каждом стихотворении, умирает как эмпирическое «я», чтобы родиться и утвердиться как «я» лирическое.

Читая последние стихи В. Ширали[3], мы вновь и вновь проживаем эту «смерть автора» как эмпирического субъекта и рождение поэзии, вступающей в диалог с мировыми смыслами и включенной в мировую «парадигму», главная из которых для поэта — евангельская:

Прошу, Господь,
Не пронести меня
Этой последней,
Этой поздней чашей.
Мне старость не по силам,
Дай слинять —
На крест,
На муки.
Это будет счастьем.

В плане «физическом» и буквальном здесь все предельно понятно: не в силах терпеть старость (медленное умирание) и болезни, поэт просит у Бога смерти, отталкиваясь при этом от Гефсиманского моления, где Иисус просит чашу смерти пронести. Фокус, однако, в том, что мы имеем дело не с обычным старческим: «скорей бы умереть, сил моих больше нету», но со стихами, да еще к тому же в форме молитвы. И надо уж быть совершенно неверующим и глухим к стихам человеком, чтобы не понять, что молитва эта исполняется. Только не в физическом плане, а в словесном (где она и произносится) — Бог дает избавление от медленного умирания старости здесь и сейчас, когда рождаются эти стихи. Поэт идет навстречу смерти себя как эмпирического субъекта (иначе говоря, смерти своего «ветхого», подверженного старости и умиранию человека), просит этой смерти, но при этом остается живым в слове и мысли. Цена сохранения и обновления жизни внутренней, жизни души — готовность к смерти «ветхого человека». Стихотворе-

[2] См. ниже о стихотворении: «Свое сказать — как колокол отлить».

[3] Их регулярно печатает журнал «Нева», а кроме того, многие из них попали в сборник: В. Ширали. Избранное. СПб., 2013.

ние состоялось как выраженное в слове «принятие креста», чему учит и Гефсиманская молитва, в которой Иисус в конечном счете выражает готовность принять смерть. В этом контексте по-особому играет и слово «слинять». По первому смыслу «слинять» — значит сбежать (в данном случае с креста этой жизни), а по второму — «линять» — значит менять покров, что в контексте нашего прочтения стиха как раз и можно понять как «совлечение» стареющего, то есть «ветхого человека». Неважно, сознавал ли сам поэт этот смысл или нет — настоящие стихи всегда богаче своего буквального смысла.

Среди поздних стихов В. Ширали уже нет таких мощных и одновременно прихотливых по композиции и ритмике стихов, как его написанные прежде знаменитые «Сад», «Джазовая композиция», «Повторы» и другие. Однако, как и прежде, В. Ширали остался непревзойденным мастером поэтической миниатюры, многие из которых — поистине драгоценные жемчужины, их только нужно заметить и расслышать. Но если прежде эти шедевры были по преимуществу любовной лирикой (мы еще вспомним о них), то теперь поэт черпает вдохновение из самого, казалось бы, неподходящего материала: старости, болезни, смерти, отчуждения от мира, даже психушки. Но для настоящей поэзии нет «непоэтических» ситуаций и тем, а поэт, какого бы возраста он ни был, всегда в той или иной мере и в той или иной форме чужд и странен миру сему, особенно когда с ним прощается, как в этом стихотворении В. Ширали, похожем на «описание» то ли сна, то ли кусочка из фильма в духе Андрея Тарковского:

И чей-то Бог, какой-то тихий странник,
Стучался мне в окно. Но я не отвечал.
Я сам такой. В ночи чужой изгнанник,
В окно казенное я тихо постучал.

То ли тюрьма. А может психбольница
Клонилось к осени. Здание желто.
Царапалась последняя синица
О краешек осеннего пальто.

Вспомним пушкинское, примеряющее на себя перспективы будущей старости и отшатывающееся от батюшковского безумия: «Не дай мне Бог сойти с ума, / Уж лучше посох и сума». Лирический герой В. Ширали, позванный кем-то, кто не от мира сего, в дорогу, сам, как странник, подходит к казенному дому — то ли тюрьме, то ли к психбольнице... Не нужно быть психоаналитиком, чтобы разгадать этот «сон», да и нужно ли его разгадывать, здесь важнее настроение, ощущение и символика... Можно, конечно, вспомнить, что сам поэт (позволю себе использовать эту инсайдеровскую информацию) немалую часть своей жизни (с перерывами, почитай, десять лет) провел на Пряжке. Но в стихотворении нет уже ужаса и страха перед этим казенным домом. А «последняя синица», царапающаяся о краешек осеннего пальто, создает ощущение жизни, жизни души, жизни природы, которая сохраняется даже в этом, казалось бы «страшном», но на самом деле уже не таком страшном сне. «Чей-то», а может, и его личный Бог вывел лирического героя из клети своего Я (в тот самый момент, когда этот герой узнал себя в этом «страннике»: «Я сам такой») и дал увидеть себя прощающимся с этим миром, с миром этого Я, но сам лирический герой уже не невольник этого мира, он не заключенный тюрьмы и не пациент психбольницы, он тот, кто покидает его, и о краешек чьего пальто под осень жизни царапается последняя синица и нацарапывает-насвистывает свой стих.

Надо сказать, что проблему старости В. Ширали сформулировал еще в 1982 году, когда ему было тридцать семь — возраст знаменательный. Тогда были написаны такие строчки:

Из Нарекаци

И все-таки в чем смысл?
Как жизнь свою понять?
Пропета Суламифь
Что дальше Соломону?
Страшней Экклезиастова печать
Ведь Каину труп Авеля в обнову

Господь,
Пойми меня
Я не ропщу
Что жизнь не вечна
Да будь в сто раз короче!
Но будь она
Всей краткостью —
Весна!
И кончить разреши
Не на пропетой ноте.

О чем это? О том, чтобы избежать самоповторения (в духе «все на круги своя»). Как возможно выйти из этого «Экклезиастова» круга, когда вслед за пропетой «Песни песней» угрожает как будто именно этот «старческий» круг? В поздних стихах В. Ширали снова появляется тема Экклезиаста. В частности, это целый триптих «К Экклесиасту». Не буду разбирать его целиком, хотя он весь достоин прочтения, приведу лишь последнюю строфу:

Мне и самого себя читать не интересно.
Мне и твои постылы письмена.
Плоть выпарила соль
И стала пресной,
И стали забываться имена.
И стали звезды, что тогда гвоздили,
Тупыми,
Как грядущая мя тьма.
И девы,
Что когда-то заводили,
Своею старостью сводят с ума.

Жесткие и горькие строчки, обращенные к автору «Экклезиаста» и к самому себе. Однако ж, надо заметить, проблема, поставленная в стихотворении 1982 года, получила неожиданное разрешение: старость — это нечто новое в опыте поэта (до этого были юность, молодость, зрелость). А теперь вот — старость, да, но это новый опыт и новый «материал» для творчества, в котором он еще не работал, так что проблема новизны решается не бегством от возраста и судьбы, а самой поэзией, поскольку стихи-то о старости *так* ни сам Ширали, ни кто-либо другой до него

не писал. «Плоть выпарила соль» — то есть из плотских страстей уже стихов не сочинишь, ну да. «Песнь песней» больше не напишешь. Но это не беда, ибо как раз это было бы повторением. А вот свой «Экклезиаст» для поэта внове, и тем решается проблема «повторений». Весна (то есть обновление) возможна и под осень жизни, если под рукой поэтическое слово. И тут можно привести еще один поздний стих В. Ширали в диалоге с Экклезиастом:

Тянет осенью из фортки,
Тянет прелью от земли
Ночи длинны. Дни коро́тки.
Ожидание весны.

Царь был прав, крутя колечко, —
Все на круги как вода.
Только Суламифь сердечко
Не вернется никогда.

Вот, значит, не «все на круги своя»! Выход из круговорота жизни удивительным образом найден в невозможности вернуть «сердечко Суламифи», в смысле прежней любовной страсти. И из этого, казалось бы, горького факта парадоксальным образом рождаются «легкие», даже «полетные» стихи. Да и в самом деле это ж весело, когда удается оспорить самого Экклезиаста! В таком споре обновляется душа, и старость с ее горьким познанием о преходящести плотских страстей неожиданно оказывается источником молодящей (ибо она внове поэту) мудрости. Ожидание весны осенью, о котором, казалось бы некстати, сказано в первой строфе, вдруг оправдывает себя — весна как обновление, но не тела, а души приходит, откуда не ждали, но откуда она не могла не прийти — из поэзии. А «сердечко Суламифи» не надо возвращать, когда исцеляется, обновляясь в слове, душа, и ум соединяется с сердцем.

Было бы ошибкой полагать, что поздний Ширали питается лишь от библейско-евангельской традиции. Как рассказывает поэт (кто ж его теперь проверит?), первыми книгами, которые он самостоятельно прочитал, были Пушкин и Библия. В поздних стихах пушкинское начало присутствует не столько через какие-то отсылки к пушкинским текстам (хотя есть и они), сколько в не утраченной поэтом легкости и «полетности», то есть внутренней свободе его стиха, несмотря даже на то, что пишет он теперь зачастую о старости и смерти. Главное же, что Ширали и в поздних стихах остается приверженцем «школы гармонической точности» Александра Сергеевича, одним из редких в современной русской поэзии ее представителей. Когда же это пушкинское, доминировавшее некогда в его стихах начало соединяется и с пушкинской ритмикой, а в какой-то мере и тематикой, то выходят такие вот веселящие душу строчки:

Дайте мне вина, подруги
Вон ты, крайняя, налей
Вы бочонисты упруги
Но бочонок мне милей

Все проходит —
Страсти сласти
Остается лишь одно:
На стихи расставить снасти
Вдруг повалят на вино.

Первая строчка — это, конечно, перекличка с «Чашу мне наполни, мальчик». Но тема Пушкина, который сам вступил в диалог с Катуллом, конечно, обыгрывается Ширали по-своему. Для начала заметим, что у Пушкина пропали слова Катулла, в которых говорится о том, что сама Постумия пьянит пьяней вина, Ширали (сознательно или нет) возвращает эту тему соперничества женщин с вином, но лишь затем, чтобы отдать (вопреки Катуллу) первенство вину. И снова звучит «Экклезиастова» тема: «все проходит — страсти сласти»... Однако ж никакого уныния от этой преходящести плотских страстей в стихотворении не чувствуется, напротив, скорее легкость и веселость, какой нет даже в подражании Катуллу Пушкина. Какова ж ее природа? Понятно, что веселит сердце поэта поэзия. А то, что она «поймана на вино», так что ж... Главное ж — это душевное веселье. Таким образом, даже такая страсть, как пристрастие к вину, прямо скажем, губительная для жизни поэта, «очищается» в горниле поэтического творчества. Вино в стихе становится снастью ловца поэтического слова. Это уже не горькое пьянство, и такое неразбавленное «фалернское», если и вредно, то для тела, но не для души.

Одна из сквозных тем поэзии В. Ширали всех периодов, включая, конечно, и последний, — тема поэзии и судьбы поэта, а поскольку он лирик, то у него это выливается в поэзию о... чуть было не сказал, своей собственной судьбе, но так сказать было бы неправильно, поскольку, как я заметил, эмпирический субъект В. Ширали в его стихах преображается в лирического героя его поэзии. Это касается и стихов о судьбе поэта. В прежних стихах Ширали мог «найти себя» (то есть поэта) даже в таком, казалось бы, неожиданном для этого персонаже, как св. Себастьян (впрочем, излюбленный герой художников Возрождения): «Покуда не прибрал тебя Господь / И не прихлопнул гаснущую плоть / Покуда на огонь твоей свечи / Слетаются и гибнут — / И свети / И гибни» (1976 год. «Св. Себастьяну»). В поздних стихах таким персонажем, в котором поэт «узнает себя», оказывается псалмопевец, элементы биографии которого совпадают отчасти с библейским Давидом, а отчасти с неизвестным христианским отшельником. И здесь мы опять встречаем образ свечи, но совсем в ином контексте:

Ушел от мира
И заперся в скит.
Писал псалмы.
Дерьмом своим питался.
На месте том
Господь свечу воздвиг.
Жег кто ни захотел —
Огарочек остался.

Стихотворение так и называется: «Судьба поэта». По сравнению со стихотворением «Св. Себастьяну» это стихотворение совсем не пафосное. В семидесятые годы дело поэзии понималось Ширали как «горение» и сгорание до конца, что и неудивительно, коль скоро горючее для стихов поставляла плоть. Тогда поэт писал, «похотью певчей распятый» (строчка из стихотворения «По последней, мой милый!», 1974 год). Так что и мученик Себастьян, выступающий на картинах художников Возрождения из тьмы как горящая свеча плоти (да простится мне толика фрейдизма), в которую направлены стрелы мучителей и взгляды зрителей, оказывается подходящим персонажем для олицетворения поэта. В недавнем же стихотворении «Судьба поэта» плоть не упоминается. Источником жизни поэта, а значит, и стихов являются уже не плотские страсти, а «дерьмо». Однако из этого

«дерьма», заметим, рождаются псалмы! Как тут не вспомнить строчку из одной молитвы, что читают после прочтения Псалтири: «Помяни, Господи, моего уныния смирение; кал сый и персть» — или знаменитое аввакумовское: «Человек — кал еси и гной еси». И не сам поэт уподобляется свече, как в стихотворении «Св. Себастьяну», но Господь воздвигает свечу на месте подвига псалмопевца, его отшельничества и смирения. Эту свечу можно трактовать как память о нем, которой удостоил его Бог. Это, конечно, означает, что его стихи-псалмы, а значит, и его самого, слава Богу, помнят и читают люди, как видно из контекста. Но этим дело не исчерпывается. Остался еще «огарочек» — символ непрогораемости до конца этой памяти. Не «все остается людям», кое-что остается и Самому Господу, поставившему эту свечу. Что же? То самое, что указано в названии стихотворения — «Судьба поэта»; остается «судьба» или «логос» поэта, который в Боге. Поэт исполняет свою судьбу, точнее, исполняется его судьба, и он поднимается до сознания памяти Божией о себе, а не просто до пафоса «горения до конца» и «гибели», как в стихе «Св. Себастьяну».

Из этого примера видно, что поздние стихи В. Ширали, пусть и менее пафосные, чем некоторые стихи зрелых лет, не менее, а в чем-то и более содержательны, а за скромностью и простотой формы в них может таиться глубокий смысл. Взять хотя бы «простенькое» с виду стихотворение «на случай»: «Виктору Сосноре на семидесятилетие» (Ширали, конечно, примеряет в нем этот возраст и к себе):

Вот и семьдесят годков —
Жизни как и не бывало.
Хорошо, что ты оглох:
Дельных звуков в мире мало.
Хорошо, что слепну я,
Темноте идя навстречу.
И уродство бытия
Смерти
Я и не замечу.

Здесь, прежде всего, обращает внимание «исчезновение» жизни и смерти — жизни «как не бывало», а смерть «не замечу». А что же остается? Остается поэзия, слово, которое здесь и сейчас рождается, произносится поэтом. Это и не жизнь в смысле всяких случающихся с человеком событий и переживаний, с ними связанных (то, что волновало прежде, уже не волнует), но и не смерть, а нечто особенное. Замечательно в этом стихотворении позитивное принятие болезней старости — глухоты и слепоты. Тема глухоты вообще играет в поэтике Ширали весьма важную роль, причем не только в поздних стихах. Так в стихотворении 1970 года «Борису Куприянову» (адресат — поэт и будущий священник) Ширали писал: «Боль твоя высока / Разве только собака услышит / Или Бог / Если он еще не оглох как Бетховен / Ничего он не видит / Ничего он не слышит / Знай себе музыку пишет / До него написал ее Бах». «Оглохнуть» (да и ослепнуть) в поэтике Ширали, таким образом, значит быть всецело погруженным в стихию музыки или поэзии. Вспомним также, что том полного собрания стихов В. Ширали, написанных до 2004 года, назван: «Поэзии глухое торжество», что можно понять и так, что поэзия торжествует, несмотря на то, что ее не слышат, а можно и так, что потому она и торжествует, что она глуха к тому, что не есть она сама — оба толкования верны. Встречается тема глухоты и в одном из поздних стихов, посвященных поэзии, где Ширали сравнивает поэта с оглохшим звонарем, и есть все основания считать, что и здесь

глухота означает всецелую погруженность в стихию поэзии и глухоту к тому, что не является ею, за что поэт даже испытывает чувство вины:

Свое сказать — что колокол отлить,
Грудастый и языковатый.
Под колоколом всю земную жизнь прожить,
Оглохнуть и сказать «я виноватый».

Не буду здесь подробно останавливаться на этом, самом по себе весьма интересном стихотворении (у него есть еще и вторая строфа), это бы увело нас в сторону, но не удержусь, чтобы не сказать о некоторых ассоциациях, с ним связанных, поскольку и в нем раскрывается важнейшая для Ширали тема поэзии и места поэта в мире. Прежде всего, в нем слышна перекличка с упоминавшимися мною в начале статьи строчками 1974 года: «Наша жизнь — колокольна: / Языката / И так же порожня», отозвавшимися в недавнем: «Зачем же так жизнь колокольна». Но главный источник первой строчки, скорее всего, последняя новелла фильма Андрея Тарковского «Страсти по Андрею», называющаяся «Колокол». У Тарковского это развернутая метафора творчества на Руси, которое всегда связано со смертельным риском для жизни. После того, как только что отлитый на свой страх и риск сыном литейщика Бориской колокол зазвонил, Андрей Рублев, наблюдавший за его изготовлением, давший до этого обет молчания из-за убийства человека, снял с себя этот обет и заговорил, сказав, что возвращается к писанию икон. Так метафорически и символически связаны у Тарковского отлитие колокола (а центр колокола — его язык) и возвращение речи, несмотря на чувство вины за убийство, которое уступает в Андрее голосу Божия призвания.

В стихотворении В. Ширали отлитие колокола — прямая метафора поэтического творчества, и ясно, что язык колокола перекликается у него с языком поэта, который есть русский язык, но в его личном воплощении у поэта, говорящего «свое». Под колоколом («грудастый и языковатый» указывает на силу легких=духа и языка=речи) всю земную жизнь, конечно, проживает звонарь, которому уподобляется поэт; он создает свой язык, свою поэтику и живет ею, и, можно сказать, только ею. И в этом позитивный смысл той глухоты к «миру», о которой Ширали пишет, обращаясь к В. Сосноре: «Хорошо, что ты оглох: / Дельных звуков в мире мало». Глухота и слепота к миру, то есть невовлеченность в суету и заботы этого мира, его страсти коррелируют в поэтике Ширали с образом псалмопевца-отшельника из «Судьбы поэта». Это тот же самый образ и опыт поэзии, который воспел уже Пушкин, когда писал о поэте, что он в момент вдохновения «людской чуждается молвы», бежит от мира на «берега пустынных волн» или, пуще того, оказывается, как пушкинский пророк, в пустыне. Старость с ее болезнями способствует такому пребыванию в пустыне, а творческое приятие «слепоты» и «глухоты» в отношении мира сего, как свидетельствует Ширали, придает уверенности в том, что он — ни больше ни меньше — «не заметит» смерти!

Приведенных примеров, думаю, достаточно, чтобы убедиться, что поздняя лирика В. Ширали — это уникальная в русской поэзии «работа со старостью» (хотя предшественники у него были, например Г. Р. Державин). Когда-то давно, в 1977 году, в «лицейском» стихотворении «На 19 октября», обращаясь к Олегу Охапкину и другим своим собратьям по петербургской Музе, Ширали написал: «Мы еще будем молоды, друзья / Мы старость пожили / Нас младость не минует». И вот теперь, когда поэту исполняется семьдесят, похоже, он — в лучших своих стихах — дожил наконец до этого состояния, младости души, когда она не отяго-

щена страхом смерти, а болезни старости своего тела воспринимает как благо. Как тут не вспомнить столь важного для Ширали О. Мандельштама, напомнившего как-то, что мы «забываем без труда, / что мы с рожденья ближе к смерти, / чем в наши зрелые года». В поздних стихах поэт свидетельствует, каким образом можно избавиться от страха смерти и «печати Экклезиаста» — сама старость тела оказывается для него способом обновления души.

На этом можно было бы и закончить настоящую «юбилейную» статью, но любители поэзии Ширали, ее старые поклонники вряд ли будут удовлетворены, если я не затрону еще одну тему, ведущую в стихах всех его периодов жизни, — тему любви. Виктор Ширали, если кто не знает, — один из самых мощных и вместе с тем тонких любовных лириков в русской поэзии второй половины XX века. Достаточно вспомнить одну его поэтическую миниатюру 1977 года, чтобы почувствовать глубокое, я бы сказал, мистическое проникновение поэта в тайну любви:

Покойною душою
Изнутри
Подсвечена,
Спишь,
Теплишься в ночи.
Ночь
Листа бумаги
Светлее.
Мучаюсь о Боге и о Благе.
Что Бог — не знаю.
Благо — это ты.

А как же обстоит дело с любовной лирикой в поздних стихах Ширали, когда плоть уже не поставляет «горючего» для поэзии, неужели она вовсе исчезла? Здесь, прежде всего, следует сказать об уникальной книге, которую поэт с помощью родных и близких издал в 2013 году. Полное название книги: «Виктор Ширали. Избранные стихотворения. Избранные возлюбленные. Избранные рисунки Елены Мининой». Эта прекрасно изданная книга (в формате 60x90 1/8), снабженная, помимо замечательной графики Е. Мининой, фотографиями или портретами его избранных возлюбленных, — не похвальба поэта о своем длинном донжуанском списке (в книге ведь возлюбленные избранные, и их не так много), но скорее дань памяти и благодарности тем, кто вдохновлял его в тот или иной период жизни. Так вот, последний раздел этой книги посвящен той, кому поэт обязан продлением своей жизни уже более чем на 13 лет, вытащившей его, уже приговоренного к смерти (я сам это слышал от лечащего врача), из психушки, той, кому мы, читатели, помимо него самого, обязаны его стихами, — последней жене поэта, Гале[4]. Она же — «героиня» и некоторых его поздних стихов. Одним из таких стихов, поражающим не только силой, выраженной в нем любви, но и своей абсолютной отрешенностью от мира, включая и религиозность «от мира сего», превращающую православие в идолослужение, я бы хотел завершить эту статью:

История закончится на мне
Не будет больше ни войны ни мира
Ни Господа, злаченого кумира
Который опостылел в жизни мне

[4] Галине Московченко, если говорить официально.

И перед смертью я не помолюсь
Грехи отпустит мне жена. Ее служенье
Дороже Господа, а жизни наважденье
Останется другим. И ладно ну и пусть.

Средь р*а*спятых не нахожу распятья
Средь сладостных осталась лишь одна
Я слышу ее пульс и в голубом запястье
Вся жизнь моя, весь мир и вся война.

2014 г.

Как и приведенное выше стихотворение 1977 года, где тоже, хотя и по-другому, «сравнивается» любовь к Богу и любимой, это стихотворение ни в «оправдании», ни в комментарии не нуждается. Любовь говорит сама за себя, а кто решил, что это стихи атеиста, пусть так и считает.

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

Святой Франциск Ассизский и восточное монашество

Многие отечественные авторы отмечали такую черту в жизни святого Франциска, как любовь к Богу и ближним. Однако безмерная любовь Франциска охватывала весь окружавший его мир. «Любовь Франциска к птицам и всяким животным, наполнявшим устраиваемые им общежития братьев, а „также“ к цветам и всему в природе — очень существенная черта его душевного облика, делающая его еще более близким и понятным»[1], — отметила в конце XIX века известная писательница З. А. Венгерова.

Профессор Свято-Владимирской семинарии (Нью-Йорк) Н. С. Арсеньев (1888–1977) также подмечает эту тесную связь святого Франциска с природой; в своей книге «Преображение мира и жизни» (Нью-Йорк, 1959) он сопоставляет житие итальянского святого с молитвенными подвигами палестинских отшельников. «Из многочисленных восточных рассказов о пустынниках и зверях, параллельных рассказам о Франциске, известен, например, трогательный рассказ о льве старца Герасима, сохраненный нам Иоанном Мосхом (в сборнике преданий о палестинских подвижниках „Луг духовный“)», — пишет Н. С. Арсеньев. — Тот же Иоанн Мосх рассказывает о другом старце, который «достиг столь великого духовного совершенства, что без трепета встречал львов, приходивших к нему в пещеру, и кормил их на своих коленях»[2].

Н. С. Арсеньев не раз обращался к проблеме соотношения западной и восточной духовности и стремился выявить то, что сближало древних подвижников в их молитвенном подвиге. «Христианские великие святые и мистики Запада суть истинные братья по духу великих святых христианского Востока, — пишет Н. С. Арсеньев. — Каким-то избытком, каким-то восторгом, какой-то безмерностью любви к ближнему и смиренного любовного служения ему дышат рассказы о Франциске Ассизском. У него же безмерная любовь и сострадание ко всей твари во Христе, как и у Исаака Сирина»[3].

В одной из своих работ, озаглавленной «Единый поток жизни. (К проблеме единства христиан)» (Брюссель, 1973), Н. С. Арсеньев поместил главу под харак-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. В 1969 году окончил физический факультет Ленинградского университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году им же рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Ленинградскую Духовную академию (1975), с этого времени — преподаватель, с 1978 года — доцент Санкт-Петербургской Духовной академии.

[1] Венгерова З. А. Литературные характеристики. Кн. 1. СПб., 1897. С. 321.

[2] Арсеньев Н. С. Преображение мира и жизни. Нью-Йорк, 1959. С. 182.

[3] Арсеньев Н. С. Православие. Католичество. Протестантизм. Изд. 2-е. Париж, 1948. С. 41.

терным названием: «Основное единство христианской духовной жизни на Востоке и Западе». В этой главе он приводит два эпизода: один, рассказанный Фомой Челанским в его второй биографии Франциска Ассизского, и другой, включенный византийским духовным писателем Иоанном Мосхом (550–619) в его «Луг духовный». «У Фомы из Челано читаем, что раз во время последней болезни Франциска, когда он сам не мог читать, так как страдал глазами, один брат предложил почитать ему вслух из Св. Писания. Франциск всю жизнь свою бесконечно любил и чтил Писание, но в этот раз он ответил ему: „Мне большего не нужно, сын мой. Я знаю Христа бедного и распятого“. И этого ему было достаточно: постоянного устремления духовного взора своего на Распятого. В этом вся мудрость Франциска, красной нитью проходящая через всю его жизнь от видения Распятого в часовне Сан Дамиано до стигматизации на Альвернской горе, — пишет Н. С. Арсеньев. — Так и у Иоанна Мосха читаем: Пришедшей к праведному старцу Стефану ради поучения братии он, после долгого молчания, наконец сказал: „Что знаю, то скажу вам. Днем и ночью я ни на что более не взираю, кроме Господа нашего Иисуса Христа, пригвожденного к древу крестному“»[4].

В своей книге — «О жизни преизбыточествующей» (Брюссель, 1966) Н. С. Арсеньев выявляет общие корни духовного наследия восточной и западной мистики. О непреодолимом внутреннем импульсе, заставляющем душу изливать вовне то, что звучит внутри нее, то, что она пережила и ощутила, говорится еще в Ветхом Завете. Так, пророк Амос восклицает: «Господь Бог сказал, — кто не будет пророчествовать?» (Амос. 3, 8). Сходные строки вышли из-под пера Симеона Нового Богослова: «Мое сердце ранено, душа моя возгорелась и жаждет говорить с Тобою, о, Боже мой»[5]. Пораженный избытком благодати, он хотел молчать, но не может: благодать заставляет его говорить вопреки его воле.

Симеон Новый Богослов скончался в 1032 году; столетие спустя этот дар славословия с новой силой проявился в подвижнических трудах святого Франциска, о чем пишет Н. С. Арсеньев: «Иногда так силен этот внутренний прибой, эти волны радости и подъема нарастают иногда так мощно, что прорываются и наружу, требуют себе и внешнего проявления — во вздохах, слезах и песнопения, прерывистых и бессвязных восклицаниях, которые, впрочем, являются лишь обрывками, лишь неадекватными, часто случайными, бесконечно бедными и незначащими выражениями той ликующей, непреодолимой песни, что внутри охватила душу»[6].

«Tanto repletus est gaudio, — пишет про Франциска Ассизского древний его биограф, — quod non se capiens pro laetita etiam nolens ad aures hominum aliquid eructabat» («Он был исполнен такого ликованья, что, не в состоянии сдержать себя от радости, он иногда даже против воли давал ей прорываться до слуха людей»). После разрыва с прошлым и безостаточного, безраздельного отдания себя на служение Богу он уже не в силах сдерживать волны охватившей его радости. „Начал он по площадям и улицам города славить Господа, как бы опьяненный духом“. Даже в лесу воспевает он по-французски громким голосом хвалы Господу. „Praeco sum magni Regis!“ — „Я — глашатай великого Царя“, — так объявляет он во всеуслышанье»[7].

«Биограф св. Франциска — Фома из Челано — рассказывает также о том, как молился Франциск. Когда его на людях внезапно посещала молитвенная благодать,

---

[4] Арсеньев Н. С. Единый поток жизни. Брюссель, 1973. С. 59.

[5] Цит. по: Арсеньев Н. С. О жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 208.

[6] Там же.

[7] Там же.

то он старался плащом или хотя бы рукой прикрыться от глаз окружающих. Но в одиночестве, в лесу, он уже не стеснял, не сдерживал проявлений своего молитвенного порыва: „рощи оглашал он вздохами, землю орошал слезами... Часто словами, вслух, беседовал он с Господом своим, — отвечая Ему, как Судье, умоляя Его, как Отца, разговаривая с Ним как с Другом, услаждаясь как с Возлюбленным... Но часто и с недвижными устами беседовал внутренно“... Мы имеем одно такое излияние, такое проявление, закрепление во вне молитвенного порыва Франциска, начертанное собственными его руками в минуту после его величайшего мистического переживания — видения распятого Христа на Альвернской горе: это — кусочек пергамента с хвалебным гимном, или вернее — отрывочными возгласами ликования, данный им тогда же (1224 г.) брату Леону, так называемая Cartula fratris Leonis. Вот, эти возгласы Франциска, обращенные им к Богу из глубины потрясенной души, ряд безыскусственных, не связанных между собой предложений, излияния благодарности, умиления, восторга: „Ты — Святый Господь, Бог единый, творящий чудеса. Ты — сильный. Ты — великий. Ты — высочайший. Ты — Владыка всемогущий, Ты Отче Святый, Владыка неба и земли... Ты — благо, всяческое благо, высшее благо, Господи Боже, живый и истинный. Ты — любовь. Ты — мудрость. Ты — смирение. Ты — терпение. Ты — безопасность. Ты — покой. Ты — радость и ликование... Ты — всяческое богатство в изобилии“»[8].

В той же своей книге — «О жизни преизбыточествующей» — Н. С. Арсеньев приводит святоотеческое высказывание: «Смиренным дается благодать» — и продолжает: «Живым комментарием к этому могут служить некоторые рассказы об отцах Нитрийской и Сирийской пустынь — об их благости и милосердии, распространявшихся даже и на диких зверей, о послушании им зверей и об их власти над зверями. Сходное рассказывается и о некоторых западных святых, например, о Франциске Ассизском, и о ряде великих русских угодников — Сергии Радонежском, Стефане Пермском, старце Серафиме. И не удивительно. „Если кто приобретет чистоту, то все становится подвластным ему, как Адаму в раю, прежде преступления им заповеди“»[9]. (Сходное говорит по поводу послушания диких зверей Сергию Радонежскому ученик его Епифаний в своем жизнеописании святого.)

Как видно из приведенных строк, Н. С. Арсеньев сравнивает деятельность святого Франциска не только с молитвенными подвигами древних подвижников Египта, но и с трудами преп. Сергия Радонежского, преп. Серафима Саровского и других русских святых. Приведя слова Спасителя «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6), Н. С. Арсеньев продолжает: «И таким Путем, такой Жизнью и Центром Он остался и для последующего христианства в его высших углубленных, наиболее горячих, наиболее исполненных любовью и духовной силой и подъемом, мистических переживаниях»[10].

Далее тот же автор сопоставляет духовный опыт святых угодников Божиих, прославленных как в Единой Неразделенной Церкви, так и тех, кто жил после раскола 1054 года: «Таковы переживания, например, и Игнатия Богоносца, и Макария Египетского, и авторов песнопений Страстной Седмицы Православной церкви, и Симеона Нового Богослова; а на Западе живут и проповедуют Франциск Ассизский и Якопоне да Тоди... в России, например, Димитрий Ростовский или Тихон Задонский»[11]. Обобщая сказанное, Н. С. Арсеньев пишет: «Названные имена — яркие

---

[8] Там же. С. 209.

[9] Там же. С. 132–133: Слово Павла из Фиваиды / Apophtegmata partum. Migne. Patr. Gr. T. 65.

[10] Там же. С. 184.

[11] Там же.

примеры, достаточные, чтобы иллюстрировать ту основную тенденцию, основную стихию, которая их вскормила и которую они собой представляют»[12].

Впрочем, духовное родство францисканского и восточного монашества не ограничивается чисто умозрительными сопоставлениями. Ведь еще с времен раннего средневековья в Италии подвизались греческие монахи, жившие по уставу святого Василия Великого (IV в.). Их приток в Южную Италию из Византии был связан с персидскими войнами (VII в.), арабским завоеванием и гонением от иконоборцев (VIII в.). В византийскую эпоху в греческих монастырях Италии подвизались святой Илия Новый (сконч. в 903 г.), преподобный Илия Пещерник (960), святой Савва Младший (990/991), святой Никодим Мамлюльский (990), святой Лука Арментский (993), святой Симеон Полиронский (1016), святой Нил Младший Россанский (1004)[13].

К XII и началу XIII века большинство греческих обителей Апулии, Калабрии и Сицилии были поставлены под управление крупных монастырей, которые, в свою очередь, подчинялись Риму. В правление норманнского короля Вильгельма I Злого (1154–1166) началось обращение греческих монастырей в латинские и переход греков к латинскому церковно-богослужебному уставу[14]. Все это дает повод говорить о наличии восточнохристианской, византийской струи во францисканской мистике. Как отмечает современная исследовательница М. Самарина, «вопрос о византийских, то есть православных корнях францисканской мистики (причем мистики не только самого простого и неученого Франциска, но и фундаментального теоретика и теолога Бонавентуры) чрезвычайно интересен и безусловно требует отдельного изучения»[15].

В трудах отечественных историков можно встретить сопоставление святого Франциска и с другими русскими подвижниками. К их числу относится преподобный Нил Сорский (ок. 1433–1508), как и святой Франциск, сторонник нестяжания. Всякое имущество, собственность, Нил Сорский считал недостойным иночества. Подобно святому Франциску, Нил Сорский совершил паломничество в Палестину; есть много других моментов, сближающих этих угодников Божиих. Вот что пишет о них российский историк французского происхождения Ф.-Г. де ла Барт (1870–1915): «Подобно великому святителю Русской церкви, преподобному Нилу Сорскому, святой Франциск в вопросах религии „допускал рассуждение“ и был, если можно так выразиться, „либеральным христианином“, то есть христианином в настоящем смысле слова, не отрицавшим субботы, но находившим, что „не человек создан для субботы, а суббота для человека“»[16].

Выражение «либеральный христианин» — в применении к святому Франциску и к преподобному Нилу Сорскому — весьма характерно. Независимо от Ф.-Г. де ла Барта это подметил академик С. С. Аверинцев, во введении к книге «Истоки францисканства» он пишет: «Нецерковным интеллигентам очень помогало любить Франциска то несомненное обстоятельство, что духовный максимализм раннего францисканства вступил в конфликт с католическими институциями — примерно так, как заволжские „нестяжатели“ оказались гонимыми на православной Руси»[17].

---

[12] Там же. С. 184.

[13] Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 18.

[14] Там же.

[15] Самарина М. Франциск Ассизский и Петербург // Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e dialogano tra loro. Firenze, 2003. P. 45.

[16] «Л» (де ла Барт Ф.-Г.). Франциск Ассизский // Труд. 1889. Т. 3. С. 490.

[17] Аверинцев С. С. Введение // Истоки францисканства. М., 1996. С. 13.

Как известно, Нил принял монашеский постриг в Кирилло-Белозерском монастыре; впоследствии он не раз отказывался от сел, которые предлагались его обители благочестивыми мирянами. Те же взгляды были усвоены и его ближайшими учениками — «заволжскими старцами». На Московском соборе 1503 года преподобный Нил выступил с протестом против землевладельческих прав монастырей, за что подвергся ожесточенной критике со стороны «иосифлян». На защиту Нила Сорского выступил преподобный Максим Грек (ок. 1480–1556), в молодости проведший несколько лет в Италии. И, как отмечает С. С. Аверинцев, «преп. Максим Грек, твердо вернувшись к православию, находил возможным в защите монашеского нестяжательства обращаться к опыту нищенствующих орденов католического Запада»[18].

В одном из произведений И. А. Ильина (1882–1954) — «О сопротивлении злу силою» — святой Франциск упоминается в ряду подвижников Русской православной церкви, что побуждает вспомнить выражение профессора Московского университета В. И. Герье (1837–1919): «Франциск нам не чужой»[19]. «Каждый внутренний акт доброты, любви, прощения, благоговения, искренности, молитвы и покаяния — неизбежно изменяют ткань и ритм душевной жизни, — пишет И. А. Ильин. — Эта волна доброты, чистоты и благородства идет тем сильнее и заметнее, чем глубже душа переродилась в этих состояниях: и понятно, что на лике Макария Великого, Франциска Ассизского, патриарха Гермогена и оптинских старцев всякий увидит то, чего он не сумеет распознать в слабых проблесках обыденной доброты»[20].

Позиция И. А. Ильина, сближающая святого Франциска и оптинских старцев, созвучна взглядам другого отечественного философа, — об этом же пишет и С. Л. Франк (1877–1950), принявший православие в 1912 году. (Оба религиозных мыслителя были вынуждены покинуть советскую Россию в 1922 году.) Как отмечал С. Л. Франк, «в истории христианской церкви наиболее плодотворными, успешными и длительными были не обличения ложности тех или иных догматов или канонов, не расколы, не „реформации“ и сектантские обособления, а такие, из недр самой церкви рождающиеся усилия нравственного и духовного обновления, как движение монашества, клюнийская реформа, францисканство, нравственное и дисциплинарное возрождение католичества в послереформационную эпоху, или русское старчество»[21].

Подвижнические труды святого Франциска оказали известное влияние и на русскую литературу; об этом одним из первых заговорил Ф.-Г. де Ла Барт. В своей первой журнальной публикации о святом Франциске этот автор, скрывшийся под инициалом «Л», писал о том, что идеи Франциска «вообще весьма понятны и близки русским людям. В нашей литературе нередко встречается отражение или, вернее, самостоятельное проявление этих идей. Укажем для примера на старца Зосиму в „Братьях Карамазовых“ Ф. М. Достоевского, старца Па́ву в „Запечатленном ангеле“ Н. С. Лескова, „Скомороха Па́фалона“ и некоторые страницы „Соборян“ того же автора»[22].

Тема «Святой Франциск Ассизский и Ф. М. Достоевский» заслуживает отдельного рассмотрения, и поэтому следует уделить внимание истокам «францисканских мотивов» в романе «Братья Карамазовы». Заглянуть в «творческую лабора-

[18] Там же. С. 13.

[19] Герье В. И. Франциск апостол нищеты и любви. М., 1908. С. 2.

[20] Ильин И. А. Сочинения в 2 т. Т. 1. Философия права. Нравственная философия. М., 1993. С. 419.

[21] Франк С. Л. С нами Бог. Париж, 1964. С. 274.

[22] «Л». Франциск Ассизский // Труд. 1889. Т. 3. С. 495.

торию» Достоевского нам поможет его письмо к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 года: «Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой; в 2 года план у меня весь созрел, — пишет Достоевский. — ‹...› (Общее название романа есть: „Житие великого грешника“, но каждая повесть будет носить название отдельно.) Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существование Божие. Герой, в продолжение жизни, — то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить вся в монастыре. На эту 2-ю повесть я возложил все мои надежды. Может быть, скажут наконец, что не все писал пустяки... хочу выставить во 2-ой повести главной фигурой Тихона Задонского, конечно, под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре на спокое. 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями (круг наш, образованный) и для обучения. Волчонок и нигилист-ребенок сходится с Тихоном... Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать гости и другие: Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов, и инок Парфений (В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства.) Но главное — Тихон и мальчик... Правда, я ничего не создам, а только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя важным подвигом[23].

Комментируя эти строки Достоевского, В. В. Розанов писал: «Кто не узнает в торопливых и разбросанных строках этого письма первый очерк „Братьев Карамазовых“, с его старцем Зосимою и с чистым образом Алеши (очевидно, разделенная фигура Тихона Задонского), с развитым и развращенным, правда уже не мальчиком, но молодым человеком Иваном Карамазовым, с поездкою в монастырь (помещик Миусов — очевидно переделанная фигура Чаадаева), со сценами монастырской жизни, и пр.»[24].

Итак, один из прототипов старца Зосимы — святой Тихон Задонский (1724–1783), знаменитый иерарх и духовный писатель. В 1761 году он был возведен во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии. А в 1763 году перемещен на самостоятельную Воронежскую кафедру. Святой Тихон управлял Воронежской епархией четыре года и семь месяцев, а в 1767 году из-за расстройства здоровья ушел на покой и поселился сначала в Толшевском монастыре (в сорока верстах от Воронежа), а с марта 1769 года жил в Задонском монастыре. Келья святителя стала источником духовного просвещения; из ближних и дальних мест сюда стекался народ, чтобы получить его наставление и благословение.

«Взял я лицо и фигуру (Зосимы. — *А. А.*) из древнерусских иноков и святителей... — пишет Достоевский. — Эта глава („О Священном писании в жизни отца Зосимы“) — восторженная и поэтическая, прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского»[25].

---

[23] Достоевский Ф. М. ПСС. 29 (1). С. 117–118.

[24] Розанов В. В. Мысли о литературе (Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария) (1891). М., 1989. С. 45.

[25] Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 30. Кн. 1. С. 102.

Еще один прототип Зосимы — оптинский старец Амвросий (А. М. Гренков) (1812–1891). Получив образование в Тамбовской семинарии, Амвросий поступил в Козельскую Введенскую Оптину пустынь, где прославился своим аскетизмом и смирением. В 1860 году Амвросий был избран старцем пу́стыни. Множество богомольцев обращались к нему за духовной помощью и за исцелением от болезней. Вот что поведала в своих «Воспоминаниях» вдова Достоевского — А. Г. Достоевская: «Будучи в Оптиной пустыни в 1878 году, Ф. М. Достоевский дважды беседовал с тогдашним знаменитым старцем отцом Амвросием; он вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление, — писала Анна Григорьевна. — Когда Федор Михайлович рассказал старцу о постигшем нас несчастии (смерть сына) и о моем слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующая ли я, и когда Федор Михайлович отвечал утвердительно, то просил его передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери»[26]. (Старец Амвросий обещал Федору Михайловичу «помянуть на молитве Алешу» и «печаль мою». В романе Зосима говорит: «Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитве вспомяну»[27].)

Однако не следует трактовать образ старца Зосимы прямолинейно и однозначно. Конечно, Достоевский был духовно связан с одной из ветвей православного аскетизма — оптинской школой старцев. И возникает вопрос об отражении в старце Зосиме некоторых черт, характерных для оптинских подвижников. Н. А. Бердяев отвечает на этот вопрос отрицательно: «Зосима не есть образ традиционного старчества. Он не похож на оптинского старца Амвросия. Его не признали своим оптинские старцы»[28].

В своем произведении «Русская идея» Н. А. Бердяев подкрепляет свое высказывание дополнительными аргументами. «Традиционный старец не сказал бы того, что говорит старец Зосима: „Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его... Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листок, каждый луч Божий любите, любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будем любить всякую вещь и тайну Божию постигать в вещах, — пишет русский философ, добавляя при этом: — В Достоевском были зачатки новой христианской антропологии и космологии, была новая обращенность к тварному миру»[29].

Однако именно любовь, как полагает Н. С. Арсеньев, является «основной чертой великих святых и учителей внутренней жизни»: «в безмерной любви их, изливающейся на мир, дано чувство живой, свободной соборности, основное для духа Православной церкви»[30].

«Отзвуки подобных состояний, этой любви, изливающейся на всех людей и на все творение, мы находим в величайших мистических страницах русской литературы — в поучениях старца Зосимы в „Братьях Карамазовых“, — продолжает Н. С. Арсеньев. — „Братья, не бойтесь греха людей, — читаем здесь, — любите человека и во грехе его, ибо сие есть уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Лю-

[26] Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 347. О прототипах старца Зосимы подробнее см.: Плетнев Р. Сердцем мудрые (О «старцах» у Достоевского). Прага, 1930 // О Достоевском. Сб. статей под ред. А. Л. Бема. Париж, 1986. С. 155–174.

[27] ПСС. Т. 14. С. 47.

[28] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 2. С. 135.

[29] Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 224.

[30] Арсеньев Н. С. О жизни преизбыточествующей. Брюссель, 1966. С. 133.

бите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды, и уже неустанно начнешь ее познавать все более и более. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью“. И отсюда рождается состояние любовного восторга, упоение любви, при всей строгой трезвенности духа»[31].

Еще одну «ипостась» старца Зосимы выявляет выдающийся религиозный писатель С. И. Фудель (1900–1977), испытавший многолетние гонения в сталинские времена. В своей монографии «Наследство Достоевского» (М., 1998) он пишет: «Для Зосимы из „Братьев Карамазовых“... много дали Достоевскому не оптинские, а афонские монахи: Арсений, Николай, Аникита и др. В Оптину пустынь книга Парфения только приоткрывала дверь»[32]. Здесь речь идет о книге, озаглавленной «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника святыя горы Афонския инока Парфения» (ч. I–IV. М., 1856).

В апреле 1867 года Достоевский уехал за границу, где пробыл до июля 1871 года. «Во время четырехлетней жизни за границей у Достоевского была, среди других книг, книга инока Парфения, изданная в Москве в 1856 году, о его странствиях по монастырям Молдавии, Востока и России, — пишет С. И. Фудель. — Достоевский многократно упоминает ее в письмах и в черновых тетрадях к „Бесам“. Вхождение этой книги в орбиту духовной жизни Достоевского — факт знаменательный: она открыла ему дверь в ту „Церковь невидимого Града“, в тот мир восточных подвижников и святых, все еще живших в XIX веке, верить и искать который он научился еще в детстве»[33]. Известно, что иеросхимонах Оптиной пустыни Леонид, в схиме Лев, умерший в 1841 году, вскоре после посещения его Парфением стал основателем оптинского старчества. Таким образом, в лице старца Зосимы сочетаются черты как афонской, так и оптинской традиции.

С. И. Фудель обращает внимание читателей на рассказ о кончине старца Зосимы: он умер, «распростирая свои руки» и «как бы в радостном восторге». «Людям, не знающим праведников церкви, это могло показаться поэтической выдумкой литератора или каким-то „неохристианством“, но, оказывается, и тот и другой признаки смертного часа Зосимы взяты от Парфения, — пишет отечественный исследователь. — Николай „с даром слезным“ умирал в 1841 году: умирая, он „сел на постели своей, и начало лицо его изменяться и играть румянец, и он, возведя очи свои к небу, стал яко в исступлении“»[34].

Вот несколько строк о кончине другого афонского подвижника — Арсения: «Кто-то спросил его: „Отче, не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли?“ Он же весело на него посмотрел и сказал: „Страха и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, и великую имею надежду на Господа Бога моего...“ Потом всем велел от себя отдалиться... Он начал молиться, но не могли расслышать, что он говорил. Поднимал трижды руки к небу; потом опустил их и затих. Тогда подошли и увидели, что он скончался»[35].

---

[31] Там же. С. 133.

[32] Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 1998. С. 171.

[33] Там же. С. 121.

[34] Фудель С. И. Указ. соч. С. 123; Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника святыя горы Афонския инока Парфения. Ч. IV. М., 1856. С. 216.

[35] Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле пострижника святыя горы Афонския инока Парфения. С. 228–230.

Имена старцев Зосимы и Амвросия мы снова встречаем на страницах тех трактатов Н. А. Бердяева, где русский философ размышляет о соотношении западной и восточной монашеских традиций. «Когда русские писатели XIX века обращались к старцам Оптиной пустыни, к старцу Амвросию и другим, то эти последние только указывали пути внутреннего устроения их души, но ничего не говорили об исторических путях осуществления Царства Божьего в мире, об эволюции, происходящей в мирской культуре. И в старчестве было что-то глубоко сокрытое, невыявленное, до времени охраняемое, — пишет Н. А. Бердяев. — В католичестве огромная духовная сила ушла на историческое делание, на создание католической культуры и католического общества. Католичество строило крепость в историческом мире и в душах людей»[36].

Приведенные строки содержатся в статье «Русская религиозная идея» (1924). Здесь Бердяев еще не сопоставляет старца Зосиму и святого Франциска. Отметив, что, «в католическом мире были великие святые, был подлинный религиозный опыт, хранился образ Христа и совершались таинства»[37], русский философ высказывает мысль о том, что «старец Зосима был пророчеством о русском белом, апокалиптическом, Иоанновом христианстве, в котором начнется просветление и преображение всего мира»[38].

В отечественном литературоведении были попытки сближения старца Зосимы с преподобным Сергием Радонежским. Но вот что писал по этому поводу академик Д. С. Лихачев: «Русская культура обладала особой влюбленностью в отношении к Италии... Это, между прочим, сказывается даже в творчестве Достоевского, который Зосиму своего изобразил не столько даже как Сергия Радонежского, сколько Франциска Ассизского: Иван Карамазов, обращаясь к Алеше, говорит: „Ну, иди, иди к своему патер серафикус“. „Pater Seraphicus“ — прозвище Франциска Ассизского»[39]. «Само монашество считает и называет себя чином ангельским, — пишет Владимир Соловьев, — истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть „ангел во плоти“; за величайшим монахом западного христианства, святым Франциском Ассизским остается прозвание „Pater seraphicus“»[40].

Вот описание кельи старца Зосимы, вышедшее из-под пера Достоевского:

«Вся келья была очень необширна и какого-то вялого вида. Вещи и мебель были грубые, бедные и самые лишь необходимые. Два горшка цветов на окне, а в углу много икон — одна из них Богородицы, огромного размера и писанная, вероятно, еще задолго до раскола. Пред ней теплилась лампадка. Около нее две другие иконы в сияющих ризах, затем около них деланные херувимчики, фарфоровые яички, католический крест из слоновой кости с обнимающей его Mater dolorosa и несколько заграничных гравюр с великих итальянских художников прошлых столетий. Подле этих изящных и дорогих гравюрных изображений красовалось несколько листов самых простонароднейших русских литографий святых, мучеников, святителей и проч., продающихся за копейки на всех ярмарках»[41].

Поместив в келью православного подвижника «католическое» Распятие, Достоевский проявил определенную смелость. Ведь он мог бы подвергнуться напад-

---

[36] Бердяев Н. А. Русская религиозная идея // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924. С. 106.

[37] Там же. С. 107.

[38] Там же. С. 116.

[39] Лихачев Д. С. Сергий Радонежский и Франциск Ассизский // Наука и религия. 1992. № 1. С. 9.

[40] Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 618.

[41] Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 14. С. 37.

кам за «отход от православных традиций», как это было, например, с одним из петербургских художников в 1827 году. Так, в «Северной пчеле» № 156 (31 декабря 1827 года) в разделе «Новые книги» появилось объявление о выходе «Невского альманаха на 1828 год», причем несколько строк было посвящено гравюре, изображающей Пимена в келье: «В лице Пимена нет того характера, с которым изобразил его Пушкин. Одна молодая дама, и притом немка, заметила, что на столе у Пимена стоит католическое распятие. Русскому художнику и русскому издателю должно было это заметить прежде».

С другой стороны, вряд ли Достоевский мог предположить, что через сто с лишним лет после его кончины (1881) упоминание о католическом распятии в келье старца Зосимы получит неожиданную оценку. «Очевидно, что перед нами портрет православного экумениста, который в искусстве европейского Возрождения ищет вдохновения для возрождения и созидания российской жизни и российской культуры, — пишет доктор философских наук Владимир Кантор. — Писатель символически сближает простонародные литографии и католический крест с итальянскими гравюрами. То, что в Европе было, то в России будет — такова вера великого писателя»[42].

Впрочем, при желании Достоевского можно было бы обвинить в «филокатоличестве» даже в том случае, если бы в келье старца Зосимы было «православное» распятие. Достаточно «к месту» процитировать отрывок из статьи Н. А. Бердяева «Русская религиозная идея»: «В православии сильнее выражен образ Христа Воскресшего, есть обращенность к светлой тайне Воскресения. Русский праздник Пасхи есть не только экстатическое переживание Христова Воскресения, но и предчувствие космического воскресения, воскресения и просветления всей твари. В католичестве сильнее выражен образ Христа Распятого, есть обращенность к тайне Голгофы... Стоит войти в православную церковь, чтобы бросился в глаза образ Христа Воскресшего. Когда вы входите в католическую церковь, то прежде всего бросается в глаза распятие. Католичество мистически есть прежде всего религия распятия»[43].

Современные исследователи сопоставляют старца Зосиму со святым Франциском. Так, В. Е. Ветловская в своей статье «Pater Seraphicus»[44], упомянув о том, что «ряд прямых и косвенных мотивов сближает старца Зосиму в „Братьях Карамазовых“ с Франциском Ассизским»[45], приводит далее описание кельи старца Зосимы: там был «католический крест из слоновой кости с обнимающею его Mater dolorosa и несколько заграничных гравюр с великих итальянских художников прошлых столетий» (ПСС, 14, 37). Достоевский не случайно помещает в келью старца Зосимы итальянские гравюры старых мастеров, — известно, что «культ Богородицы занимает важнейшее место в жизни, учении и поэзии францисканцев»[46], — пишет В. Е. Ветловская.

Что касается упоминания о католической статуе Распятия с «Матер Долороза», то здесь также прослеживается определенная закономерность. Ведь именно францисканцу Якопоне из Тоди (XIII–XIV) принадлежит гимн, в котором упоминается «Матер Долороза»:

---

[42] Кантор В. Суждено ли России европейское будущее? // Литературная газета. 3 июня 1998 года. № 22. С. 3.

[43] Бердяев Н. А. Русская религиозная идея // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924. С. 116–117.

[44] Ветловская В. Е. Pater seraphicus // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 163–178.

[45] Там же. С. 166.

[46] Там же. С. 169.

Stabat Mater dolorosa
Iuxta crucem lacrimosa
Dum pendebat Filius.
(Стояла Мать в слезах и скорби у ног креста родного Сына.)

«Возможно, Mater dolorosa, обнимающая распятие в келье старца Зосимы... исподволь вводит еще одно указание на св. Франциска»[47], — отмечает та же исследовательница.

Фигура старца Зосимы была настолько противоречива, что Достоевского критиковали за «серафического отца» и «справа», и «слева». С одной стороны — «филокатолик», с другой — «антипапист». К 100-летию со дня кончины великого писателя он получил такой упрек: «По незнанию Достоевский свел католичество к властному папизму и жестокой инквизиции, — пишет Юрий Иваск. — Он забыл о мирных, не облеченных властью католических миссионерах: будь то кроткий и чистый сердцем Франциск Ассизский и его братья, героический апостол Азии — Франциск Ксаверий, или апостол Рима — радостный Филипп Нерийский, который как-то вырвал обреченную жертву у инквизиции»[48].

В оправдание великого писателя можно привести слова В. В. Розанова, который, как и Достоевский, долгие годы был вынужден заниматься литературной «поденщиной»: «Связываемый срочными обязательствами, в которые Достоевский входил с редакциями и книгопродавцами, он принужден был усиленно работать, и хотя из написанного им за это время было много прекрасного, однако все это не было осуществлением его задушевной мечты и уже созревшего плана. Очевидно, он все дожидался досуга, который дал бы возможность обрабатывать неторопливо»[49].

Как и В. В. Розанов, Н. А. Бердяев снова и снова обращается к личности святого Франциска и, завершая свои рассуждения, он замечает: «Черты сходства на Западе (с восточным монашеством. — *А. А.*) можно было бы найти в св. Франциске Ассизском»[50]. Русский философ неоднократно упоминает о святом Франциске в своих трактатах; можно мысленно выстроить ряд: старец Зосима — старец Амвросий Оптинский — святой Франциск. «Близок русским также образ св. Франциска Ассизского, искупающий многие грехи исторического христианства», — пишет Н. А. Бердяев[51]. Вот еще одно сопоставление оптинского старца Амвросия со святым Франциском. По мнению Н. А. Бердяева, у старца Амвросия «не было этой обращенности к мистической земле и к новому принятию природы. Можно было бы тут искать черт сходства со св. Франциском Ассизским, религиозным гением, выходящим за пределы официальных образцов святости»[52].

И, как бы подводя итог своим рассуждениям, Бердяев возвращается к старцу Зосиме и святому Франциску, подчеркивая условность сопоставления литератур-

---

[47] Там же. С. 170. Текст гимна «Стабат Матер» (перевод Эллиса) опубликован в сборнике: Сказания о бедняке Христовом (Книга о Франциске Ассизском). М., 1911. С. 85–87. О духовной поэзии Якопоне де Тоди см.: Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1895. Т. 1. С. 126–133. (*Прим. авт.*)

[48] Иваск Ю. Савлы, не ставшие Павлами (Опыт посюстороннего христианства Достоевского) // Вестник РХД. № 133. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1–1981, С. 100.

[49] Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 45.

[50] Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 224.

[51] Там же. С. 215.

[52] Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. С. 136.

ного персонажа XIX века с итальянским подвижником, жившим в XIII столетии. «Земля Умбрии очень отличается от русской земли, и на них произрастают разные цветы. Цветок мировой святости, произраставший на Умбрийской земле, не знает себе равного, — пишет Бердяев. — Зосима есть лишь выражение пророческих предчувствий Достоевского, не находящих себе художественно вполне адекватного выражения»[53].

А теперь обратимся к «Гимну солнцу» святого Франциска. В одном из своих эссе Д. С. Мережковский пересказывает диалог старца Зосимы и Алеши Карамазова. «А видишь ли наше Солнце, видишь ли Его? — спрашивает старец Зосима. „Боюсь,.. не смею глядеть... — прошептал Алеша“»[54]. Далее русский поэт-символист, верный своей концепции нерасчлененного «интегрального единства» противоположных начал, их дифференциации и «совершенной интеграции»[55], пишет: «Это „Солнце“ и есть тот Свет, та ослепляющая искра, молния, которая соединила оба „конца“, оба полюса мира —

Концы концов коснутся,
Проснутся „да“ и „нет“,
И „да“ и „нет“ сольются,
И смерть их будет Свет»[56].

Поблагодарив Д. С. Мережковского за умолчание об античном Дионисе и Софокле, обратимся к сравнению, которое проводит исследовательница творчества Достоевского В. Е. Ветловская. Она цитирует слова старца Зосимы: «Благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему»[57], а затем обращается к тексту «Гимна солнцу» святого Франциска:

Хвала Тебе, Господи, и всем Твоим созданиям,
В особенности брату Солнцу,
Которое сияет и светит нам[58].

«Единое выражение любви к миру у святого Франциска и старца Зосимы очевидно, так что налицо определенное влияние францисканского духовного наследия на творчество Достоевского», — полагает В. Е. Ветловская. Однако одновременно она отмечает, что «имя „Pater Seraphicus“ по отношению к Зосиме (наряду с безусловным почтительным смыслом) в романе Достоевского имеет полемический подтекст. И не случайно, а вполне обдуманно вслед за аттестацией Зосимы, принадлежащей Ивану и идущей в заключении главы „Великий инквизитор“ — „Pater Seraphicus“, появляется аттестация автора, вынесенная в название отдельной книги — „Русский инок“. Эта новая характеристика Зосимы, не отменяющая предыдущую, а тесно связанная с нею, означала, по замыслу Достоевского, указание на русский способ следования „по стопам Христа“ и на русское понимание Христа»[59].

---

[53] Там же. С. 136.
[54] ПСС. 14. 327.
[55] Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 394.
[56] Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия // ПСС. М., 1912. Т. IX. С. 245.
[57] ПСС. Т. 14. С. 265.
[58] Ветловская В. Е. Pater seraphicus. С. 171.
[59] Там же. С. 178.

Францисканское влияние прослеживается и в литературных портретах других персонажей романа «Братья Карамазовы». Так, антиподом старца Зосимы — его благости, его отсутствию тягостного ощущения греха, — представлен отец Ферапонт. Особенно ярко их духовная несовместимость выявилась после кончины старца Зосимы. «Любовь к нему, да и действительно праведная жизнь внушила ожидание в монастыре, что тление не коснется тела его, — пишет В. В. Розанов. — Но тление коснулось „перси“, „красной глины“ человека. Обманувшийся монастырь возскорбел о любимом старце. Но не возскорбел, а обрадовался этому старец Ферапонт»[60].

Отметив, что «по Ферапонту — мир именно подавлен грехом; и символ его, выражение его, „бес“ — является чем-то везде присутствующим»[61], В. В. Розанов пересказывает тот эпизод, где угрюмый и одинокий Ферапонт является в келью Зосимы с обличениями:

«В невероятно дикой сцене Достоевский нарисовал его фигуру во весь рост; во весь рост нарисовал его духовный образ. „Извергая — извергну!“, „Сатана — изыди! Сатана — изыди!“ — повторял он, крестя все углы и стены комнаты, по его уверению, наполненной „чертями“, которых напускал сюда Зосима и „днесь сам провонял от них“. Тяжелые вериги завистливого постника звенели при каждом его движении, внушая почтительность наполнившему келью народу. „Постов не содержал по чину схимы своей“, — гремел Ферапонт. Наконец, выйдя из кельи, он повалился с воплем на землю, и, обращаясь к заходящему солнцу, возопил:

— Мой Господь победил! Христос победил заходящу солнцу.

— Вот кому сидеть в старцах! Вот кто свят, — заговорила толпа, умиляясь и приходя в изступление: изступление уже не умиления к миру, а строгости к миру, не в восторг вездеприсутствия Бога, а в страх вездеприсутствия дьявола»[62].

Кого же «вывел» Достоевский в образе отца Ферапонта? В своих размышлениях об этом персонаже Н. А. Бердяев «замахнулся» на самого... епископа Феофана Затворника (1815–1894) — знаменитого духовного писателя. Получив образование в Киевской духовной академии, он был бакалавром по кафедре нравственного и пастырского богословия в Санкт-Петербургской духовной академии, затем ректором Олонецкой семинарии, настоятелем посольской церкви в Константинополе, с 1857 года — ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1859 году отец Феофан был рукоположен во епископа Тамбовского и Шацкого, в 1863 году переведен во Владимир, где оставался до 1866 года, когда удалился на покой в Вышенскую пустынь.

Прежде чем переходить к «критическому разбору», Н. А. Бердяев упоминает о том большом вкладе, который внес епископ Феофан Затворник в сокровищницу отечественного православия. «В русской духовно-аскетической литературе XIX века наибольшим авторитетом пользовался Феофан Затворник, — пишет Бердяев. — Его книга „Путь к спасению“ почиталась главной русской книгой, посвященной наставлениям к духовной жизни. Это книга прежде всего аскетическая, в ней аскетика подавляет мистику»[63]. Затем русский философ постепенно настраивается на критический лад: «Характерно, что аскет и затворник Феофан, признавший соблазном всю духовную культуру, знание, искусство, все человеческое творчество, благословляет занятие торговлей, освящает мещанскую хозяйственность, мещан-

---

[60] Розанов В. В. Религия как свет и радость // Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 1. С. 7.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Бердяев Н. А. Дух и реальность. Париж, б/г. С. 80.

скую семейственность, и особенно государственную власть, признает священными государственные чины. Это обратная сторона мироотрицающей аскезы»[64].

И, наконец, Н. А. Бердяев делает решительный выпад, вслед за Достоевским разводя Зосиму и Ферапонта по разные стороны барьера. «В русской православной аскезе были явления, близкие старцу Зосиме, хотя и не совпадающие с ним, так как Достоевский пророчествовал о новой духовности. Но были явления, близкие образу о. Ферапонта в „Братьях Карамазовых“, то есть крайнему обскурантизму, — пишет Н. А. Бердяев. — Это и есть предельное выражение аскезы, от которой отлетел дух. Аскеза, несомненно, несет с собою опасности. Она может не освобождать духовные силы человека, а их порабощать и сковывать. Аскеза часто была оппортунистическим примирением со злой и несправедливой действительностью, отказом от борьбы с ней»[65].

Что касается В. В. Розанова, то он усматривал в отце Ферапонте черты К. Н. Леонтьева, тем более что тот в свое время сам затронул эту тему. «К. Н. Леонтьев, сам того не замечая, сыгравший в 70-х годах XIX века только роль „отца Ферапонта“ в нашей литературе и частью политике, заметил о „Братьях Карамазовых“: „Там монахи не совсем то говорят, что говорят *действительно в монастырях действительные монахи*, — пишет В. В. Розанов. — Может быть. Сам Леонтьев долго жил на Афоне, жил в Оптиной пустыни и был тайным постриженником: ему по части *действительности* „и книги в руки“»[66].

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), православный публицист, сам называл себя принципиальным или идейным консерватором. С 1863-го по 1873 год он прожил в Турции, занимая консульские должности. Выйдя в отставку, он провел более года на Афоне; в 1887 году поселился в Оптиной пустыни и через четыре года, приняв тайный постриг с именем Климента, переехал в Сергиев Посад, где и скончался в 1891 году. Отдавая должное К. Н. Леонтьеву в его знании духовной жизни Оптиной пустыни, В. В. Розанов пишет: «Отец Зосима, конечно, есть мечта Достоевского, и — личная мечта; „буди, буди“ его сердца, „золотой сон“ может быть, еще с каторги, может быть, даже с детства. И суровая поправка Леонтьева, именно к Зосиме отнесенная: „не то, не то“ — по всему вероятию, правильна»[67].

Но, несмотря на сказанное, симпатии В. В. Розанова все же на стороне старца Зосимы: «Достоевский не только высказал „буди, буди“ своего сердца, но противопоставлением Зосимы и Ферапонта, может быть безотчетно — он выразил вековечную и уже о самой действительности истину: истину о тысячелетнем борении двух идеалов — благословляющего и проклинающего, миролобызающего и мироплюющего, поднимающего из скорби и ввергающего в скорбь — в мировой жизни древа Господня, древа Евангельского»[68].

А далее, как и у других авторов, затрагивавших эту тему, в размышлениях В. В. Розанова появляется «францисканская линия». «Что такое католицизм, в его отделении от православия? — вопрошает В. В. Розанов. — Францисканцы, с веревками и босые, даже и одевались совершенно как Ферапонт. Вообще „Ферапонт“ — слишком возможен, „Ферапонту“ есть какая-то лазейка в христианский мир; Ферапонт прокрадывается туда, „садится“ или, пожалуй, „сажается старцем“. Начинает

---

[64] Там же. С. 80–81.

[65] Там же. С. 81.

[66] Розанов В. В. Около церковных стен. Т. 1. С. 8.

[67] Там же.

[68] Там же.

„крестить чертей“ и, наконец говорит: „Поклонитесь моему Богу, поклонитесь Заходящему Солнцу“»[69].

«Заходящее Солнце» — это явный выпад против «Гимна брату солнцу» — творения святого Франциска. В русской литературе встречались подобные «антифранцисканские» мотивы. Образчик такого рода творчества есть в чеховской «Чайке». Одна из героинь этой пьесы репетирует монолог, от которого веет холодом богооставленности: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазами, — словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь»[70].

(Примечательно, что свое отношение к этой «концепции» А. П. Чехов выразил словами другого персонажа той же пьесы: «Это что-то декадентское»[71].)

Следует сказать несколько слов и о других персонажах знаменитого романа — о самих братьях Карамазовых. Характеристику Ивана Карамазова можно найти в монографии «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева». Ее автор — С. М. Соловьев (1885–1941), племянник Владимира Соловьева. По словам С. М. Соловьева, Достоевский «как будто прозрел будущего Соловьева и изобразил его в Иване». Иван — единственный герой Достоевского, проникнутый духом католической культуры, и недаром Алеша в ужасе восклицает: «Ты едешь, чтобы к ним (иезуитам) присоединиться», а Иван называет старца Зосиму именем святого Франциска Ассизского «Pater Seraphicus». Надо было иметь гениальную интуицию Достоевского, чтобы в молодом человеке, для которого предание Рима было «антихристовым», предугадать автора «La Russie et l’Eglise Universelle», который в 1888 году слышал от своих русских друзей буквально слова Алеши: «Ты едешь, чтобы к ним (иезуитам) присоединиться»[72].

В устах Ивана слова «Pater Seraphicus» свидетельствуют о том, что для западника Ивана нет разницы между католичеством и православием. Но интересно, что и Алеша, любимый герой писателя, принимает характеристику Ивана: «„Pater seraphicus“ — это имя он откуда-то взял — откуда? — промелькнуло у Алеши. — Иван, бедный Иван, и когда же я теперь тебя увижу... Вот и скит, Господи! Да, да, это он, это Pater Seraphicus, он спасет меня...»

К мнению племянника Владимира Соловьева нужно относиться с должным уважением. Но все же высказывание С. М. Соловьева о своем знаменитом дяде представляется несколько спорным. Анна Григорьевна Достоевская свидетельствовала о духовной близости в 1870-х годах Владимира Соловьева к ее мужу. «Впечатление он производил тогда очаровывающее, — пишет она, — и чем чаще виделся и беседовал с ним Федор Михайлович, тем более любил и ценил его ум и солидную образованность. Один раз мой муж высказал Вл. Соловьеву причину, почему он так и к нему привязан. „Вы чрезвычайно напоминаете мне одного человека — Шидловского, имевшего на меня в моей юности громадное влияние. Вы до того похожи на него и лицом и характером, что подчас мне кажется, что душа его переселилась в вас“»[73].

В отличие от С. М. Соловьева, С. И. Фудель склоняется к мысли о том, что Владимир Соловьев был одним из прототипов Алеши Карамазова. Отечественный ис-

[69] Там же. С. 8–9.

[70] Чехов А. П. ПСС. Т. 13. М., 1978. С. 13.

[71] Там же.

[72] Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 200.

[73] Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1925. С. 78.

следователь приводит слова старца Зосимы о схожести Алеши с его умершим братом Маркелом. «И вот уже на склоне пути моего явилось мне воочию как бы повторение его. Чудно это... что, не быв столь похож на него лицом, а лишь несколько, Алексей казался мне до того схожим с тем духовно, что много раз считал я его как бы прямо за того юношу, брата моего таинственно, для некоего воспоминания и проникновения»[74].

(Великим постом 1878 года Достоевский слушал лекции Владимира Соловьева о Богочеловечестве, а в мае у него умер маленький сын Алеша.)

Далее Фудель намечает две параллельные линии духовной генеалогии: Шидловский — Достоевский — Соловьев, Маркел — Зосима — Алеша. «Конечно, во всяком схематизме есть какая-то условность, — пишет он, — но все же знаменательно, что именно молодой Владимир Соловьев сопровождал Достоевского в его поездке в Оптину пустынь, в результате которой был создан последний роман писателя и его Алеша»[75].

И еще одну параллель подмечает Фудель: «Имя Алеши — Алексея носил в миру старец Арсений — одна из светлейших фигур и Афона этих лет, и книги Парфения. Он ушел в монастырь двадцати лет. А его ученик Николай был тем „иноком Николаем с даром слезным“, о котором Достоевский вспоминает в черновых тетрадях к „Бесам“»[76].

Не только отечественные, но и зарубежные авторы упоминают имя святого Франциска в своих статьях, посвященных «Братьям Карамазовым». «Можно вспомнить один из самых знаменательных разговоров о „чуде“ в русской литературе: разговор Ивана Карамазова с Алешей перед тем, как он сообщает свою „поэмку“ о Великом Инквизиторе, — пишет Гилберт Честертон. — Чудо, которого требуют и в которое „не верит“ Иван („увижу и не поверю“), — вовсе не сверхъестественные происшествия вроде свержающихся в море гор, о которых хлопочет Смердяков. Это, на его языке, „мировая гармония“: мир, в котором мать обнимает убийцу своего ребенка. Герой Достоевского намеренно заостряет тему — но, несомненно, в вести той любви, о которой так просто говорит Франциск, есть что-то, поражающее в человеке нечто более обширное, чем разум, чем привычки пяти чувств, чем та „непосвященность“, которую обычно имеют в виду мистики: можно сказать, она поражает самую основу существования, то, что человек назовет „своей жизнью“, не только с эгоистическими, но и с благородными (такими, скажем, как ожидание справедливости) ее основами»[77].

Говоря о «русском иноке», Достоевский представляет в образе Алеши Карамазова миссию внутреннего, вернее, обращенного внутрь монашества, в том числе монашества в миру. В России после 1917 года развитие этого движения подавлялось, но за границей оно все более и более становится реальностью. Так, в начале 1960-х годов в Греции параллельными формами внутреннего монашества являлись разнообразные и многочисленные разветвления братства «Зои́»; в Сирии — служение «Движения православной молодежи» (M. S. O.) и т. п.

Одним из активных деятелей, подвизавшихся на этой ниве, был Лев Александрович Зандер (1893–1964). В 1913 году он окончил Петербургский университет, учился в Германии (1913–1914), преподавал философию во Владивостокском университете (1919–1920). В 1922 году покинул Россию и обосновался в Чехии. Став

[74] ПСС. Т. 14. С. 59.

[75] Фудель С. И. Указ. соч. С. 50.

[76] Там же. С. 123.

[77] Честертон Г.-К. «Все во всех вещах» // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1999. T. XVI–XVII. P. 265 (*перевод О. Седаковой*).

секретарем Русского студенческого христианского движения (РСХД), он работал во Франции, Латвии и Эстонии. Одну из своих статей Лев Александрович написал на тему «Монашество в творениях Достоевского (Идеал и действительность)». В отличие от других авторов, сопоставлявших старца Зосиму со святым Франциском, Л. А. Зандер обращает внимание на то, как мечты Достоевского о «монашестве в миру» находят воплощение на современном Западе. «В Римско-католической церкви мы тоже наблюдаем необычайное цветение новых форм духовности, которые должно охарактеризовать тем же термином „внутреннего монашества“, — пишет Л. А. Зандер. — Les petits fréres et les petites soeurs du Pere de Foucauld, Les pretres-ouvriers, Les equipiers sociaux (de Garric), Les compagnons d'Emmaus (de l'Abbe Pierre), Le «monastere invisible» (du P. Villan) — не являются ли все эти формы христианской любви и веры практическим осуществлением „опыта деятельной любви“, о котором говорил старец Зосима, или, в переложении на более простой язык, той программы, которую наметил для своей жизни Алеша Карамазов: „...за людьми сплошь надо, как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах“»[78].

Неожиданные параллели возникают и при сопоставлении святого Франциска с таким своеобразным религиозным явлением, как русское юродство. В 1955 году в Неаполе вышел в свет сборник «Священные огни». Его автор — поэт русского зарубежья Анатолий Гейнцельман (1879–1953) — одно из своих стихотворений назвал «Время»:

Оно уносит пустоцвет и семя,
Будь ты хотя б от юности келейник,
Носи хотя б юродивого бремя,
Будь, как Франциск Ассизский, тиховейн[79].

Здесь подмечена та специфическая сторона личности святого Франциска, которой сам он давал следующее определение: «Idiota sum». Тема «францисканского юродства» была проанализирована в статье А. М. Панченко «Юродство как зрелище», опубликованной в 1984 году. «В чем средневековое богословие видело духовный и нравственный смысл „вышеестественной любви“ к Кресту? — ставит вопрос выдающийся отечественный исследователь. — Не вдаваясь в историко-богословские тонкости, попробуем раскрыть этот смысл с помощью наглядного примера, который отыскивается в источнике несколько неожиданном, но тем не менее не случайном — в „Радости совершенной“ из „Цветочков Франциска Ассизского“. Не случаен этот источник потому, что Франциск Ассизский, как согласно отмечали разные авторы, — чуть ли не единственный подвижник римско-католического мира, в котором есть нечто от православного юродства»[80].

Далее следует изложение одного из эпизодов жития святого Франциска; текст приводится в переводе А. П. Печковского со списка Амаретто Манелли (1396): «Однажды зимою Франциск, идя с братом Львом из Перуджи к св. Марии Ангельской и сильно страдая от стужи, так поучал своего спутника: „Брат Лев, дай Бог, брат Лев, чтобы меньшие братья подавали великий пример святости и доброе назидание; однако запиши и отметь хорошенько, что не в этом совершенная ра-

[78] Зандер Л. А. Монашество в творениях Достоевского (Идеал и действительность) // Вестник РХД. № 70–71. Париж; Нью-Йорк. III–IV. 1963. С. 71.

[79] Гейнцельман Анатолий. Священные огни. Неаполь, 1955. С. 169.

[80] Панченко А. М. Юродство как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 88.

дость... Брат Лев, пусть бы меньший брат возвращал зрение слепым, исцелял расслабленных, изгонял бесов, возвращал слух глухим, силу ходить — хромым, дар речи — немым, и даже большее сумел бы делать — воскрешать умершего четыре дня тому назад[81]; запиши, что не в этом совершенная радость...

Если бы меньший брат познал все языки, и все науки, и все писания, так что мог бы пророчествовать и раскрывать не только грядущее, но даже тайны совести и души; запиши, что не в этом совершенная радость... Брат Лев, пусть научился бы меньший брат так хорошо проповедовать, что обратил бы всех неверных; запиши, что не в этом совершенная радость".

И когда брат Лев в изумлении спросил, в чем же вожделенная „совершенная радость", Франциск так ответил ему: „Когда мы придем и постучимся в ворота обители, придет рассерженный привратник и скажет: «Кто вы такие?» А мы скажем: «Мы двое из ваших братьев». А тот скажет: «Вы говорите неправду, вы двое бродяг, вы шляетесь по свету и морочите людей, отнимая милостыню у бедных, убирайтесь вы прочь!» И не отворит нам, а заставит нас стоять за воротами под снегом и на дожде... Тогда-то, если мы терпеливо, не возмущаясь и не ропща на него, перенесем эти оскорбления, — запиши, брат Лев, что тут и есть совершенная радость. И если мы будем продолжать стучаться, а он выйдет и прогонит нас с ругательствами и пощечинами, если мы это перенесем терпеливо и с весельем и добрым чувством любви, — запиши, брат Лев, что в этом-то и будет совершенная радость. И если все же мы будем стучаться и, обливаясь слезами, умолять именем Бога отворить нам и впустить нас, а привратник скажет: «Этакие надоедливые бродяги, я им воздам по заслугам!» И выйдет за ворота с узловатой палкой и швырнет нас на землю в снег, и обобьет о нас эту палку. Если мы перенесем это с терпением и радостью, помышляя о муках благословенного Христа, каковые и мы должны переносить ради Него, — о, брат Лев, запиши, что в этом будет совершенная радость.

А теперь, брат Лев, выслушай заключение. Превыше всех милостей и даров духа святого, которые Христос уделил друзьям своим, одно — побеждать себя самого и добровольно, из любви к Христу, переносить муки, обиды, поношения и лишения. Ведь из всех других даров божиих мы ни одним не можем похвалиться, ибо они не наши, но божии, как говорит апостол: „Что есть у тебя, чего бы ты не получил от Бога? А если ты все это получил от Бога, то почему же ты похваляешься этим, как будто сам сотворил это?" Но крестом мук своих и скорбей мы можем похваляться, потому что они наши, и о том апостол говорит: „Одним только хочу я похваляться — крестом Господа нашего Иисуса Христа"»[82].

Комментируя приведенный отрывок, А. М. Панченко отстаивает «национальные приоритеты»: «В своем аскетическом „вышеестественном" попрании тщеславия древнерусский юродивый идет дальше, чем Франциск Ассизский, в известном смысле он смелее и последовательнее. Он не только покорно, безропотно, „с любовью" к мучителям терпит унизительные поношения — он постоянно провоцирует зрителей, прямо-таки вынуждает их бить его, швыряя в них каменьями, грязью и нечистотами, оплевывая их, оскорбляя чувство благопристойности»[83].

Основой и оправданием подвига юродства послужило выражение апостола Павла: «Мы безумны Христа ради» (1 Кор. 4, 10). Первой по времени Христа ради юродивой была святая Исидора (сконч. ок. 365 г.), подвизавшаяся в Тавенском женском монастыре Мен (Мин). (Жизнь ее описал святой Ефрем Сирин, посетив-

---

[81] Имеется в виду евангельский рассказ о том, как Иисус воскресил «четвородневного Лазаря».

[82] Цветочки св. Франциска Ассизского. М., 1913. С. 27–30.

[83] Панченко А. М. Юродство как зрелище... С. 90.

ший пустыни Египта в 371 году.) Из других юродивых Восточной церкви известны преподобный Серафим Сидонит, преподобный Виссарион Чудотворец, святой Симеон, преподобный Фома, святой Андрей[84].

«Францисканство, как и юродство, не является строго оформленным учением, а скорее определенной манерой поведения, иногда довольно значительно отличающейся от традиционного церковно-религиозного, но не вступающего в противоречие с церковной догмой, — пишет М. Самарина. — Русское юродство также нельзя назвать определенным учением, а скорее особым маргинальным способом религиозного подвижничества и самоощущения. Явление это настолько специфично, что сам термин „юродство“ практически невозможно перевести с русского языка — несколько приближает к этому понятию выражение „божественное безумие“»[85].

Почти все юродивые Востока и некоторые из них на Руси были иноки. На Руси первым по времени юродивым был киево-печерский чернец Исаакий, скончавшийся в 1090 году. Исторические судьбы и склад древнерусского общества способствовали процветанию юродства на Руси. Ни одна страна не может представить такого обилия юродивых и примеров такого необыкновенного уважения к ним, как Древняя Русь. Как отмечает М. Самарина, «с русскими юродивыми Франциска сближает многое — странный внешний облик, который нередко контрастировал с традиционным обликом католического монаха, его стремление к общению с самыми маргинальными слоями общества (прокаженными), его крайне вызывающее бесстрашие в общении с сильными мира сего и способность высказывать им в глаза самую страшную правду»[86].

Общеизвестно смелое обличение Ивана Грозного псковским юродивым Николаем Салосом. Василий Блаженный нередко обличал Ивана Грозного; блаженный Иоанн Московский обвинял Бориса Годунова в участии в убийстве царевича Димитрия. Художественный тип юродивого древнерусской жизни создан Пушкиным в «Борисе Годунове». По мнению М. Самариной, «в пушкинском юродивом угадывается Франциск и его последователи (Антоний Падуанский и др.)»[87].

...1917 год стал трагическим рубежом в российской истории. Гонения на церковь стали неотъемлемой частью коммунистического режима, укреплявшего свою власть в стране. Об этом хорошо сказал поэт русского зарубежья Николай Оцуп:

Казалось бы, не ко двору,
Когда и большевик, и атом, —
Религия: лети в дыру,
Дружи с Иудой и Пилатом,
Не место Богу и добру
В столетии... уже двадцатом,
Где и надежда — на юру...[88]

После революции многие видные богословы и философы оказались за пределами России. В их числе был и Н. О. Лосский (1870–1965), в свое время получивший образование в Берне, а затем ставший профессором философии в Петербургском университете. В 1921 году за свое христианское мировоззрение он был лишен кафедры, а в 1922 году выслан из России. С 1930-го по 1945 год он преподавал фи-

[84] Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995. С. 297.
[85] Самарина М. Франциск Ассизский и Петербург. С. 45.
[86] Там же.
[87] Там же.
[88] Оцуп Н. Жизнь и смерть. Стихи. Париж, 1961. Т. 2. С. 155.

лософию в Праге и Братиславе, а с 1950-го по 1953 год — в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке (США). За годы своей жизни на Западе Николай Онуфриевич смог ближе познакомиться с духовным наследием Римско-католической церкви и ее наиболее почитаемыми подвижниками.

В своей статье «О единстве Церкви» (1924) Н. О. Лосский писал: «Вместо гаданий о сокровенном „духе“ Католической церкви сосредоточимся лучше на деяниях великих подвижников ее — святых Франциска Ассизского, Бернарда Клервосского и др., тогда мы проникнемся любовью к ней и она явится перед нашим взором в светлом одеянии. То же самое пусть сделает и римский католик в отношении Православной церкви, пусть он подумает хотя бы о том добре, которое творится в тиши ее обителей духоносными старцами, и поймет высокий дух, таящийся под ее скромными формами»[89].

Наиболее известной своими «духоносными старцами» была Оптина пустынь. Основанная, по преданию, в конце XIV — начале XV века, эта обитель к середине XIX века приобрела всероссийскую известность. Сюда для беседы с оптинскими старцами приезжали такие выдающиеся русские писатели, как Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, поэт А. Н. Апухтин; здесь трудились славянофилы — братья И. В. и П. В. Киреевские, Аксаковы, философы К. Н. Леонтьев, Владимир Соловьев... Здесь родились замыслы их многих произведений. Обуреваемый духовными терзаниями, сюда приезжал Л. Н. Толстой.

В ходе социальных преобразований, которые начались в России после 1917 года, Оптина пустынь постепенно начала терять источники своего существования. Положение монастыря было тяжелое; из трудоспособных монахов была организована сельскохозяйственная артель. В 1923 году она была упразднена, а бывший монастырь перешел в ведение государства и как исторический памятник был назван «Музей Оптина пустынь». В ведение музея отошли храмы, кладбище, трапезная и скит. Преемственность старчества в Оптиной пустыни была утрачена. Последние оптинские старцы — Нектарий (сконч. в 1928 г.) и Никон (сконч. в 1931 г.) — в 1923 году, как и многие другие насельники, вынуждены были покинуть родную обитель.

С того времени прошло более сорока лет, и лишь в 1987 году, накануне юбилея 1000-летия Крещения Руси, советское правительство по просьбе Патриарха Московского и всея Руси Пимена передало Козельскую Оптину пустынь Русской православной церкви. В истории Оптиной пустыни, прославленной духовными подвигами ее старцев, связанной с именами выдающихся русских писателей, открылась новая страница.

...Начало 1960-х годов было отмечено новыми гонениями на Русскую православную церковь, массовым закрытием храмов и монастырей. Но именно в это время на Западе были опубликованы поистине пророческие строки Николая Оцупа:

Казалось бы, и неба синь
Поблекла от партийной чистки...
.....
Но если видеть жизнь до дна,
В ней побеждают — вот те на! —
На Западе — Франциск Ассизский,
В России — Пустынь Оптина[90].

[89] Лосский Н. О. О единстве Церкви // Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924. С. 344–345.

[90] Оцуп Н. Жизнь и смерть. Стихи. Париж, 1961. Т. 2. С. 155.

Contents

Prose and Poetry

Valery Skoblo. Poems • 3
Alexey Kurilko. One Minute to Century. *Pseudophilosophical optimistic poem* • 7
Oleg Pavlov. Poems • 50
Sergey Kozlov. Father Niphont. Boots. Our Daily Bread. *Stories* • 56
Alexander Petrushkin. Poems • 78
Svetlana Volkova. Gentlemen and Snowmen. *Story* • 82
Dmitry Mizgulin. Poems • 96
Mikhail Spivakovsky. H.I.story of One of Ulysses. *Story* • 101
Valery Sosnovsky. Poems • 116

To the 70th anniversary of the Great Victory

«Neva»'s Poetic Memorial. Vyacheslav Kuznetsov. Mikhail Dudin. Gleb Pagirev. Pavel Aldakhin • 121
Document of Heart. Tatiana Adel. Those Who Defeated Death. *Story* • 125

Publicistic Writings

Valery Stolov. To Be Proud or to Bewail? • 135

Roundtable

Victory with Us? *Participants*: Alexander Melikhov. Vera Zubareva. Sergey Shargounov. Vyacheslav Rybakov. Calle Casper. Roman Senchin. Alexey Semkin. Natalia Crofts. Yevgeny Stepanov. Igor Soukhih. Yevgeny Berkovich. Konstantin Frumkin. Alexander Bolshev. Elena Kryukova. Vladimir Yelistratov. Mikhail Trofimenkov. Dmitry Travin. Vsevolod Nepogodin. Igor Shumeyko. *Materials of Roundtable Conference were prepared by Natalia Grantseva and Alexander Melikhov* • 139

Astana – St. Petersburg

Kazakhstan — Russia: Literary Connections. *Based on materials from the Internet. The publication was prepared by Olga Malyshkina* • 180

Petersburg Bookman

The Literature Year. Yulia Shcherbinina. Bury the Author Behind the Baseboard. (*On plagiarism and related phenomena*). **Past about Present.** Yury Govorukha-Otrok. The Competitors of Nikolsky Market. *Olga Goncharova's publication*. **Portrait of the Poet.** Grigory Benevich. «We'll still be young, friends». *About Victor Shiraly's late lyrics* • 205

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). St. Francis of Assisi and the Eastern Monasticism • 235

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью „Журнал „Нева“. Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18. Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52; e-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaeditor@gmail.com; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: http://magazines.russ.ru/neva/
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

Проект «Избранники эпохи»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

Проект «Истории Великой Рядовые»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276 и ИД «Экономическая газета» по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 42414.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:
в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923); ***льготную подписку*** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-2117, 238-4634)

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ООО „Журнал „Нева“, e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал «Нева»

Подписано в печать 25.07.2015. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 1/16. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2800 экз. Заказ № 958
Издательство «Журнал «Нева»

Отпечатано по технологии CtP
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28